

ШЕНЕЦИОБ

ПОБЕГ

ПОБЕГ

ПОБЕГ

ПОБЕГ

Кирилл Шелестов

Побег

ОТ АВТОРА

Ни одна из моих книг не предназначалась для печати. Года четыре назад у меня случился непредвиденный перерыв в делах, я искал, чем себя занять, и вдруг с удивлением обнаружил, что набрасываю какие-то заметки. Прежде чем я понял, что происходит, на свет появился «Укротитель кроликов», а следом за ним и «Пасьянс на красной масти».

Раньше я не писал романов. Эта новая и неподвластная мне потребность первое время заставляла меня нервничать и раздражаться, как дурная привычка, неизвестно откуда взявшаяся в зрелом возрасте. Все равно что начать часто моргать или, например, ломать пальцы.

Не имея представления о том, как поступать дальше со своими сочинениями, я отправил их приятелю, известному литератору, давно проживающему за границей. Вскоре он прислал мне длинное поучительное письмо, в котором авторитетно объяснял, что именно я хотел сказать этими произведениями и почему у меня ничего не получилось. Помню, как поразила меня глубина моих замыслов, и до сих пор жалею, что потерял первую часть его послания, которую вряд ли сумею передать собственными словами. Что касается другой, критической, то ее я, разумеется, сразу выбросил.

Приятель предложил опубликовать мои записки, при этом выразил готовность взять на себя хлопоты по их изданию. Я немедленно согласился, обрадовавшись тому, что разом избавляюсь от ненужных проблем. Как оказалось, это было непростительным легкомыслием. Настоящие проблемы поджидали меня впереди.

Вскоре после выхода книг в одной из губерний, где я бываю по делам, разразился страшный скандал. Губернатор, теперь уже, впрочем, бывший, и кучка приближенных к нему провинциальных олигархов вдруг нашли в моих персонажах сходство с собой, оскорбились и вскладчину объявили мне войну вплоть до полного моего истребления.

Мне незамедлительно был продемонстрирован уже знакомый зубодробительный набор, с помощью которого новая российская знать обычно выясняет между собой отношения. Вновь зазвучали набившие оскомину бандитские угрозы, последовали рейдерские налеты на бизнес, за ними — бесконечные суды, а чтобы я не скучал в перерывах, ко мне заглядывали бравые сотрудники всевозможных органов с ордерами на обыск. Обложенный со всех сторон, я отбивался, но больше как-то по привычке, без былой живости, словно целовался под аплодисменты гостей на собственной серебряной свадьбе. Эта война продолжалась полтора года, и, несмотря на значительный перевес в материальных силах, они ее не выиграли, а я не проиграл, хотя потери порой нес весьма чувствительные.

Но хуже было другое. Несколько добрых моих знакомых не на шутку на меня обиделись. Один и вовсе сообщил, что я сломал ему жизнь, разгласив его семейные тайны, после чего прекратил со мной всякое общение, включая обмен поздравительными открытками ко дню нефтяника. Я переживаю до сих пор, гадая, какую из описанных ситуаций он принял на свой

счет.

Что было мне делать? Оправдываться за неуместный творческий порыв? Доказывать, что, рисуя собирательные образы, я не имел в виду никого в отдельности? А те, кого я нечаянно имел в виду, гораздо лучше в жизни, чем в моих книгах: выше ростом и голубее глазами?

Одним словом, я плюнул на все и написал четвертый роман. Вот он.

Выпуская его в печать, я считаю своим долгом:

1. Предупредить, что все события в моих сочинениях вымышлены, а совпадения случайны. Это относится и к героям, и к их именам, таким, например, как Борис Николаевич Ельцин, Борис Абрамович Березовский и т.д.
2. Попросить прощения у всех, кто, невзирая на данное предупреждение, с тупым упорством все-таки отыщет в себе черты того или иного персонажа. Люди вообще имеют между собой некоторое сходство: у них одинаковое число конечностей, они редко бывают умны, еще реже — смелы, а честными почти не бывают, во всяком случае в России. С этим я ничего не могу поделать, даже не стану пробовать.
3. Напомнить, что книги пишут не про вороватых губернаторов и не для развлечения полуграмотных российских миллионеров. Книги пишут про любовь, ненависть, верность, предательство. Да и пишутся они сами. Без всякой цели. Это как дышать.

Кирилл Шелестов

«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.

«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;

Пусть будет он тебе единственная мета,

Пока ты тесных врат спасенья не достиг, Ступай!» —

И я бежать пустился в тот же миг.

Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Удачу мы склонны оценивать как закономерный итог своей деятельности, к ней мы всегда готовы и надеемся на нее до последнего. А неудачу — как чудовищную несправедливость, неизменно наступающую нас врасплох, из-за угла.

Долгожданный выигрыш выпал Храповицкому в понедельник, в начале четвертого, когда он, еле живой с похмелья, тащился из аэропорта, проводив, наконец, неугомонного Ивана Вихрова. Преодолевая тошноту и ломоту в суставах, Храповицкий ворочался на заднем сиденье «Мерседеса» и размышлял над тем, к кому из своих женщин сегодня отправиться.

Умнее всего было бы наскоро объехать всех, продемонстрировать свое больное измученное лицо, выслушать сочувственные причитания и сбежать вне очереди к той, к которой больше всего хотелось. Беда заключалась в том, что ни к одной не хотелось.

Зазвонил мобильный телефон, Храповицкий взял трубку.

— Пляши, мать твою! — жизнерадостно посоветовал ему грубоватый мужской голос.

После тяжелого загула мир видится иначе, в нем больше места для странностей, и Храповицкий не удивился тому, что незнакомый ему человек вместо того, чтобы поздороваться, требует, чтобы он пустился в пляс.

— Думаешь, пора? — осведомился Храповицкий и зачем-то посмотрел на часы. Для танцев показалось рановато. Во всяком случае, в его рабочем графике такого мероприятия не значилось.

— А то бы! — возмущенно откликнулся любитель плясок. — Давай, давай, Леонидыч, наяривай! Да ты не узнал, что ли? Это я, Колотушин. По регионам. Помнишь меня?

Храповицкий не то что «Колотушина-по-регионам», но даже то, что он сам «Леонидыч», припоминал смутно. Экономя угасавшие силы, он не стал затруднять себя враньем, а просто проскрипел что-то утвердительное.

— Я ведь тебе что звоню?! — продолжал весело орать Колотушин. — Поляна с тебя! Проставляйся. Главный подмахнул приказ. Только что в канцелярию бумаги на тебя ушли. В четверг приедем представлять тебя коллективу. Догнал, нет?

— Догоняю, — выдохнул Храповицкий.

Он рывком поднялся, выпрямил спину и, прижав плечом трубку к уху, поправил галстук. Теперь он осознал, что разговаривает с заместителем Романа Вихрова по региональному развитию. И что он, Храповицкий, был только что назначен руководителем «Уральсктрансгаза».

Колотушин еще некоторое время с энтузиазмом наставлял Храповицкого по поводу торжественной встречи, но Храповицкий как-то разом выпал и из разговора, и из реальности. Он оторопело смотрел то в окно, то в бестолковый затылок своего водителя и ничего не видел.

Свершилось главное событие его жизни. И женщины, и недомогание, и прочие мелочи — все сразу отступило на второй план. Он стал хозяином области.

Храповицкий тряхнул головой, приходя в себя, пошарил по карманам в поисках сигары и позвонил Виктору.

— Как дела? — поинтересовался он, чтобы с чего-то начать разговор.

— Мрак! — отрезал Виктор. В отличие от Храповицкого он даже не пытался перемочь похмелье, а с утра заправлялся коньяком. — Сiju в кабинете, в кромешной тьме. Вася устроил замыкание и сбежал.

— Зачем он так поступил? — любопытствовал Храповицкий.

— Сбежал, чтоб я его не прибил. А замыкание устроил потому, что дятел натуральный. Ему с утра детектор лжи привезли, который он еще зимой заказывал. Якобы американский, чуть ли не из ЦРУ его сперли, а на самом деле поди где-нибудь у нас в ремонтном цеху и замастрячили. А с Васи зеленью взяли от души. Короче, Вася засел в своем кабинете охрану

пытать: ворует она у него деньги из сумки или нет? А без детектора это ему не понятно. Да на Васину рожу только глянешь, сразу украсть что-нибудь охота!

— Ну и как, признались?

— Не успели! — фыркнул Виктор. — Он с водителя начал. Только включил свою хреновину, она как шарахнет током! Тот бедолага аж в угол улетел. Еле откачали! Ну и пробки в нашем крыле повышибало. Разряд был, вольт, наверное, с тысячу! А может, и больше, я в этом не понимаю. Такой переполох поднялся! Народ забегал, думал: очередная провокация Лихачева. Сейчас тут электрики возьмется, обещают через двадцать минут починить. А Вася куда-то под шумок свалил. Может, Ольгу пытать поехал.

— Ясно, — вздохнул Храповицкий. — А у меня тут тоже одна фигня приключилась. В общем, похоже, меня утвердили.

Виктор надолго замолчал.

— Где утвердили? — недоверчиво уточнил он. — Там, что ли?

Он не решался спрашивать открыто, словно боялся спугнуть удачу неосторожным словом.

— Ну, да, — подтвердил Храповицкий. — Там.

И вопрос, и ответ были на редкость дурацкими. Но они поняли друг друга. Виктор затаил дыхание, потом с шумом выдохнул.

— Выходит, не зря мы столько бабок спалили!

— Не зря, — согласился Храповицкий.

— Вот область завтра вздрогнет!

— Еще как!

Оба торжествующе расхохотались.

— Ты где сейчас находишься? — спохватился Виктор. — Приезжай скорее, отметить же надо!

Храповицкому и самому уже не терпелось отпраздновать великое событие.

— Да еду, еду! Кстати, в четверг к нам Вихров лично прибывает, меня назначать. Представляешь? Обычно он замов присылает, но тут случай особый, — в следующую секунду Храповицкий уже устыдился этого приступа тщеславия и поспешил перевести разговор в другое русло: — Я к тому, что напиваться не надо. Нам еще целую неделю пьянствовать. Нужно рассчитать дистанцию.

— Само собой, — уверенно поддержал Виктор. — Когда же мы много пили? 2

Рассчитать дистанцию, конечно же, не получилось.

Обмывать такое торжество вдвоем им показалось скучно; они послали за Васей, Плохишом и Пахомом Пахомычем, а сами расположились в комнате отдыха, примыкавшей к кабинету Храповицкого. Прибыв и услышав новость, соратники пришли в восторг, бросились обниматься и поздравлять друг друга.

Ближе к шести вечера секретарша Лена доложила, что приехал начальник областной ФСБ Зайцев. Высокий, худой, лет под шестьдесят, с выступающим острым кадыком, Зайцев косил

в пол и двигался осторожно, словно боялся наступить на мину. Храповицкий поднялся ему навстречу.

— Я, собственно, на минуту, поздравить, — тихим голосом заговорил Зайцев, пожимая протянутую руку.

— Откуда же вы узнали? — простодушно удивился Пахом Пахомыч. — Вроде это еще секрет.

— А кто, по-твоему, наши телефонные разговоры слушает? — фамильярно и вместе с тем подобострастно ухмыльнулся Плохиш. Бандитское прошлое заставляло его испытывать неловкость в присутствии людей из органов.

Зайцев не ответил, поспешно пожелал Храповицкому успехов в новой работе, чокнулся с ним и стоя выпил. Минут через двадцать появился прокурор области, тоже с поздравлениями. Он, старчески кряхтя, троекратно обнялся с Храповицким, потерся мягким шишковатым носом о его жесткую щеку с проступившей щетиной и, бросая вызов своим годам, лихо хватил штрафную.

Не успел прокурор расположиться на диване, потеснив оробевшего Плохиша, как откуда-то возник прокурорский племянник, круглый, суетливый и глупый молодой человек, которого Храповицкий едва знал. Племянник привез в подарок картину, на которой обнаженная красotka млела в чешуйчатых лапах дракона. Сюжет был модным среди провинциальной деловой элиты, и подобные произведения искусства часто встречались в кабинетах бизнесменов. Позже их сменили портреты президента и иконы.

Прокурор картину не одобрил, а Зайцеву она, напротив, понравилась. Они немного поспорили, и все выпили за Храповицкого.

Между тем новость о назначении стремительно разлеталась по губернии, и карусель поздравлений набирала обороты. Несмотря на то что рабочий день уже закончился, телефон Храповицкого звонил, не умолкая, в его кабинете появлялись все новые и новые люди. Приехал Пономарь с каким-то банкиром из Петербурга, потом директор крупной строительной корпорации, начальник городской ГАИ, главный врач областной больницы и еще много кого. Мест уже не хватало, хотя охрана несколько раз приносила дополнительные стулья из приемной.

Часов в восемь вечера объявился председатель губернской думы Щетинский, веселый, разбитной, вечно пьяненький старичок.

— Ух ты, народу сколько к тебе набежало! — сетовал он, обнимаясь с Храповицким. — Я думал, один буду, а тут и без меня сажать некуда.

— Всех посадим, не бойся, — успокоил его прокурор. — Никого не обидим.

Все засмеялись этой расхожей прокурорской шутке, и Щетинский полез целоваться с гостями. Эти застолья были его стихией, он их обожал и не пропускал ни одного мероприятия. Взяв инициативу в свои руки, он вскоре сыпал анекдотами, порол всякую чушь и пил одну рюмку за другой, принуждая к этому и остальных.

Когда Щетинский провозглашал очередной тост, Вася вдруг сосредоточенно икнул, подался вперед и боком упал под стол. Все слегка растерялись, а Щетинский почему-то обрадовался.

— Вот это номер! — заливался он мелким смехом. — Гляди, как его развезло! Теперь до утра не очухается.

— Измена! — стукнул кулаком по столу Виктор. — Вася дезертировал с боевого поста!

— Наказать штрафной! — огласил вердикт Храповицкий. — Ввести через клизму.

— Может, его хоть на диван в приемную перенести? — сочувственно предложил прокурорский племянник. — А то пиджак жалко. Испачкается весь. Хороший же пиджак, сразу видать.

— Нельзя, — сурово остудил его Виктор. — Он всегда на полу спит. Десантник. Морпех.

Племянник не понял, шутит ли Виктор или говорит правду, но возражать не стал. После этого эпизода веселье приняло беспорядочный характер. Голоса становились все громче, гости кричали наперебой, пили уже не только за Храповицкого, но за его детей, родителей и даже его женщин. Пили и за крепкую мужскую дружбу, и за Россию.

Хотя Храповицкий был изрядно пьян, его ухо, не утратившее чувствительности, различало новые нотки, звучавшие в поздравлениях и панегириках. Особенно заметно поменялась интонация чиновников. И прокурор области, и начальник ФСБ, и другие федеральные руководители теперь держались с ним подчеркнуто почтительно. Он уже был не просто самым богатым человеком в губернии, он сам стал высокопоставленным чиновником. К деньгам он добавил власть, приумножив свои возможности.

Ближе к одиннадцати зазвучали призывы спеть, и Зайцев засобирався домой. Храповицкий и Виктор вышли его провожать, за ними увязался Щетинский в обнимку с шатавшимся Пахомом Пахомычем. Зайцев замедлил шаг и наклонился к Храповицкому.

— Я, собственно, насчет Лихачева хотел предупредить, — отрывисто проговорил он. — По моим сведениям, он что-то такое затевает. Какой-то сюрприз неприятный.

Храповицкий недобро усмехнулся.

— Поздно он спохватился, — враждебно ответил он. — Теперь моя очередь ему сюрпризы готовить.

Пьяный Пахом Пахомыч поймал обрывок их разговора.

— Он — садист! — вдруг с ожесточением выкрикнул он. Но этого определения ему показалось мало. — Садюга! Садюга самый настоящий. Я на него теперь жаловаться буду! Раньше боялся, а теперь — буду!

Озадаченные внезапной вспышкой, все посмотрели на Пахома Пахомыча.

— Да тише, тише, — успокаивал его Щетинский, прижимая к себе. — Забудь ты о нем.

— Я ему ничего не забуду! — распалялся Пахом Пахомыч, вырываясь из его объятий. — Я ему всю жизнь мстить буду! Он мне пистолет бандитский подбросил и в камеру посадил к уголовникам. Запугивал меня!

— Работа у него такая, — пробормотал Зайцев. Лихачев был выходцем из того же ведомства, что и Зайцев, и открыто ругать его Зайцеву представлялось некорректным. — Хотя я, конечно, его нынешних методов не одобряю.

— Работа тут ни при чем! — уперся Пахом Пахомыч. Он был красный, как рак, разгоряченный и злой. — Он этот — приговорщик! — от волнения он перевирал слова.

— Какой еще приговорщик? — уцепился Виктор, которого забавляла ярость Пахом Пахомыча. — Что-то я тебя не пойму.

— Который приговоры выносит! То есть не выносит, а выполняет! — захлебывался Пахом

Пахомыч.

— Да палач же, дурья башка! — вмешался Храповицкий. — Ты, наверное, палача в виду имеешь.

— Ему людей мучить нравится! Унижать! Он на мою девушку клеветал, что она с Вовой живет за моей спиной! Чтоб я на Вову показания подписал!

— Но ведь ты же не подписал? — спросил его Храповицкий и посмотрел на него в упор.

Пахом Пахомыч враз осекся.

— Я? Нет! Я ничего не подписал! — выпалил он. — Я ему в лицо плюнул.

— Ну, в лицо ты ему, положим, не плевал, — рассудительно возразил Храповицкий. — Это ты сейчас расхрабрился.

— Да и бумажки-то, может, подмахнул, — вкрадчиво предположил Виктор.

Пахом Пахомыч был оскорблен до глубины души.

— Дурак ты! — бросил он Виктору. — Тебя бы самого в тюрьму арестовали. И Лихачева к тебе в придачу, — он чуть не плакал от обиды.

— Да он дразнит, шутит, — добродушно уговаривал Щетинский, похлопывая его по спине. — Не обращай внимания.

— А насчет Лихачева вы все-таки имейте в виду, — напоследок шепнул Зайцев Храповицкому.

Тот кивнул, показывая, что принял сообщение к сведению.

— Губернатор-то тебя еще не поздравлял? — спросил Щетинский, чтобы сменить тему. — Не звонил?

— А ведь действительно не поздравлял! — спохватился Храповицкий.

— Как же так? — возмутился Виктор. — Вот это друг называется!

— Поди, завтра с утра приедет, — примирительно заметил Щетинский.

— Куда ж он теперь денется! — задиристо подхватил Виктор. — Зима на носу, а за ней и выборы. А ну как мы ему тарифы на газ поднимем? Нам-то плевать. Мы себе домой газ в авоськах с работы натаскаем. А его без нас не то что губернатором, дворником не выберут! Верно говорю?

— Молодые вы еще, — снисходительно покачал головой Щетинский. — Горячие. Опаски в вас нету. Жизнь вас не била.

Празднование в кабинете Храповицкого продолжалось до глубокой ночи. Оставив гостей, часть которых уже спала на диванах, а другая собиралась ехать кто куда, Храповицкий обнаружил, что на ногах он стоит нетвердо, вернее, не стоит вовсе. Поддерживаемый с двух сторон охраной, он выбрался из здания, упал на заднее сиденье машины и велел отвезти себя к Марине.

С Мариной он уже год находился в процессе развода, но каждый раз, когда напивался, его почему-то влекло к ней. Приезжая, он устраивал скандалы на предмет ее неверности. Особых оснований для упреков у него вообще-то не было, но мысль о том, что женщина, в которую он

вложил столько сил и средств, достанется другому, его бесила. А в том, что она непременно кому-нибудь достанется, сомнений у него не возникало.

Марина уже знала о его повышении и в глубине души была польщена тем, что он приехал именно к ней, пусть даже очень поздно и совершенно пьяный. Она безропотно смотрела, как охрана заносит его в гостиную и укладывает на кушетке, при этом Храповицкий пытался сказать ей что-то нелicenseприятное.

Когда они остались одни, она с трудом перетащила его в спальню и сама раздела. Храповицкий придирчиво следил за ее действиями и, еле ворочая языком, высказывался в том смысле, что порядочная женщина штаны с мужчины стаскивать не будет. Она не спорила в ответ и, как он ни старался, ссоры не вышло.

Засыпал он, ворча на ее неспортивное поведение. Но в целом от прошедшего дня у него сложилось приятное ощущение, что он сделался умнее и лучше. И что окружающие стали относиться к нему теплее и душевнее.

3

На следующий день в приемной Храповицкого царило столпотворение. Никаких официальных сообщений в прессе еще не последовало, однако вся губерния только об этом и говорила. Когда Храповицкий появился на работе позже обычного, опухший, но нарядный, его уже ждали и на него сразу обрушился шквал поздравлений. Звонили, присылали телеграммы и приезжали высокопоставленные чиновники, мэры городов, крупные бизнесмены, мелкие коммерсанты и директора заводов. Половину из них Храповицкий не различал ни в лицо, ни по фамилии, но встречал всех радушно, показывая, что ничуть не переменялся и не собирается этого делать.

В среднем на делегацию отводилось минут по пятнадцать по стандартному сценарию: приветствие, вручение подарков, пышный тост за хозяина, короткая благодарность Храповицкого, легкие закуски и прощание. Некоторые, пользуясь случаем, ухитрялись обратиться к нему с просьбами. В день своего торжества он никому не отказывал, только виновато улыбался и просил дать ему время разобраться в делах.

Часа в четыре позвонил губернатор. Сдержанно поздравив Храповицкого, он извинился, что не может приехать лично, поскольку его срочно вызывают в Кремль в связи с предстоящим визитом президента в Уральскую область.

Лисецкий действительно летел в Москву, но, конечно, при желании мог бы выбрать минутку и заглянуть к Храповицкому. Просто делать этого губернатор не захотел. Ему уже доложили, что к Храповицкому все кинулись сломя голову, и, хотя Лисецкий сам приложил руку к этому назначению, он испытывал невольную досаду. Он всегда раздражался, когда в центре внимания оказывался кто-то другой, а не он. Поэтому он давал понять Храповицкому, что у него, губернатора крупнейшего в России региона, есть дела поважнее дружеских застолий. Храповицкий все понял и со всем уважением заверил Лисецкого, что приедет к нему сам, как только тот вернется из столицы.

В промежутках между официальными посетителями вторгались подчиненные, и, судя по их разгоряченным лицам, в холдинге царило бурное веселье. Были и вовсе курьезные случаи. Так, к нему прорвался одноклассник, которого Храповицкий не видел лет двадцать и вряд ли бы узнал, встретив на улице. Одноклассник поведал, что последние годы пытался заниматься свиноводством в деревне, но неудачно, и вот теперь ему необходимо две с половиной тысячи долларов, чтобы расплатиться с долгами. Деньги Храповицкий ему дал, после чего тот, помявшись, осведомился, а нельзя еще взять его, одноклассника, к себе на работу, раз уж так сложилось? Храповицкий обещал подумать.

К концу рабочего дня Храповицкий чувствовал себя роботом с подсевшим аккумулятором, который со скрежетом вскакивает при появлении новых гостей, твердит одни и те же фразы и механически выпивает, точнее, подносит бокал к губам, потому что если бы он действительно пил со всеми, то давно бы упал.

Пока Храповицкий принимал поздравления, свергнутый с царства Покрышкин, постаревший и жалкий, томился в приемных Газпрома, в Москве. Сам Вихров Покрышкина не принял, и даже его первый заместитель, прежний приятель Покрышкина, от встречи с опальным руководителем уклонился, сославшись на важное совещание. Общаться Покрышкину пришлось с Колотушиным, заместителем по региональному развитию, который с наигранным оптимизмом объявил ему решение начальства в отношении его дальнейшей участи. Приговор был таким: Покрышкина оставляли в совете директоров. Это означало тесный кабинет, старую машину, небольшой пенсион. И, собственно, все.

Колотушин посмотрел в серое, обвисшее лицо Покрышкина и прибавил, что сохранить Покрышкина в рядах Газпрома просил Храповицкий лично.

— Ценит, значит, он твой опыт, — ободряюще заметил Колотушин. — Рассчитывает на тебя.

Покрышкин горько усмехнулся. Он понимал, что даже эту жалкую подачку Храповицкий кидал ему не в порыве великодушия, а потому что у Покрышкина имелись документы по их прежним совместным сделкам. Эти бумаги компрометировали обоих, но Храповицкий опасался их больше, поскольку он оставался в обойме, а Покрышкин выпадал.

К объяснению в Москве Покрышкин готовился давно. Он не раз обсуждал с доверенными заместителями свою отставку, и они все сходились на том, что Храповицкому есть чего бояться. Они считали, что Храповицкий будет предлагать Покрышкину за его молчание должность никак не ниже председателя совета директоров. Во время этих тайных совещаний они выпивали, и Покрышкин, пропустив рюмку-другую, клялся, что уйдет с гордо поднятой головой, хлопнув на прощанье дверью. Что подачек от этого проходимца Храповицкого он не примет. Что он, Покрышкин, человек, известный всей стране. Что он лучше умрет стоя, чем будет жить на коленях.

Заместители ему безоговорочно верили, восхищались силой его духа и уважительно пили за его мужество, сознавая, что сами они подобными достоинствами не обладают, будут цепляться за свои должности до последнего и готовы жить на коленях, даже на четвереньках.

Однако сейчас, в газпромовской высотке, Покрышкин вдруг совсем растерялся. Он сидел в кабинете чиновника, который еще недавно привечал его и с благодарностью брал от него подарки, а теперь разговаривал с ним как с инвалидом, не зная, как отделаться. Покрышкин чувствовал, что вокруг все необратимо изменилось, что он одинок и всеми предан.

Бывший генеральный директор сглотнул и спросил непослушным голосом, нельзя ли все же рассмотреть такую возможность, чтобы назначить его на какую-нибудь хозяйственную должность. Где он мог бы работать и приносить пользу. Потому что он чувствует себя, так сказать, еще полным сил. В переводе на простой русский язык это означало, что он хочет получить в руки какой-нибудь государственный финансовый ресурс, от которого мог бы отщипывать.

Колотушин покачал головой, отвел глаза и ответил, что никак нельзя. Что либо член совета директоров, либо вообще ничего. Покрышкин часто, по-собачьи, задышал и согласился.

В Уральск он возвращался ночным рейсом, и те, кто летели с ним из Москвы, рассказывали, что в VIP-зале аэропорта Покрышкина никто не видел. То ли он прятался, то ли нарочно опоздал, чтобы избежать случайных встреч и расспросов. В салоне самолета он появился

последним и с таким вызовом оглядел пассажиров, что те, кто его знали, пробормотали приветствия и поспешно отвернулись. Всем показалось, что Покрышкин был нетрезв, раздражен и как-то несколько не в себе.

Все время полета он сидел, уткнувшись в иллюминатор, и не реагировал на обращения к нему стюардессы, предлагавшей то ужин, то напитки. А когда самолет приземлился, то некоторым, исподтишка за ним наблюдавшим, почудилось даже, что из-под его зажмуренных глаз текли слезы, и старческие бульдожьи щеки дрожали.

Кстати, Храповицкий мог и не бросать Покрышкину кость с советом директоров. Документы, которых побаивался Храповицкий, Покрышкин уже передал через Гоз-данкера Лихачеву, о чем Храповицкий пока еще не знал.

Второй день своей новой жизни Храповицкий закончил беспечно, в кемпинге у Плохиша. Впервые за время их совместных мальчишников Храповицкий остался там до утра, взяв с собой в номер двух восемнадцатилетних девчонок, одна из которых очень напомнила ему Марину в юности.

4

Накануне прибытия Вихрова Храповицкий твердо решил сделать паузу в череде непрерывных попок, начатых еще на прошлой неделе. И, промучившись на работе несколько часов, сразу после обеда отправился домой отлеживаться.

Последнее время Храповицкий жил один. Недавно он, набравшись духу, объявил Олесе о разрыве отношений и выдворил ее, рыдающую и бьющуюся в истерике, из своего дома, отправив в большую квартиру, давно ей подаренную. Приличный пенсион он ей сохранил, и на память о себе позволил взять двух собак, в том числе и ньюфаундленда Дика. Дик был его любимцем, но к Олесе был привязан больше, и Храповицкий понимал, что, редко бывая дома, он не в состоянии уделять время псу.

Холостяцкая жизнь была для Храповицкого внове, она имела свои достоинства и недостатки. Прежде, например, Олеся готовила ему превосходные завтраки и руководила действиями домработницы, старательной, но глупой женщины, не понимавшей назначения многих бытовых предметов, купленных за границей. Теперь Храповицкому приходилось по утрам есть то, что присылал ему из своего ресторана Пахом Пахомыч, тратить часы на поиски необходимых ему вещей и обреченно воевать с обслугой, которая портила его дорогую одежду, засовывая ее в стиральную машинку, вместо того чтобы отнести в сухую чистку. Счет шел на десятки тысяч долларов, не говоря уже о безвозвратно погубленной красоте.

Зато теперь он возвращался домой легко, не накручивая себя и не готовясь к неизбежным скандалам. Он даже несколько раз привозил к себе женщин, от чего совсем было отвык. Радость свободы пока что перекрывала неудобства, и Храповицкий не спешил замещать вакансию одной из многочисленных претенденток.

Едва Храповицкий успел снять пиджак и галстук, как ему доложили, что приехала Олеся. Ругая про себя ее навязчивость, Храповицкий велел охране открыть ворота и вышел к ней мрачнее тучи.

Глаза Олеси блестели, кукольное лицо было тщательно раскрашено. На ней было длинное кожаное пальто и короткая юбка, каких она не носила уже года два. И избыточность ее макияжа, и откровенность наряда его только разозлили. К тому же она надела сапоги на высоком каблуке, что он не поощрял, поскольку не любил смотреться ниже ее.

— Я хочу свой костюм забрать, — заученно улыбаясь, затараторила Олеся, прежде чем он успел что-то сказать.

Было заметно, что она побаивается и нервничает, а потому держится с неестественной оживленностью. — Помнишь тот, золотистый, на больших пуговицах, который ты мне в Италии покупал? Я его собираюсь к маме на день рождения одеть. У нее юбилей скоро, ты не забыл?

Поскольку он выселял ее в спешке, то часть ее вещей, преимущественно летних, осталась в его доме. Он велел их упаковать, но отправить ей не успел.

— Забирай все, — неласково ответил он. — И не надо больше сюда приезжать.

— Я же не знала, что ты сегодня дома! — возразила она. — Я думала, ты на работе.

Он окинул ее взглядом с головы до ног.

— Ну да, — саркастически пробормотал он. — Не знала ты. Рассказывай.

Он был уверен, что она караулит его и шпионит за ним. И в целом он был прав. Подобно многим брошенным женщинам, Олеся до конца не верила в серьезность их разрыва. Им случалось крупно ссориться и раньше, порой он ее выгонял, но она всегда благополучно возвращалась. Она надеялась, что и на этот раз все постепенно уляжется, надо лишь набраться терпения.

— Я теперь одеваюсь как хочу, — ловя свое отражение в зеркале, кокетливо заметила она. — Я же свободная девушка.

Это была совсем никудышная провокация. Он даже не стал отвечать, просто ушел в малую гостиную, завалился на черный, расшитый золотом диван от Версаче и включил телевизор. Он слышал, как она бегала вверх и вниз по лестницам, и неприязненно гадал, сколько же нужно весить, чтобы так топтать?

Через полчаса она возникла на пороге, на ее лице не было и следа той веселости, которую она демонстрировала при встрече.

— Я хочу знать, кто эта тварь, на которую ты меня променял? — срывающимся голосом проговорила она. — Ты вчера опять ночевал у нее?

— Какая тебе разница, где я ночую? — не поворачивая к ней головы, ответил он.

— Потому что все из-за этой шлюхи! — выкрикнула Олеся и разрыдалась. — Как она появилась, я стала тебе не нужна!

Он состроил гримасу и, схватив пульт, прибавил звук телевизора. Лишь такая идиотка, как Олеся, могла решить, что он порвал с ней по причине появления новой любовницы. Любовниц у него всегда хватало, среди них регулярно появлялись и новые, но, по его глубокому убеждению, это не должно было отражаться на его семейной жизни с пятью постоянными женщинами. Просто Олеся его достала.

Дальше начался спектакль, который он видел многократно. Олеся, рыдая, бросилась перед ним на колени и умоляла не разрушать того, что у них есть, не ломать ее и свою жизнь. Некоторое время он с тоской слушал эту околесицу, потом поднялся, перебрался в спальню на второй этаж и закрылся на ключ.

Шум внизу затих, и он уже начал надеяться, что она уезжает. Но не тут-то было. Она постучалась в дверь и с надрывом объявила, что наглоталась снотворных таблеток и сейчас умрет.

Он закатил глаза и застонал сквозь зубы. Ему было стыдно за нее и жаль себя, кумира

губернии, который вместо заслуженного отдыха должен терпеть эти дикие сцены.

— Что ты лежишь? — взывала она к нему из-за двери. — Ты собираешься что-нибудь предпринимать?!

— Конечно, — отозвался он хмуро. — Я собираюсь заказать тебе венок от Шанель. Лично его выберу.

Раздался новый взрыв рыданий, и она бросилась вниз. Через минуту он услышал, как она вызывает себе скорую помощь. Храповицкий кубарем скатился с лестницы, вырвал у нее из рук телефон и швырнул прочь.

— Дура! — рявкнул он. — Не делай из себя посмешище! Завтра же об этом будет говорить весь город!

— И пусть говорит! — воскликнула Олеся. Она стояла бледная, заплаканная, в разводах косметики, трагическая, как привидение. — Завтра я уже умру! Ты ведь этого хочешь?

Она и впрямь была не на шутку испугана тем, что натворила. Огласки он не мог допустить и, выругавшись, принялся звонить главному врачу областной больницы. Тот срочно выслал бригаду, пообещав полную секретность. Пока медики ехали, Олеся, запершись в ванной, пыталась промыть себе желудок. Он с отвращением слушал, как она давилась и кашляла, вызывая у себя рвоту, и бесился оттого, что не выгнал ее сразу. Прибывший доктор хотел было продолжить процедуру промывания, но Храповицкий категорически этому воспротивился, требуя, чтобы Олесю немедленно забрали в больницу для тщательного осмотра.

Как только ее увезли, он снова позвонил главному врачу и попросил, чтобы ее продержали там недели две, не меньше. Главврач понимающе хмыкнул и пообещал сделать все, что в его силах. После этого Храповицкий наконец упал на постель и заснул как убитый.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В четверг, сумрачным ноябрьским утром Храповицкий подъезжал к аэропорту с небольшой свитой. Он чувствовал себя собранным, но слегка подавленным, как это порой бывает перед важными событиями, меняющими нашу жизнь. Когда он сворачивал с трассы к пропускному пункту, солнце, редкое в эту пору, вдруг прорвало завесу свинцовых облаков и, отражаясь в придорожных лужах, залило ярким светом приземистые здания аэропорта. Храповицкий сразу повеселел, словно получил добрую весть.

Пружинящей походкой, впереди заместителей, которым передавался его задор, он взбежал по лестнице VIP-зала, распахнул дверь в специальную комнату для банкетов, именую в просторечии «банкеткой» и застыл, неприятно пораженный. Во главе стола, накрытого по заказу Храповицкого для Вихрова, сидел Лисецкий, а рядом — директор аэропорта, Ковригин, смуглый красавец лет сорока, похожий на цыгана. По правую руку от губернатора располагался начальник областного УВД Поливайкин, толстый, шумный, с золотыми зубами и в расстегнутом мундире. Был еще вице-губернатор по сельскому хозяйству Калюжный, совсем необхватный, с потной лысиной. Они беззастенчиво поедали и выпивали то, что предназначалось отнюдь не им.

— А мы тебя караулим! — весело приветствовал Храповицкого губернатор. — Что, не ожидал? Ха-ха!

Храповицкий заставил себя улыбнуться.

— Честно говоря, нет, — смущенно пробормотал он, проходя и пожимая руку сначала Лисецкому, а потом и остальным. — Я думал, вы в Москве.

— А я и был в Москве! Только что приземлился. Мне сказали, что ты вот-вот подъедешь, я и остался. Думаю, и с другом повидаюсь, и Вихрова заодно уважу. А то обидится, что я не встретил. Правильно рассуждаю?

Храповицкий, который все еще не опомнился от неожиданности, кивком подтвердил справедливость губернаторского решения. На самом деле он вовсе не был уверен, что присутствие Лисецкого пойдет на пользу предстоящему мероприятию. Конечно, было бы неплохо показать Вихрову свою близость с губернатором. С другой стороны, Лисецкий привык, чтобы все прыгали вокруг него, а прыгать предстояло вокруг Вихрова.

— Как у вас прошли переговоры в Кремле? — вежливо поинтересовался Храповицкий, опускаясь в кресло так, чтобы не помять отутюженный пиджак.

— Нормально, — отмахнулся Лисецкий. — С этим визитом уже тысячу раз все обсуждали, не знаю, чего они так дергаются. Тем более что Борис Николаевич всего на один день к нам прибывает. Я уж заодно и Калюжного с собой прихватил, хотел с ним к министру по сельскому хозяйству попасть, а тот, оказывается, за границей. Пришлось с его первым заместителем разговаривать.

— Тоже неплохо, — жуя, промычал Калюжный.

— Вон как! — накладывая себе в тарелку селедки, неодобрительно заметил Поливайкин. — А что ж он сам не остался-то? Министр-то? Мог бы, я считаю, и подождать с заграницей. Если в курсе был, что вы к нему прибываете.

Столь топорная лесть Храповицкому претила, он не понимал, как она может нравиться губернатору и зачем он ее допускает. Словно угадав его мысли, Поливайкин хитро ему подмигнул и осклабился, сверкнув золотыми зубами. Храповицкий вспомнил про Зайцева и склонился к губернатору.

— По моим сведениям, Лихачев какую-то провокацию готовит, — тихо произнес он. — Вам ничего такого не докладывали?

— Это Зайцев, что ли, тебя запугивает? — фыркнул губернатор, мгновенно и безошибочно угадав источник информации. — Он и мне эти песни пел. Слушай ты его больше! Работа у него такая: сплетни собирать. Давай-ка вон у Поливайкина спросим. Что там у нас с Лихачевым? — повернулся он к начальнику УВД.

Вопрос ничуть не удивил Поливайкина. Он был к нему готов.

— А ничего! — бодро пожал он круглыми плечами, придвигаясь ближе. — Выпивает он. Лихачев-то. Прямо с воскресенья как залудил, так без продыха. Видать, заело его на конкурсе для красавиц. Ущучил его Владимир Леонидович, вот он и снимает, как говорится, стресс. Я, конечно, не в осуждение рассказываю, — поспешно прибавил Поливайкин. — Дело-то понятное. Расстроился человек. Как ему еще лечиться? Чай, что ли, с медом употреблять?

Было заметно, что к безалкогольному выходу из стресса начальник УВД относится скептически.

— А Зайцев, по-твоему, все выдумывает? — недоверчиво покачал головой Лисецкий. — Интригует? Так?

Лисецкий обычно не упускал случая исподтишка подтравить генералов друг на друга. И хотя Поливайкин отлично знал эту губернаторскую привычку, он все равно отреагировал.

— Не знаю я, чего он там вам наплел, — недовольно заворчал он. — А только мне про Лихачева все досконально известно. Вы как только мне на той неделе намекнули, что Лихачев, значит, создает в области нездоровую атмосферу, Владимира Леонидыча нашего совсем затравил, — он неприметно для других, приятельски щипнул Храповицкого за бок, — я сразу за ним наружку пустил. Так что он у меня под круглосуточным наблюдением. Обо всех его передвижениях лично мне докладывают.

— Я тебе про наружку распоряжений не отдавал, — предостерегающе одернул его губернатор, бросив встревоженный взгляд на Храповицкого.

Его покорило, что Поливайкин в азарте выбалтывал их общие секреты. Ни Лисецкий, ни Поливайкин не имели никакого права самостоятельно устанавливать наружное наблюдение за начальником областной налоговой полиции, это было грубым нарушением и закона, и чиновничьей этики. Храповицкому, впрочем, инициатива Поливайкина явно пришлась по душе. Он подумал, что начальник УВД отработал хотя бы часть полученных взяток, и прикрыл глаза, давая понять Поливайкину, что оценил его усердие. Но Поливайкин и без ободрения Храповицкого не собирался сдавать назад.

— А мне долго объяснять не надо, — с рассчитанной дерзостью ретивого подчиненного парировал он. — Я привык на лету ловить. С наружкой оно надежней будет. Вчера у его первого зама внук родился. У Наумова-то. Так они, значит, у него дома и отмечали. И Лихачев был, и вся ихняя верхушка. Два зама и третий по оперативной работе. Видать, прямо на работе начали, а потом уж к тому домой поехали, ну и, как полагается, до поросычьего визга. Часа в два ночи Лихачев от него выбрался, не раньше. Тащили его волоком, — прибавил он, дабы ни у кого не оставалось сомнений в степени опьянения генерала Лихачева.

Ковригин кашлянул и завозился.

— А может быть, Лихачев нарочно? — вдруг подал голос он. — Притворяется? Узнал, например, что за ним следят, и устроил представление. Чтобы всем глаза отвести. А сам что-нибудь химичит.

Ковригин был карьеристом и не доверял никому. Своим обширным хозяйством, например, он управлял единолично, обязательно присутствуя при отлете и прилете всех первых персон. И даже когда его не было, ему по телефону докладывали список особо важных пассажиров на каждый рейс. И он оперативно решал, кого приглашать в банкетку, а кого нет.

Поливайкин подался вперед и сердито крикнул.

— Он те что, Лихачев? — в упор спросил он Ковригина. — Он те кто, я тебя спрашиваю? Чтоб те и водку пить, и, значит, притворяться?! Он те еврей, что ли? Ты вот своей головой подумай! — Поливайкин, ища поддержки, посмотрел на Храповицкого и тут запоздало догадался, что в национальном вопросе следовало быть осторожнее.

— Он же тебе не чукча какой! — наспех поправился Поливайкин. — А нормальный человек. Его домой на руках заносили. Да ты сам попробуй! — наседали на Ковригина. — Ты литр водки выпей. А потом я погляжу, как ты умным прикидываться будешь! Вот хоть прямо сейчас! Перед Егор Яковлевичем! Что ж ты сразу пришипнулся?

— Да ты не заводись, — посмеиваясь, проговорил губернатор. — Ковригин свое мнение высказывает. А тебе слова поперек не скажи!

— А зачем мне поперек говорить? — не унимался Поливайкин, сверля Ковригина зверским

взглядом. — Я без малого двадцать пять лет фуражку на голове ношу. Пусть он свое мнение жене высказывает. А меня учить не надо! Я сам кого хочешь научу.

Калюжный, слыша, как разошелся Поливайкин, перестал жевать и поднял круглое, красное лицо.

— Я вот одного в толк не возьму, — произнес он, удивленно хлопая маленькими пороссячими глазками. — И чего только Лихачеву не хватает? Вроде все у человека имеется. Другой бы на его месте бамбук курил, а он — вон что.

Сидевшие за столом повернули головы в его сторону. Под их уничижительными взглядами Калюжный смутился и не закончил фразу.

Вопрос, признаться, и впрямь был глупым. Лихачеву, как и всем остальным, не хватало того, чего у него не было. А то, что у него уже имелось, в счет не шло.

Ковригин не стал продолжать спор с Поливайкиным. Он посмотрел на часы.

— Пора, наверное, на полосу выходить, — деловито проговорил он, поднимаясь. — Сейчас самолет Вихрова садиться будет. На полчаса задержались. Я, кстати, велел ковровую дорожку постелить. На всякий случай.

— Это правильно, — одобрил губернатор.

Все двинулись к выходу. Ковригин покидал банкетку последним. Глядя в широкую осанистую спину Поливайкина, который, застегивая на ходу мундир, важно вышагивал впереди, самолюбивый директор аэропорта думал, что просто так он это Поливайкину не спустит.

Сын Поливайкина, косноязычный алкоголик лет тридцати, числился в крупной уральской фирме, торговавшей видеотехникой, часто летал с любовницами в Египет и Арабские Эмираты, буянил в банкетке и приставал к сотрудницам VIP-зала. При этом он никогда не платил за выпитое и съеденное, вероятно, полагая, что самим фактом своего присутствия оказывает честь любому общественному заведению.

Ковригин решил, что в следующий раз генеральского отпрыска в банкетку не пустит и велит администратору выставить ему счет за пару предыдущих обедов.

2

Вихров прилетел charterным рейсом. Маленький, тучный, он, кряхтя, медленно скатывался по трапу, а за ним следовал Колотушин, тоже пожилой, низенький и объемный. У Колотушина, впрочем, в отличие от Вихрова, были густые свисающие усы и седой ежик на голове.

Стоя рядом с Храповицким, Ковригин тронул его за рукав.

— Ты с губернатором по поводу моих документов еще не разговаривал? — осведомился он как бы мимоходом.

— Не успел, — коротко ответил Храповицкий, не поворачивая головы.

Он привык к тому, что все лезли к нему с планами и проектами, суть которых сводилась к получению даровых невозвратных денег либо от него самого, либо от Лисецкого. Храповицкий умел этим пользоваться. Бумаги Ковригина он даже не смотрел и не собирался, но с отказом не торопился, давая начальнику аэропорта отработать свою просьбу повышенной услужливостью. Храповицкий вообще охотно позволял окружающим вносить скромную лепту в его благосостояние, ничего конкретного не обещая, но поддерживая в них надежду, что им что-то перепадет взамен. Обычно им не перепадало.

Ковригин переступил с ноги на ногу.

— Лучше бы не тянуть с этим, — проговорил он, скрывая разочарование. — А то ситуация может измениться.

— Я понял, — односложно ответил Храповицкий.

С людьми вроде Ковригина, чего-то от него хотевшими, он всегда разговаривал так: сухо и немногословно. Это их только подхлестывало.

Вихров, между тем, был уже возле самой земли, и тут он заметил Лисецкого. Он на секунду замер и подался назад, ткнувшись спиной в рыхлый живот Колотушина. Через мгновение он овладел собой и снова двинулся по трапу, негодуя поглядывая на Храповицкого как на виновника этого сюрприза. Тот отвечал ему лучезарным взглядом, исполненным преданности.

— Роман Иваныч! Иди ко мне! — радостно кричал снизу Лисецкий, раскрывая объятия. Здороваясь с Храповицким, Вихров, едва доходивший ему до плеча, буркнул:

— Какой ты все же вымахал! Зря ты это. Ты, когда ко мне приезжал, вроде меньше был.

Вероятно, в этом безосновательном упреке выразилось его недовольство присутствием здесь губернатора.

— А он раньше таился! — звучно поддакнул Колотушин. — Скрывал свою сущность. Так что ли, Леонидыч?

Колотушин хохотнул, и Храповицкий шуточно подогнул колени, изображая готовность уменьшиться в размерах в угоду начальству.

— Растим для вас кадры! — вмешался Лисецкий. — Лучших специалистов отдаем.

— Ну, спасибо тебе, — проговорил Вихров, все еще хмурясь.

Храповицкому не терпелось покончить с процедурой представления, Вихров тоже готов был сразу заняться делами, но Лисецкий почти насильно затащил всех в банкетный зал. Вообще-то руководителей вроде Вихрова уральский губернатор в глубине души не уважал, считая их наследием советских времен, дуболомами, успевшими оседлать прибыльные отрасли. Но, так или иначе, Вихров возглавлял крупнейшую монополию страны, а значит, мог быть очень полезен. Поэтому первый тост Лисецкий провозгласил за здоровье гостя, а второй — за мягкую посадку.

— Места у нас тут сказочные, — мечтательно рассказывал он Вихрову. — Природа такая, что никакой Швейцарии не надо. И леса, и озера. Отдых отличный, рыбалка опять же. Про охоту вообще не говорю...

— Мы давеча на лосей ездили, — подхватил Поливайкин, оживляясь. — Столько зверья всякого набили, аж в машины не поместилось. Пришлось половину егерям оставлять.

— Правда, что ли? — недоверчиво спросил Вихров.

— А то! — хмыкнул Поливайкин. — Да вы сами попробуйте. Потом каждый выходной прилетать к нам будете. Хотите, на кабана сходим? А скажете, и на волков организуем. С вертолета постреляем.

Глаза у Вихрова заблестели.

— Надо и вправду к вам наведаться, — повернулся он к Храповицкому. — А то я все больше в Завидово езжу. Мне вообще Подмоскovie нравится, — добавил он совсем по-домашнему. — Хорошо там. Воздух. Ванька-то мой, тот все по заграницам мотается. Нейметса ему. Не дозрел он еще до Родины, — Вихров с осуждением глянул на Храповицкого, вероятно, полагая, что тот в своих вкусах мало чем отличается от его сына.

Видя, что высокий гость пребывает в размягченном состоянии, Калюжный с простонародной хитростью решил воспользоваться моментом.

— У нас в области одна только беда, — встрял он невпопад. — Народ в селах без газа сидит. — Он скорбно покачал головой. — Да. И готовить не на чем, и топить нечем. Как при царе Горохе. Жаль людей. Газку бы в наши деревеньки подкинуть, вот радости-то было бы!

Вихров сразу переменялся в лице. Эту тему он терпеть не мог. Куда бы он ни прилетал, местные власти сразу принимались одолевать его просьбами о газификации сел. Он свирепо уставился на Калюжного.

— Где ж я тебе, мать твою, трубы на всех напасусь?! — едко спросил он, срываясь на брань. — Труба, она, мать твою, одна. И я, мать твою, один. А вас у меня знаешь сколько? Во! — он рубанул ладонью по горлу.

Храповицкий поспешил на помощь начальнику. Он вообще не любил Калюжного за мелочную крестьянскую жадность, к тому же был полностью согласен с Вихровым в том, что трубы на всех не хватит. Особенно после того как трубой в Уральской области назначили командовать Храповицкого.

— Что-то вы больно скромно просите, — с убийственной иронией процедил он Калюжному. — Давайте уж заодно и горячую воду в деревни проведем. А то народу вашему, поди, надоело в банях мыться. Пора на ванные переходить.

Калюжный уже понял, что вновь не угадал, и был не рад, что вмешался. Правда, и Храповицкий перегибал палку. Идея проведения горячей воды в русские села была настолько абсурдной, что не приходила в голову даже прожектору Лисецкому, поставлявшему туда новейшие немецкие комбайны.

— Да я же так, к слову, — оправдывался Калюжный, вытирая мятым носовым платком потную лысину. — Не о себе же забочусь.

Лисецкий не стал заступаться за своего неуклюжего заместителя, хотя, конечно, видел, что Калюжный старался ему подыграть.

— А знаете, что? — энергично воскликнул он, меняя тему. — Поеду-ка я с вами в «Уральсктрансгаз»! Посижу на назначении. С народом там пообщаюсь. Все-таки важное для области событие. Как вы? Не возражаете?

Вихров и Храповицкий растерянно переглянулись. Процедура предстояла сугубо ведомственная, и усложнений лучше было бы избегать. Лисецкий же с его любовью к публичным проявлениям мог превратить ее в политическое представление, чего обоим совсем не хотелось. Однако было ясно, что просто так им от Лисецкого не отделаться.

— Конечно, не возражаем, — откликнулся Храповицкий после паузы. — Будем рады.

На улице Вихров просеменил к «Мерседесу» Храповицкого и молча плюхнулся на заднее сиденье, никого не дожидаясь.

— Ты зачем это подстроил? Лисецкого зачем притащил? — набросился он на Храповицкого в своей косноязычной манере, как только машина тронулась. — Мы с тобой всю Россию грудью

кормим, а он нам тут к чему? Мы с тобой — хозяйственники, нам о производстве думать надо! А не об этом, мать твою! Не об Лисецком. Губернаторы эти что хочешь пообещают, лишь бы за них голосовали. Наплетут с три короба, а мы с тобой, значит, выполняй. Гнать их взашей! И Лисецкого, и борова толстого, который с ним был, забыл я его фамилию. — Храповицкий догадался, что Вихров имел в виду Калюжного, но уточнять не стал. — Газу им, видишь, в села дай! А вот не хочешь? — Вихров покрутил в воздухе толстым кукишем. — Мне, кстати, Калошин, знаешь, что про Лисецкого намекал? Что он чуть ли не на место Бориса Николаевича метит! Веришь, нет?!

— Да ну?! — поразился Храповицкий.

Эту тему он знал гораздо лучше Вихрова. В последнее время он, чтобы понапрасну не расстраиваться, даже бросил считать деньги, которые тянул из него Лисецкий на собственную партию и прочие политические затеи. Храповицкий искренне надеялся, что новое назначение избавит его от этих бессмысленных трат. Но сейчас он всю тарачил глаза и потрясенно качал головой, демонстрируя, что подобное нахальство губернатора никак не укладывается в его представлении.

Вихров остался доволен произведенным на Храповицкого впечатлением.

— То-то и оно! — поучительно заключил он. — Не жалуют его в Кремле. А нам с тобой ни к чему из-за Лисецкого с Калошиным ссориться. Я, между прочим, этих политиков вообще не перевариваю, — продолжал Вихров уже более миролюбиво. — И еще журналюг, мать твою. Ты, кстати, никого из них часом не позвал на наше мероприятие-то?

— Нет, конечно, — без колебаний ответил Храповицкий. — Для чего?

На самом деле он лично давал вчера указание своему пресс-секретарю собрать на предстоящую процедуру все средства массовой информации.

— Это правильно, — похвалил Вихров. — Слова правды от них не добьешься. Говоришь им одно, а пишут другое. Доказываешь им что-нибудь там, к примеру, умное. Стараешься. А они после возьмут и переврут все. И ты же дураком окажешься. — Он сердито засопел.

Храповицкий заерзал.

— Надо бы на всякий случай позвонить моим помощникам по этому поводу, — озабоченно заметил он. — Проверить. А то вдруг они проявили инициативу.

— Проверь обязательно, — кивнул Вихров.

— Я, кстати, Покрышкину сказал, чтоб он тоже присутствовал, — внес свою лепту в разговор Колотушин, оглаживая густые усы. — Чтобы под рукой был, если понадобится.

— А что Покрышкин-то? — опять вскинулся Вихров, переключаясь. — Одно название, что Покрышкин! А на самом деле нету никакого Покрышкина. Пустое место.

Вихров был теперь настроен против Покрышкина. Он долго верил в существование юношеской дружбы Покрышкина с Черномырдиным, слухи о которой гуляли по коридорам Газпрома. Уже подписав назначение Храповицкого, он осторожно упомянул фамилию Покрышкина в разговоре с Черномырдиным. Тот и глазом не моргнул, даже не понял, о ком идет речь.

И хотя сам Покрышкин никогда не намекал Вихрову на свои близкие отношения с Черномырдиным, Вихров все равно считал себя обманутым и злился на него. То ли потому что продал Покрышкина Храповицкому, то ли потому что не сделал этого раньше.

Холл «Уральсктрансгаза» был заполнен ожидавшими людьми в костюмах и галстуках. Директора Храповицкого и окружение Покрышкина стояли двумя группами, чуть поодаль друг от друга, не сливаясь. Волновались, впрочем, и те, и другие. Хотя все уже было решено и подписано, в России всякое могло случиться даже в самую последнюю минуту.

Покрышкина, кстати, не было. Присутствовал его первый заместитель, сухой и сутулый, лет уже за шестьдесят. Он нервно курил, перебрасываясь отрывистыми репликами с коллегами. При виде делегации во главе с Вихровым и губернатором он по-стариковски засуетился, поспешно швырнул окурок в урну и с испуганным лицом бросился навстречу. Ледяной рукой он поздоровался с вошедшими и, избегая смотреть на Храповицкого, повел их вверх по лестнице. Вся толпа менеджеров двинулась за ними. Замыкала торжественное шествие многочисленная охрана Храповицкого, сегодня особенно неприступная и гордая.

В забитом до отказа актовом зале было невыносимо душно. Зал, как и все помещения в административном здании «Уральсктрансгаза», был старым и обветшавшим. Он строился в расчете на двести человек, а сейчас сюда набилось вдвое больше. Многие топтались вдоль стен. Все перешептывались, нервничали и жарко дышали в отсутствии кондиционеров. Перед сценой располагался стол президиума, накрытый темно-зеленой скатертью и пока пустовавший. Ни журналистов, ни фотографов уже не наблюдалось. Пресс-секретарь Храповицкого успел-таки их выпроводить, проявив недюжинную расторопность.

Начальственная процессия вошла через боковой проход и двинулась к столу. По рядам прокатился тяжелый вздох. Сотрудники «Трансгаза» были не в силах сдержать эмоции. Прежде они никогда не встречались с губернатором; Вихрова же и вовсе видели лишь по телевизору — он был для них из разряда мифологических существ, обитавших в каком-то ином измерении. Зато Храповицкий олицетворял образ врага, его здесь ненавидели.

В последние недели по газовому холдингу гуляли сплетни о том, что Храповицкий сумел всучить Вихрову огромную взятку, что-то около тридцати миллионов долларов. Этим фантастическим слухам верили не все, и кое-кто грешным делом вынашивал мятежные замыслы о коллективных жалобах в Москву на назначение Храповицкого. Так, бывало, поступали в прежнее время, и иногда это срабатывало. Но появление руководителей такого ранга рядом с Храповицким вбивало последний гвоздь в гроб народных надежд.

Прилет Вихрова означал, что взятку Храповицкий действительно дал. И не одному Вихрову. Что к прошлому нет возврата, Храповицкого не отменят, а дни сторонников Покрышкина сочтены. Лица работников «Трансгаза» приняли похоронное выражение.

Вихров сел в центре стола и посуровел. Не потому, что у него испортилось настроение, а потому, что считал: начальнику подобает выглядеть грозно. Согласно загодя расставленным табличкам с фамилиями, с одной стороны от него должен был располагаться Колотушин, а с другой — Храповицкий.

Однако губернатор, не обращая внимания на надписи и, по обыкновению, путая карты, забежал вперед и занял место Колотушина. Тот, семенящий за Вихровым, хотел было пропустить Храповицкого поближе к руководству. Но Храповицкий скромно запротестовал и расположился за Колотушиным. Заместители устроились как придется.

В последнюю минуту неизвестно откуда появился Покрышкин. Торопливым, неверным шагом он прошел к столу и сел с краю, как раз там, где ему и было положено. Все взгляды сразу устремились на него, но он так низко опустил голову, что ни встретиться с ним глазами, ни рассмотреть его лица толком не удавалось. Были видны лишь обвисшие багровые щеки да свалывшиеся, редеющие пряди волос на макушке. Дышал Покрышкин как-то загнанно.

Открывать собрание обязали первого заместителя, того самого, который метался в холле. Он поднялся, прочистил горло, но от волнения все никак не мог начать, только сжимал и разжимал пальцы, да облизывал пересохшие губы. Вихров и Храповицкий молча ждали. Лисецкий некоторое время тоже терпел, потом не выдержал.

— Видно, придется мне сегодня брать все на себя! — громко объявил он. — Так сказать, на правах хозяина области. Садитесь, — строго бросил он заместителю. — И в следующий раз лучше готовьтесь. Хотя лично я думаю, что следующего раза у вас не будет.

Заместитель, уничтоженный, послушно упал на место и принялся большими глотками пить воду из стакана. Он и без губернатора знал, что будущего у него нет.

— Значит, регламент я предлагаю такой, — уверенно продолжал импровизировать губернатор. — Сначала выступит Роман Иванович. Он расскажет о целях своего визита, поставит задачи и так далее. Правильно, Роман Иванович? — обратился он к Вихрову почтительно и одновременно по-приятельски. Вихров неопределенным мычанием подтвердил правильность процедуры. — Затем, наверное, Владимир Леонидович, — Лисецкий покосился на Храповицкого. — Ну, а потом... — губернатор чуть помедлил, соображая, не забыл ли кого. Взгляд его упал на Покрышкина. Оценив обстановку, Лисецкий пришел к выводу, что терять время на прежнего руководителя «Уральсктрансгаза» не стоит. И заключил: — Потом — видно будет. Скорее всего, я уж и обобщу. С позиций, так сказать, областной администрации. — Он обвел глазами первые ряды и строго спросил: — Нет возражений по поводу моей кандидатуры в качестве председателя?

Возражений не последовало.

— В таком случае передаю слово Роману Ивановичу. Представлять его не надо. Его знает вся страна. Давай, Роман Иванович!

И, чтобы последняя фраза не звучала слишком уж фамильярно, Лисецкий зааплодировал. Зал неохотно последовал его примеру. Вихров дождался, пока жидкие хлопки затихнут, и стукнул коротким толстеньким пальцем по микрофону.

— У нас нынче особенный день, — сообщил Вихров, не зная, что сказать дальше. — Очень даже особенный, — тянул он, разогреваясь. Он никогда не готовился к выступлениям и обычно говорил все, что придет в голову. Сегодня на него сильное впечатление произвела ясная уральская

погода. — Да. И вот, кстати, солнце на улице показалось! — спохватился он. — Как на заказ. А раньше-то его не было. Не было его, — повторил он, торжествуя, словно появление солнца было его личной заслугой. — Я ведь к чему тут веду?

Зал отчужденно молчал, не желая гадать, к чему тут ведет Вихров. И вдруг раздался женский голос:

— Примета хорошая!

Все обернулись. Свою догадливость продемонстрировала главный бухгалтер Храповицкого, Марина Сергеевна Кабанкова, пышная дама лет сорока, в игривом розовом костюме и в замшевых сапогах на высоком каблуке. Она сидела в первых рядах, положив на массивные колени руки в крупных золотых кольцах, и ела глазами начальство. Работники «Трансгаза» уставились на нее с враждебностью. Ее изрытое оспинами некрасивое лицо сделалось пунцовым. Но она не сдавалась.

— К деньгам! — вновь выкрикнула Кабанкова, пытаясь обратить все в шутку.

Но никто не засмеялся.

— Между прочим, это правильно, — согласился Вихров, обрадованный тем, что нашел понимание. — Хорошо женщина тут объясняет. Потому как и коллектив у вас слаженный. И для области вы, как говорится, потрудились на славу. А значит, на ноябрьские праздники должны уйти в веселом настроении. Чтобы уж, стало быть, отгулять от души. А мы вам, со своей стороны, поможем. — Выпутавшись из предисловия, он облегченно перевел дыхание. — Со старым руководителем вы уже поработали, — видимо, Вихров хотел сказать с «прежним», но получилось, что он намекает на возраст Покрышкина, и тот еще ниже опустил голову. — Значит, теперь пора познакомиться с новым начальником, с Владимиром Леонидовичем Храповицким. Которого вы и так все знаете.

Народ слушал его с тоской. Храповицкий, сидя подле Вихрова, бросал рассеянные взгляды в зал, ни на ком в особенности не останавливаясь. Он еще не думал, кого из здешних выгонит, а кого оставит. Их судьба его мало интересовала. Он чувствовал их ненависть к себе и их страх. И чем больше они его боялись, тем уверенней он себя ощущал.

Он на секунду отвлекся, поправляя запонку в белоснежной манжете рубашки, и вдруг насторожился. Из коридора донеслись какие-то безобразные звуки. Был слышен топот ног, грохот опрокидываемой мебели и грубые дурные выкрики. В первую секунду Храповицкий решил, что ему почудилось. Этим звукам здесь было не место, они не имели никакого отношения к происходящему. Сидевшие в зале тоже недоуменно поворачивали головы к выходу, пытаясь понять, что творится за дверями.

Шум приближался, нарастал и голоса звучали уже совсем рядом.

— Стоять! Всем оставаться на местах! Не двигаться!

Теперь их услышал и Вихров. Он прервался на полуслове, насупился и замолчал.

И тут же в зал со всех сторон ворвались люди с автоматами, в камуфляже и черных масках. Их было человек сорок, не меньше, а может быть, так только казалось, потому что они мигом заполнили все пространство. Они ринулись в проходы, расталкивая и сбивая с ног тех, кто попадался им по пути. Народ в зале не на шутку струхнул.

Раздавались отрывистые и резкие окрики: — Блокировать выходы! Закрывать двери!

Они подбежали к столу президиума и окружили его плотным кольцом. Теперь начальство было отрезано.

Храповицкий с такой силой вдавился в спинку стула, что она захрустела. Своим звериным чутьем он уже догадался, что происходит, для чего здесь эта группа захвата, кого ищут и ловят люди в масках. Но его ум отказывался в это верить. Лисецкий вскочил, открыл рот, шумно выдохнул и снова рухнул на стул. Вихров тупо смотрел на автоматчиков.

— Это кто? — свистящим шепотом, наконец, выдавил он из себя.

Но ему никто не ответил.

— Храповицкий? Владимир Леонидович? — каркнул один из нападавших. Его черные глаза в прорезях свирепо уставились на Колотушина, перед которым стояла табличка с фамилией Храповицкого.

— Это не я! — в ужасе крикнул Колотушин. — Я не Храповицкий. Я из Газпрома!

— Молчать! — взревел тот. — Молчать!

Зал ахнул. Колотушин вздрогнул, зажмурился что было сил и втянул голову в плечи. Ему почудилось, что его сейчас ударят. Храповицкий сидел не шевелясь. Пути к отступлению не было. У него задержалось веко.

— Молчать! — вновь рявкнул автоматчик, хотя тишина и так была гробовой.

Командиром автоматчиков был майор Тухватуллин. Он впервые в жизни руководил операцией такого масштаба. Впрочем, такие операции и проводятся-то раз в жизни. Тухватуллина трясло от волнения, и хотя со стороны он выглядел устрашающе, сам был напуган не менее Колотушина. Конечно, он отлично знал в лицо Храповицкого, но, начав орать на Колотушина из-за этой чертовой таблички, он, будучи на грани нервного срыва, никак не мог остановиться.

— Налоговая полиция! — продолжал выкрикивать Тухватуллин. — Гражданин Храповицкий, вы проследуете с нами!

— И не подумаю! — отчеканил Храповицкий. Он был мертвенно бледен. — Это беззаконие.

— Встать! — крикнул ему майор.

У Храповицкого помутилось в глазах. Он рванулся в сторону Тухватуллина, словно желая схватить его. Тот немедленно отскочил в сторону.

— Взять его! — взвизгнул Тухватуллин.

Двое дюжих автоматчиков кинулись на Храповицкого, повалили его на стол и отработанным движением заломили руки. Потом поволокли по проходу, на глазах у застывшей от ужаса толпы, молча расступавшейся в стороны.

— Твари, — хрипел Храповицкий, пытаясь поднять голову. — Размажу вас! Погоны посрываю.

В уголке рта у него выступила пена. Вытереть ее он не мог.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Если при возвращении из-за границы вас переполняют радужные ожидания, то это означает, что ваша родина — не Россия. У нас можно ждать только неприятностей.

Я приземлился в Шереметьево-2 и для начала застрял на паспортном контроле. Немолодая пограничница битых четверть часа подозрительно сличала мое лицо с фотографией в паспорте. Длинная очередь за моей спиной начала шушукаться.

В моей внешности, определенно, что-то не так. Во всяком случае, каждая сука в погонах, причем без различия по половому признаку, едва завидев меня, сразу делает охотничью стойку. Несколько дней назад Храповицкий, правда, творчески поработал над устранением моих природных дефектов, украсив меня парой долгоиграющих синяков. Но, кажется, это не добавило мне сходства с Байроном.

— Где паспорт получали? — хмуро осведомилась пограничница.

Как и все руководящие сотрудники нашего холдинга, я получал заграничный паспорт в собственном кабинете из рук собственного секретаря. А секретарь заказывала его в какой-то

из тех фирм, которые занимаются срочным оформлением паспортов и виз за большие деньги. Вряд ли такой ответ расположил бы пограничницу к доверию. Поэтому я предпочел от него уклониться.

— Что-то не в порядке? — осторожно поинтересовался я.

— Было бы в порядке, я бы не спрашивала, — парировала она.

— Я с этим паспортом уже десятки раз летал туда и обратно, — заволновался я. — Вы посмотрите, сколько там виз.

— Я знаю, куда мне смотреть, — остудила она мой пыл. — У вас тут цифры повторяются, — она обвиняюще ткнула пальцем в печать на моей фотографии.

— Где? — я попытался рассмотреть эти загадочные цифры через окошко, но, разумеется, ничего не увидел.

— Так я вам и сказала! — саркастически хмыкнула она. — Это служебная тайна. Откуда летите?

— Из Италии, — ответил я и, наклоняясь поближе к ней, интимно добавил: — Если у вас серьезные намерения, то я, в принципе, сегодня вечером совершенно свободен. Но только если серьезные. Потому что, если вы просто так, как говорится, поматросить и бросить...

— А вот хамить не надо! — обрезала она. — Тут и так сидишь круглыми сутками за эти копейки. А он вон прилетел из Италии и гнет из себя!

И с вызывающим металлическим лязгом она поставила мне отметку в паспорте.

Насчет свободного вечера я наврал. Через два с половиной часа из Домодедово в Уральск улетал последний самолет, и я надеялся на него попасть. Я заранее позвонил Дергачеву, директору нашего московского представительства, с просьбой приобрести мне билеты и прислать их в Шереметьево. Шансы у меня пока еще были.

Багаж я ждал около часа. Чтобы чем-то себя занять, я купил у носильщиков тележку за пару долларов, но, пока курил и глазел по сторонам, ее сперли. Возможно, те же самые носильщики. Впрочем, они с готовностью продали мне ее еще раз с пятидесятипроцентной скидкой. Вероятно, мое мотовство было замечено бдительной таможней. И когда, толкая тележку перед собой, я двинулся зеленым коридором, меня, конечно же, загребли.

Отъевшийся на поборах труженик таможни плотоядно оглядел меня и заставил открыть чемодан. Ничего интересного он не увидел: мне не хватило времени на покупки. На раскормленном лице отразилось разочарование.

— Зачем столько носков? — проворчал таможенник, роясь в моих вещах и не зная, за что зацепиться.

— А сами-то вы как думаете? — спросил я, глядя поверх его головы на большие электронные часы. Минуты неумолимо таяли. Я уже нервничал.

— Может, на продажу, — пожал он плечами.

— Купите, — предложил я, подавляя раздражение. — Недорого отдам.

— Значит, придется задерживать багаж для дополнительной экспертизы, — заметил он, оставаясь невосприимчивым к юмору. — Она и определит, что для продажи, а что для себя.

Подобную мелкую неприятность он мог мне устроить с легкостью, я это понимал. Вообще-то ничего особенно дорогого моей душе и телу в чемодане не содержалось, но лишаться его все равно было жалко, а совать таможеннику пятьдесят или сто долларов, чего он, в принципе, и добивался, мне было противно. В конце концов, в чем я был виноват? Лишь в том, что родился в России? Я захлопнул крышку и подтолкнул к нему чемодан.

— Да задерживай! — сказал я в сердцах.

По установленным негласным правилам я должен был либо платить, либо упрашивать. Я не сделал ни того, ни другого, продемонстрировав одновременно и жадность, и пренебрежение к протоколу. Он сразу обиделся.

— Да не буду! — ответил он с русской нелогичностью и пихнул чемодан обратно. — Нужен он мне!

— Спасибо, — буркнул я без всякой благодарности.

— На здоровье, — бросил он сердито, и мы расстались.

Дергачев дожидался меня за стеклянной дверью. Обычно он достаивал личной встречи лишь Храповицкого, за всеми остальными, включая Виктора, присылал водителей. Похоже, последние события затронули все стороны нашей корпоративной жизни, пострадал даже столичный снобизм нашего московского директора.

Мы наспех обменялись рукопожатием и выбежали на улицу. Там уже стемнело, порывистый ветер швырнул в лицо пригоршню мелкой измороси так резко, что я невольно зажмурился. Всего несколько часов назад я покинул залитую солнцем, теплую чужую страну. Родина встречала хмурым холодом, слякотью и придирами. В такие минуты я понимаю, почему вместо великих художников у нас одни сплошные передвижники, а вместо просветленных мадонн — забубенные «Бурлаки на Волге».

Дергачев приехал на белом «Мерседесе» Храповицкого, купленном недавно специально для московских поездок. В другое время ему за такие вольности оторвали бы голову. Но сейчас он мог не опасаться возмездия; карать его было некому.

— Успеем? — тревожно спросил я водителя, забираясь в машину.

— Попробуем, — неуверенно отозвался он. — Пятница, да еще перед ноябрьскими праздниками. На дорогах ужас что творится.

В том, что он не преувеличивал, я убедился, едва мы вырулили на трассу. Насколько хватало глаз, все было забито застрявшим транспортом. Пробка тянулась на километры, прорваться не было никакой возможности. Мы пробирались с черепашьей скоростью, поминутно останавливаясь. Другие машины непрерывно сигналили, и наш водитель, поддавшись всеобщему ажиотажу, тоже зачем-то жал на клаксон. Я был как на иголках. До отлета оставалось уже меньше часа.

Дергачев придвинулся ко мне. В темноте салона глаза его взволнованно блестели.

— Кошмар! — зашептал он. — Как обухом по голове! До сих пор в себя прийти не могу!

Я догадался, что он описывает свою реакцию на арест Храповицкого. В части головы и кошмарного обуха я полностью разделял его переживания. Единственное, в чем я не был с ним солидарен, так это в его убеждении, что ежедневный душ вреден для здоровья. Мне кажется, что если бы Дергачев мылся чаще, то пребывание с ним рядом сопровождалось бы иными запахами и вызывало больше сочувствия к его словам.

— Виктор с Васей уже что-то предпринимают?

— Мы не успели ничего обсудить по телефону. Договорились встретиться сегодня ночью. Если, конечно, я попаду домой.

— Надо попасть! — возразил он, на корню пресекая мои малодушные сомнения. — Обязательно!

И он принялся названивать в VIP-зал Домодедово, прося задержать рейс. Однако по мере разговора его длинное лицо вытягивалось еще больше.

— Обнаглели! — уныло сообщил он, отключая телефон. — Ни в какую не соглашаются, скандала боятся. Вроде бы кто-то из администрации президента в Уральск летит. Кого это к вам потянуло? Уж не в связи ли со всем этим скандалом, как ты думаешь?

— Может быть.

Дергачев озабоченно вздохнул.

— Спасать нужно Храповицкого! — пробормотал он. — Немедленно спасать, а то будет поздно!

Я покосился на него, не вполне понимая, кому был адресован этот призыв: мне или чертыхавшемуся водителю.

— У меня есть идея, — сообщил он. — Надо гнать волну!

— Какую волну?

— В прессе, против Лихачева. Заряжать средства массовой информации. Пусть рассказывают с утра до вечера, что Лихачев — вор, бандит, взяточник, алкоголик. Короче, полный педераст. Кстати, насчет педераста — это буквально. Причем обязательно пассивный. У нас пассивных особенно ненавидят.

— Ты думаешь, это поможет?

— Еще как!

В отличие от него я, признаюсь, не понимал, как сообщение в прессе о противоестественных склонностях Лихачева приведет к освобождению Храповицкого. Если, конечно, мы не собирались строить защиту на том, что генерал после долгих и безуспешных домогательств отправил Храповицкого за решетку с целью склонить к сожительству. Должно быть, мой скептицизм отразился на лице.

— Не веришь? — догадался Дергачев. — А зря! Совершенно напрасно. Общественное мнение очень важно.

— У нас? — переспросил я. — Вот уж не знал.

— Зря иронизируешь. Ты знаешь, сколько на НТВ берут за то, чтобы кого-то из регионалов опустить? Двадцать тысяч долларов за минуту! Заметь, наличными. А на первом канале и того больше. Да еще не с каждым договариваться будут. Потому что от желающих заказать чернуху отбоя нет. Мешками деньги тащат, особенно провинциалы. У вас ведь народ по старинке живет. Он как думает? Если начальника ругают по центральному телевидению, значит, скоро снимут. Подорвать репутацию Лихачева в глазах местной элиты сейчас очень важно. Это лишит его поддержки. У меня — хорошие связи на федеральных каналах. Нам сделают скидки. Собственно, вся кампания обойдется вдвое дешевле, чем если бы мы

пришли с улицы.

— Это интересно, — отозвался я. — Надо подумать.

— Погоди, я, между прочим, еще не сказал тебе самого главного.

— А что самое главное?

Он хитро покосился на меня, по-птичьему склонив голову набок.

— Мы с тобой получим комиссионные! Понял? И распилим их по-честному, на двоих. Нормально?

— Ага. Только никак не соображу, мне-то за что?

— За то, что ты убедишь Виктора. Тебя он послушает, а меня нет!

— Спасибо за приглашение, — рассеянно отозвался я, всматриваясь в темноту за окном, в тщетной надежде увидеть просвет на дороге. Просвета по-прежнему не было, только фары машин, еле продвигавшихся вплотную друг к другу. — Поговорю. Может быть, даже сегодня.

Разумеется, я не собирался этого делать ни сегодня, ни завтра, никогда. Я просто хотел, чтобы он отвязался. Дергачев, однако, вновь услышал в моем голосе отсутствие энтузиазма.

— У тебя такая физиономия, будто на самом деле тебе это фиолетово. Ты, может быть, не догоняешь, о какой сумме идет речь?

— Не догоняю, — признался я.

— А ты посчитай! Вся кампания, например, будет стоить два миллиона. Если предложить меньше, то они даже не возьмутся, у них там свои масштабы. Десять процентов наши. Мы с тобой получим по сотке. Плохо ли, на ровном месте?

— Хорошо.

— Не хорошо, а отлично! Ты что-то совсем зажрался.

— Отлично, — согласился я вежливо. — Просто я на ровном месте еще ни разу не получал ничего отличного.

— Слушай! — спохватился он, осененный догадкой. — А может, ты думаешь, что я тебя кину? Боишься, да?

Признаться, я еще не думал на эту тему. Но то, что он непременно кинет в любом совместном предприятии, можно было понять и не думая.

— Дело не в этом, — принялся неубедительно отнекиваться я. — Просто не все тут от меня зависит...

— Теперь уже я что-то не догоняю, — перебил он, теряя терпение. — Ты зачем сюда приехал?

— То есть?

— Ну, вы же там поссорились с Храповицким, насколько я слышал. Чуть ли не до драки у вас с ним дошло. Тебя в тот же день уволили, и ты умотал за границу. Так?

Он был неплохо осведомлен. Интересно, он нарочно излагал события таким образом, чтобы

меня позлить, или повторял чью-то интерпретацию?

— Если упрощенно, то так все и было, — согласился я, поборов желание заспорить.

— А здесь и не надо ничего усложнять. По большому счету, тебя вся эта возня уже не касается. Ты мог бы сидеть себе в Италии и злорадствовать. Но ты здесь. Значит, есть цель. Какая?

— Я полагал, что она очевидна.

— То есть ты прилетел, чтобы чем-то помочь Храповицкому, правильно? А почему при этом нельзя немного заработать? Одно другому не мешает. Мы с тобой современные люди.

— Наверное, я не очень современный человек. Во всяком случае, мне как-то неловко зарабатывать на несчастье друга.

— Вот как! — присвистнул Дергачев. — Серьезная декларация. Похоже на нравоучение.

Он обиженно откинулся на сиденье и сложил руки на груди.

— Это, конечно, меняет дело, — саркастически проговорил он. — Я понятия не имел, что ты считаешь Храповицкого другом.

Дергачев покачал головой, вытянул ноги и почистил испачканные ботинки о светлую кожу переднего сиденья.

— Первый раз в жизни слышу, что между хозяином и работником бывает дружба, — пробормотал он как будто про себя. — Сколько вокруг интересного!

Больше мы не разговаривали до самого прибытия в Домодедово.

2

В VIP-зал мы ворвались через двадцать минут после того, как мой самолет должен был подняться в воздух. Я, спотыкаясь о чемодан, мчался впереди, долговязый Дергачев спешил следом.

— Да не бегите, застрял ваш рейс! — поспешила обрадовать меня знакомая администраторша. — Там вместе с вами начальник по безопасности президента летит, тоже опаздывает. Нам уже все телефоны оборвали, чтоб держали самолет до последнего. Вроде бы с минуты на минуту появится. Багаж сдадите или с собой возьмете?

Я с шумом перевел дыхание, вытер мокрый лоб и на радостях отсчитал ей чаевые, равные стоимости билета. Дергачев простился со мною по-приятельски. Наверное, он пришел к выводу, что сначала надо воспользоваться моими возможностями, а потом уже на меня обижаться.

К моему облегчению, знакомых лиц в бизнес-классе не наблюдалось, так что мне не пришлось давать жизнеутверждающие ответы на неприятные вопросы. Правда, мне показалось, что немолодая дама в шубе при моем появлении принялась что-то увлеченно шептать на ухо своему благообразному спутнику. Мне даже послышалась фамилия Храповицкого. Но мне уже повсюду мерещились намеки на наши обстоятельства.

Я сел на свободный ряд и отвернулся к окну. Пятнадцать минут назад я не пожалел бы даже чемодана, спасенного из цепких лап сотрудников таможни, лишь бы самолет задержался. Теперь я с той же готовностью пожертвовал бы им, только бы поскорее попасть домой.

Трап все не убирали, хотя никто не появлялся. Стрелки моих часов показывали уже половину девятого по московскому времени. Хотелось курить и скандалить. Миловидная стюардесса с виноватой улыбкой несколько раз возникала в проходе и беспомощно разводила руками.

Наконец раздался нестройный топот по трапу, громкие хмельные голоса, и в салон ввалилась живописная группа. Расчищая дорогу, угодливо пятился представитель авиакомпании, рискуя задеть задом кого-нибудь из сидевших пассажиров. Далее, отдуваясь и хохоча, следовал невысокий плотный полковник в шинели и фуражке. Замыкал шествие какой-то насупленный парень бандитской внешности в черном костюме.

Я бросил на них рассеянный взгляд и мысленно ахнул. Главной фигурой в этой нетрезвой процессии был не кто иной, как Боня. Сверкая золотыми очками, он важно вышагивал в знакомом мне черном кожаном плаще и белом шелковом шарфе, местами, впрочем, довольно захватанном. Знаки повышенного внимания он принимал как должное. Не оставалось никаких сомнений, что именно он и был тем важным кремлевским чиновником, из-за которого задержали рейс.

— А вот еще анекдот! — кричал полковник и тянулся к Боне. — Слышь, Василич, приходит новый русский в магазин.

— Товарищи, я вас умоляю, — лепетал представитель авиакомпании. В отличие от остальных он был трезв, и ему было неловко. — Мы и так самолет на целый час задержали!

— Да ты послушай! — не сдавался весельчак-полковник. — Сейчас сам ляжешь от смеха. И вот, значит, новый русский говорит продавцу...

— Да ты его уже три раза рассказывал, — бесцеремонно прервал полковника бандит. — Кончай волынку тянуть, видишь, людям лететь пора.

Полковник вздохнул, угас и нехотя подчинился.

— Ну, бывай, Василич, не забывай нас! — напутствовал он Боню и полез троекратно целоваться.

— Главное, не пропадай, — посоветовал Боне бандит, в свою очередь прижимая его к груди. — И держи нас в курсе, если что.

— Да я, может, к вам на той неделе сам подскочу, — отвечал Боня, вытираясь шарфом после полковничьих лобызаний. — Разрулю там пару вопросов и сразу сюда.

Истомившиеся в ожидании пассажиры наблюдали за их прощанием с неприязнью.

— Как будто времени не было нацеловаться, — сердито пробормотала своему спутнику дама в шубе.

Стюардесса в конце прохода отчаянными жестами показывала представителю компании, что пора взлетать. Тот кивал, но ничего не мог поделать.

Когда полковник, бандит и представитель компании удалились, Боня отдал свой плащ стюардессе и потерял руки.

— Как у нас там насчет стремянной? — жизнерадостно осведомился он. — Надо же что-то на посошок кинуть, а то пути не будет.

— До взлета спиртное распивать не полагается, — пискнула стюардесса, явно робевшая. — Извините, у нас порядки такие.

— Вот, бизнес-класс называется! — буркнул Боня и с размаху рухнул в кресло рядом со мной.
— Хотим, в натуре, жить как в Европе, а перед взлетом не наливают. Я торчу от такого сервиса. — В поисках сочувствия он бросил взгляд на даму в шубе, но увидел лишь поджатые губы. Дама явно не торчала. Ни от сервиса, ни от Бони.

— Ну, что ты на меня вылупилась? — себе под нос пробормотал Боня так, чтобы дама не слышала. — Ты на мужа своего глазами, карга старая! — сколько я помнил Боню, он всегда считал себя молодым симпатичным парнем, постоянным объектом женской охоты. — Прохода не дает! Хоть бы людей постыдилась.

Он полез в сумку, достал бутылку недорогого армянского коньяка в нарядной коробке, видимо, чей-то подарок, и принялся с ней возиться.

— Составите компанию? — не глядя на меня, гостеприимно осведомился он.

— Мужчина, даже думать не смейте! — отрезал я. — Я другой ориентации. У меня жена и трое детей.

Боня уставился на меня, но в следующую секунду узнал.

— Дружище! — заорал он, как только к нему вернулся дар речи. — Какими судьбами?! Домой решил вернуться? Слушай, а ты хорошо подумал? — он многозначительно понизил голос.

— А чего мне опасаться?

— Храповицкий тоже думал, что нечего! — возразил Боня. — А ему браслеты на клешни — и на кичу!

Боня вздохнул, с отвращением выплеснул на пол минеральную воду из оставленного стюардессой пластикового стакана, затем налил себе немного коньяка и залпом проглотил.

— Вот какие после этого могут быть демократические реформы? — вслух пожаловался он. — Да никаких реформ! Туфта одна! Менты творят, что хотят, хуже, чем при Сталине. Девушка! — на весь салон заорал он стюардессе. — У вас закусить что-нибудь найдется или нам рукавом занюхивать?

— Скоро будет горячий ужин! — попыталась она его урезонить. — Мы еще не набрали высоту.

— Когда наберем, поздно будет! — скептически заметил Боня. — У нас в стране не успеешь высоту набрать, как тебя раз — и по шапке! Погоди! — спохватился он. — А давай мы с тобой Гаврика напряжем. Он нам мигом все разведает.

— Какого Гаврика? — спросил я, гадая, кто из влиятельных московских чинов скрывается за этим экзотическим прозвищем.

— Ну вот, парнишка меня провожал в костюме. Мор-дастенький такой. Близкий наш. Он в МЧС там, у министра правая рука. Вроде как личный помощник по общим вопросам. Ну, ты понял, да? Провернуть что-нибудь втихую, бабки принять, рамсы развести. У них в министерстве в прошлом году что-то не срослось. Кому-то они в срок не заплатили. И солнцевская братва хотела у них вертолеты за долги отжимать. Там народ отмороженный, им по барабану: министерство или частная лавочка. Должен — отдай. А прикинь, страна без военной техники останется! Нормально, да?! Вот Гаврик к ним на стрелки гонял, отмазывал. Нет, даже не спорь, — предостерег он меня, хотя я и не собирался этого делать. — Гаврик в Москве большими делами ворочает. Ты видел, как он самолет задержал?

— Так это он задержал? А я думал, полковник.

— Да какой полковник?! — небрежно отмахнулся Боня. — Генка, что ли? Генка у Гаврика за шныря. Телок организовать да шашлык пожарить. Мы сегодня в кабаке засиделись, а когда в аэропорт-то дунули, глядь, повсюду пробки. Ну, Гаврик звякнул кому надо. Обождите, говорит, с вылетом. Тут близкий наш опаздывает. Ему отвечают: да нет базара! Сидите, там, сколько хотите. Отдыхайте. Хоть международной политикой занимайтесь, хоть водку пейте. Мы рейс придержим. Летную погоду вам дадим. Ха-ха! Если надо, руками тучи разгоним.

— И много Гаврик берет за свою помощь? — поинтересовался я.

Как только речь зашла о деньгах, Боня напустил на себя деловой вид.

— А вот этого тебе сейчас никто не скажет, — развел он руками. — Может, очень много, а может, и нет. Сначала надо все до конца выяснить. Но ты не бойся, Гаврик с меня лишнего не возьмет. Так, чисто символически, чтобы расходы окупить. Ты мне на днях занеси тысячу триста баксов. Я их Гаврику передам при случае. Мне все равно на той неделе к ним по делам лететь. А как он досконально разберется, скажет, сколько еще надо.

Триста тысяч долларов за то, чтобы вникнуть в проблему, с меня еще никогда не запрашивали. Вероятно, Гаврик был уж очень мордастой персоной. Мордастее всех, кого я знал прежде.

— А какие гарантии? — спросил я, поражаясь про себя Бониной наглости.

— Гарантии? — удивился Боня. — Да кто же в таких делах тебе гарантии даст? Ты сам подумай, сколько народу вы разозлили! И Гозданкера, и Лихачева, и Черномырдина!

— Черномырдина-то мы как обидели?

Боня спохватился, что перебрал. Выигрывая время, он снял очки, задумчиво протер их и снова водрузил на кончик носа.

— Черномырдин там всему причина, — таинственно заговорил он, явно сочиняя на ходу. — Храповицкий Вих-рову капусту вгрузил, а Вихров Черномырдину не донес. Зажал. А того жаба задавила. Вот он и полез в бутылку. Взял, да и одернул Вихрова. Дескать, ты тут без меня людей назначаешь, а я их на Воркуту отправляю. Знай, мол, кто в доме хозяин. А крайним остался, само собой, Храповицкий!

Должно быть, подобные нелепые истории уже всю гуляли по Уральску. Впрочем, для общественности были не столь важны истинные причины наших злоключений, как то, сколько можно из нас выжать. Доить нас, похоже, собирались все: и Дергачев, и Боня, и Гаврик. Я бы не удивился, если бы к армии желающих и в самом деле успел примкнуть Черномырдин.

Продолжать этот разговор не имело смысла.

3

— Что там у вас с «Золотой нивой»? — любопытно спросил я.

— Кранты! — с чувством выпалил Боня. — Раздербани-ли контору! Весь Уральск на ушах стоит и пол-Москвы в придачу! Нет, ты только прикинь: к нам на следующей неделе Ельцин прилетает, а у нас такой шухер происходит.

Было очевидно, что шумный крах фирмы, в руководстве которой он принимал непосредственное участие, наполняет его гордостью.

— Ельцин прилетает? — машинально переспросил я.

— Ну, да, ты что, не слышал, что ли?! На автозавод. Гаврик говорит, что он завод хочет под себя забрать. Половину зятю отдать, половину — Березовскому, чтобы они там вместе рулили. По всей губернии сейчас срочно порядок наводят, а тут — на тебе! Как будто специально к его приезду подгадали!

Боня так возбудился, что выпил еще.

— Звонят, значит, мне в понедельник с утра пораньше, — начал он рассказывать, облизнув усы. — Дескать, беда! Владика убили! Срочно приезжай в офис. А я после вашего конкурса — ну, натуральный труп. Башка раскалывается, в глазах — черно. Накануне, считай, ведро выхлебал! Кого убили, зачем? Ничего не соображаю. Ну, кое-как оделся, прилетел в контору. А там — атас! Повсюду менты. Чего-то ищут, документы изымают. наших сотрудников по кабинетам распихали, те сидят молча, трясутся. Все горем прибитые. И Владика всем жалко, и никто не ведает, как теперь карта ляжет. Я, конечно, к Раздолбаеву. Ну, к этому, генералу нашему. К Горемы-кину. Думаю, может, он что-нибудь слышал. Президент все-таки! — Боня безнадежно хмыкнул. — Эх, и откуда только такие берутся?! Сидят у него два сыча из прокуратуры, а он на них полкана спускает: дескать, срочно ищите убийц! Я требую, чтобы из Москвы бригаду прислали! И зычно так разоряется! Я ему говорю: «Слышь, ты! Кончай лаяться, от твоего крику в голове звенит, а толку нет. Ты по сути что-нибудь знаешь?» Ну, он еще хуже разорался, а я к себе пошел. Опохмелился маленько, Владика помянул, земля ему пухом! — Боня тяжело вздохнул и перекрестился. — Дунул чуток, чтобы в голове прочистилось, — он сделал пальцами характерное движение, обозначающее курение анаши. — Выхожу в коридор, а мне навстречу Черносбуев летит. Помнишь его? Главой администрации Центрального района был, еще против Кулакова мэром хотел избираться?

— Конечно, помню, — кивнул я. По поручению Храповицкого именно я отвечал за те выборы и вряд ли когда-нибудь их забуду.

— Он у нас тоже бабки держал. Видать, услышал насчет того, что Владика укоцали, и с перепугу примчался деньги забирать. А менты как раз вместе с генералом и главным бухгалтером вниз направляются, сейфы осматривать. Мы с Черносбуевым к ним и пристроились. У нас в подвале три здоровенных таких гроба стоят, пуленепробиваемых, наверное, по тонне каждый. Их иной раз под завязку капустой забивали. Ну, вот, открываем мы сейфы, а там, — Боня выдержал театральную паузу, — пусто! Голяк, в натуре! Вообще ноль! Представляешь, да? — Боня восторженно хлопнул себя по коленке. — Чисто сработано! У генерала сразу челюсть отпала. Он на главную бухгалтершу нашу с кулаками бросается: «Где деньги? Отвечай, бикса!» А с той что взять? Пожилая баба, ее то в жар бросает, то в холод, губы трясутся, лопочет, мол, Владислав Ефимович лично деньги забрал. Еще в пятницу вечером. Куда-то хотел отвезти, кому-то отдать, сказал, что срочно. Вот, дескать, такая-то сумма там была. У меня, мол, все записано.

— Много денег пропало? — не удержавшись, перебил я.

— Да уж немало! — с удовольствием заверил меня Боня. — Если на доллары перевести, то миллиона три набиралось. А может, и больше!

— Прилично, — признал я с уважением.

— Прилично! — передразнил он. — Скажи, целое состояние! Уж на что я тертый калач, и то офонарел. А на Черносбуева и вовсе икота напала. Он, знаешь, посинел, как утопленник, глаза выпучил и только икает. Да громко так. А что ему еще делать? На четыреста косарей зеленью попал! Тут уж хоть икай хоть хрюкай!

Судя по тому удовлетворению, которое изображалось на Бонином лице, страдания Черносбуева не вызывали в нем сочувствия.

— Я вообще люблю, когда начальников умывают, — с озорным бесстыдством признался он. — Чиновников там разных, депутатов. Они же, когда ловэ к нам несут, знают, что в пирамиду впираются, понимают, что это кидалово. Работяги, феде всякие, те всему верят. Им скажи, пятьсот процентов в год, они будут ждать пятьсот. А пообещаешь тысячу — еще лучше. А начальники — нет! Им такое не протолкнешь. Они сами кого хочешь разведут. Но тут для них другой капкан. Они мысли не допускают, что их швырнуть могут! Думают, что всех нахлобучат, а их не посмеют, побоятся. Вот на что они ведутся. А когда до них доходит, что их обули вместе с быдлом, как последних чмошников, с ними такое начинается, караул! Крышу начисто сносит!

— У вас клиенты были и посерьезнее Чернобруева?

— Это уж точно! — самодовольно подтвердил Боня. — К обеду слушок по городу прошел, что у нас с деньгами каюк, они все к нам и набежали. Что они вытворяли, как чудили! Ты такого в кино не видел! Банкир один из Нижне-Уральска притащил из машины монтировку и давай стену на нашем этаже долбить! Дескать, он точно знает, что здесь потайные сейфы замурованы! Сам устал, так свою охрану заставил. Стену разнес, начал полы вскрывать! В натуре! А Величкину жену каплями отпаивали. Она вся в золоте заявила, шуба шиншилловая, и давай с порога верещать! Ее муж после губернатора первый человек! Немедленно верните ей полмиллиона, а то она всех тут посадит! Менты ее со всем уважением под белы рученьки — и в мой кабинет. Давайте, девушка, писать протокол. Сколько денег вы вложили? В какой валюте? А чьи денежки-то были? Ваши или мужнины? И тут я гляжу, она с лица спала. Похоже, догнала, что зря разорялась-то! Заяву-то ей кидать нельзя! — Боня хитро мне подмигнул. — Откуда у ее мужа такие бешеные гроши? Не с чиновничьей же зарплаты? А в газеты попадет? А губернатор что скажет, когда узнает, какие суммы его заместитель к нам засовывал? Короче, влипла девушка. Сразу побледнела, схватилась за сердце и бух — на пол! Не знаю уж, правда ли сознания лишилась или только притворялась, но пришлось ей скорую помощь вызывать. А Виктор ваш, тот вообще буйствовал. Парнишке одному, который у Владика в заместителях ходил, по уху заехал! Менты за мальчишку заступились, так он и на них кидался.

— Виктор? — с изумлением перебил я. — Неужели он тоже в вас вкладывался?

— Да чему ты удивляешься! — с некоторой обидой возразил Боня. — У нас, между прочим, серьезная фирма. Была, — прибавил он с сожалением. — Сейчас-то ее по клочкам разнесут!

— Неужели никто не успел свои деньги выдернуть? — недоверчиво спросил я.

— Никто! — отрезал Боня. — Ни Пономарь, ни Бабай, ни даже я. Всех обули! От губернатора до последней шестерки! Лохи, кстати, к вечеру совсем рассвирепели. Их на улице толпища целая собралась, несколько тысяч, движение перегородили! Рвались в контору, орали, стекла высаживали, грозились штурмом брать! Пришлось ОМОН вызывать! Ужас! Я-то сам из офиса свалил к этому времени, но мимо проезжал, все своими глазами видел. Да они и по сей день митингуют. Из других городов понаехали, палатки собираются ставить возле Дома молодежи. Общество какое-то создали, письма пишут.

— Но ведь у вас, кроме наличных, должно было что-то на счетах оставаться? — предположил я.

— Может, и должно, — усмехнулся Боня. — Да не обязано. Как начали с документами разбираться, у всех волосы на голове дыбом встали. Пусто, хоть шаром кати! И еще фирма наша, оказывается, успела кредитов нахватать напоследок. Имущество какое-то заложили по поддельным документам, оборудование... Откуда у нас оборудование? А подписи — опять только Владика да генерала. Мусора генерала прессуют, а что толку? Он сидит, морда лопатой, глаза выпучит и одно твердит: дескать, подпись на документах — моя, так точно.

Все делал по приказу Владислава Ефимовича. Я человек военный, привык к подчинению, в финансах ничего не понимаю. Куда он отправлял деньги, я не знаю, корыстных умыслов не имею. Чист, как слеза. Старался изо всех сил на благо Родины. Служу Советскому Союзу! И несет эту пургу, хоть кол ему на голове теши! И выходит, что нет виноватых! Один только Владик. Он все смазьяжил, со всех бабки собрал, а потом он же их и ломанул. Только одна у него промашка вышла. Дырку в голове ему заделали! И теперь — ни Владика, ни денег.

Стюардесса подошла к нам узнать, что мы будем на горячее. От ужина мы оба отказались, но Боня велел принести ему холодных закусок и налить водки, невзирая на то что у него оставалось еще достаточно коньяка.

— Ну, за того, кто эту аферу изобрел! — объявил Боня. — Завидки берут. Миллионов тридцать кто-то снял! Такой куш! На всю жизнь хватит!

Он хлопнул водку одним глотком и молодецки крякнул. Скорее всего, Боня преувеличивал. Судя по тем цифрам, которые упоминал в разговорах со мной Владик, вряд ли из «Золотой нивы» можно было вытрясти больше пятнадцати—двадцати миллионов. Но и это составляло огромную сумму. Пожалуй, это была одна из крупнейших афер в стране. Может быть, только в Москве людям удавалось срывать столько же.

Боня принялся за еду, одобрительно кивая головой.

— Ты словно радуешься, — обронил я, не понимая его реакции.

— А что ж мне, слезами обливаться, что ли? — искренне удивился Боня. — Из-за кого? Из-за лохов? Так они по жадности своей попадают. Их все равно накажут, не одни, так другие. Такая уж у них лоховская доля. Мне одно обидно, что не я такую постановку провернул. Я как подумую, какие куши прохлопал, у меня давление повышается.

— Тебе и Владика не жаль? — допытывался я.

Боня насупился и помолчал.

— Владика мне жаль, — проговорил он медленно и серьезно. — Даже очень. Верить, нет, а любил я его. Хотя он, конечно, сам виноват.

— Виноват в том, что ввязался в эту авантюру? — уточнил я.

— Виноват в том, что хитрее всех хотел быть, — ответил Боня, хмурясь. — Зарвался, чувство реальности утратил. Не хочу плохо про мальчишку говорить, он мне как родной был, но дорожку он себе сам выбрал. Эх! Две страсти нас губят: жадность и азарт. Любого возьми, хоть самого умного. Тормознись Гитлер вовремя, и был бы в шоколаде! Вот и Владик мог с этого паровоза соскочить. Надо было ему со мной в сознанку идти. По душам поговорить, открыться. Дескать, хочу честно и откровенно деньжат отвинтить, но так, чтобы мне за это ничего не было. Давай сработаем на пару. Да неужели я бы не помог?! Сколько я таких дел проворачивал! Мы бы по-умному это обтяпали. Во-первых, мы бы с ним отщипнули по чуть-чуть, по капельке, чисто на жизнь. По лимончику, например, рубанули бы втихарца, но так, чтобы до поры до времени никто не заподозрил. Бухгалтерию бы всю подчистили. А главное — мы с ним отвалили бы открыто, не таясь. Дескать, устали, сил нет. Мол, свою задачу выполнили, компанию на рельсы поставили, нехай теперь другие пашут! Фирму повесили бы на генерала. Да этот сундук от счастья неделю бы пил! Это ж его мечта — щеки надувать да понты кидать. Контора все одно бы екнулась, ее ведь и создавали под слив — вот тогда бы пусть он и разбирался с губернаторами, там, бандитами, прокурорами. А мы бы в стороне остались. Я про таких, как генерал, всегда говорил: не называйте фраера лохом, называйте президентом компании. Правильно? — Боня повернулся ко мне, ища одобрения.

— Наверное, — пожал я плечами.

— Не «наверное», а точно! — припечатал Боня. — А Владик по-другому решил. Он наострился всех причесать. Ладно бы лохов, а то ведь еще и тех, кто ему по жизни помогал. Пономаря. Меня. Других людей. Смыться он собрался со всеми бабками — вот что!

— Он действительно последнее время часто говорил о побеге, — кивнул я.

— Вот видишь, — мрачно подхватил Боня. — Я это чуял! Хотя с тобой он говорил, а со мной молчал! Почему? Доли пожалел? А ведь ближе меня у него никого не было! Все тайны я его личные ведал. А про денежки — молчок! А поделился бы, глядишь, и живой бы остался! Но нет, не поделился.

Боня болезненно поморщился, вновь переживая обиду. Потом налил себе еще коньяка, понюхал, но, уже поднеся ко рту, вдруг поставил на место.

— Но кому-то же он открылся! — воскликнул он с ожесточением. — Кому-то доверился! Вот тут ему конец и пришел! Кто-то шустрее его самого оказался. Взял, да и в последнюю минуту его самого нахлобучил.

Я не понял, к чему относилась его досада: к обманутой дружбе или упущенной выгоде.

— Почему ты думаешь, что это был один человек? — поинтересовался я. — Может, их было несколько?

— Нет, — уверенно возразил Боня. — Исключено. С кодлой Владик не стал бы говорить. Он же тихушник, побоялся бы, что наружу выйдет. Тут именно один действовал. Но очень ушлый. Наобещал ему с три короба, дал гарантии, что прикроет. А сам и бабки забрал, и Владика уработал!

— Как думаешь, найдут? — спросил я.

— Найти не найдут! — ответил Боня, не задумываясь. — С такими бабками можно всю оставшуюся жизнь шифроваться. В любой стране тебя с распростертыми объятиями примут. Другое дело — узнать, кто всю кашу заварил. Это мы узнаем, даже не сомневайся. Такие вещи всегда всплывают. Только человек уже далеко будет.

— А у тебя самого есть подозрения? — допытывался я.

— У меня? — Боня огляделся по сторонам и наклонился ко мне вплотную. — Есть. Я на Дианку думаю!

— На кого?! — опешил я.

— На Дианку, — повторил Боня убежденно. — А что ты так удивляешься? Она же ему изменяла, налево ныряла от него. Я точно знаю. Мне Владик сам сколько раз плакался. Я ему, бывало, говорю, брось ты ее, не позорься. Ты же мужик, такими деньгами ворочаешь. Пошли ее к черту! Мы тебе другую найдем, мало их, что ли? А он — ни в какую. Любил ее, жить без нее не мог, все ей рассказывал. А она взяла, да и натырила какого-то хахалы своего. Тот втерся к Владiku в доверие. А в нужную минуту его же и разменял. Я всегда говорил: нельзя бабам доверять, — заключил он поучительно.

— Это не она, — сердито возразил я. — Владик ее ревновал бешено. Он ни за что не стал бы откровенничать с человеком, которого она бы к нему подвела. К тому же зачем ей было кого-то натравливать на Владика, если Владик и так делал все, что она хотела?

С этим Боня спорить не мог.

— Ну, не знаю, — проворчал он. — От баб всего можно ожидать. А от нее — особенно. — Он покосился в иллюминатор и хлебнул коньяка. Это ускорило мыслительные процессы в его голове.

— Ну, если не Дианка, тогда это — Плохиш! — выдвинул он другую версию.

— Плохиш-то здесь при чем?

— А при том, что Плохиш за бабки удавится! — легко нашелся Боня. — Он сейчас больше всех разоряется. Даже громче Бабая. А залетел всего на тридцатку. Да для него это — копейки сущие. Я и то больше попал, а я по сравнению с ним — босяк. Вот я и думаю, что Плохиш для видимости эту мелочь в «Золотую ниву» закинул, чтобы подозрения от себя отвести. А сам Владика грохнул и все загреб!

С болтунами вроде Бони никогда не угадаешь, когда они скажут они что-нибудь стоящее, а когда совсем заврут.

— Как-то тебя все дальше уносит, — заметил я. — Вряд ли это был человек со стороны, скорее, кто-то, кто хорошо разбирался в делах фирмы, кого Владик знал.

Боня задумчиво почесал в голове.

— Ну, если тебя послушать, то только один человек подходит, — пробормотал он недовольно. — Генерал. Да только я сроду в это не поверю. Он же тупой, как валенок.

— Не только генерал, — покачал я головой. — Есть еще один человек

— Это кто же? — Боня с любопытством уставился на меня.

— Ты, — ответил я. — Ты по всем параметрам подходишь. И не дурак, и в аферах рубишь, и Владик тебе верил.

— Я?! — задохнулся Боня. — Я Владика убил? Да ты что?! Да он!.. Да я!.. — Боня не находил слов от возмущения. — Он мне как сын!

— Но все-таки не сын, — возразил я. — А тридцать миллионов — очень хорошие деньги.

— И куда же я их дел?! — ядовито осведомился Боня. — Чего же я тогда с тобой здесь водкой давлюсь, а не на Кайманах с телками загораю?

— Не знаю. Сам удивляюсь.

Это была месть за его слова о Диане. Честно говоря, я не думал на Боню. Его привязанность к Владиду казалась мне искренней. Впрочем, человек столь разносторонний, как Боня, вполне мог и прибить кого-нибудь за деньги, а потом предаваться тихой грусти по своей жертве. Так или иначе, но Боня надул.

— Что-то я спать захотел, — сообщил он, не глядя в мою сторону. — Устал. Девушка, девушка, где здесь у вас плед?

4

В Уральск мы прилетели за полночь. Здесь было шесть градусов мороза и сильный северный ветер. Едва выйдя на трап, в ледяную темноту, я сразу продрог и поднял воротник пальто. Внизу нас дожидались сотрудницы аэропорта, разделявшие пассажиров на группы. К самолету обычно подавали три автобуса: самый маленький предназначался для тех, кто проходил VIP-залом. Попросторнее — для тех, кто летел бизнес-классом, но не относился к

числу особо важных персон. И, наконец, самый большой автобус — для прочих.

Хотя виповский транспорт отличался обшарпанностью и неудобством, рядовые пассажиры обычно взирали на него с завистливой неприязнью. К нему с нашего рейса проследовали лишь четверо: дама в норковой шубе, ее муж, и мы с Боней. Ожидавшая у дверей автобуса знакомая девушка в короткой юбке и накинутом на плечи пальто мерзла, ежилась и смотрела на меня жалобно. Я замыкал шествие и, поднимаясь по ступеням, ободряюще ей улыбнулся.

— Свежо тут у нас, — заметил я, не зная, что еще сказать.

— Андрей Дмитриевич, — тихо позвала она снизу.

Мне послышалось в ее голосе что-то тревожное.

— Андрей Дмитрич, — забормотала она, опуская голову. — Вы извините, конечно, но тут так получилось... В общем, вас вычеркнули из списка.

— Из какого списка? — спросил я, еще не понимая.

— Ну, из виповского, — еле слышно ответила она. — Вам теперь нельзя VIP-залом ходить. Вы, конечно, сейчас езжайте. Только меня не выдавайте, что я вам разрешила, а то мне потом достанется.

— Ковригин распорядился? — догадался я, с трудом подавляя приступ бешенства.

Она молча кивнула.

— Спасибо, — проронил я и, быстро развернувшись, двинулся прочь.

Разумеется, она ни в чем не была виновата, но я боялся выплеснуть на нее ярость от внезапного унижения. Автобус с бизнес-классом уже уехал. На полосе оставался только обычный.

— Ты куда, дружище? — громко крикнул мне вслед Боня, высовываясь из дверей.

Его голос был слышен в обоих автобусах, во всяком случае, мне так казалось.

— Я теперь випом не хожу, — сквозь зубы ответил я.

— Ишь ты! — удивился Боня. — А почему?

— Деньги экономлю, — бросил я.

— Куда ж ты теперь? — не отставал любознательный Боня. — К лохам, что ли?

Я не ответил. И, стараясь ни на кого не смотреть, залез в набитый битком общий автобус. К лохам.

5

С чемоданом в руках я двигался к выходу из аэропорта, увертываясь от назойливых таксистов, наперебой предлагавших свои услуги. Кроме них, меня никто не встречал, поскольку моя охрана, наверное, привычно сидела возле VIP-зала. Я поплелся через плохо освещенную и обледенелую площадь, поскользываясь в своих туфлях на тонкой кожаной подошве. Кстати, несмотря на поздний час, здесь было довольно оживленно. Шныряли люди, и разъезжались машины.

Своего джипа возле VIP-зала я почему-то не увидел. Отсутствовали также Гоша с Николаем,

что было уж совсем странно. Из всех хранителей моего окоченевшего тела в наличии имелся приземистый крепыш, имени которого я не помнил и которого Гоша за глаза неизменно называл Пронырой. В мирное время Гоша не подпускал его ко мне на пушечный выстрел, считая, что тот метит в начальники, на Гошино место, и утверждая, что услужливость Проныры является прямым доказательством его вороватости. Сам Гоша особым усердием не отличался, видимо, из идейных соображений.

Проныра увлеченно болтал по телефону и курил, прикрывая сигарету от ветра ладонью. Меня он не замечал. Курить охране, между прочим, категорически запрещалось.

— Привет, — напористо проговорил я, подходя. — Ничего, что отрываю? А где остальные?

Застигнутый врасплох, Проныра торопливо швырнул окурок, захлопнул крышку телефона и подхватил мой чемодан.

— А мы вас оттуда караулим, — растерянно кивнул он на вход в VIP-зал и принялся подавать кому-то знаки. Из машины неподалеку выскочили еще двое моих парней. Судя по их мятым лицам, они проснулись за минуту до моего появления. — Вы же всегда тут ходите.

— Где остальные, я спрашиваю? — я не собирался обсуждать с ним причины, по которым теперь появлялся не там, где меня ожидали.

Проныра втянул голову в плечи и шмыгнул носом.

— Тут неприятность вышла, Андрей Дмитрич, — забормотал он. — Вы лучше садитесь в машину, я вам по дороге объясню.

— Я хочу знать, где Гоша? — повысил я голос. Чем меньше я понимал, тем сильнее злился.

Видя, что я приближаюсь к точке кипения, Проныра издал какой-то горловой звук, напоминавший бляенье, и оглянулся на двух своих товарищей, ожидая от них поддержки. Но те лишь опасливо попятились. Надежды на них Проныре не было.

— Ну, — торопил я, доставая сигареты и зажигалку. — В чем дело?

— Гоша... это... Арестован, — выдавил из себя Проныра.

— Как арестован?! — ахнул я. — Кем арестован? А Николай?!

— Тоже арестован, — еле слышно ответил Проныра. — Похоже, облава на нас, Андрей Дмитрич! Обложили нас вкруговую!

Пачка сигарет выпала из моих рук. Проныра и один из охранников наперебой кинулись ее поднимать, столкнувшись лбами.

— Где моя машина? — спросил я севшим голосом.

Проныра, еще не поднявшийся с корточек, глянул на

меня снизу вверх в таком ужасе, словно боялся, что я ему врежу.

— Ее в милицию забрали, — пролепетал он. И на всякий случай прикрыл челюсть плечом. — И джип, значит, и «БМВ». Короче, весь ваш транспорт — там, в милиции. Остались только наши «десятки». Мы втроем к вам на одной приехали. — Он показал на машину, из которой выскочили охранники. — Даже не стали другие брать, чтобы не привлекать внимания. Вы лучше садитесь, — умоляюще повторил он. — А то вдруг тут это... — он прервался, снова шмыгнул носом и еле слышно заключил: — Вдруг и нас загребут...

Стараясь держаться как ни в чем не бывало, я под затравленными взглядами своих телохранителей с достоинством прошествовал к «десятке», сел на пассажирское место и первый раз в жизни зачем-то пристегнулся ремнем.

Проныра плюхнулся за руль, а двое других еле втиснулись сзади. Я слышал их напряженное сопение. Для заднего сиденья «десятки» они были, пожалуй, крупноваты, тем более что Проныра отодвинул свое, а заодно и мое кресло так, что мы полулежали на их коленях. Между прочим, когда эти парни устраиваются на работу, они выглядят поджарыми, как борзые. Но всего лишь за год на хозяйских харчах разъедаются так, словно собрались играть главную роль в фильме «Беременный матрос».

Проныра тронулся, избегая смотреть в мою сторону.

— Рассказывай! — потребовал я, когда мы в полном молчании проехали первые километры.

Проныра завозился.

— Да я толком сам ничего не знаю, — скороговоркой начал он. — Я же дома сидел весь день. Мне это, Гошина жена сперва позвонила. Как раз его закрыли, днем, прямо в центре города. У ней на глазах все случилось. Налетели, говорит, как из-под земли и повязали. А он вообще ничего не делал, просто стоял с ней вместе и все. Ее-то после отпустили, а его, значит, в камеру. Она мне передала, чтоб я с Савицким связался. Чтоб Савицкий что-нибудь там предпринимал. А Николая уже потом поймали, когда он к вам ехал, на вашем джипе. Его на посту ГАИ тормознули, а там уж ему деваться некуда было. В воронок его засунули и в наручниках увезли. Мне парни из его смены три часа назад позвонили. Я уже доложил Савицкому.

Он замолчал.

— Так, — сдерживаясь, сказал я. — Что-нибудь еще?!

— Все! — замотал головой Проныра. Он что-то явно недоговаривал. — Савицкий пообещал помочь. А остальным нашим ребятам я велел пока загаситься и из дома не выходить. На всякий случай.

— То есть не всех наших арестовали? — уточнил я с некоторым облегчением.

— Не всех, — признал он. — Только Гошу и Николая.

В его словах мелькнула тень сожаления. Видимо, это обстоятельство сужало масштабы описываемой им катастрофы.

— Зачем ты остальным велел спрятаться?

— А вот как раз, чтоб уберечь! — гордый своей догадливостью ответил Проныра. — А то если всех заметут, кто ж тогда вас охранять будет?

— А если все попрячутся, то кто меня охранять будет? — поинтересовался я.

Вопрос поставил Проныру в тупик. Чувствовалось, что он был слишком озабочен своей безопасностью, чтобы подумать о моей. По участвовавшему сопению за моей спиной я понял, что те двое, сзади, тоже переживают. И тоже не за меня.

Мои размышления прервал телефонный звонок.

— Здравствуйте, — донесся до меня какой-то придушенный шепот. — Узнали?

— Нет! — сказал я неприветливо. — Кто это?

— Это я, Савицкий. Все в порядке. Еду к вам. Буду через десять минут.

Голос показался мне чужим. Я искал знакомые интонации и не находил.

— Где вы будете?! — не понял я. Но он уже положил трубку.

Висок у меня начал лихорадочно пульсировать. Я набрал секретный номер Савицкого, и он ответил. Хотя голос по-прежнему звучал непривычно, я, по крайней мере, теперь не сомневался, что это был именно начальник нашей службы безопасности.

— Вы можете мне объяснить, что происходит? — попросил я довольно нервно.

— Все под контролем, — отозвался он. — Не волнуйтесь. Через две минуты увидимся.

Похоже, он вновь хотел отключиться, но я не дал.

— Да где увидимся? — воскликнул я нетерпеливо. — Вы куда едете?

С минуту в трубке висело молчание.

— А вы куда? — озадаченно поинтересовался он, словно этот вопрос не приходил прежде ему в голову. Чужим был не только его голос. Он и выражался как-то запинаясь, без свойственной ему четкости. Он никогда так не разговаривал.

— Я еду из аэропорта, — отдельно произнес я. — В Уральск. Хотя у меня такое ощущение, что все здесь разом свихнулись...

— Да, — неопределенно отозвался он, не отрицая факта массового безумия. — А я вот в аэропорт, кажется, — прибавил он после паузы. Судя по его интонации, он сам был удивлен этим фактом.

— Отлично, — сказал я. — Интересно, мы уже разминулись или еще нет?

— Не знаю, — признался он. — Может быть, мы тогда лучше в городе съедемся? У нашего спортивного комплекса? Чтобы не искать друг друга?

— Хорошая мысль, — согласился я. — А с вами точно все в порядке?

— Со мной? — переспросил он неуверенно. — Ну в целом да. Только тошнит немного. Так получилось. Я потом объясню.

Я не стал настаивать на немедленном объяснении. Проныра поехал не новой трассой, а старой скверной дорогой, по обеим сторонам которой тянулись лесопосадки. На пути не было ни жилых домов, ни заправок. Все вокруг выглядело пустынным и зловещим, сплошную темноту прорезал лишь свет наших фар. Проныра вел машину, напряженно вперившись в ночную дорогу. Вдруг он затормозил и прижался к обочине.

— В чем дело? — резко осведомился я.

— Машина за нами, — страшным шепотом сообщил Проныра. — Давайте пропустим.

Он съехал на обочину и выключил фары, ожидая, пока мимо нас промчатся два автомобиля, видимо, тоже возвращавшиеся из аэропорта. Крупногабаритная парочка моих охранников на заднем сиденье затаилась, скрючившись и не дыша. Я посмотрел на Проныру и увидел, что у него на лбу выступили капли пота. И тут его мобильник издал трель. Проныра вздрогнул, словно у него над ухом выстрелили.

— Да, — коротко ответил он. — Это я. Слушаю. Нормально. Здесь.

Он стрельнул в меня глазами и тут же потупился. Я сделал вид, что ничего не заметил.

— Хорошо, — отрывисто и односложно бросал он в трубку. — Понял. Да. Угу. Ладно.

— А вот и не ладно! — негромко вмешался я и выхватил у него из рук телефон.

Я знаками приказал ему сидеть тихо и для верности показал кулак. Проныра сглотнул и хлопнул глазами в знак подчинения. Я поднес трубку к уху.

— Ты там не паникуй, — услышал я. — И не суетись. А то ты вечно прогнаться норовишь. Делай, как я говорю. Понял?

— Угу, — буркнул я. Собеседника, упрекавшего меня в паникерстве и желании прогнаться, я узнал с первой же фразы. Лишь один человек в мире мог разговаривать с таким непередаваемым апломбом. Разумеется, это был Гоша.

— Ты тверди одно, — вальяжно инструктировал меня Гоша, полагая, что имеет дело с Пронырой. — Мол, облава на нас. Некоторых уже замели. Остальных пасут. Обстановка сложная. В таком духе.

Я старался отвечать междометиями, чтобы не выдать себя. Я еще не понимал, в чем смысл затеянной Гошей интриги, но уже догадался, что меня нагло дурачили. Видимо, Гоша крепко набедокурил и теперь заметал следы, пытаюсь избежать справедливой кары.

— Ты какой дорогой едешь? Низом? Как я сказал?

Мычанием я подтвердил, что еду низом.

— Это хорошо, — похвалил меня Гоша. — Николай с Савицким к вам верхом гонят. Значит, не съедетесь, — он удовлетворенно хмыкнул. — Про меня спрашивал?

— Да, — сдавленно прорычал я, чувствуя, что, не колеблясь, прибил бы его, окажись он в пределах моей досягаемости.

— Про меня вообще молчи, — наставлял Гоша. — На фиг я ему буду сегодня под горячую руку попадаться? Разорется на пустом месте. Пусть отойдет от дороги. А ты лучше про Николая попробуй вернуть. Дескать, все из-за него, как обычно. Баран, что с него взять. В таком духе. Но только ненавязчиво. Понял? А я завтра уже сам все спокойно объясню.

Терпеть дальше было выше моих сил.

— Нет уж! — прервал я. — Ты все объяснишь сегодня!

Повисло тяжелое молчание. Гоша соображал.

— Ты слышишь меня?!

— А! Андрей Дмитриевич! — наконец откликнулся он, фальшиво изображая радость. — Это вы! Как долетели? Как самочувствие?

— У меня — отличное! — саркастически ответил я. — А у тебя скоро будет очень плохое!

— Куда уж хуже, — опечалился Гоша. — И так на меня облава. Две машины за мной прислали, восемь человек меня брали. Отбивался я до последнего, чуть до стрельбы не дошло. Трех уронил. Выследили меня. Наружка, видать, за мной уж давно ездил. Подвел я вас, да. Извините, — со вздохом признал он и тут же свернул на боковую дорожку. — Но я-то

ладно, не доглядел — отвечу, где наша не пропадала. Вы меня знаете, я с себя никогда ответственности не снимаю, но Николай-то каков?! Вот от кого не ожидал. Я ведь на него надеялся, как на самого себя. Думал, ну, случилась беда: попал я в камеру за общее дело. Но шефа же встречать надо! — Гоша выдержал драматическую паузу. — А он вон что отчудил! Опять отличился...

— При чем тут Николай?! — рявкнул я. — Не желаю слушать твои доносы. Чтоб через пятнадцать минут ты был в нашем спортивном комплексе. И не дай тебе бог опоздать хотя бы на секунду!

Не дожидаясь, пока он ответит, я захлопнул крышку телефона и швырнул его Проныре. Телефон угодил ему в толстый бок и упал на пол. Подобрать его он не решился.

Мы все еще стояли на обочине. Проныра сидел не шевелясь, с округлившимися от ужаса глазами и ожидал моих команд. Вряд ли Гоша счел нужным посвящать его в свои замыслы. Скорее всего, Проныра действительно верил в нависшую над нами опасность репрессий. Он разрывался между страхом передо мной и страхом перед таинственной облавой. Я обернулся на двоих парней на заднем сиденье. Их застывшие лица отражали ту же гамму переживаний.

Сказки о том, что охранник закроет вас грудью, если начнут стрелять, не рассказывал даже Андерсен, у которого никогда не было охраны. Собственно, эти парни и не нанимаются вас спасать. Они воспринимают себя как дорогой и хрупкий антураж, который необходимо беречь. Устраиваясь на работу, они обычно задают три вопроса: будут ли их кормить в ресторанах, в которых вы сами обедаете; как часто предполагается покупка им служебных костюмов; есть ли телевизор в их комнате отдыха (как вы сами понимаете, у них непременно должна быть комната отдыха). Их главное отличие от девушек из эскорт-услуг заключается в том, что пахнут они хуже, а едят больше.

Порядочный охранник — это тот, который при приближении опасности не убежит с вашей сумкой. Только не надейтесь, что он останется с вами, конечно, нет. Просто по-настоящему надежный парень смоемся без вашей сумки.

— Марш отсюда! — скомандовал я здоровенной парочке. — Пошли вон!

Они переглянулись.

— Что? — тупо моргая, спросил один из них. — Куда идти?

В их сознании не укладывалось, что я, призванный заботиться об их комфорте, могу столь жестокосердно выгнать на холод свое главное достояние.

— Валите к черту, — посоветовал я. — Живо! Ну?

Они еще раз переглянулись, потом посмотрели на

Проныру, молча взывая к его заступничеству. Однако Проныра, полагая, что троих ему все равно не спасти и лучше уж сохранить самого ценного, поспешно нырнул под приборную доску, делая вид, что завязывает шнурок ботинка. Парни медленно открыли дверь и начали выбираться наружу, явно ожидая, что я передумаю.

— Быстрее, — поторопил я их. — Мне некогда. Я сам сяду за руль, — объявил я Проныре.

— А как нам до города добираться? — укоризненно осведомился один из охранников.

— Трусцой! — отрезал я. — Вам полезно будет. Глядишь, хоть немного жир растрясете.

В отличие от них смекалистый Проныра не задавал ненужных вопросов. Он кубарем скатился с сиденья и пригибаясь обежал автомобиль, уступая мне кресло водителя. Я бы выкинул и его тоже, но у него были документы на машину.

6

Неподалеку от нашего спортивного комплекса стояла белая «девятка» с начерно тонированными стеклами и приглушенными фарами. Еще один невзрачный автомобиль, тоже тонированный и тоже с включенными габаритными огнями, был припаркован в нескольких метрах. Теперь наружное наблюдение осуществлялось почти открыто.

Во дворе комплекса, огороженного высоким забором и освещенного прожекторами, помимо машин Виктора и Васи, я увидел джип Плохиша и белый «Мерседес» Пономаря. Вероятно, Виктор собрал на совещание расширенный состав.

Мой джип красовался на самом видном месте, у тяжелых металлических ворот. Возле него маячила грузная фигура Николая. Понурившись, он переступал с ноги на ногу, и меланхолично бил одним огромным кулаком о другую. Остальные охранники с любопытством бросали в его сторону взгляды. Значит, все, кроме меня, уже были в курсе случившегося. Между прочим, ни Гоши, ни «БМВ» я не обнаружил.

Я подъехал вплотную к Николаю и резко затормозил, но тут со мной приключилась досадная неприятность. Я сто лет не ездил на автомобилях с механической коробкой и от злости забыл выжать сцепление. Машина дернулась и позорно заглохла, как это бывает у новичков-водителей. Мой промах распалил меня еще больше.

— Где Савицкий? — крикнул я Николаю, выскакивая наружу.

— В джипе он, — глухо пробормотал Николай, виновато глядя на меня исподлобья. — Ему там, короче, плохо стало...

Я зашел с другой стороны и увидел Савицкого, который, открыв дверь, свешивался вниз с сиденья. Его пальто было распахнуто, воротник рубашки расстегнут, его мутило. Он надсадно кашлял, глубоко вдыхал морозный воздух и тер лицо грязным снегом, который лежал кое-где тонким слоем.

— Что с вами? — воскликнул я, бросаясь к нему и встряхивая его за плечо.

Он хотел поднять голову, но не сумел и лишь бессильно помотал ею из стороны в сторону.

— Укачало дорогой, — нечленораздельно пожаловался он. — Я сейчас, — он прервался, вновь закашлялся и судорожно сглотнул, подавляя приступ тошноты.

И тут до меня дошло.

— Да вы выпили, что ли?! — изумился я.

— Еще как! — отозвался он с непостижимым укором. — Лыка не вяжу! А все вы виноваты!

На мгновение я растерялся. Я никогда не видел его в таком состоянии и не имел понятия, что наш скрупулезный полковник имеет привычку нетрезвым носиться глубокой ночью по просторам губернии. Впрочем, в этом открытии было утешающее обстоятельство: значит, в родном городе мне предстояли встречи не с одними сумасшедшими. Здесь были еще и просто пьяные.

Краем глаза я заметил, как стоявшие поблизости чужие охранники прислушивались к нашему диалогу и конфузливо улыбались. Формально все они подчинялись Савицкому, который

частенько устраивал им разносы за расхлябанность. Сейчас его плачевный вид будил в них злорадство. Я скорчил людоедскую гримасу, и они тут же отвернулись, делая вид, что заняты своими делами.

— Мне вообще алкоголь принимать нельзя! — продолжал выговаривать мне Савицкий. — У меня язва желудка. А в меня сегодня не меньше трех бутылок водки влили.

— Я вам столько не наливал, — возразил я осторожно.

— Менты наливали! — сердито парировал Савицкий. — Без этого ваших гвардейцев не отпускали! С обеда только вашей охраной и занимаюсь. Пью и пью. Их ведь в разные районы забрали. Пришлось сначала с одним начальником отделения надираться, а потом с другим. Если бы троих задержали, а не двоих, я бы, наверное, вообще живым не остался.

Он с трудом выбрался из машины и, держась за дверь, утвердился в вертикальном положении, слегка покачиваясь.

— Не помню даже, здоровался с вами или нет, — спохватился он, вытирая ладонь о пальто и протягивая мне. — Даже неудобно в таком виде людям на глаза показываться.

Его лицо тоже было в разводах грязи. Тонкие очки съехали набок, редкие волосы топорщились. Я почувствовал к нему сострадание.

— Не стойте на ветру, — сказал я. — Вы же простудитесь. Пойдемте в здание.

— Не пойду! — уперся Савицкий. — Куда я в таком виде! Вы уж там сами объясняйте Виктору Эдуардовичу, что хотите. Я лучше еще немного здесь на холодке побуду, быстрее в себя приду, — он сжал виски и тихонько застонал. — А Геннадию вашему надо как следует по шее надавать! — прибавил он с несвойственной ему свирепостью.

— Это за что же?! — раздался обиженный голос Гоши, и его силуэт показался из-за машин. Выражение лица у Гоши было страдальческим. К нам Гоша, однако, не приближался, предпочитая сохранять безопасную дистанцию. — На меня и так целую охоту устроили! Из-за политики все.

— Что ты плетешь! — прервал его Савицкий. — Какая охота?! Ты эти басни кому-нибудь другому рассказывай! Завтра с утра мне докладную на стол!

— Конечно! — с укоризной отозвался Гоша, снова скрываясь между машинами. — У сильного всегда бессильный виноват!

— Доберусь я до тебя! — пригрозил ему Савицкий и повернулся ко мне. — Короче, сегодня днем он на вашем «БМВ» приехал в центр города с девушкой.

— Не с девушкой, а с женой, — ворчливо вставил Гоша, опять возникая в отдалении. — А «БМВ» я помыть хотел. По-вашему, Андрей Дмитриевич должен на грязной машине ездить, да?

Савицкий поначалу собирался проигнорировать его реплику, но не удержался.

— Там поблизости ни одной мойки не было, — возразил он.

— А потому что я сначала хотел Андрею Дмитриевичу сигарет купить! — нашелся Гоша. — У него в машине сигареты закончились. Он же много курит. Не бережет себя, — Гоша тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Затнись, — посоветовал я ему, ничуть не растроганный его заботой.

— Машину он поставил вплотную к киоску, так что подойти стало невозможно, — рассказывал Савицкий. — А сам преспокойно отправился с женой в магазин. Продавец из киоска выскочил на улицу и попросил его убрать машину.

— Не попросил, а начал орать! — поправил Гоша. — А я ему вежливо ответил.

— Вежливо ответил! Ну да! Ушиб головы у него. Подозрение на сотрясение мозга. Множественные гематомы, ссадины. Слава богу, ничего не сломано. Еле уговорили его назад заявление забрать. Заплатить ему придется, конечно.

— Вот вымогатель! — возмутился Гоша. — Он сам на меня напал. При жене. Стал оскорблять. Бить. Я чувствую: провокация. Думаю, нипочем не поддамся. Отошел в сторону и так вот руками закрылся. — Гоша скособочился и показал, как он закрывался руками. — А он опять. Я его оттолкнул немного. А у него там, в ларьке, сообщники сидели. Они сразу милицию вызвали. Вот, собственно, и вся история. Извините, конечно, если подвел, но тут ведь не уберешься. А травмы он, скорее всего, себе сам нанес. Видит, машина дорогая значит, можно денег требовать.

— Уберись с глаз! — прикрикнул на него Савицкий.

Гоша не спеша ретировался, демонстрируя своим видом, что наша несправедливость его ранит, но он подчиняется, поскольку долг для него выше самолюбия.

— А с Николаем что? — спросил я.

— С этим все просто! — махнул рукой Савицкий. — Оказывается, еще две недели назад у него украли сумку с документами. И никому из нас он не сказал ни слова. Удивительно, как его раньше не задержали. Вы только поставьте себя на место гаишников. Останавливают они джип за превышение скорости, там сидит человек с пистолетом. И при себе у человека нет никаких документов! Ни прав, ни паспорта, ни разрешения на оружие. Что они должны были сделать?

— Справка-то у меня была, — пробасил Николай виновато.

— Какая справка? — посмотрел я на него.

— О том, что документы мои утеряны, — пояснил он, не поднимая головы. — Мне ее еще тогда в отделении выдали. А скорость я не особо и превышал. Они там только недавно знак поставили. А раньше-то его не было.

— Ты почему скрыл от нас пропажу сумки? — строго перебил Савицкий.

— А кому говорить? — мрачно отозвался Николай. — Гоше, что ли? Я сам хотел решить.

— Разгоню их к чертовой матери! — взорвался я. — Надоело терпеть эти выходки!

— Ну, вы уж увольнять не спешите, — примирительно заметил Савицкий. — Наказать, конечно, следует. Оштрафовать там, выговор объявить.

— И от кого они только всему этому учатся? — продолжал бушевать я.

— Действительно, от кого? — пробормотал Савицкий. — Ума не приложу!

Что-то в его тоне меня насторожило. Я взглянул на него внимательнее, и мне показалось, что на его лице с засохшими разводами грязи мелькнуло какое-то каверзное выражение. Признаюсь, я не уловил его намека. Не меня же он имел в виду, в конце концов! С какой стати? Я был так возмущен, что забыл его поблагодарить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Оказывается, во дворе пребывала лишь часть нашей охраны, причем не самая значительная. В холле толпилось еще человек тридцать. Видимо, Вася и Виктор усилили меры безопасности, хотя я убей не понимал, каким образом полсотни перепуганных мордovorотов могли защитить нас от претензий налоговой полиции.

Военачальники находились в зоне отдыха и спорили о том, знал ли Поливайкин о готовящемся аресте или нет.

— Говорю вам, он понятия не имел! — горячился Вася, нервно вышагивавший вдоль барной стойки с бокалом красного вина в руке. — Ему из Москвы позвонили, когда он уже из аэропорта ехал, сказали, чтобы он срочно снял наряды с «Трансгаза», которые он специально к приезду Вихрова выставил. И чтобы ни во что не вмешивался. Мне его первый заместитель по секрету рассказывал. Их вообще от этой операции отстранили.

— Ага! — саркастически отозвался Плохиш. — Слушай мусоров больше! Как, скажи, Лихачев смог бы без них такое шоу устроить? — озабоченный и подозрительный, Плохиш сидел на диване и крутил в руках косяк с марихуаной. — Этот заместитель у тебя на прикорме сидит, неужто он тебе признается? Ты его тут же доляны лишишь. Стремный ты, Вася, в натуре.

— Руль за сто: Поливайкин с самого начала заодно с Лихачевым был, — лениво отозвался Виктор. Он стоял поодаль, в углу, и был занят какой-то игрой. — А может, и прокурор с ними вместе. Одна шайка-лейка. Чем хуже о людях думаешь, тем вернее получается.

— Ну уж нет! — запротестовал Вася. Беспросветный цинизм Виктора всегда будил в нем романтический дух противоречия. — Прокурор с нами еще в понедельник пил! А Поливайкин со мной даже в среду обнимался. Что ж они, притворялись?

— Да ты сам часто правду-то говоришь? — сварливо отозвался Плохиш. — Или считаешь, что только тебе врать можно?

Плохиш дулся на нас, и его настрой был мне понятен. Перейдя с нашей помощью в чиновничье сословие, он надеялся избавиться от докучливого внимания правоохранительных органов. А вышло наоборот: по нашей вине он оказался вовлеченным в шумный уголовный скандал.

Пономарь, сидя в кресле, рассеянно слушал их препирательства, переводя взгляд с одного на другого. Сам он в споре не участвовал, первым заметил мое появление и подошел здороваться.

— Ты из Испании? — спросил он, наклоняясь и дружески хлопая меня по спине.

— Из Италии, — ответил я.

— Я так и думал, — непоследовательно кивнул Пономарь. — Там сейчас нормально. Тепло.

Он явно витал мыслями где-то очень далеко.

— Ты почему так долго?! — набросился на меня Вася. — Другого рейса, что ли, не было?

В Васином убеждении, что я должен был примчаться к нему на помощь со скоростью света, было нечто по-детски трогательное.

— Он вообще мог не приезжать, — вступился за меня Виктор. — Это уж я так его вызвал, по старой дружбе. А Храповицкий его еще в понедельник уволил. С твоего, кстати, согласия.

— Я не давал согласия! — закудахтал Вася. — Я вообще не в курсе был. Меня задним числом в известность поставили, сказали, что они с Володей разругались и Андрей написал заявление.

— Люди отсюда выламываются, а ты сюда рвешься, — неодобрительно проворчал мне Плохиш. — Приключения на свою голову ищешь.

— В кустах, что ли, ему прятаться? — свысока спросил его Пономарь.

— В кустах — не на нарах, — буркнул Плохиш, зажег папиросу и затянулся.

— Кто это отсюда бежит? — насторожился Вася.

Вася был одет по-дорожному: вместо привычного элегантного костюма с ярким галстуком на нем были джинсы и кожаная куртка. Он нервно подкашливал и теребил бородку. Плохиш не стал ему отвечать, он уже переключился на другое.

— Наружку видел? — спросил он меня, протягивая папиросу в знак примирения.

— У входа две машины стоят, — кивнул я, затягиваясь, чтобы не обижать его отказом. — «Девятка» и «восемьмерка».

— Это, видать, за Васей или за Виктором такой важный транспорт пустили, — жмурясь от едкого дыма, заметил Плохиш. — Меня-то все больше на «четверках» пасут. Спасибо, что не на «газонах». Вечно мне самая шняга достается.

— Машин двадцать сейчас за вами ходит, — авторитетно подтвердил Пономарь. — Все тачки, что в «семерке» были, на вас бросили. И «жучков» вам дуром навтыкали куда только можно.

«Семерку», то есть отделение, занимавшееся наружным наблюдением, возглавлял родственник Пономаря, так что в этом вопросе Пономарю можно было доверять.

Вася разволновался еще больше.

— Что, и дома у меня «жучки»? — осведомился он. — Как же они ко мне домой пробрались?

— Ольга пустила, пока ты у телок зависал, — хмыкнул Плохиш.

— Да пусть следят, жалко, что ли? — пренебрежительно пожал плечами Виктор. — Лишь бы нашим женам ничего не разболтали.

После того как Храповицкий передал Виктору фактическое управление холдингом, тот начал одеваться формально. Он и сейчас был в костюме, довольно мятом, так что я не взялся бы определять на глазок, провел ли в нем Виктор тяжелый день или еще и угарную ночь. Однако ни уныния, ни страха в Викторе не наблюдалось.

Правда, его изрытое оспинами лицо было очень бледно от количества выпитого, но синие глаза смотрели дерзко, а губы были красными и влажными, как у вампира. Казалось, он вот-вот кого-нибудь укусит. На барной стойке стоял массивный стакан с коньяком, к которому Виктор время от времени прикладывался. Все остальные были подавленными и трезвыми, включая Васю.

— Можно ввести меня в курс дела? — попросил я. — Что же все-таки случилось? Когда я улетал, все шло как нельзя лучше. И вдруг такой удар!

— Нас бы кто просветил! — откликнулся Виктор. — Не больше твоего знаем. Зло берет! Храповицкого загребли у всех на глазах — и тишина! Глухо, как на кладбище. Ни заявлений, ни разъяснений — ничего! Нам даже не удосужились сообщить, в чем конкретно его обвиняют. Адвокатов к нему не пускают.

— Как не пускают?

— Молча. Как у нас в стране это делается? Немтыш-кин, конечно, вместе с нашими юристами уже отнес жалобы в суд и в прокуратуру, да что толку?! Мы здесь лишь догадки строим да слухи собираем.

Я наконец разобрал, чем он так увлечен: он играл в дартс, только вместо мишени использовал парадный портрет Лисецкого, висевший у нас в холле. Поставив его на тумбочку и прислонив к стене, Виктор сосредоточенно метал в него дротики.

— Ты про обыск расскажи, — подсказал Вася.

— А чего тут рассказывать? У Храповицкого дома нашли два боевых патрона от пистолета Сечкина! Их почему-то в холодильнике обнаружили. Вова, видать, ими водку закусывал.

— За холодильником, — поправил Вася со знанием дела. — Будто бы закатились они. Хотя ясно, кто их туда закатил. Заместитель Поливайкина тоже не сомневается, что патроны подложили. Храповицкий же с «Макаровым» ходит, как и все мы. А тут — от Сечкина. Получается, что он нелегально прятал боеприпасы. Бред!

Сообщение и вправду звучало абсурдно. Дело в том, что у Храповицкого дома был целый склад разного оружия, естественно, законного. Савицкий держал в штате отдельного человека, который занимался исключительно оформлением ружей и клинков: их покупали партнеры по всему миру. С этим у него всегда было как в аптеке. Два патрона от пистолета Стечкина были Храповицкому ничуть не нужнее, чем, допустим, Лихачеву балалайка для проведения служебных совещаний.

Виктор размахнулся и со злостью всадил дротик в нос губернатора.

— Цирк! — фыркнул он. — Храповицкому, поди, шьют хищения в особо крупных размерах, сотни людей трясут, а подсовывают какой-то заржавевший патрон. Хоть бы уж деньги подбрасывали. Тугрики, например. Незаконные махинации с монгольской валютой, серьезное, между прочим, преступление. Карается расстрелом. Странно, что они до сих пор с обысками ни ко мне не приходили, ни к Васе. Думаю, на днях заявятся. Специально по всему дому презервативы разбросаю, пусть собирают.

— Я с лета свои квартиры вычистил! — похвалился Вася своей предусмотрительностью. — Ценности за границу отправил. Что не жалко, здесь попрятал.

Я невольно взглянул на Васю внимательнее. Летом еще никто из нас не предвидел такого развития событий. Возможно, Вася был и не таким уж романтиком, каким я его считал. Во всяком случае, в вопросах личной безопасности и сохранности собственного имущества.

— Если захотят закрыть, все равно закроют, — убежденно заметил Плохиш. — Прячь — не прячь.

— Меня человеческая подлость убивает! — вдруг с чувством воскликнул Вася. — В воскресенье у нас весь город на празднике гулял. Благодарили, целовались, в вечной любви клялись. Всю неделю к нам на прием ломились. И вдруг — как топором обрубил. Сижу в кабинете, телефон то и дело к уху подношу, думаю, может, сломался? Нет, гудит. Пошел к Виктору, а в коридорах пусто. Если и встретишь сотрудника, так сразу в сторону шарахается.

У Виктора в приемной секретарша ногти красит. Кроме нее и охраны — ни души!

— А ты чего ждал? — отозвался Виктор. — Что они нас спасать бросятся, что ли? Раньше к Храповицкому очередь выстраивалась, а теперь к Лихачеву. Тебя сдавать. Я сегодня весь день Лисецкому названивал — без толку. Мобильный отключен, помощник говорит, его нет в Уральске. Я даже Николашу к поискам подключил — все равно без толку. С Ваней Вихровым пробовал связаться — он занят. Позвоните позже. С прокурором области — та же история. Щетинский — и тот занят, представляешь? Ты случайно не знаешь, чем может быть занят Щетинский? А то я уже голову сломал.

— Ну, Лисецкого, и правда, здесь нет, — вставил Плохиш. — Говорят, он в Москву улетел, как раз по этому вопросу. Я сегодня в областную администрацию заскакивал, все только на эту тему и жужжат.

— Злорадствуют? — вскользь поинтересовался Виктор.

— Само собой!

— Вы Андрею кассету покажите, — спохватился Пономарь. — То, что вчера в новостях было.

— Да чего там смотреть? — брезгливо поморщился Виктор. — Ничего умного все равно не говорят.

— Пусть глянет, — поддержал Пономаря Плохиш. — Он все же в телевидении больше нас рубит. Может, вку-рит, откуда ноги растут.

Виктор взял пульт дистанционного управления и включил огромный монитор, висевший над барной стойкой. Все повернулись к экрану.

— Это в ночном выпуске по НТВ проскочило, — объяснял он мне, отматывая пленку в поисках нужного места. — Кто-то из нашей пресс-службы случайно записал. А, вот.

Съемка была служебной, ужасного качества, причем делалась на бегу. Она начиналась с эпизода, когда люди в масках выволакивали на улицу Храповицкого, заломив ему руки за спину. Камера прыгала, ее то и дело закрывали чьи-то плечи, спины и иные части тел. Слышались уличные шумы, хрипы и отрывистые выкрики. Лица Храповицкого было почти не видно. Чувствовалось, что он упирается. Спускаясь с крыльца, он рванулся в сторону, и автоматчики сбили его с ног. Он упал на мокрый, в лужах, асфальт, и они навалились сверху. Затем, бранясь, его подняли и потащили дальше.

Я ощутил болезненный укол и инстинктивно отвел глаза, словно нечаянно подсмотрел что-то запретное.

— Уроды! — пробормотал Пономарь, видимо, испытывавший то же, что и я.

— Сегодня налоговой полицией Уральска был арестован руководитель крупного нефтяного концерна Владимир Храповицкий, — рассказывал женский голос за кадром. — Арест был произведен прямо во время назначения Владимира Храповицкого генеральным директором «Уральсктрансгаза». Представители налоговой полиции пока отказываются от комментариев.

— От комментариев отказываются, а свои съемки срочно в Москву перегнали, — заметил я. — Технически из Уральска это не так-то просто сделать, надо заранее время заказывать на местном государственном телевидении. Они, наверное, самолетом кассету отправляли.

— Гляди-ка, про Вихрова ни гу-гу, — отметил Пономарь.

— Дайте же послушать! — взмолился Вася.

— Ты уже в какой раз это смотришь,— напомнил Виктор. — Мог бы наизусть выучить.

— Вероятно, этот арест — далеко не последний, — бодро завершила журналистка, появляясь в кадре.

Вася болезненно передернул плечами.

— Ты слышишь, да? — апеллируя ко мне, воскликнул он.— Что значит «не последний»? Кому нужны ее дурацкие предположения? Ее собачье дело информацию давать, а не ахинею плести! А она все переврала. Никакой Храповицкий не руководитель концерна, он давно уже президент! Надо в суд на них подать! Пусть факты излагают, а не домыслы строят!

Он вновь заметался по комнате, на сей раз по какой-то ломаной линии, словно ноги его не слушались. Шнурок на левом ботинке у него развязался и плескался в такт его движениям.

— Ботинки завяжи, — заметил ему Пономарь. — А то наступишь и упадешь.

Вася, не разобрав, остановился как вкопанный и испуганно посмотрел вниз.

— А! — отрывисто бросил он, успокаиваясь. — Вижу.

Он подошел к кожаному креслу, поставил ногу на

сиденье и принялся возиться со шнурком.

— Я эти туфли в Париже заказывал, — зачем-то торопливо объяснял он нам между делом. — Забыл, как фирма называется, они только на заказ обувь шьют. Две с половиной тысячи зеленю отдал и еще год ждал. У них даже шнурки — из особой кожи, из упругой. Никак к ним не приспособлюсь. Они там сперва мерку снимают.

— Кстати, Вась, у тебя триканы есть? — зевая, перебил его Виктор. Слушать про Васину обувь ему было неинтересно.

Этот неожиданный и нелепый вопрос сбил Васю с толку.

— Какие триканы? — уставился на него Вася.

— Ну, штаны такие, тренировочные, — пояснил Виктор, не поворачиваясь. — Рваные такие, — он подумал. — С отвисшими коленками. Есть?

— Зачем они мне, рваные? — поперхнулся Вася.

— А в чем ты в камеру пойдешь? От Китона, что ли, костюм напялишь? — осведомился Виктор. — Или вот в этих башмаках за две с половиной штуки?

Вася дернулся, как ужаленный.

— Идиот! — выкрикнул он. — Пошел ты знаешь куда, с такими остротами?

— Вместе пойдем, — ухмыльнулся Виктор.

2

— Бросьте вы собачиться! — вмешался Пономарь. — Нужно думать, что дальше делать! Утро уже на дворе, а мы еще ничего не решили.

Строго говоря, наши проблемы Пономаря напрямую не касались, и его пребывание здесь было свидетельством дружеского участия.

— А че тут, в натуре, думать! — отозвался Плохиш. — И так все понятно. Надо договариваться.

— С кем договариваться-то? — спросил Пономарь.

— С Гозданкером, с кем же еще! Он же Храповицкого заказывал. Занес мусорам денег, они и набросились.

— Гозданкер? — скептически переспросил Виктор. — Сколько же он должен был отвалить, чтобы менты от нас переметнулись? Да у него и денег таких нет. Не говоря уж о том, что он за рубль удавится. Нет, тут что-то другое.

— А что, не мог он разве с Покрышкиным скинуться? — упорствовал Плохиш. — Покрышкин-то вас ох как ненавидит. Да мало ли на вас злых?

— Чушь! — оборвал его Пономарь. — Такие дела вскладчину не проворачивают. Чем больше участников, тем скорее все наружу выйдет. — Он помолчал и, понизив голос, прибавил: — Я считаю, из Москвы все идет. С самого верху.

— А как же Вихров приезжал Храповицкого назначать? — возразил Плохиш. — Выше Вихрова — кто? Ельцин да Черномырдин.

— Значит, без Вихрова все решили, — многозначительно заметил Пономарь. — Зря Володя вообще туда нырял. Сидел бы здесь спокойно.

Для Пономаря, как и для многих провинциальных бизнесменов, федеральная власть отождествлялась лишь с поборами и неприятностями, обращений к ней он не одобрял.

— Ты полагаешь, это из администрации президента была команда? — спросил я его напрямую.

Пономарь мрачно кивнул.

— Без приказа сверху Лихачев не решился бы на арест, — проговорил он убежденно. — Исключено.

— Не понимаю, — признался я. — Кто сумел обойти Калошина, который обещал Храповицкому свою помощь? Почему в войне против нас до сих пор не было никакой согласованности? Лихачев нас давил, а прокуратура опротестовывала его действия. Я не очень верю в то, что Поливайкин — на стороне Лихачева. Во-первых, он ненавидит Лихачева, во-вторых, он губернатору в рот заглядывает, а губернатор — наш партнер. И еще одно соображение. Если бы в Кремле решили нас уничтожить, какой вой поднялся бы в средствах массовой информации! А тут Володю взяли, а государственные СМИ — как в рот воды набрали. Единственный сюжет проходит на частном канале, да и то как-то бочком, в ночном выпуске. Комментарий размытый, словно исподтишка булавку воткнули. Думаю, он появился потому, что Лихачеву очень хотелось увидеть эту информацию на федеральном телевидении, а Гозданкер, с присущей ему бережливостью договорился там, где подешевле.

— Но ведь в самом начале Лихачева кто-то на вас натравил! Он же не просто так взъелся!

— Да Гозданкер это! — не сдавался Плохиш. — Больше некому.

— Я бы встретился с «Русской нефтью», — предложил я. — У Либермана отличные отношения с руководством налоговой полиции. Возможно, он согласится нам помочь,

особенно если его об этом попросит губернатор. А если он откажется, мы по крайней мере будем знать, на чьей стороне он играет.

— Не согласен, — возразил Виктор. — Лично я уверен, что к этому делу они руку приложили, хотя понятия не имею, где мы им дорогу перешли. Если я прав, то договариваться с ними сейчас бесполезно. Они будут обещать, врать, тянуть время. А Лихачев будет нас здесь долбить по их указке. И чем все это закончится — никому не известно.

— Но с кем-то нам нужно начинать переговоры! — воскликнул я. — Не в бункере же нам отсиживаться.

— С Лихачевым, конечно! — ответил Виктор, не задумываясь. — Он для нас теперь главный человек.

— А если он просто исполнитель чужой воли?

— Исполнитель, — согласился Виктор. — Но только не простой. Он расстрелом командует. Может в нас пальнуть, а может — в воздух. Надо на него выходы искать.

— Ты главное триканы свои не забудь одеть, когда к нему отправишься! — мстительно подал голос Вася. — А то, хоть костюм у тебя и жеваный, а все равно жалко в нем на нарах валяться. Ты что, надеешься, что ты ему денег сунешь, и он сразу задний ход включит?

В лице Виктора мелькнуло сердитое выражение.

— У тебя есть план получше?

Разумеется, у Васи не было плана получше. У него не было даже плана похуже. У Васи вообще не могло возникнуть плана — это была не его стихия. Так думали все, включая меня, но, как выяснилось, мы ошибались.

— Есть! — выпалил Вася. И, видя наше изумление, повторил с торжеством: — Есть план. Имеется.

Все дружно уставились на Васю.

— Ну-ну, — недоверчиво произнес Виктор и плеснул себе еще коньяка. — Выкладывай.

Вася описал еще один круг по комнате, то ли наслаждаясь произведенным впечатлением, то ли не зная, как начать. Мы терпеливо ждали. Наконец Вася замедлил шаг, потер руки и заговорщицки сообщил:

— На меня вышли люди, — он сделал театральную паузу. — Из Москвы.

— Опять из Москвы? — забеспокоился Пономарь. — Там что, других проблем нет, кроме как нас сажать да отпускать?

— Что за люди? — спросил Плохиш. — Серьезные или так?

— Очень большие люди, — ответил Вася таинственно и гордо.

Виктор окинул его с ног до головы долгим выразительным взглядом.

— Вася, а на хрена ты им нужен? — осведомился он без всякого уважения. — Большим-то людям?

— А вот и нужен! — запальчиво воскликнул Вася.

— Для денег, для чего же еще! — вмешался практичный Плохиш. — Что еще с нас взять, кроме денег да анализов?

Васе не понравилось, что с него нечего взять, кроме денег и анализов. Он полагал, что Плохишу следовало давать заключение лишь от собственного имени, поскольку с него, Васи, можно взять еще очень многое.

— Это мои старые знакомые, — продолжал Вася. — Я с ними еще на прежней работе дело имел.

— А ты разве когда-нибудь работал? — невинно поднял брови Виктор. — А чего ж ты никогда не говорил? — он осуждающе покачал головой. — Гляди, какой скрытный. Ну, и что хотят от тебя эти люди?

— Они хотят помочь, — ответил Вася важно, стараясь не замечать иронии в свой адрес. — И они в состоянии это сделать. В отличие от тех, кто только и умеет, что языком болтать, — последней фразой Вася указывал нам наше место в жизни. — Но я должен срочно вылететь в Москву. Не по телефону же детали обговаривать.

По Васиному лицу было понятно, что он не собирается посвящать нас в подробности взаимоотношений со своими загадочными знакомцами из столицы. Вообще-то, прежде чем стать совладельцем крупного бизнеса, Вася возглавлял комитет по управлению имуществом в областной администрации. В то время у него действительно были какие-то связи в Москве, позволившие ему повернуть совместно с Храповицким и Виктором сомнительную операцию по приватизации государственной нефтяной компании. Пожалуй, это было венцом Васиной трудовой карьеры. Но, насколько мне было известно, отношений с московскими чиновниками Вася давно не поддерживал, тем более что все его прежние коллеги и покровители успели не один раз поменяться.

— Лети, — пожал плечами Виктор. — Жалко, что ли?

Вася, похоже, не ожидал, что его отпустят с такой

легкостью, и ужасно обрадовался.

— Тогда я, может, прямо завтра и вылечу? — предложил он с готовностью. — Чтобы уж поскорее все там закрутить. На месте.

— Да хоть сегодня, — теряя интерес к разговору и снова принимаясь за дробтики, отозвался Виктор. — Убей не пойму, что он там может закрутить, — проворчал он себе под нос, но так, что мы все услышали. — Главное, вернись сразу после праздников, — завершил он громко.

Радость мгновенно улетучилась с Васиного лица. Оно вытянулось и приняло растерянное выражение.

— Может, так быстро и не получится, — заикаясь, заговорил он. — Не все от меня зависит. Вопрос-то ведь очень серьезный. И люди тоже большие. Нет, в три дня никак не уложиться.

— Сколько же тебе надо?

— Не знаю, — совсем расстроился Вася. — Недели две. А то и больше.

— И что же ты с ними собрался целых две недели обсуждать? — напирал Виктор. — Да за это время нас тут всех пересажают. Никакая помощь после не понадобится.

Вася поежился при упоминании этой пугающей перспективы. Плохиш тоже завозился.

— Буду их торопить, — пробормотал Вася. — Сделаю все возможное, чтобы нас не трогали.

Вышло у него не очень убедительно. В то, что из беды нас спасет именно Вася, верилось слабо.

— Значит так, — внушительно проговорил Виктор. — Если тебе приспичило смотаться в Москву и пару дней развлечься там с телками для снятия стресса, то я тебя отпускаю. Хотя, на мой взгляд, это свинство. Мог бы и потерпеть. Байки про важные встречи ты женам своим рассказывай, а не мне. Но чтобы не позднее вторника ты был на работе! Как штык. Я не желаю, чтобы среди наших директоров поползли слухи, будто ты сбежал. Лихачев только этого и добивается — чтобы мы запаниковали, а я не намерен этого допускать. Поэтому твое место — здесь. Ясно?

Вид у Виктора был настолько непреклонный, что Вася слегка струхнул и оцетинился.

— Ты не командуй! — повысил он голос, делая вид, что оскорблен бесцеремонностью Виктора. — Тоже мне, стратег нашелся! Приказы раздавать всякий умеет. А кто будет с Москвой работать? Ты, что ли? Да ты там никого не знаешь! Тебя даже ни один клерк на порог не пустит!

— Переговоры в Москве будет вести Лисецкий! — прервал его Виктор. — Лучше него мы никого не найдем. Он вхож повсюду, а с нашими деньгами и к президенту прорвется, если потребуется. Нам его возможности и не снились.

— Лисецкий?! А вдруг он не согласится? — заупрямился Вася. — Испугается. Вот, к примеру, где он сейчас? Прячется!

— Пускай прячется, — недобро усмехнулся Виктор. — Никуда он не денется. Пара дней, и он одумается. В нашем бизнесе он увяз со всеми потрохами. Здесь и Николаша, и жена, и совместные проекты. Начнут нас прижимать, до него быстро доберутся. Хочет он того или нет, а надо ему за нас впрягаться. Причем по-серьезному. Так? — он обернулся за поддержкой к нам.

— Так, — согласился Пономарь. — Он с вами повязан, ему скандал не нужен.

— Лихачева, Саня, тебе придется брать на себя, — продолжал Виктор уже другим тоном, просительным. — Беги к нему и падай в ноги, что хочешь предпринимай, но его надо унять. Иначе все бесполезно. Я с самого начала, как и ты, считал, что надо с ним утрясать, а не в Кремль шастать, но Храповицкий же умнее всех, — подойдя к Пономарю, Виктор неловко обнял его за плечи. — Поможешь?

Пономарь порозовел от удовольствия. Пробил час его реванша. Последний год партнеры третировали его с заметным пренебрежением, словно младшего по званию. Даже Плохиш, когда-то начинавший у Пономаря подручным, сделался с ним менее почтительным. Чувствительного Пономаря это задевало, он старался не подавать виду, но заезжал к нам все реже.

Ломаться Пономарь не стал.

— Попробую, — коротко сказал он. — Только не обещаю, что получится.

Этим мне Пономарь всегда нравился: в нем не было мелочности. В лице у Виктора мелькнуло облегчение. Должно быть, в глубине своей нечистой совести он опасался получить отказ.

— У тебя — да не получится?! — с преувеличенным оптимизмом воскликнул Виктор. — Это со мной Лихачев говорить нее станет. Может, и с Васей не будет, хотя с Васей такие люди

общаются, что страшно их фамилии вслух произнести. — Виктор не отказал себе в удовольствии еще раз зацепить Васю. — А тебе он не откажет. Сын его ведь по-прежнему у тебя работает?

Пономарь лишь застенчиво улыбнулся в ответ. Любопытно, что упоминание о его близости с Лихачевым теперь звучало лестью, хотя до последнего момента в нашем кругу это расценивалось как недружественный жест со стороны Пономаря.

— Сколько предлагать? — по-деловому осведомился Пономарь.

— Начни с трешки, — посоветовал Виктор. — Так, чтобы разговор завязался. А там видно будет. Только комиссионных сверху много не приклеивай, ладно? — Виктор попытался придать разговору шутливый оборот, но Пономарь не отреагировал.

— Что говорить?

— Что в таких случаях говорят? — Виктор соорудил гримасу и поскреб щеку. — Дескать, мы осознали, были неправы, хотим исправиться. Дяденька, прости. Больше не будем, готовы искупить вину.

Я не удержался и в упор посмотрел на Виктора. Однажды он потребовал подобного покаяния от меня, и я решил, что скорее уволюсь, чем произнесу что-нибудь в этом роде, не будучи виноватым. Но то, что для меня являлось непереносимым унижением, пощечиной, — для него самого было лишь пустой фразой. Он ответил мне насмешливым взглядом и даже подмигнул, показывая, что все помнит, ничего не стыдится, и моя реакция его только забавляет.

— Хорошо, — сказал Пономарь. — Постараюсь найти его в эти выходные. С праздником поздравлю, заодно и перетру.

3

Добившись успеха с Пономарем, Виктор перекинулся на Плохиша. Плюхнувшись рядом с ним на диван, Виктор фамильярно хлопнул его по коленке и затаился из его рук папиросой.

— Ну что, бродяга, — весело бросил он. — Готовься свидетелями заниматься. Мозги им на место вправлять.

Мы, конечно, ведем работу. И на совесть давим, и премии обещаем, но уж слишком народу много в это втянуто, не все нас слушаются.

Плохиш, как и остальные, отлично понял и причины столь внезапного дружелюбия, и подтекст, содержащийся в словах Виктора.

— Больные на голову всегда найдутся, — согласился Плохиш. — Будем лечить. Кому кукушку пробьем, а кого и по речке пустим.

Плохиш говорил так, словно сплав трупов был для него привычным делом, но меня царапнуло не это, а то, что Вася, еще недавно горячо протестовавший против радикальных методов воздействия, сейчас лишь воровато стрельнул в Плохиша взглядом и, потупившись, промолчал. Зато Пономарю лихость Плохиша не понравилась. Я заметил, как по его лицу скользнула презрительная гримаса.

— Но без денег здесь все равно не обойдешься, — предостерег Плохиш. — Я своих пацанов подставлять не могу: нас и так пасут. Придется ильичевскую братву подтягивать, а она за «спасибо» не работает.

Виктор, не любивший Ильича, поморщился, но спорить не стал.

— Заплатим, — нехотя кивнул он.

— Ты только следи, чтобы они цены не задирали, — обеспокоенно вставил Вася. — А то захотят воспользоваться случаем.

Похоже, Вася переродился не целиком, а лишь частично: скопидомство осталось при нем, или он — при скопидомстве.

— Конечно, захотят, — подтвердил Плохиш Васины худшие опасения. — Все знают, что дело косячное. Даром на рожон никто не полезет, постараются до талого загрузить. Я, само собой, поупираюсь, но Ильича по цене не прибьешь, имей в виду.

— Да не переживай, — успокоил Плохиша Виктор. — Наскребем что-нибудь по сусекам. Ты только раньше времени не суетись.

— Быка лучше заранее предупредить, — возразил Плохиш. — А то смотается еще куда-нибудь, ищи его потом. Полный отморозок. Аванс попросит — спорить могу.

— Какой аванс?! — вновь вмешался Вася. — Да их услуги, может быть, вообще не понадобятся, это уж Виктор на всякий случай страхуется.

Пономарь, прислушиваясь к ним, хмурился и крутил на пальце кольцо с бриллиантом.

— Ты, кстати, когда уезжаешь? — рассеянно спросил он Плохиша, невпопад прерывая разговор.

Вопрос об отъезде прозвучал неожиданно. В лице Плохиша мелькнула мгновенная досада.

— Я еще не решил, — краснея, поспешно ответил он.

Вася встревожился.

— Как это ты уезжаешь? — придирчиво поинтересовался он. — Куда?

— Да в Германию слетать нужно по нашему проекту, — вскользь пояснил Плохиш. — Губернатор велел.

Ссылка на губернатора, вероятно, должна была показать, что Плохиш покидает нас не по своей воле. Однако ни Васю, ни Виктора она ничуть не убедила.

— А почему именно сейчас? — подозрительно спросил Виктор.

— Просто так совпало, — пожал плечами Плохиш, стараясь сохранить небрежный тон. — Там давно один вопрос подвис, я уж и так до последнего тянул.

Плохиш явно желал поскорее покончить с обсуждением этой щекотливой темы. Но Вася не унимался.

— Если все уедут, то кто же здесь останется? — осуждающе осведомился он.

— Вот ты и оставайся, — брякнул Плохиш, теряя терпение.

— Почему это я? — всполошился Вася. — Я не могу! Я по нашим общим делам в Москву лечу.

— А я по каким? — парировал Плохиш. — По своим личным, что ли?

Виктор, повернувшись к Плохишу, испытующе посмотрел на него.

— Струсил, — подвел он итог. — Сматываешься. Свою шкуру спасаешь.

Плохиш отвел глаза в сторону.

— А кто еще будет мою шкуру спасти? — огрызнулся он. — Не ты же.

— Значит, так ты нас благодаришь за все, что мы для тебя сделали? — сквозь зубы процедил Виктор. — Ну, орел!

Эта упрек окончательно вывел Плохиша из себя.

— Что же вы это для меня такого особенного сделали? — едко поинтересовался он. — Может, заработать мне дали? Нефти там отгрузили или еще чего? Что-то я такого не припоминаю. Шестерок разных, кто вам зад лижет, вы целую шоблу кормите, для них вы всегда бабло найдете! Вот их бы вы сейчас и напрягали, поручения им давали. Или они вас уже сдавать начали?

Этот вопрос повис в воздухе.

— Да вы даже в кемпинге никогда не платите, — распаяясь, продолжал Плохиш. — Сколько собираемся — или я рассчитываюсь, или Пономарь.

— А кто тебя на должность назначил?! — перебил его Виктор.

Плохиш аж крикнул.

— А на должность меня губернатор назначил! — с удовольствием возразил он. — Егор Яковлевич Лисецкий. Вы тут, парни, совсем не при делах. Если уж на то пошло, то вы вообще против меня гоношились. Мне-то вы пели, что мы одна мафия, а сами хотели втихаря своего просунуть. Лисецкий вам помешал. Пришлось вам задним числом мне шнягу тискать, что это, дескать, ваша заслуга. Одного вы только не учли, что мне губер сразу весь расклад дал. Просто я раньше молчал, виду не подавал.

Плохиш говорил чистую правду, хотя для Виктора с Васей она не была сладкой. При решении вопроса о том, кто возглавит новый проект, Храповицкий действительно был против Плохиша, которого считал недостаточно лояльным. В целом Храповицкий оказался прав, хотя за все это время Плохиш даже намеком не выдал свою осведомленность. Наоборот, он не уставал демонстрировать партнерам свою признательность.

Неприятно пораженный, Виктор не нашелся, что возразить. Это сделал Вася.

— Выходит, наша дружба для тебя ничего не значит? — вдруг патетически воскликнул он. — Пустой звук?

Мне стало неловко за Васю. Конечно, он исчерпал набор своих аргументов, так и не приперев Плохиша к стенке, но в данных обстоятельствах упоминать про дружбу было неуместно. Если кто-то здесь в нее и верил, так это я, в силу свойственного мне хронического инфантилизма. Но даже у меня хватало ума не дружить ни с кем из присутствующих.

Плохиша реплика Васи привела в восторг.

— Вот это залепил! — проговорил он в восхищении. — Какая у вас может быть со мной дружба, если вы между собой и то каждый божий день грызетесь. Да у вас в прошлом году до резни чуть не дошло, забыл, что ли? А для чего вы меня вообще подтянули, дружить со мной начали? Глаза, что ли, у меня красивые? А может, на тот случай, если вам друг друга

заказывать придется? Не так разве? Это уж потом Андрюха аграрный проект придумал. Дружба! Только не надо меня совсем уж за лоха держать. Кое-что и я волоку.

Плохиш раз за разом бил в точку. Но чем острее были его разоблачения, тем болезненнее становились они для партнеров.

— Закрой пасть! — вскочил Виктор.

— Какая гадость! — вторил Вася.

Их реакция развеселила Плохиша еще больше.

— Да вы не переживайте так! — резвился он. — А то кондрашка хватит! — все еще сидя на диване, он развязно смотрел на возмущенных партнеров. — Витя, признайся, сколько ты собирался мне за Вову предложить? Пол-лимона бы заслал? Чай, не поспешил бы на лучшего друга? Или торговаться бы начал? Постарался бы его за соточку ухайдакать.

— Катись отсюда, дешевка! — рявкнул Виктор.

Мне показалось, что еще мгновение — и он Плохишу врежет. Плохиш, видимо, тоже это почувствовал и на всякий случай отодвинулся в угол дивана.

— Эх, не успели мы с тобой до конкретных сумм дойти, — с сожалением проговорил он. — Хоть намеки ты мне часто пробрасывал. Вова, кстати, тоже эту тему затрагивал, похоже, не любит он тебя. Так что здесь у вас полная взаимность. Но уж раз ни ты, ни он меня не купили, то насчет дешевки ты все же полегче выражайся. Вообще следи за базаром, не надо гавкать. Ни к чему нам друг друга опускать, нам еще много дел предстоит. И наживемся вместе, и коньячка попьем, и шкур попортим. Это, конечно, если Вова выпутается. А если его посадят, то тут другая пьянка начнется. И для вас, парни, и для меня.

Не берусь судить, что повлияло на перемену в поведении Плохиша: нависшая над нами смертельная опасность или уверенность в том, что в следующий раз мы с ним увидимся не скоро. Так или иначе, но это был другой Плохиш. Вместо грубоватого, дурашливого бандита перед нами стоял хитрый, расчетливый и совершенно бесстыдный коммерсант. Ему было глубоко наплевать на наше мнение о нем, как, впрочем, и на нас самих, поскольку возможности извлечь из нас выгоду он в данную минуту не видел.

Вася смотрел на Плохиша таким пылающим взглядом, словно надеялся испепелить его на месте. Но толстокожий Плохиш лишь усмехнулся и поднялся, потягиваясь.

— Спать пойду, — произнес он, зевая. — А то совсем поздно.

Его никто не удерживал. Он направился к двери, но, что-то вспомнив, остановился и повернулся к Пономарю.

— Не знаю уж, зачем ты к ним опять примкнул, чего добиваешься? Мало, что ли, они тебя чморили? Если ты собрался что-то с них получить, то зря время теряешь. Сейчас они ко дну идут, вот и поют по-другому, но суть-то у них не переменялась. С этими ребятами каши не сварить. Они только под себя привыкли грести. Им и то отдай, и еще вот это. А остальное они и сами возьмут. Молодцы, кстати. Бандитам у них еще учиться надо.

Пономарь не ответил, и по его молчанию я догадался, что тему жадности и непорядочности партнеров они с Плохишом обсуждали часто. Плохиш открыл дверь, но вместо того чтобы выйти, невольно отступил.

— Батюшки! — воскликнул он, оглядываясь на нас. — Вася, кажись, за тобой пришли.

На пороге стояла Ольга, раздраженная, в роскошной соболиной шубе до пола.

— Закончили, что ли?! — нетерпеливо осведомилась она. — Сорок минут уже здесь под дверью с охраной прыгаю. Как уборщица.

4

Она шагнула в комнату мимо Плохиша, пряча за поднятым широким воротником ненакрашенное мучнистое лицо с воспаленными глазами без ресниц. Было заметно, что она сегодня не ложилась и взвинчена до предела.

Вася испуганно метнулся ей наперерез.

— Оля, — зашипел он, растопыривая руки и стараясь загородить ей дорогу. — Мы уже расходимся. Еще секунду. Не мешай. Я же сказал тебе, жди меня дома.

— Нечего меня пихать! — отрезала Ольга, вырываясь. — Я тебя уже и дома ждала, и здесь в машине сидела, и в коридоре курила. Сколько можно переливать из пустого в порожнее? О чем тут совещаться? Все и так ясно. Нам через три часа в аэропорт, а твои вещи еще не собраны. Я же не могу их без тебя складывать.

— Оля! — взмолился Вася. Но было поздно.

— Улетаешь?! — протянул Виктор, бросая на Васю убийственный взгляд. — А зачем тогда спектакль устраивал, отпрашивался?

— Да я просто заранее билеты заказал, — мямлил Вася, оправдываясь. — А то вдруг потом не окажется. Вопрос-то ведь сам понимаешь, жизни и смерти.

— А если бы Виктор тебя не отпустил? — не утерпел Плохиш, все еще топтавшийся у выхода.

Отвечать Плохишу Вася считал ниже своего достоинства. А может быть, ему просто нечего было сказать. Но взвинченная Ольга расслышала в реплике Плохиша нечто обидное для Васи и мгновенно отреагировала.

— Вася не нуждается в разрешениях, — колко отозвалась она. — Он сам в состоянии решать, когда ему лететь и куда.

Разумеется, Вася был не способен ни принимать, ни осуществлять самостоятельные решения. Иначе он немедленно провалился бы сквозь землю, ибо, судя по его несчастному, измученному лицу, это было единственное, чего он сейчас жаждал.

— Ольга! — снова воскликнул он, отчаявшись ее унять. Но хотя он и повторял ее имя на разные лады, она оставалась непреклонной.

— Ты едешь домой или нет? — требовательно осведомилась она.

Вася, понурившись, побрел к выходу. Чтобы скрыть обуревавшие его чувства, Виктор опять взялся за дротики, но на сей раз промахнулся, и Лисецкий на портрете не пострадал.

— Во вторник я жду тебя на работе! — напомнил он Васе металлическим голосом.

Вася молча кивнул, но Ольга снова вскинулась.

— В какой еще вторник?! — сердито переспросила она. — Во вторник мы будем в Лондоне!

— Оля! — взревел Вася в голос.

— И не появимся здесь, пока все не уляжется! — неумолимо договорила она.

Виктор замер с дротиком в руке. Плохиш хлопнул в ладоши.

— Опаньки! — в восторге выкрикнул он. — Похоже, не я один о своей шкуре переживаю!

Вася бессильно рухнул в кресло. Ольга недоуменно уставилась на него.

— Ты скрывал от них наш отъезд?! — запоздало догадалась она. — Но почему? Ведь это глупо!

Я не понял, что именно она считала глупым: оставаться здесь или таиться от нас. Впрочем, она не собиралась делать ни того, ни другого. От гнева на Васю ее бросило в жар, и она широко распахнула шубу, забыв, что на ней нет макияжа. Стало заметно, что у нее дряблая, неровная кожа и тонкие злые губы.

— Мы завтра, то есть уже сегодня, вылетаем в Москву, — твердо объявила она. — А оттуда — в Лондон.

— Понятно, — хмыкнул Виктор. — А переговоры с большими людьми?

Я не удержался и взглянул на Васю. Низко опустив голову, вдавившись в кресло, Вася сидел не шевелясь, боясь поднять глаза. Морально он был раздавлен.

— Но мы же через Москву летим, — пролепетал Вася еле слышно. — Я как раз и собирался там встретиться.

— Никаких встреч! — оборвала его Ольга. Она, видимо, подумала, что Виктор заставляет Васю вступать с кем-то в переговоры. — У нас совсем не будет времени. Мы прямо с самолета на самолет!

Это добило Васю. Он совсем сгорбился и пожух.

— А как же, в натуре, дружба?! — вдруг подал голос Плохиш. — Неужто ты и на дружбу забил?

Вася не ответил, лишь сильнее зажмурился.

— Он спасает семью! — Ольга встала за Васиной спиной и положила руки ему плечи, словно закрывая его от врагов. — Вы можете плевать на своих близких, это ваше личное дело. Но настоящий мужчина обязан в первую очередь позаботиться о своем ребенке! — ее голос опасно зазвенел сухими слезами. — И у тебя, Виктор, между прочим, тоже есть те, кто нуждается в твоей поддержке! Ты забыл о них? А я сегодня несколько раз разговаривала с Анжеликой. Она в ужасе. И она мечтает немедленно уехать.

— Вася, — поморщился Виктор. — Сделай что-нибудь, чтоб она заткнулась. А то у меня в ушах от нее закладывает.

— Я бы попросила так со мной не разговаривать! — взвизгнула Ольга.

— А я вообще не с тобой разговариваю, — ответил Виктор. — О чем мне с тобой говорить-то?

— Я жена твоего партнера! — выкрикнула она. — Мать его ребенка!

— Это какого же партнера ты жена? — удивился Виктор. — Храповицкого, что ли? Васькина-то законная половина, кажись, сейчас в Испании обитает. Или уже в Германию перебралась? Я что-то в вас запутался. У моих партнеров жен знаешь сколько? Черт ногу

сломит! А ребенков — еще больше, и у всех есть матери. У меня у самого три матери. То есть не у меня лично, а у моих детей. А мало покажется, я свистну, и целая очередь желающих прибежит, под окнами выстроится. И все, представь себе, готовы стать матерями. Геройски рожать в Швейцарии, в Англии воспитывать да в Испанию на отдых ездить. Верно, Василий?

Грубость, с которой Виктор обращался с Ольгой, частично вывела Васю из оцепенения.

— Виктор, прекрати! — не очень уверенно проворчал он. — Что ты себе позволяешь!

Надо признать, что в роли семейного предводителя Ольга смотрелась гораздо увереннее Васи — и в защите, и в нападении. Васину попытку Виктор оставил без внимания. Он хмыкнул, словно у него появилась какая-то неожиданная мысль, почесал затылок, взял с барной стойки свой бокал с коньяком и пригубил.

— Нормально, — вслух одобрил он не то коньяк, не то идею. — Даже хорошо.

Вася бросил на него подозрительный взгляд. Виктор и впрямь выглядел очень довольным без всякой на то причины.

— Вася, пойдем, — торопила Ольга. Вася колебался, не зная, как поступить.

— Езжай, — загадочно посоветовал ему Виктор. — А то галстуки упаковать не успеешь. Куда ж ты без них? Потом все узнаешь.

Чем уступчивей становился Виктор, тем меньше это нравилось Васе.

— Что я должен потом узнать? — спросил он настороженно.

— То, что я убираю тебя из бизнеса, — легко отозвался Виктор. — Выкидываю. Считаю, что ты стал простым российским безработным.

— Что значит выкидываешь? — оторопел Вася. Он даже встал с кресла. — Куда это ты меня выкидываешь? Да у нас с тобой акций поровну! Я такой же партнер, как и ты.

Виктор не спеша приблизился к Васе и остановился перед ним, расставив ноги и сунув руки в карманы.

— Партнером ты никогда не был, — медленно и как будто лениво заговорил он. — Больше я слушать эту туфту не желаю, она мне надоела. Какой из тебя партнер? Ты только под ногами путаться умеешь да дурь пороть. Никто тебя всерьез не принимает: ни мы с Храповицким, ни посторонние люди. Я, честно говоря, давно хотел тебя из учредителей вывести, да мне Храповицкий мешал. Уж очень ты ему удобен был, поскольку все время ему поддакивал, против меня играл. Нравилось ему такую дрессированную шавку держать. Но сейчас его нет, а я тебя в гробу видел. Поэтому я тебя и вышвыриваю. Ясно?

Произнося все это, Виктор не сводил с Васи вызывающего взгляда своих мутных наглых глаз. Неготовый к такому натиску, Вася слушал его с приоткрытым ртом и лишь конвульсивно вздрагивал, словно Виктор всаживал в него булавки.

Но Ольга не собиралась сносить выходки Виктора. Рывком сняв шубу, она швырнула ее на диван, затем смахнула со лба прилипшую прядь волос и уперла руки в бока.

— И как же ты намерен вывести его из учредителей без его согласия? — ринулась она в атаку.

Вид у нее был такой, как будто она вот-вот вцепится в Виктора. Тот, впрочем, не дрогнул: переведя взгляд с Васи на Ольгу, он некоторое время рассматривал ее с любопытством,

словно размышляя, отвечать ей или нет.

— А ты не знаешь? — наконец спросил он, ухмыляясь. — Правда не знаешь? — его усмешка не сулила ничего хорошего. — Это очень просто. Подделывается подпись на документе о продаже акций. После чего нужные люди регистрируют сделку в регистрационной палате. И все. Стоит вся процедура всего ничего, занимает от силы три дня, но можно ее и ускорить. Вы из Москвы до Лондона долететь не успеете, как тут все будет закончено. Странно, что ты не в курсе, как это проворачивается, — повторил он с озадаченным видом.

— Откуда мне это знать? — выкрикнула Ольга, потрясенная тем, с какой простотой и легкостью Виктор говорил о мошенничестве.

— С таким-то мужем! — иронически покачал головой Виктор. — Я думал, он тебе все рассказывает. Между нами говоря, это единственно умная вещь, которую он за всю свою бесполезную жизнь совершил. Неужели не похвалился? Как же так, Вася? Это ведь он Храповицкого и меня некоторым премудростям научил. Он в свое время такую штуку с Громобоевым обстряпал. Когда мы у того нефтяную компанию забирали.

— Ложь, ложь! — задыхался Вася. — Наглая ложь!

Он рванулся к Виктору, размахнулся, чтобы влечь

ему пощечину, но в последнюю секунду как-то вдруг не решился.

— Клевета! — бессильно восклицал он, прыгая вокруг Виктора, как петух. — Подлец! Ольга, не слушай его!

И тут Виктор коротко и резко двинул Васю ногой в пах. Вася взвыл от боли, обеими руками схватился за травмированное место и с вытаращенными глазами, как подкошенный, рухнул на колени. Ольга метнулась к нему и бросилась рядом с ним на пол. Не зная, что предпринять, она обняла его за шею и принялась дуть ему в лицо.

— Тебе не больно? Не больно? — повторяла она.

Судя по тому, как Вася хрипел и кланялся, ему было очень больно.

— Вот это я понимаю, — настоящая, крепкая мужская дружба! — ликовал Плохиш.

Стоя на коленях, Вася поднял багровое лицо и с ненавистью посмотрел на Виктора снизу вверх. В его глазах стояли слезы боли и унижения.

— Это ты взорвал Сырцова! — внезапно прохрипел он. — Ты на любую подлость способен!

Виктор шагнул вперед, и Ольга инстинктивно прикрыла Васю своим телом. Видя, что ему не добраться до Васи, Виктор остановился и усмехнулся.

— Может, и я, — признал Виктор, наклоняясь вниз, чтобы Вася лучше расслышал. — Может, и Владика Гоздан-кера, этого недоделанного, тоже я грохнул. И что теперь?

И сразу в комнате стало очень тихо. В лице Васи отразился неподдельный ужас. Даже Ольга замерла.

— А вот про это я слушать не хочу! — объявил Плохиш. — Мне своих проблем хватает, лишнего знать мне не надо. Кто там из вас кого замочил, вы уж сами разбирайтесь. Я пошел. Пока, ребята.

И он выкатился из комнаты. Ольга подхватила Васю, помогла ему подняться и зачем-то

накинула ему на плечи свою длинную шубу, как будто он замерз. Опираясь на нее и низко приседая, Вася неуклюже заковылял к выходу.

— Ничего он тебе не сделает, этот распоясавшийся хам, — успокаивала Ольга Васю, не оборачиваясь на Виктора. — Никто ему не позволит. Он еще у тебя прощения будет просить. Не нужно нам от него ничего, хватит нам на жизнь.

— Да нет, — возразил ей вслед Виктор. — Не хватит. Ты просто давно деньги считать разучилась. Ты как-нибудь прикинь из любопытства, сколько ты в месяц тратишь.

Ольга лишь громко хлопнул дверью. Виктор постоял, хлебнул еще коньяка, растер ладонями бледное лицо и обернулся к нам с Пономарем.

— А как ты узнал, что Плохиш сваливает? — поинтересовался он.

— Да я его насквозь вижу, — пренебрежительно ответил Пономарь. — Это с вами он из себя блатного строит. А сам как был барыгой трусливым, таким и остался.

Виктор опустил в кресло и покатал затылок по массивной спинке.

— Башка болит, — пожаловался он. — Пить надо бросать. Ну, что у нас в сухом остатке? Вася с Плохишом сбежали, Храповицкий в тюрьме. Трое нас осталось плюс доблестный генерал Лихачев. Как дальше будем жить?

Я не знал, как жить дальше. Я подошел к окну и раздвинул плотные жалюзи. Светать еще не начинало, но темнота теряла свою густоту и плотность.

— Утро наступает, — сказал я. — Поехали по домам, отсыпаться.

— Поддерживаю, — зевая, промычал Виктор и вдруг спохватился.

— Кстати, завтра Лариса приезжает, — сообщил он. — То есть, уже сегодня

— Какая Лариса? — поднял брови Пономарь.

— Храповицкая. Володина жена. Из Англии, вместе с Данилой, старшим сыном.

— Когда?! — ахнул я.

— Часа в два, что ли? Или в четыре? Вот черт, — потер он лоб. — Совсем из головы выскочило. Надо у секретарей уточнить. Мы с тобой поедем ее встречать.

— А ты раньше мог об этом сказать?!

— А что это меняет? — равнодушно поинтересовался Виктор.

Но кое-что это все-таки меняло. Хотя бы то, что прежде чем доставить Ларису с сыном к их семейному очагу, следовало выкурить оттуда Олесю, которая после ареста Храповицкого сбежала из больницы и благополучно там окопалась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

— Я никуда отсюда не поеду! — воскликнула Олеся звонко и категорично. — Даже не мечтайте.

Между прочим, за последние шесть часов это была уже вторая женщина, которую я встречал без косметики, и я начинал подумывать, не пора ли мне переключиться на мужчин, или вообще завязать с этими глупостями. Мы с Виктором даже после бессонной ночи, небритые и несвежие, не сильно уступали ей в привлекательности.

Мы стояли посреди кухни и слушали пламенные речи Олеси, подчеркнутые красным цветом ее спортивного костюма.

— Я буду бороться за любимого человека! — продолжала она. — До конца!

Я и так чувствовал себя раскисшим, как подмокший хлеб, но после этого заявления ощутил полную безысходность. Когда женщина сообщает, что будет бороться за любимого человека, то это означает, что именно с любимым человеком она и будет бороться. Особенно с его дурной привычкой увлекаться другими женщинами. А если она добавляет, что будет это делать до конца, то, скорее всего, она имеет в виду не свой конец, а его, и он уже не за горами. Я даже сел на жесткий стул, от тоски.

В отличие от меня Виктор не склонен был искать в ее словах потаенный смысл. Он был убежден, что в ее речах нет никакого смысла.

— Да борись, жалко, что ли? — разрешил он, беря со стола пульт от телевизора и принимаясь щелкать кнопками. — Только не верещи, ладно? Хочу футбол досмотреть, вчерашний матч должны сейчас повторять. — Он повернулся ко мне. — Не видал? Там наши во втором тайме гол сами себе забили. Вот придурки! Я, кстати, тоже пропустил, замотался.

— Я останусь здесь! — взывала к нам Олеся. — Я буду ждать Вовочку!

Она всхлипнула.

— Олесь, ну я же попросил тебя убавить звук! — укоризненно произнес Виктор. — Не слышно, что там комментатор объясняет. Минут за двадцать до конца. Мне охрана рассказывала.

— Почему эта поганая Картошкина должна хозяйничать здесь? — продолжала Олеся. — Я люблю Вовочку больше, чем она.

— Потому что эта поганая Картошкина — его законная жена, — меланхолически проговорил Виктор. — Во-во, гляди, сейчас вкютят! А, нет, не то! У тебя теки-ловка есть?

— Она живет там в этой поганой Англии, а сама даже английский выучить не может, — твердила Олеся срывающимся от обиды голосом. — Готовить не умеет. Когда она здесь, Вовочка ко мне завтракать приезжает. К тому же она никогда ничего на место не кладет, я после ее приездов по три дня прибираюсь. Неряха! Только деньги с него ежемесячно тянет, — поскольку Виктор не обращал на нее особого внимания, Олеся старалась встать между ним и телевизором. Так же она поступала во время сцен с Храповицким, которых я наблюдал достаточно. — Она и не представляет, что у нас тут в России творится. Какие ужасы приходится простым людям здесь выносить. Приезжает, вся важная такая! «Ах, как это вы можете в таком болоте обитать?!» — манерничая, передразнила она. — Мне девчонки рассказывали, как она в магазинах себя ведет. Им стыдно за нее! Специально с акцентом говорит, будто русский уже забыла. А я страдаю.

— А ты не страдай, — перебил Виктор, вытягивая голову то в одну, то в другую сторону. — Зачем страдать? Я вон с похмелья — и то не страдаю. Ты лучше отойди куда-нибудь да текиловку принеси, я тебя уже в третий раз прошу.

Слезы Олеси его не трогали, возможно, потому, что выглядели не вполне естественно, хотя

переживала и плакала она искренне. Привыкнув играть чью-то роль, она утратила естественность поведения и фальшивила даже в самые драматичные минуты своей жизни.

Кстати, девичья фамилия жены Храповицкого была не Картошкина, как уничижительно произносила ее Олеся, а Картошина. Фамилией Лариса и впрямь уступала Олесе, но во всем остальном нравилась мне больше. Во всяком случае, она не носила красные спортивные костюмы, не целовалась с собаками, здоровалась с окружающими и предлагала им чай, когда они приходили в гости.

Вообще я ловил себя на том, что в конфликтах между женами и любовницами чаще сочувствую женам. Наверное, потому, что в душе я консерватор и стою на страже семейных ценностей. Оттого и не женюсь: зачем разрушать то, чем дорожишь?

— Почему вы так по-скотски к нам относитесь? — вновь всхлипнула Олеся.

Не дождавшись текилы, Виктор сам полез за ней в холодильник.

— Нормально я к тебе отношусь, — проворчал Виктор. — Не дерусь с тобой, скандалов не устраиваю. Что ты до меня докопалась?

— Я не про себя лично говорю, а про всех про нас! Про ваших любимых женщин. Вы просто пользуетесь нами, поступаете, как вам удобно, и мы еще должны вечно выслушивать бесконечные истории про ваших старых, толстых жен, какие они у вас хорошие и умные! Зачем же вы тогда нас заводите? Вот и жили бы с ними! А то вы им только врите!

— С чего это они умные? — удивился Виктор, вытаскивая из холодильника початую бутылку. — Такие же дуры! Между прочим, мы не только им врем. Мы и вам врем, так что ты зря обижаешься. Да я уж вообще забыл, когда правду говорил.

— Мы всем жертвуем ради вас, — продолжала декламировать Олеся. — Отдаем вам свою молодость, свою красоту. Самое дорогое, что у нас есть.

— Мы тоже отдаем вам самое дорогое, что у нас есть, — Виктор налил себе рюмку, выпил и несколько секунд стоял молча, прикрыв глаза. — А томатный сок где?

— Мы с Вовочкой не пьем томатный, только апельсиновый. Что же вы нам отдаете, интересно знать?

— Бабки, что же еще?! — возмутился Виктор. — А ты сама не догадываешься! Что дороже денег? Нет ничего.

— Да не нужны они нам! — воскликнула она жалобно. — Вы заперли нас в эти проклятые золотые клетки, а нам хочется простых человеческих отношений.

— В эти золотые клетки вы сами лезете, прямо в драку! Попробуй вас в них не пусти, — возразил Виктор, недовольный тем, что его то и дело отрывают от экрана. — И не выгонишь вас отсюда, пока вы другую клетку себе не найдете, еще золоченее. Вот мы с Андреем уже битый час тебя выпроваживаем. Летела бы себе на здоровье, пташка вольная, куда глаза глядят. Как же, дождешься от тебя! Кстати, о простых человеческих отношениях. Ты огурец соленный хотя бы можешь найти?

— Мы держим только свежие. Соль вредна для организма. А соленным огурцом закусывают одни колхозники.

— А я кто, по-твоему? Рабочий, что ли? Я и есть колхозник.

— А Вовочка говорит...

— Пусть Вовочка теперь соседней по камере учит, — грубо оборвал ее Виктор, которому, очевидно, надоело с ней препираться.

При этих словах Олеся разрыдалась.

— Короче, — теряя терпение, проговорил Виктор, — у тебя есть два варианта: либо ты съезжаешь в течение одного часа самостоятельно и добровольно, либо тебя вывозит отсюда охрана.

— Ты не посмеешь! — выкрикнула Олеся. — Я останусь здесь!

Виктор взял станцию.

— Первый — второму, — проговорил он обычные позывные. У нас шеф всегда был первым, а начальник охраны — вторым.

— На связи, — отозвался голос.

— Зайди на минутку, — велел Виктор.

— Свинья! — зашлась Олеся. — Свинья!

— Похож, да? — без любопытства осведомился Виктор. — Это я просто трезвый с утра. А когда выпью, то вполне интеллигентный человек. Даже умный, если не приглядываться.

— Андрей! — обернулась ко мне Олеся. — Скажи же ему, чтобы он прекратил!

Оказывается, все эти годы она знала мое имя, просто скрывала. Я был тронут.

— Виктор, прекрати! — попросил я.

— Пошел ты знаешь куда?.. — вяло отозвался Виктор. — А то сам ее отсюда вытаскивать будешь.

Видя, что помощи ждать неоткуда, Олеся, плача, убежала наверх. Виктор твердо отдал необходимые наставления охране, которая должна была обеспечить переезд, после чего мы заглянули в подсобку, где пожилая опрятная домработница в фартуке гладила простыни.

— Тебя как кличут, родная? — спросил Виктор.

— Люба, — ответила она, поднимая круглое серьезное лицо. — Да вы уж меня раза два спрашивали, когда к Владимир Леонидычу приходили.

— А ты меня тоже спрашивай, — разрешил ей Виктор. — Глядишь, и познакомимся. Суть такая, Люба. Чтобы через два часа никаких следов чужого пребывания здесь не было. Понятно?

— Чего ж не понять-то, — самодовольно фыркнула Люба. — Чай, нам не впервой. Семейство, значит, к Владимир Леонидычу возвращается? Это правильно. Кто ж его еще в такую минуту жизни поддержит!

Чувствовалось, что отношения с Олесей у нее не сложились и что Любе Олесю не жаль.

2

— Чего он только в ней нашел? — ворчал Виктор, когда мы в его громоздком «Хаммере» тронулись в аэропорт. — Лошадь и лошадь. И ума — как у лошади, даже еще меньше.

Баб, что ли, мало вокруг симпатичных? Не понимаю, зачем такую кобылу рядом с собой терпеть!

Обсуждение чужих вкусов я считаю пустым занятием, к тому же всегда радуюсь, если не нахожу привлекательной девушку приятеля, а он, в свою очередь, равнодушно смотрит на мою. С Храповицким, например, мы лишь однажды сошлись во взглядах на женскую красоту. Это было с Дианой и закончилось дурацкой дракой.

Кстати, тон Виктора, когда он упоминал Храповицкого, заметно поменялся, стал более фамильярным, что ли.

— Я его вообще не понимаю! — продолжал Виктор, переходя к широким обобщениям. — Вот он рвется командовать, все равно чем: хоть заводом, хоть баней, лишь бы власть ни с кем не делить. А чего в этом хорошего? Захват новых территорий — это я одобряю. Тащи все, что плохо лежит, чем больше — Тем лучше! Но зачем же самому на хозяйство садиться? — он состроил гримасу. — Глупо. Полководец должен заниматься стратегией, а не телеги в обозе считать. Я последние три месяца его замещал, рулил всем нашим колхозом. Отпахал, между прочим, по полной программе, как Храповицкому и не снилось. Сейчас меня ночью разбуди, спроси какую хочешь ерунду по нашему производству, я тебе, не задумываясь, отвечу. Любую цифру назову. И на фиг, скажи, это мне надо?!

— Не понравилось? — спросил я с любопытством.

— Да нормальному человеку это не может понравиться! По десять совещаний в день и еще какие-то незапланированные встречи. Каждые пятнадцать минут расписаны, в туалет без графика не выйдешь. Одни проблемы! Оборудование ломается, добыча падает, переработка простаивает, транспорт не достать, лицензии не продляют. Цены, перекрестное кредитование, налоговые проверки — замучишься перечислять. У меня, что, других забот нет? Жены, дети, подруги — все плачут, меня видеть хотят, а я, как болван, на работе пропадаю, производственные показатели улучшаю. И эта карусель ежедневно, по двенадцать часов, без продыху. Да еще ночью какой-нибудь кретин позвонит! Авария на участке, трубу прорвало, караул! Короче, ни выпить, ни к телкам съездить. Жизнь мимо проходит. Домой мертвый приползешь, стакан залудишь, рывкнешь на бабу, пять минут телевизор посмотришь — и спать. А назавтра — все по новой. Да если бы Храповицкого не арестовали, я бы восстал. Сказал бы: засунь-ка, дорогой Вова, это генеральное директорство себе знаешь куда! Назначай кого угодно: Васю, Плохиша, Николашу Лисецкого — мне по барабану. Мне гробиться без надобности, у нас директоров — целый вагон, пусть они и вкалывают.

— Но ты же этого хотел! — напомнил я.

— Я не этого хотел, а совсем другого! Ведь у нас что получалось? Вы с Храповицким вечно меня отжимали. Боялись, что я власть захвачу. А предлог был такой, что я не справлюсь, все испорчу. Дескать, вы умные, а я — валенок. Да ты не отпирайся, — поморщился он, заметив, что я приготовился возражать. — Во-первых, я правду говорю, а во-вторых, теперь это уже значения не имеет. И ладно бы вы интриги только в нашем кругу плели, но ведь вы то же самое и посторонним внушали, на всю область меня пеньком выставляли. Конечно, меня зарубало! Я хотел доказать, что могу этим цирком управлять не хуже Храповицкого. А вышло даже лучше!

— Ты уверен?

— Само собой! — пожал он плечами. — Под моим началом у нас за три месяца основные показатели на пятнадцать процентов выросли. А прикинь, что выйдет, если я год просижу? Да мы «Русскую нефть» шутя уделаем! Я даже новый цех запустил, по производству масел, причем без всякой шумихи. Бизнес-план у Храповицкого на столе год пылился, да все руки у него не доходили. А у меня дошли. Хотя благодарности от вас с ним не дождешься. Да вы,

поди, и не заметили, не до того вам было. Вы другие проблемы решали, поважнее. Вот и дорешались!

Я предпочел не заметить сарказма.

— Значит, производство тебе не по душе?

— На хрен! — замотал он головой. — Пусть в этом Храповицкий ковыряется, если ему так нравится. А я бы чем-нибудь другим занялся.

— Чем, например?

Он мечтательно потянулся.

— Еще не решил. Меня то к одному тянет, то к другому. Мне охота какой-нибудь проект самостоятельный взять и до ума довести. Но только чтобы полностью самому его осуществить, ни от кого не зависеть, а то надоело чужой навоз разгребать. Политика, между прочим, — тоже любопытная штука. Можно депутатом выбраться. Или даже мэром, на место Кулакова. Когда там в Уральске следующие выборы?

Я был так огорошен, что не сразу вспомнил.

— Года через три, если не ошибаюсь.

— Долго ждать, — с сожалением заметил Виктор. — А раньше нет ничего подходящего? Может, мне на губернатора полезть?

На мгновение я потерял дар речи.

— Ты полагаешь, что губернатор меньше работает, чем директор холдинга? — спросил я, когда способность связно выражаться вернулась ко мне.

— Там работа совсем другая, — оживился Виктор. — На производстве железки, а тут люди. С железками скучно, а с людьми интересно. Тех стравил, этих помирил, в Москву сгонял, бабло завез, прогнул перед кем надо, заодно и пошептался. На кого-то накапал, кого-то наоборот продвинул. А потом — какой масштаб! Область же огромная. Я иногда на Лисецкого посмотрю — меня зло берет. Неплохим губернатором считается, а что он умеет? Только козни строить да бюджет грабить. Уж я-то, в отличие от него, глядишь, что-нибудь полезное для губернии совершу, — он покосился на меня. — Или опять думаешь, что не потяну?

— Я думаю, что не выберут, — ответил я честно.

— Это почему же? — строптиво осведомился он. — Из-за моего мясницкого прошлого?

— Из-за твоего мясницкого прошлого, из-за твоего гарема, — принялся перечислять я. — А твой образ жизни, твои загулы — ты о них не забыл? Ты взгляни на себя со стороны. Да пресса только и мечтает о таком персонаже. На тебя все газеты набросятся! Моргнуть не успеешь, как на обложках окажешься.

— А мы денег журналистам дадим, они и заткнутся, — легко отозвался он. — А кого не купим, тех запугаем. Я по этому поводу вообще не парюсь. Главная проблема в другом. В том, что я богатый. Не любят у нас богатых да успешных. Завидуют. Но я и тут припас один фокус, — он хитро погрозил мне пальцем. — Секретное оружие номер один.

— Можно узнать, что за оружие?

— Запросто! Тебя поставлю начальником штаба! — он хмыкнул. — Это же по твоей части.

Вот и давай, выбирай меня губернатором! Тебе самому, я думаю, интересно будет такую колоссальную херню проверить. Ты же любишь в безнадежные ситуации впутываться.

Те, кто пытались меня нанять, почему-то всегда соблазняли меня невыполнимостью поставленной задачи. Им казалось, что это меня раззадорит. Подобная оценка своих перспектив свидетельствовала о том, что разум в них угас не окончательно, но с другой стороны означала, что совершенно нормальные люди в моих услугах не нуждаются.

Я вглядывался в Виктора изо всех сил, но так и не мог понять, шутит он или нет.

— Признайся, ведь ты не серьезно?

— А чего же тут несерьезного? Деньги есть. Люди есть. Средства массовой информации имеются. Сейчас Лисецкий на президентских выборах мелко обгадится, наживет себе врага в лице кремлевской администрации. Они возьмут да в пику ему поддержат нас. Само собой, за скромное вознаграждение. Дадут распоряжение по федеральным структурам и — вперед с песнями! Эх, одно плохо, — он с досадой щелкнул языком. — Храповицкого не вовремя закрыли. И здесь он мне подсуропил! Не смог даже в тюрьму сесть по-человечески.

Несколько минут я молча размышлял.

— Я, наверное, не стану тебя выбирать, — проговорил я наконец.

— Вот это номер! — удивился он. — Чем же я тебе не угодил? Я не Храповицкий, жадничать не стану. Это он требует, чтобы люди за совесть работали, а у меня все за деньги.

— Ты отлично понимаешь, что дело тут не в деньгах.

— А в чем же? В моральных соображениях, что ли? — это словосочетание было не из его лексикона, он произнес его издевательски.

— В общем, да, — подтвердил я. — В моральных соображениях.

— Херня! — отрезал Виктор. — Храповицкого ты бы стал выбирать?

— Храповицкого, пожалуй, стал бы.

— А какая разница между ним и мной?

Я как-то не сразу нашелся, что ответить. Храповицкого и Виктора я считал почти что антиподами, но никогда не пытался сформулировать их отличие.

— Вот видишь! — торжествовал Виктор. — Нету никакой разницы! Одна херня, как я и говорил. Мы с Храповицким считай что сиамские близнецы. А вот между тобой и нами разница есть, и очень даже огромная. И знаешь что? Она не в твою пользу. Не-а! — насмешливо протянул он. — Совсем не в твою.

Я видел, что он меня дразнит, но все-таки не удержался.

— Почему? — спросил я как можно равнодушнее.

— А потому, что мы с Храповицким только исполнители, — ответил Виктор. — А изобретаешь всякие подлости именно ты! Значит, и вина твоя сильнее. Зачинщикам даже по уголовному кодексу больше дают.

— Подлости? — переспросил я уязвленный.

— А что же еще?! Вот эту туфту с сельхозтехникой ты придумал? Ну, чтобы за границей ее

закупать?

— Ну, допустим, — неохотно признал я.

— Не «допустим», а именно ты! А ведь это же натуральная подлость. Подлее не бывает. Сплошное воровство. Народные деньги из областного бюджета мы в свой карман перекачиваем. И живем себе припеваючи. А народ как был нищим, так и остался. Но самое плохое даже не это, — с удовольствием нагнетал Виктор. — Самая низость в другом. — он замолчал, выразительно глядя на меня.

— В чем же? — опять не утерпел я.

— В том, что мы не продаем своих убеждений, — радостно объявил Виктор. — А ты продаешь!

Я поперхнулся.

— Это как же?!

— А так же! Мы с Храповицким, например, убеждены, что присваивать деньги из госбюджета — это хорошо. Мы всю жизнь этим занимаемся, ничего плохого в этом не видим, нам так нравится. Это наш бизнес. А ты уверен, что это воровство, и орешь об этом на каждом углу. Но ты же нам помогаешь! То есть получается, что мы живем по своим раскладам, а ты — нет! Ты поперек своих принципов идешь! Короче, дуришь народ и от нас за это бабки получаешь. Да, Андрюха! — развязно хлопнул он меня по плечу. — Моралист из тебя никудышный.

Я понимал, что он ерничает и провоцирует. Это была его обычная манера: ему нравилось доводить людей, а меня — в особенности. И все же в его насмешках была правда, и она меня задевала. Он словно подслушал мои ночные мысли, то, в чем я беспрерывно упрекал себя, на что не находил ответа.

— Я поэтому и ушел от вас, — пробормотал я, шаря по карманам в поисках сигарет, — что не хочу больше в этом участвовать.

Он взглянул на меня и увидел, что я не шучу.

— Ты расстроился, что ли? — засмеялся он. — Да перестань! Я ведь на самом деле так не думаю. Вернее, я вообще никогда на эту тему не думаю: кто там прав, а кто правей. Мне плевать на это. Каждый живет, как хочет. И все правы. Я просто болтал от нечего делать.

Мы подъехали к аэропорту, и вышли из машины.

— Ковригин, хорек вонючий, хотел Лариске Храповицкой в VIP-зале отказать, прикинь? — Виктор переключился на другую тему. — Якобы мы поздно заявку подали. Ну, я ему позвонил, объяснил, что борзеть не надо, что земля круглая, что мы тоже можем кое-что устроить, если нас сильно разозлить. Он очухался маленько. Сказал, что его не так поняли.

Я все еще переживал про себя его насмешки и молчал.

— Пойдем в бар поднимемся, — предложил Виктор. — Ты кофе выпьешь, а я тяпну что-нибудь за компанию, раз уж ты так настаиваешь.

— Ты иди, я тебя догоню, — пообещал я. Мне хотелось хотя бы минутку побыть одному.

Когда он в сопровождении охраны начал подниматься по лестнице, я набрал Настю.

— Здравствуйте, — быстро сказал я, услышав ее хриловатый голос. — Я вернулся. И я хочу

пригласить вас в оперу!

— В оперу? — озадаченно переспросила она. — Как-то неожиданно.

— Я здесь меньше суток, и меня уже мутит от разговоров о деньгах. Пусть уж лучше поют. Про любовь. На итальянском языке.

— А вы давно в нашей опере были? — поинтересовалась она осторожно.

— Вообще не был, — признался я. — Во всяком случае с тех пор, как нас в школе туда водили.

— Боюсь, что у нас поют только на русском, да и то неважно, — предостерегающе заметила Настя.

— Ну, не о деньгах же они поют! — упрямылся я.

— Иногда о деньгах. Но о любви, конечно, тоже.

— Тогда сегодня вечером. Я перезвоню вам через пару часов. Только не пропадите.

— Я постараюсь, — пообещала она.

Когда я поднялся в бар, Виктор сидел в углу мрачнее тучи, сжимая в руке пузатую рюмку с нетронутым коньяком.

— Час от часу не легче, — хмуро проговорил он. — У нас добыча взбунтовалась. Бастовать собрались. Требуют срочно погасить задолженность по зарплате.

— Вся добыча? — ужаснулся я.

— Слава богу, пока еще только Лысый Овраг. Сволочи обнаглевшие. Они-то лучше других живут, с них всегда платежи начинаем, так нет, все им мало! Только что Карпов оттуда звонил, в полном шоке, — Карпов был там главным человеком. — Говорит, они его чуть не избили. Грозят заглушку поставить, скважину заморозить. Почуяли момент! Таились до последнего, а только нас прижали, сразу головы подняли! Если мы им сейчас рот не заткнем, за ними остальные полезут.

— Много мы задолжали?

— Когда я приступал к обязанностям, в среднем по добыче уже за два месяца накопилось. Я начал потихоньку расплачиваться, выборочно, конечно, но тут эта карусель закрутилась с назначением Храповицкого. Всюду бабки нужны, и везде срочно. В Москву возили, Лисец-кому таскали — короче, выгребали до доньшка. А теперь еще и счета арестованы, спасибо Лихачеву. Общую картину сейчас нереально изменить. Но с Лысым Оврагом все равно надо что-то срочно решать, хоть кредитуйся. Как только Ларису отвезем, сразу туда рванем. Я Карпову велел на вечер стачком собирать, заводил этих чертовых. Посмотрим, до чего с ними можно договориться.

3

Странно, что когда-то фамилия Ларисы была Картошина. Она была больше Храповицкой, чем ее муж: в ее решительных, запоминающихся чертах лица с первого взгляда была видна порода. В отличие от мужа, обожавшего феерические цвета в одежде, она избегала лишнего. В светло-сером пальто, в серых замшевых сапогах, с темной шалью на плечах, стройная и светловолосая, Лариса не очень выбивалась из толпы. Впрочем, и слиться с ней она, конечно же, не могла, особенно если принять во внимание, что ее неброский наряд тянул тысяч на

пятнадцать долларов, а то и больше. Ее гордое лицо сейчас горело, словно Лариса ощущала на себе пристальное внимание посторонних. Опустив глаза, держа под руку долгового сына, она шла нам навстречу подрагивающей походкой, выдававшей ее нервное напряжение.

Данила, худой и угловатый, старался держаться уверенно и двигался вразвалку, загребая носками внутрь. Я не видел его всего пару месяцев с тех пор, как он с матерью и младшим братом приезжал на лето в Уральск, но мне показалось, что за это время он еще вытянулся и повзрослел. В целом он был очень похож на Храповицкого, но его черты еще не затвердели и не приобрели хищную резкость. У него были ясные блестящие черные глаза и розовая кожа, остававшаяся гладкой, несмотря на то что мальчишка пребывал в переходном возрасте.

С ними был всего один чемодан и небольшая сумка. Храповицкий не простил бы своему семейству столь пренебрежительного отношения к гардеробу. Когда он сам летал в Москву даже в короткие командировки, то брал не меньше двух чемоданов и еще кофры с костюмами.

Мы обменялись дежурными фразами, пожали руки и потом все-таки обнялись — порывисто и молча, чего обычно не делали. Ладонь у Ларисы была сухой и очень горячей, а у Данилы, наоборот, ледяной.

Как только мы расположились в машине, Лариса нетерпеливо вцепилась в Виктора.

— Какой-то абсурд, фильм ужасов! Еще вчера Володя был уважаемым бизнесменом, все старались ему услужить, я своими глазами это видела. К нам в гости приезжал губернатор с женой, мы с Володей обедали у них — и вдруг его объявляют преступником, арестовывают, бросают в тюрьму! Как гром среди ясного неба! Что происходит?

Виктор покосился на водителя и в замешательстве потер нос.

— Если честно, то я все тебе уже по телефону выложил.

— Но должно же быть какое-то!

Виктор ответил не сразу. В задумчивости он машинально повертел ручку приемника, прибавляя музыку.

— Конечно, должно, — угрюмо проговорил он. — Только мы до него пока не докопались. То ли мы такие глупые, то ли закручено чересчур хитро.

Данила, сидевший рядом со мной, не сводил с Виктора мучительного взгляда.

— Но ведь папа не совершал того, в чем его обвиняют? — наконец выпалил он. Видимо, этот вопрос не давал ему покоя.

— Нет, конечно! — поспешно ответил я.

Лариса промолчала, отвернувшись к окну. Виктор стрельнул в Данилу взглядом и закашлялся.

— Какая разница, совершал или нет? — буркнул он. — Его же не за это взяли!

— А за что? — требовательно наседал на него Данила.

— Да говорю тебе, не знаю! — сердито откликнулся Виктор. Он расстегнул воротник рубашки и продолжил уже спокойнее: — Пойми, я ничего от вас не скрываю, просто у меня нет никакой информации. Это ведь не только для вас катастрофа, это и для нас полная неожиданность.

Внешне все выглядит так: мы перешли дорогу Гозданкеру, тот купил Лихачева, нас начали рвать, твоего отца арестовали. А что в действительности произошло, почему те, кто был за нас, вдруг куда-то занырнули, мы пока лишь гадать можем. Тут именно неизвестность хуже всего! — прибавил он, стукнув себя кулаком по колену.

— Но как же Лисецкий это допустил? — восклицала Лариса. — Ведь они так дружили с Володей. Я буду звонить его жене. Нет! Я сама к нему поеду. Он обязан немедленно вмешаться!

— Езжай, — безнадежно махнул рукой Виктор. — Может, хотя бы от тебя он шифроваться не станет.

— Ты хочешь сказать, что он от вас прячется? — недоверчиво уставилась на него Лариса. — Лисецкий?

Виктор не ответил, лишь выразительно пожал плечами.

— Но почему?!

Этот вопрос повис в воздухе, как и предыдущий.

— Дядя Витя, — снова подал голос Данила. — Неужели папу посадили только за то, что он кому-то помешал в бизнесе? — от негодования румянец на его щеках сделался гуще.

— А за что, по-твоему? — откликнулся Виктор. — Это мелких хулиганов за преступления сажают, а больших людей только за одно — за бабки. А статьи им уж потом подбирают. Не найдется под рукой уголовной — за измену Родине законопатят. В России всегда так было: сегодня ты царь и бог, а завтра кто-то на твое добро позарился — и ты уже в тюрьме. Картину «Меншиков в Березо-ве» видел? Ну вот, считай, что с твоего отца писали.

Это был довольно необычный для Виктора культурологический отскок. Трудно сказать, в чем именно он видел сходство Храповицкого с опальным князем Меншиковым. Разве что в объемах воровства.

Когда мы приехали, Лариса поднялась наверх разобрать свои вещи, а Данила отправился в гостевой дом, расположенный в глубине двора. Данила всегда останавливался там во время своих визитов. Ему нравилось жить отдельно, ездить с охранниками Храповицкого на рыбалку, гонять с ними в футбол или ночь напролет резаться в карты. Кстати, в отличие от отца Данила никогда не жульничал. Храповицкий же просто не мог смириться с поражением и, когда проигрывал, начинал злиться, выкручиваться и менять правила.

Лариса спустилась к нам первой. Пока мы ждали их на кухне, Виктор в преддверии тяжелого объяснения успел хлопнуть рюмку.

— Лариса, зачем ты прилетела? — начал он без обиняков, едва она появилась. — Это же сумасбродство!

От неожиданности и возмущения она едва не выронила чашки, которые доставала из буфета.

— По-твоему, я должна была спокойно сидеть в Англии?! — воскликнула она. — В то время, как у меня здесь мужа арестовали!

— Ты ничем не можешь ему помочь, — отрезал Виктор. — А помешать можешь, потому что ты нам руки связываешь. Да еще парня с собой привезла, в самое пекло! Я своих домашних на пушечный выстрел сюда не подпускаю.

Это не вполне соответствовало действительности. За границей жила лишь официальная жена Виктора с детьми. Остальные его семьи находились здесь, в Уральске. Впрочем, разгорячившись, Виктор, кажется, сам верил в то, что говорил. Лариса молча включила кофе-машину, и его слова утонули в ее механическом шуме. Виктор, сбитый на подъеме, морщась, подождал, пока она закончит, и раздраженно довершил:

— Я не говорю уж о том, что сейчас на нас будут всякую грязь лить. Припомнят, что было и чего не было. Тебе с Данилой зачем в этом купаться?

Ее глаза сузились.

— Не волнуйся, к нам не пристанет, — холодно ответила она. — Или ты переживаешь, что нам откроются ваши тайны за семью печатями? Например, сколько вы в действительности зарабатываете? Я ведь до сих пор понятия не имею. Или обнаружится ваша жизнь с другими женщинами? — она бросила на него испытующий взгляд, но Виктор заблаговременно потупился, делая вид, что размешивает в чашке сахар. — Успокойся, финансовая тема мне безразлична. Денег мне хватает. А про его любовницу я и сама могу тебе рассказать.

— Про какую любовницу? — фальшиво удивился Виктор, обжигаясь кофе.

На кухне появился Данила. Она сразу же замолчала и отвернулась, но Данила успел что-то заметить.

— Мам, ты опять? — с укором проговорил он, вглядываясь в нее.

— Нет, нет, я не плачу, — торопливо ответила она, помахивая руками возле ресниц, как делают женщины, чтобы слезы скорее просохли и не размыли тушь.

— Виктор и Андрей считают, что мы с тобой должны немедленно уехать, — сказала она, обращаясь к нему как к союзнику.

Данила, словно не расслышав, прошел к холодильнику, достал пакет с апельсиновым соком, налил себе полный стакан, отхлебнул, не спеша залез на высокий табурет и, ссутулившись, посмотрел на Виктора. Про себя я отметил, что его отец, оказавшись в затруднении и стараясь выиграть время, вызывал секретарш и просил их принести чай, придирчиво уточняя, какие именно сорта имеются в наличии.

— Почему? — наконец спросил Данила как бы нехотя.

Его манера и тон раздражали Виктора, но он сдержался.

— Потому что с вами может случиться любая неприятность, — отдельно и внушительно ответил он. — Вплоть до... — он осекся и многозначительно замолчал.

— Нас могут убить? — снисходительно осведомился Данила. Было заметно, что он не принимает слова Виктора всерьез.

Виктор побагровел.

— Не надо ерничать, — неприязненно отозвался он, закуривая. — Убить, пожалуй, не убьют, а гадость подстроят. Наркотики подсунут или что-нибудь похуже придумают. Втянут в историю. Не смогут навредить — так на всю область ославят. Церемониться не будут, можешь мне поверить. Ты думаешь, почему умные люди, как только опасность почуют, первым делом из России семьи вывозят? Да потому что знают: бить будут по самому больному. По родным и близким. А человек ради семейства на что угодно пойдет. Во всем признается, любые бумаги подпишет. Тьма примеров, со сталинских времен еще!

Злясь оттого, что ему не удается их убедить, он зашагал по кухне. Лариса подошла и снова усадила его на стул.

— Ты напрасно так переживаешь, — мягко заговорила она. — Мы взрослые, самостоятельные люди, умеем о себе позаботиться. У нас есть охрана. Да и вы с Андреем будете рядом. Что же, вы не сумеете нас защитить?

Виктор посмотрел сначала на нее, потом на Данилу.

— Нет, — мрачно ответил он. — Не сумеем. Потому что нас, скорее всего, тоже закроют. И меня, и Андрюху. Если мы, конечно, не успеем что-то срочно предпринять. Мы ведь тоже фигуранты по этому делу. Сообщники.

Ее глаза расширились. Чувствовалось, она не готова к такому обороту.

— Что ты удивляешься? — продолжал Виктор. — Мы все висим здесь на волоске, по лезвию бегаем. Вася и Плохиш уже свалили.

— Куда свалили?

— За границу. Вася прихватил всю свою родню: и ближнюю, и дальнюю. Вряд ли ты их скоро в России увидишь.

Она переменялась в лице и принялась судорожно вытряхивать сигареты из своей сумки. Вероятно, она до последней минуты надеялась, что произошло какое-то страшное недоразумение, что все вот-вот прояснится. И лишь теперь, впервые, до нее стала доходить шаткость нашего общего положения. Слова Виктора произвели впечатление и на Данилу. Он несколько сбавил тон и заговорил уже без враждебности.

— Мы сюда вообще-то на неделю прилетели, — ломким баском сказал он. — В школе пришлось наврать, что у нас умер родственник, иначе меня бы не отпустили. Не мог же я им правду сказать! Эту неделю я хочу пробыть здесь. Я просто не смогу сейчас там, честно. Вы меня тоже поймите! Ведь если бы со мной что-то произошло, отец не стал бы за границей прятаться! Я постараюсь вам хоть в чем-то помочь, а вдруг у меня получится? Если я увижу, что мешаю, мы уедем раньше. Так можно?

Этой фразой Храповицкой обычно завершал переговоры с неуступчивыми собеседниками. И, хотя звучала она вопросительно, словно он советовался, как-то подразумевалось, что иных предложений не последует.

Виктор яростно ткнул окурком в пепельницу и грузно поднялся.

— Делайте что хотите! — буркнул он. — Убеждаешь, уговариваешь, а на тебя еще и все шишки сыплются!

Он повернулся к Ларисе:

— Ты тоже неделю рассчитываешь здесь пробыть?

Она смутилась.

— Я? — переспросила она, отводя глаза. — Я, наверное, нет. Я, скорее всего, здесь еще останусь.

Виктор издал протяжный стон.

— Ребята, послушайте, — скороговоркой заговорила она, будто опасаясь, что мы ее

перебьем. — Вы правильно рассуждаете, и я с вами во всем согласна. Но вот я летела и думала: а кто я, в сущности, есть? Если бы гадалка лет десять назад мне предсказала, что я буду жить в Лондоне, ездить на «Порше», одеваться от дизайнеров и водить детей в английские школы, я бы не поверила. Я выросла здесь, и действительность, которая меня окружала, не имеет с той ничего общего. Там — другой мир, и я там — другой человек. Но ведь это только снаружи я меняюсь, а внутри? Я имею в виду, с тех пор, как я отсюда уехала, что-то поменялось во мне или нет? Мои представления о жизни, мои принципы? — она медленно покачала головой. — Нет. Ничего. Почти ничего. Английский выучила, машину водить научилась, а в остальном — какой я была, такой и осталась. Как любили говорить в советских фильмах, простая русская женщина. И наплевать, где я живу, на чем я езжу и во что одеваюсь. Это все забрать можно, а то, что внутри, — не отнимешь. Случилось так, что у меня мужа посадили. И пока он сидит, я буду рядом.

Она подняла на нас глаза и виновато прибавила:

— Мне так переносить легче.

4

— Ну, уж если она — простая русская баба, — негодовал Виктор, пока мы пересекали двор их дома, — то кто же тогда Вова? Простой русский мужик, что ли? Даже не знаю, чего в них больше: простого или русского? У этой хоть глаза голубые.

— Серые, — поправил я.

— Серые, зеленые, да хоть в крапинку! Я на чужих баб, между прочим, вообще не смотрю: своих девать некуда. Надо ей было за компанию еще и младшенького с собой привезти. И пошли они бы в тюрьму всей своей дружной семейкой вместе с домработницей Любой. Декабристы, мать их!

Охранник открыл перед ним дверь «Хаммера».

— Ты что, сдурел? — набросился на него Виктор. — Мы в Лысый Овраг на джипах попремся? Они там без денег сидят, живьем нас жрать готовятся, а мы такие нарядные заявимся: «Как дела, парни?» Ты еще телок прихвати, умник. Короче, мы на ваших тачках поедем, а вы пока наши домой отгоните.

Охранник захлопнул дверь и метнулся к своей машине.

— Ты сумеешь этот шарабан вести? — повернулся ко мне Виктор, указывая на одну из «десяток».

— Попробую, — ответил я. — Был у меня недавний опыт.

— Тогда садись за руль. А наши дуболомы пусть за нами дуют. А то вечно трутся рядом, поговорить спокойно не дают. У меня иногда такое ощущение, будто я с ними в одной кровати сплю.

Часть охраны мы отправили с джипами, несколько человек оставили при себе и тронулись.

— Не верю я во всю эту муру, что она нам плела, — вернулся Виктор к своим критическим комментариям. — Пафос один, слезу давит. Пока она здесь по Вова вздыхать собирается да у нас под ногами путаться, кто там будет за младшим приглядывать? Мальчонке-то лет шесть всего, если я ничего не забыл. Его одеть, накормить надо, в школе помочь, или куда он там ходит? Страна, между прочим, чужая. Опять на мамок-нянек вся надежда? Отца у мальчишки по сути нет, теперь и матери не будет. Простая русская баба должна в первую очередь о детях думать. А у нее совсем другое на уме.

— Чего же она, по-твоему, добивается?

— Преданность свою Вове доказывает. В глубине души уверена, что вся эта канитель скоро уляжется, Храповицкий выйдет на волю, увидит, как она его ждала, все осознает, исправится, станет примерным мужем и будет жить только с ней, долго и счастливо. А когда умрет, то все ей завещает. А всяких грязных продажных тварей, как наши дорогие жены именуют наших дорогих любовниц, враз разгонит.

— Не выйдет? — механически спросил я, поддерживая беседу.

— Шутишь, что ли? — он покосился на меня, не веря, что я хоть на секунду допускаю подобную чушь. — Во-первых, Храповицкого, похоже, ждать замучишься. А во-вторых, куда же капусту тратить, как не на продажных тварей? На порядочных, что ли? А смысл какой, если они все равно не продаются?

Я слушал его, стараясь следить за дорогой. Когда меня отовсюду уволят, я, наверное, смогу работать персональным водителем, если, конечно, научусь сдавать задом и терпеть доходчивое обращение своего будущего начальника. Надеюсь, им станет не Виктор.

Кстати, из холуев начальник или нет, видно не только по его жене, но и по его водителю. У холуя шофер носится так, словно не существует ни правил дорожного движения, ни других транспортных средств. Идти за таким в колонне во время совместных мероприятий — настоящая пытка, и вам повезет, если она не завершится аварией. Класс водителя, равно как и культура его начальника, проверяется по тому, как он ведет автомобильную кавалькаду, причем без сирен и мигалок. Тут нужно постоянно помнить о других. Например, нельзя пролетать перекресток на желтый свет, иначе ваше сопровождение вынуждено будет мчаться на красный. Обгонять чужих следует по широкой дуге, чтобы остальные ваши машины успели перестроиться, и так далее.

Лучше всех водил конвои Храповицкий. Иногда из кемпинга ему удавалось привести на приличной скорости кортеж из пятнадцати разномастных транспортных средств, не потеряв ни одного на обгонах, светофорах и перекрестках. Сейчас за нами шли три автомобиля с охраной, не считая пары машин наружного наблюдения, которых мы еще не засекали, но которые, несомненно, нас пасли. Итого пять. Я не торопился, чтобы не создавать никому проблем, в том числе и следившим за нами сотрудникам Лихачева. Зачем? Люди делали свою работу.

— Интересно, почему охрана всегда такую жару в своих тачках устраивает? — пробормотал Виктор, опуская окно. — Свариться можно.

— Не знаю, — я убавил печку. — Простонародье вообще на редкость теплолюбиво.

— Планктон-то? — хмыкнул Виктор. — Это да. Не отнимешь. А знаешь, почему? Они больше, чем мы, зависят от физиологии. Для них все решает внешняя среда. Мы можем заставить себя потерпеть, они — нет. Я читал, что в сталинских лагерях крестьяне первые вымирали. Даже интеллигенция дольше держалась, хотя физически гораздо слабее была. А крепче всех потомственные дворяне оказывались. Сила духа.

— А ты к кому себя относишь? — полюбопытствовал я.

— Я-то? Черт его знает! Смесь какая-то. Химический состав искусственного происхождения. Да мы все такие, кто в России чего-то добился. В нас прежнее воспитание и новые замашки — все перемешалось. И знаешь, что самое смешное? Внешне мы все разные, а внутрь загляни — не отличишь. Кто-то из нас с самого низа поднялся, из трущоб, кто-то — из интеллигенции. Тот же Березовский профессором был, Ходорковский тоже, я слышал, наукой занимался. А иной раз рядом с президентом такие жлобы тупорылые мелькают, что диву

даешься: откуда они всплыли, из какой канализации? Я ведь в последнее время тоже много чего передумал. Когда тебе десятка с конфискацией ломится, ночами не больно спится. То одно в голове крутится, то другое. В чем-то Лариса, конечно, права: снаружи каждого человека шелуха, а в глубине — то, что не сотрешь и не переделаешь. Когда тебя прессовать начинают, шелуха облетает, а настоящее остается. Вот Лариса почему-то уверена, что все происходит из-за баб и из-за денег. А я с этим не согласен.

— Что происходит?

— Да все! — он помахал в воздухе руками, изображая вращение. — Воюем мы друг с другом, убиваем, наверх карабкаемся, дружим, ругаемся, козни строим. Тут она начало и конец путает. Не в этом дело!

— Разве? Ты же сам Даниле всего лишь час назад доказывал, что в основе всех мировых катаклизмов — одна голая корысть.

— Да это я для простоты, чтоб ему легче понимать было. Когда-то я и сам так думал, а сейчас по-другому считаю. То есть, конечно, деньги — это великая сила. Они свободу дают. Точнее, то дают, то отнимают; то они тебе служат, то ты им. И женщины тоже — отрава страшная. Можно много глупостей из-за них натворить: и голову потерять, и жизни лишиться. Деньги, кстати, даже сильнее влекут, чем женщины. Я однажды с похмелья по телевизору передачу смотрел про одного римского императора. Он, когда уже всяким развратом обожрался, все на свете перепробовал — и женщин, и мужчин, и детей, и зверей, и уже его тошнило от похабства, так он золото по полу рассыпал, раздевался догола и катался по этому золоту, голый. Вот это одно его и вставляло. А все же не на всех этот яд действует. Значит, есть еще кое-что, по-главнее.

— Что же? — спросил я.

— А-а! Здесь и нужно до сути докапываться. Мы как-то с Храповицким на эту тему спорили, так он все на натуру списывает. Дескать, мы хищные, потому и съедаем всякую мелочь. Для собственного пропитания, а не для того, чтобы кого-то обидеть.

— Ты полагаешь, он ошибается?

— Смотря в чем. Натура у нас хищная, спору нет. Но звери впрок не убивают. И не копят, чтобы на миллионы лет хватило. Зверь что не съел, то бросил. Вот, например, сколько ты в месяц зарабатываешь?

— Около пятидесяти.

— Прилично, правда? Казалось бы, хватит на кусок хлеба. Ан нет, не хватает! Я раз в сто больше получаю, а мне тоже не хватает. При этом спроси, куда бабки уходят? Понятия не имею! Новые дома женам строю, подарки дорогие покупаю, путешествую, просто так просаживаю. Но ведь было время, когда я по-другому жил. И Храповицкий тоже, и Лариса. Все мы жили по-другому. И хватало нам! И радостей у нас было не меньше. Праздники вместе отмечали, веселились. Вот и получается, что деньги — это все-таки шелуха. Можно без нее перекапываться.

— Да ну? — отозвался я скептически.

— На сто процентов! — убежденно потрянул он головой. — Ну, может, поначалу трудно будет, а потом привыкнешь. Сидит же Храповицкий в камере, без телок, без бабок, не умирает. Да меня возьми, я, если честно, лучше всего себя в своей берлоге чувствую. Квартира у меня есть двухкомнатная, в центре. Я ее еще в те времена купил, в советские. Так вот, когда я со своими бабами разругаюсь, туда уйду. Не тюремная камера, конечно, но и не хоромы.

Спорить могу: любой из нас одной десятой обойдется из того, что у него есть.

— Почему же не обходимся?

— Не желаем! Прет из нас что-то, неимется нам! Война нам требуется. Захват. Риск. Я так соображаю, что забрось нас, допустим, на необитаемый остров, где не будет ни долларов, ни мерседесов, ни бриллиантов, ну, вообще никакой цивилизации, а только бамбуковые палки, мы из-за палок схватимся. Не будет палок — валуны какие-нибудь пронумеруем и драться начнем: у кого больше. Ничего не найдем — просто так сцепимся. Вот это в нас — настоящее, не наносное. Это суть наша. Она вначале стоит и нас всех объединяет. А бабки — это потом.

— А у планктона, значит, другая суть?

— У планктона все очень просто,— усмехнулся он.— Одни животные потребности. Ему захотелось чего-то — он и сцапал. Чужое, свое — он не разбирает, ждать не может, о последствиях не думает. Дают — бери, бьют — беги. Он вообще думать не любит, да и некогда ему: то ест, то спит, то гадит, то совокупляется. Весь в делах. Правда, в отличие от нас нападать он не станет. Только если всей стаей на одного. Тогда да. До костей обглодают.

Виктор затянулся напоследок и швырнул окуроч в окно.

— Так и не приучил себя окурки в машине оставлять, — пожаловался он. — Это от нищей молодости осталось. Мне вроде как пепельницы жалко пачкать. Хотя что мне эти пепельницы! У меня денег столько, что могу забивать их окурками, потом машину выкидывать и новую покупать. А поди ж ты, все равно жалко. Даже в этой гребаной «десятке» — и то...

Он не договорил. Справа нас лихо обгоняла новенькая «Ауди», разбрызгивая по сторонам потоки мутной воды из дорожных луж. Прежде чем Виктор успел откинуться назад, он уже был залит грязью.

— Суки! — крикнул Виктор в бешенстве, вытирая стекавшую с лица жижу. — Давай за ними!

Я прибавил газа и поравнялся с «Ауди» на светофоре. Начерно тонированные стекла были припущены, и изнутри доносился такой грохот музыки, что рядом можно было устраивать дискотеку. В машине сидели два парня бандитского вида: небритые, коротко стриженные, и чавкали жевательной резиной. Я посигналил, чтобы привлечь их внимание, но без успеха.

— Эй, вы там! — окликнул их Виктор. — Я к кому обращаюсь?!

Мордастый водитель с толстой цепью на толстой шее лениво повернулся и окинул презрительным взглядом нашу «десятку». На нашу охрану он, разумеется, не обратил внимания.

— Че надо? — осведомился он, сотрясаясь в такт ударам тяжелого рока.

— Ты что, не видишь, куда летишь? — набросился на него Виктор.

— Пасись, козел! — посоветовал мордастый. Двигатель взревел, и машина, не дожидаясь зеленого света, рванула вперед.

Виктор схватил станцию.

— Догнать! — закричал он в ярости охране. — Быстрее, мать вашу!

Но охрана и без его команды уже сообразила, что нужно делать. Все три машины бросились в погоню, так что теперь я шел последним. На трассе у «Ауди» еще были шансы убежать. Но на городском шоссе, полном светофоров и транспорта, скоростные качества автомобиля не

так важны, как мастерство водителей. Здесь наши были не в пример лучше.

Уже через двести метров «Ауди» была зажата и притиснута к обочине. Охранники, выскочив наружу, окружили ее и дергали двери. Однако те не поддавались, видимо, парни блокировали их изнутри. Наших было человек десять. Мы с Виктором подъехали и тоже вылезли из машины. Виктор злобно посмотрел на тонированное стекло, которое теперь было намертво задрено и через которое ничего нельзя было увидеть.

— Разбить! — скомандовал он.

Охрана распахнула багажники. На свет тут же появилась монтировка, две бейсбольные биты и клюшка для гольфа. Клюшка, естественно, принадлежала Гоше, остальные возили с собой более понятные средства производства. Охранники заняли исходные позиции, и в следующую секунду на несчастную «Ауди» со всех сторон посыпался град ударов. Раздался хруст и звон стекла, осколки сыпались в кабину и разлетались далеко в стороны. Вскоре ими был покрыт асфальт, а из автомобиля уже вытаскивали двух парней. Поскольку они сопротивлялись, то охранники им несколько раз чувствительно врезали.

У мордастого водителя был разбит нос, и кровь бежала по губам и подбородку, что не делало его привлекательнее. Черная кожаная куртка задралась, и безволосый живот вывалился над брюками. Его приятель, пониже ростом, был еще цел. Он увертывался, закрывался руками и в ужасе твердил:

— Пацаны, вы че? Вы че, пацаны, в натуре? За что?

Проезжавшие мимо машины притормаживали, из некоторых высовывались любопытные лица. Но никто не останавливался и не пытался вмешаться. Происходящее походило на бандитскую разборку, никому не хотелось попасть под горячую руку.

— Конец вам, уроды, — мрачно пообещал Виктор и шагнул вперед, примеряясь к мордастому водителю.

Я быстро схватил его за рукав.

— За нами менты следят, — напомнил я.

— Да в рот им ноги, — ответил Виктор и размахнулся.

Парень всхлипнул, зажмурился и дернулся в сторону. Но охрана держала его крепко.

— Стой ровно, — посоветовал ему Гоша. — А то зубы выбьют.

Виктор ударил и попал вскользь по уху.

— Простите, пацаны! — крутя головой, захлебывался водитель. — Простите, в натуре. Я же нечаянно.

— Вот пидор, — сказал Виктор, опуская кулак и сплевывая. — Даже бить такого противно.

— Ну, еще разок-то хотя бы стукните, — уговаривал Гоша. — Нельзя же так отпускать. Он ведь не поймет. Не хотите? Ну, ладно, придется нам его по-другому воспитывать.

Он просунул руку в усыпанный стеклом салон «Ауди», вытащил ключи из замка зажигания и зашвырнул их в глубокую лужу в нескольких метрах от нас.

— Пусть теперь поищут, — хмыкнул он.

Охрана еще пару раз ткнула парней под ребра, после чего отпустила. Расхристанные и

растерзанные, они остались возле своей разбитой машины, а мы уехали.

— Давить их, как клопов, — сквозь зубы проговорил Виктор. — Только так до них доходит. А мы с ними нянчимся.

— Ты о ком?

— Я обо всех них! О планктоне, о забастовщиках, об охране, о Сырцове, в конце концов!

— Их много. Всех не передавишь!

— А вот это мы еще посмотрим, — с угрозой отозвался он. — Ну-ка, втопи!

Я покосился на него, но ничего не сказал. Вообще-то я бы предпочел более гибкую позицию для предстоящих нам переговоров.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Поселок Лысый Овраг располагался в ста пятидесяти километрах от Уральска. О существовании здесь нефти знали с восемнадцатого века, первую экспедицию сюда посылал еще Петр I, но промышленное освоение месторождений началось лишь после войны. Собственно, до пятидесятих годов будущий гигант нефтедобычи был маленькой деревушкой из сорока дворов, расположенных на склоне оврага, где упорно отказывались расти любые культуры: и садовые, и огородные. Отсюда и возникло название деревеньки, перешедшее потом на поселок.

Теперь все скважины по северу области принадлежали нам. Мы добывали здесь в год около семи миллионов тонн нефти, из них на Лысый Овраг приходилось больше половины. Тут находились два наших крупнейших месторождения: Колывановское и Роднянское. Здешняя нефть была легче, содержала меньше примесей и залежала ближе к поверхности, чем на других участках. Если средняя глубина скважин по области составляла два километра, то в Лысом Овраге не надо было забуриваться дальше, чем на девятьсот метров. Этот поселок с неблагозвучным названием был бриллиантом в нашей короне.

Из семнадцати тысяч местных жителей процентов семьдесят работало в нефтяной отрасли, то есть на нас. Когда Храповицкий с партнерами приватизировал государственную компанию, нефтяники все еще возглавляли список самых высокооплачиваемых профессий, хотя цены на сырье уже летели вниз. Затем произошел обвал, и Храповицкому, получившему в управление махину, созданную с советским размахом и советским неуважением к законам экономики, пришлось упорядочивать финансовые потоки, сворачивать смежные производства, избавляться от объектов соцкультбыта, закрывать социальные программы и начинать сокращения.

Последние годы выдались и вовсе беспросветными: когда казалось, что хуже уже некуда, в стране разразился кризис неплатежей и стало все-таки еще хуже. Добыча делалась невыгодной и неуклонно падала; перерабатывающие заводы, чтобы не простаивать, работали на чужом, так называемом «давальческом» сырье; железнодорожники, будучи монополистами, выкручивали руки и диктовали немыслимые цены на транспортировку нефти; должники расплачивались с нами ненужным бартером. Задержки зарплаты в нашем объединении приобрели хронический характер. Любые попытки модернизации производства и замены устаревшего оборудования неизбежно приводили к новым увольнениям.

Коллапс, поразивший в те годы нефтянку, был следствием разрушительного революционного

урагана, сотрясавшего Россию. Изменить что-либо в отдельно взятом производстве было не под силу ни Храповицкому, ни кому-то другому. Но мириться с потерей своего благополучия обитатели Лысого Оврага не хотели. Им не было дела до мировых тенденций и общих негативных процессов в отрасли. Десятилетия, в течение которых они пользовались льготами и привилегиями, приучили их к убеждению, что они находятся на особом счету у Родины и что любые бури обойдут их стороной.

Застигнутые врасплох, они во всех своих невзгодах винили одного Храповицкого, который, захватив компанию, довел их до нищеты и унижения. Ненависть к нему, как нарыв, распухла от месяца к месяцу и вот, наконец, прорвалась.

2

Карпов ждал нас у себя дома. Он жил на въезде в поселок в красивом трехэтажном коттедже, которые мы строили по всему району для своих руководителей. Карпов был директором нашего нефтегазодобывающего управления, сокращенно — НГДУ.

В прошлом году он отметил пятидесятилетний юбилей. В нем было больше двух метров роста и полтора центнера живого веса. В далекой молодости он выигрывал чемпионаты мира по гребле, однако сколько я не старался, так и не сумел представить, каким образом он втискивал в утлую байдарку свою тушу. Необъятный, шумный, самоуверенный, с крупными чертами лица, он выглядел сейчас понурым и подавленным.

— Как с цепи сорвались! — расстроено гудел он. — Ничего слушать не хотят! Третий день митингуют, аж охрипли. Орут, что если завтра денег не привезем, они вентили перекроют.

— Может, люди сперва поедят с дороги? — выглядывая из комнаты, подала голос его жена, пожилая и тоже внушительная. — Что ж ты сразу на них с делами набрасываешься!

Карпов сердито шикнул на нее, и она исчезла. За спиной Карпова на кухне виднелся накрытый стол. Виктор, не раздеваясь, прошел к нему, налил рюмку водки себе и Карпову, деловито чокнулся и выпил. Карпов молча последовал его примеру.

— Заплатим мы им, куда мы денемся! — Виктор закусил квашеной капустой и успокаивающе похлопал Карпова по плечу. — Сбежим, что ли? И раньше, бывало, задерживали. Не по своей же вине. Зачем такой базар устраивать?

Карпов замялся, покрутил в толстых пальцах вилку и подцепил на нее колбасу.

— Тут, честно говоря, не в одной зарплате дело, — пробормотал он, избегая смотреть на нас. — Это уж у них как последняя капля. Они вон президенту письмо накатали.

— Да ну? — удивился Виктор, переставая жевать. — Чем же они еще недовольны?

— Да вы лучше сами с ними поговорите, — уклончиво ответил Карпов. — Зачем я пересказывать стану!

Он явно не желал вдаваться в подробности. Виктор посмотрел на него внимательнее, но дожимать не стал.

— Поговорим, — пообещал он. — Для того и приехали. Где они сейчас? В административном здании?

— Да нет, — по-прежнему не глядя на нас, отозвался Карпов. — Я их шугнул оттуда. Они в клуб перебрались, там, значит, бузят. Нас ждут, раза три уже звонили, не терпится им.

— А кто их в клуб пустил? — состроил недовольную гримасу Виктор. — Я же велел его

закреть!

Клуб партнеры получили в нагрузку к нефтяным вышкам, среди других объектов соцкультбыта. В нем традиционно проходили поселковые праздники, бракосочетания и другие торжественные мероприятия; по вечерам раза три в неделю устраивались дискотеки или крутили кино. В клубе обитали какие-то народные ансамбли, никому не нужный хор пенсионеров и детские кружки. Платить за эту самодеятельность Храповицкий не желал. Шеф делал попытки сбавить клуб на баланс областного департамента культуры, но чиновники энтузиазма не проявляли. С месяц назад было принято окончательное решение о закрытии очага местной культуры.

— Разом его все равно не прихлопнешь, — принялся оправдываться Карпов. — Он один на весь поселок! Ребятишки туда бегают. Людям куда-то ходить надо. Молодоженам опять же расписывать негде, не в столовке же! Совсем без клуба нельзя, это не город. Я уж и так директрису предупредил, что только до Нового года срок ей даю, а там — как хочет. Нету у нас денег, чтобы их содержать. Она, конечно, расплакалась, обещалась в районной администрации похлопотать, чтобы те помогли. Тут ведь тоже силком не возьмешь. Все же она заслуженный деятель культуры. Если баламутить по поселку начнет, все за ней поднимутся, как утята за уткой. Я по-мирному хотел.

— Она с нашими забастовщиками заодно, что ли? — перебил Виктор.

— Получается, так, — развел руками Карпов. — Да здесь все заодно, Виктор Эдуардович, — прибавил он. — Деревня, что ты хочешь!

— Пулемет хочу, — ответил Виктор. — И три ящика патронов. А по-другому с вами нельзя, с деревенскими. Ну что, поехали? — Он повернулся к выходу, но вдруг остановился. — Слушай, а у тебя водка есть?

— Водка? — удивленно переспросил Карпов. — Да вот же, на столе стоит.

Виктор критически осмотрел две литровые бутылки, выставленные к нашему приезду.

— Маловато будет, — заметил он. — Не с пустыми же руками к ним ехать. Два литра на такую ораву — это только губы помазать.

Карпов взглянул на меня, ожидая каких-то пояснений. Но я не имел ни малейшего представления о том, как Виктор собирался вести переговоры и какие сюрпризы он заготовил для забастовщиков. Да, может быть, Виктор и сам этого не знал.

В машине Виктор уступил Карпову переднее место, поскольку на заднее сиденье «десятки» тот точно бы не пролез. Следуя карповским инструкциям, я осторожно повел машину к клубу в тени улиц.

За четыре года нашего правления Лысый Овраг еще не успел прийти в полный упадок. Насколько я различал в свете окон, послевоенных бараков здесь было совсем немного, в основном стояли добротные пятиэтажки, вполне еще свежие. Встречались даже приземистые коттеджи на две семьи, построенные при Советской власти для передовиков производства. Состояние дорог тоже было приличным, пожалуй, лучше, чем в Уральске.

— Я же здесь от мастера до директора дошел! — снова завелся Карпов. Должно быть, он впервые за всю свою долгую производственную карьеру не сумел совладать с коллективом и чувствовал себя униженным. — Чего только тут не натерпелся! И пьяных разнимал, и от начальства прикрывал, раз даже роды помогал принимать прямо на участке. И обмораживались мы, бывало, и спиртом травились, всяко повидал, но до такого никогда не доходило.

Помню, промысла горели, — как все аборигены, он вместо «месторождения» произносил «промысла», с ударением на последний слог. — На Колывановском пожар случился, два дня его тушили, человек триста пожарных понаехало, полторы сотни единиц одной техники нагнали! Страх! И кто-то потом шуток пустил по району, что, дескать, это я нефть украл, а остатки поджег, чтоб вроде как следы замести! Я ночи не спал, думал, поймаю мерзавца, кто такое придумал, своими руками шею сверну! Чуть не инфаркт у меня тогда приключился. Но так ведь это же за спиной, не в лицо. То есть мазнули исподтишка — и в кусты. Но чтобы с кулаками на меня кидаться?! — он задохнулся, не находя слов. — Я Ишуткину, гамардрилу этому, говорю: «Ты что взбеленился, а?» А он за грудки меня хватя и прям в рожу мне слюной брызжет, дескать, был ты наш, а теперь жуликам людей продал, это вам, значит, — пояснил он, поворачиваясь к Виктору. — Я уж на что выдержанный человек, а веришь, нет, Виктор Эду-ардыч, не утерпел и в лоб ему стукнул маленько. Кулаком, так. Иди, говорю, остынь, не идиотничай. И думай впредь, что несешь! Когда это я людьми торговал?

Я покосился на его огромные кулаки и подумал, что на месте Ишуткина я бы предпочел охлаждаться иными способами.

— А кто этот Ишуткин? — заинтересовался Виктор. — Что-то фамилия знакомая.

— Да подземник наш. Бригадир у ремонтников, — пояснил Карпов. — Ты ему еще благодарность приказом объявлял за ударный труд. В цеху по подземному ремонту скважин работает.

— Так это он, что ли, всех накручивает?

— Ну, прям он! Куда ему! Его, чай, самого науськали. А он, как пес дурной: лает, да на людей без разбору бросается. Милка Рогова за всем за этим стоит, она тут заправляет. Вот вредная баба, — пробормотал он с застарелым ожесточением. — Ох, и намучился я с ней! Сколько ее помню, одни неприятности от нее. То одно ей не так, то другое, вечно больше всех надо. И характер, главное, такой стервозный, того и гляди, в глаза вцепится, никакого укорота ей нет. Но в авторитете она у наших работяг, да. Не отнимешь, — он покивал с видимым сожалением и пригладил редкие светлые волосы. — Ишуткин-то из-за нее в это втравился. Любовь там у них, что ли? Хоть у него вообще-то своя семья есть. Но вертит она им, как пожелает.

— Одинокая, что ли?

— Зачем одинокая? Двое детей. Мужа у нее в прошлом году посадили.

— За что?

— А за врезки. Шайка там у них целая была. В наши трубы они врезались, нефть забирали и толкали налево. Тягачи у них свои были, все как положено. Да тут многие втихаря этим промышляют, сам знаешь. Раньше-то и того больше было. А как мы милицию к этому подключили, да облавы стали устраивать, так их и взяли, прям с поличным. Четыре года ему, однако, влепили, нескоро выйдет. А народ его жалел, — прибавил он задумчиво. — Вот поди, пойми их!

— Муж у нас нефть воровал, а жена теперь права качает? — присвистнул Виктор. — Лихо. А сама она кем у нас работает?

— Прежде старшим лаборантом была, а когда мы приборы поставили, то ее и сократили вместе с другими, вернее сказать, на полставки перевели. А люди ее, значит, председателем профкома выбрали.

— Ух, ты! — удивился Виктор. — А у нас и профком есть?

Карпову послышался в его словах незаслуженный упрек.

— Профсоюзы-то везде есть, — проворчал он. — Куда ж от них денешься. Закон такой. Я их, что ли, придумал?

— А ты бы взял, да и разогнал, — беспечно посоветовал Виктор.

Несерьезность подобной рекомендации задела Карпова. Он надулся.

— Вы приказ издайте, я и разгону, — огрызнулся он. — Мое дело маленькое...

Я решил, что пора вмешиваться, пока в борьбе с восставшими народными массами мы не потеряли последнего союзника.

— Темно как у вас, — сочувственно заметил я, с трудом вглядываясь в дорогу через лобовое стекло. — Фонари не горят?

— Откуда они гореть будут, если мы деньги перестали выделять на ремонт опор, — пробурчал Карпов. — За счет нас здесь все благоустройство и держалось.

Я остановился возле трехэтажного здания клуба. Нижние окна были освещены. Карпов кряхтя выбрался из машины, застегнул куртку и насупился, готовясь к тяжелому разговору. Зато Виктор был бодр и даже как-то загадочно улыбался своими влажными пунцовыми губами.

— Идея мне одна в голову пришла, — заговорил Виктор, заговорщицки понижая голос. — Знаешь, что нужно с этим клубом сделать? У тебя электрик есть? Я имею в виду, проверенный, который тебя не сдаст? Есть? Вот и хорошо. Пусть устроит здесь короткое замыкание. Аккуратненько так, с небольшим возгоранием. Только смотри, не спали здание, оно еще, может, пригодится! Вызывай пожарных, отключай свет и отопление, дескать, пора проводку менять. Понял меня? Чтоб не от нас запрет исходил, а в результате, так сказать, стихийного бедствия.

Мне показалось, что Карпов поежился. Все-таки он жил здесь и, наверное, частенько сам посещал клуб вместе со своим семейством. Но возражать не посмел.

— Сделаем, — коротко ответил он, отводя глаза и низко наклоняя свою крупную голову.

3

Тех, кого мы приехали давить, было человек около пятнадцати. Большинство из них составляли мужчины с упрямыми, грубыми деревенскими лицами. Они смотрели на нас неприязненно. Женщины казались несколько мягче, хотя приветливостью тоже не отличались. Забастовщики разместились за длинным столом в кабинете директора. Они прихлебывали чай, с хрустом разгрызали дешевые сушки, кашляли и негромко переговаривались. Думаю, нервничали они не меньше нашего.

Рогову я узнал сразу, без труда — она выделялась из толпы. Это была черноволосая женщина лет тридцати пяти, очень худая и высокая, не столько красивая, сколько яркая. Цыганская кровь давала себя знать смуглой кожей и пронзительными черными глазами, сейчас — неприязненными и колючими. Назвать ее вслед за Карповым Милкой у меня не повернулся бы язык.

Из прочих я был знаком лишь с директрисой клуба, да и то поверхностно. Кругленькая, жизнерадостная, с восторженным выражением лица и ямочками на щеках, она и в старости не теряла детской непосредственности. При виде нас вскочила и засуетилась.

— Проходите, проходите, — подбегая к нам, заговорила она. — Пальто вот сюда можно повесить. Вы меня, конечно, не помните, Виктор Эдуардович? Мы с вами в Уральске встречались, на Дне нефтяника. Меня зовут Людмила Серафимовна. Разрешите, я вам присутствующих представлю.

— Бесплезно, — перебивая ее, отмахнулся Виктор с присущим ему пренебрежением к светским условностям. — Только время терять, все равно на сухую ничего не запомню. Тем более, что вас вон какая банда собралась! Давайте лучше выпьем, тогда и знакомство само пойдет.

Приблизившись к столу, он принялся доставать большие бутылки из пластикового пакета. Шокированная старушка обмерла. Заговорщики зашевелились.

— Мы сюда не пить собрались, — с нажимом произнес кто-то. — А серьезные вопросы решать. Нас на стакан не купишь!

Вероятно, это и был Ишуткин. Я не был уверен в правоте Карпова, назвавшего его гамадрилом. У Ишуткина был низкий лоб, густо заросший курчавыми темными волосами, глубоко посаженные глаза, приплюснутый нос и кустистые брови. Возможно, Ишуткин больше походил на шимпанзе — я не очень разбираюсь в породах обезьян. На вид ему было лет под сорок. Он был среднего роста, с длинными руками, жилистый и злой.

— Ты чего с порога людям хамишь?! — одернул его Карпов.

— Значит, заслужили, — ответил Ишуткин дерзко.

Карпов и впрямь был на редкость выдержанным человеком, если терпел несколько лет, прежде чем дать Ишуткину в лоб. На его месте я бил бы Ишуткина каждый раз, когда видел, вместо приветствия и на прощание. Пусть это не улучшило бы его манер, но, по крайней мере, приносило бы мне моральное удовлетворение.

— Ну вот, — огорченно развел Виктор руками. — Сотню верст отмахал, в аварию угодил, а со мной даже выпить не хотят. Встретили, называется!

Я знавал немало людей, сказочно разбогатевших во время новой русской революции. Все они были превосходными актерами. Те, кто не владел талантом лицедейства, не пережил шальные девяностые годы. Виктор, только что приказавший избить двух неотесанных автолюбителей, а после еще и сжечь клуб, смотрелся сейчас простодушным гостем, которого незаслуженно обижают хозяева. В нем даже проступила какая-то безответность.

— Да пусть мужики выпьют немного, — подала голос Рогова. — Ничего страшного в этом нет. А мы компанию составим.

Она говорила спокойно, хотя не сводила с Виктора изучающего, острого взгляда.

— А вдруг они провокацию задумали? — как-то ревниво возразил ей Ишуткин. Он упорно не желал давать нам шанса.

— Само собой, — подхватил Виктор. — Я водку-то давно выпил, а в бутылки воды налил.

Рыжий здоровяк, сидевший в центре стола, прыснул, остальные тоже улыбнулись. Одно очко Виктор отыграл. Ишуткин бросил на него свирепый взгляд.

Две женщины в конце стола поднялись, собрали чашки с остатками чая и отправились их мыть. Я в это время неприметно осмотрел собравшихся. Мужчины были одеты в измазанные ватники, свитера и сапоги. На рыжем здоровяке под ватником была тельняшка, а на запястьях красовались татуированные якоря, видимо, когда-то он служил во флоте. Рядом с

ним расположился сутулый лысый старичок с внешностью прожженного бюрократа, в ветхом, лоснящемся костюме и мятой белой рубашке, застегнутой на верхнюю пуговицу. Он с хитрецей косился на нас, будто припасал нам какую-то неприятность. Был еще совсем юный перепуганный мальчонка с бусинками раскосых глаз, должно быть, татарин или казах, и курносая миловидная девушка с длинной русой косой. Вообще компания подобралась довольно пестрая. Такую разномастную толпу не могла сплотить дружба. Ее объединяла ненависть к нам.

Женщины вернулись с чистой посудой, и Виктор с Карповым разлили водку по чашкам.

— А кроме водки ничего нет? — поинтересовалась курносая девушка, морщась от спиртового запаха.

— А ты не нюхай, — посоветовал ей Карпов. — Ты так пей, молча. Ну, за знакомство! — объявил он, поднимая чашку.

Карпов, Виктор и я все еще стояли. Глядя на нас, мужчины тоже поднялись и потянулись чокаться. Женщины остались сидеть.

— Вы уж извините, что закусить нечем, — сухо сказала Людмила Серафимовна. Как дама строгих правил, она, похоже, не могла оправиться от того, что встреча развивалась по самому неприличному сценарию. Точнее, совсем без сценария, как попало.

— Нам не впервой, — заметил Виктор и подмигнул рыжему здоровяку. Тот почесал грудь под тельняшкой и одобрительно крякнул.

Мужчины выпили до дна и зажевали сушками, а женщины лишь пригубили и отставили чашки в сторону.

— Значит, это ты собрался добычу останавливать? — весело обернулся Виктор к Ишуткину.

Его ребячливый, задиристый тон показывал, что в реальность подобных угроз он не верил. Однако Ишуткин не принял столь легкомысленной интонации.

— Не я, а коллектив! — парировал он сурово. — Народ так решил.

— Коллектив, говоришь? — как будто удивился Виктор, поочередно оглядывая забастовщиков.

Курносая девушка смутилась и покраснела, две другие женщины отвели глаза. Раскосый мальчонка тоже завозился, пытаясь спрятаться за чью-то спину. Зато старичок воспрянул, даже как-то обрадовался. Остальные мужчины сидели угрюмо, положив на стол кулаки с грязными ногтями. Судя по выражению их лиц, Виктор им не нравился и его шутливость они считали неуместной.

— На общем собрании так постановили, — наконец произнес кто-то. — Единогласно проголосовали.

Растопить лед Виктору не удавалось. Он на ходу поменял тактику.

— Неужто вы такую бучу подняли только из-за того, что я вам зарплату на пару недель задержал? — укоризненно проговорил он. — Я ведь в срок хотел рассчитаться, деньги уже приготовил, платежки подписал, да не успел. Налоговая полиция счета у нас арестовала. Слыхали, наверное, что они против нас затеяли?

Теперь он говорил с ними доверительно, по-свойски, показывая, что никаких секретов от них у него нет и камня за пазухой он не держит.

— Слыхали, конечно, — отозвался здоровяк, втягиваясь в диалог. — Вот только не пойдем, с чего это на вас насели.

Но Ишуткин был начеку.

— Об этом мы после поговорим, — жестко отменил он миролюбивые инициативы Виктора. — А насчет зарплаты раньше надо было беспокоиться. У нас нынче другие требования созрели.

— Какие же? — удивленно поднял брови Виктор.

Ишуткин наморщил низкий лоб, сосредотачиваясь.

— Приватизацию будем отменять! — объявил он. — Народное имущество, стало быть, возвращать. Такая перед нами теперь стоит задача.

У Виктора округлились глаза.

— Чего вы намерены отменять? — переспросил он, не веря своим ушам.

Ишуткин не дрогнул.

— Сам знаешь, чего! — отчеканил он. — Ты государственную нефть незаконно захватил и думал, мы тебя всю жизнь терпеть будем?! Вот хрен ты угадал! — и он, перегнувшись через стол, сунул кукиш под нос Виктору.

Наглость, с которой он держался, была ошеломляющей. Я не разу не видел, чтобы кто-то вел себя так с начальником. Виктор обернулся на меня, ища поддержки, но я и сам был огорошен. Самым скверным было то, что развязность Ишуткина, не встречая нашего отпора, могла послужить заразительным примером для его товарищей.

— И как же ты намерен этого добиваться? — спросил я, выигрывая время.

— Добьемся, не волнуйся! — зловеще заверил меня Ишуткин.

Я взглянул на его жилистые руки, налитое кровью лицо, и подумал, что надеть ему стул на голову в любом случае успею. Это меня несколько успокоило.

— В суды пойдем, — с готовностью откликнулся старичок. — У нас уже все иски подготовлены. Папка целая, — он с удовольствием похлопал по пухлому обтрепанному портфелю, лежавшему у него на коленях. — Здесь только часть. А еще есть жалобы в разные инстанции.

Виктор посмотрел на него с отвращением.

— А это кто такой? — следом за Ишуткиным Виктор невольно срывался на грубость.

— А я тут на общественных началах, — охотно разъяснил старичок, ничуть не обижаясь. — Ветеран труда. Имею почетные грамоты и благодарности. Я в НГДУ инженером по технике безопасности начинал, потом начальником отдела двадцать пять лет отработал, а после уже на пенсию вышел. А сейчас вот профкому помогаю, когда попросят, — он почтительно наклонил голову в сторону Роговой.

— Мы, Виктор Эдуардович, если надо будет, и до президента страны доберемся, — пообещала та. — На Красной площади палаточный городок поставим.

Выпиравшие из-под платья ключицы подчеркивали ее болезненную худобу, но я почему-то ни секунды не сомневался, что, если потребуется, она доберется и до президента России, и до президента Соединенных Штатов. Теперь мне было ясно, почему Карпов именно ее считал

зачинщицей мятежа — в ней ощущалась непреклонная сила. Между нами говоря, не дай вам бог влюбиться в женщину с таким характером. Когда она в вас разочаруется — а она рано или поздно разочаруется, — то из гордости не уйдет и никому не скажет об этом, даже вам, но ее убийственное презрение вы будете ощущать каждую секунду.

Кстати, сам Карпов, обреченно понурившись, топтался за спиной Виктора. Вероятно, он знал о требованиях забастовщиков еще накануне, но так и не решился нас предупредить. Вышло, однако, только хуже. Мы не были готовы к такой жести. В комнате воцарилась гнетущая тишина. Обескураженный Виктор подвинул к себе стул с противным скрипом и сел.

— Да за что же вы на меня так взъелись?! — пробормотал Виктор с комическим отчаянием, подлинным или мнимым, я не разобрал. — Чем я вам так не угодил?

— Жизнь вы нам сломали, — серьезно и негромко ответила Рогова, глядя ему в глаза. — А больше — ничего плохого.

Виктор невольно отпрянул, обожженный ее словами. Заговорщики, напротив, разом загалдели.

— Как мы раньше жили, и как сейчас — это ж небо и земля! — воскликнул приземистый мужичонка, сидевший рядом с Роговой. — До сих пор от ваших реформ очухаться не можем!

— Прежде мы летом на юга ездили, считай, по два месяца в море купались, а теперь забыли, когда в Уральск выбирались! — отозвался другой мужик.

— Нефтяники при советской власти вообще первыми людьми считались. И профилактории у нас были, и санатории, и спецпайки за вредность нам выдавали! А сейчас в поликлинике лекарств не хватает. Загибаемся же!

Наперебой выплескивая наболевшее, забастовщики не слушали друг друга и не ожидали наших ответов. Их голоса звучали все громче и раздраженнее. Лишь рыжий здоровяк с матросскими наколками не участвовал в общей полемике. Он флегматично поглощал сушки, запивал их давно остывшим чаем и изредка крутил головой по сторонам, как будто не понимая, из-за чего поднялся такой гвалт. Между прочим, тон уже задавали женщины, еще недавно робевшие. Карпов, набрав в легкие воздуха, устремился нам на помощь.

— А вы забыли, как при советской власти по двадцать километров до участков на подводах ездили? — возмущенно гаркнул он, нависая над столом своим громадным телом. — Как в противогазах в резервуары с отборником за пробами лазили да рулеткой объем мерили?

Его заступничество лишь подлило масла в огонь.

— Эко ты спохватился! — откликнулась одна из женщин. — Зато людей вы сколько посокращали!

— Мне мамка говорила, что раньше к нам автолавки приезжали, — вдруг мечтательно встрепенулась курносая девушка. — Вещи всякие дефицитные привозили. Дубленки там, сапоги. А теперь нету ничего.

— Какой там дефицит, на колбасу еле хватает! — буркнул кто-то.

Я с сочувствием посмотрел на курносую и решил, что выездную автолавку я организую ей буквально на следующей неделе. Только без всяких мамок. Пусть лучше прихватит пару подружек в том же формате.

Забастовщики между тем продолжали изливать свои обиды.

— В школе отопления нет, детишки в пальто за партами сидят, то и дело простужаются!

— Все нянечки и воспитательницы из детского сада уволились, в Уральск уехали на заработки, здесь им жить не на что. А нам детей девать некуда, хоть на работу с собой бери.

— А производственный травматизм? — визгливым, как пила, голосом прорезал общий хор старичок-бюрократ. — Ведь он постоянно увеличивается. Только в прошлом году четыре человека попали в больницы из-за аварий! И десятки случаев остались незафиксированными. Я каждый квартал в Уральск отчеты отсылаю, а их никто не читает! — Он негодуяще запыхтел.

Рыжий здоровяк доел сушки, искал вокруг себя что-нибудь съестное, не обнаружил и очнулся.

— Да взять хотя бы День семьи! — бесцеремонно прервал он старичка, двинув его плечом так, что тот едва не слетел со стула. — Где он сейчас?

— Какой день семьи? — растерялся Карпов.

— День семьи! — стоял на своем здоровяк. — Каждый год весь поселок в клубе собирался, соревнования устраивали. Я с сыновьями приходил, трое у меня. По гилям всегда первое место занимал и еще по канату. Перетягивали его, помнишь? А теперь мне на чьем примере парней воспитывать? На Ишуткина, что ли?

Он явно не хотел воспитывать своих детей на примере Ишуткина, и я его понимал. Это наивное выступление в другое время вызвало бы улыбку, но сейчас нам было не до смеха. Виктор поначалу еще что-то возражал, но его слова тонули в шквале упреков. Осознав тщету своих усилий, он выразительно обхватил руками голову и сидел, ожидая, пока его противники выдохнутся. Он был похож на боксера, зажатого в углу в ближнем бою.

— Тише, тише! — старалась перекричать других Людмила Серафимовна. — Давайте по очереди! Я требую слова!

— Пусть Людмила Серафимовна скажет! — подняла голос Рогова.

Забастовщики постепенно затихли.

— Нельзя наш клуб закрывать, Виктор Эдуардович! — негодуяще всплеснула директриса пухлыми маленькими ручками. — Это бесчеловечно! У нас же нет ни театров, ни музеев. Единственная библиотека — и та здесь, в клубе. Вы же отлично понимаете, Виктор Эдуардович, что только наличие культуры отличает человека от животного! Как же наши дети расти будут? Ведь они сюда каждый день приходят. Вы о детях подумайте, пожалуйста!

Она сделала паузу, ожидая его реакции. Виктор не ответил.

— Ему-то что?! — встрял Ишуткин. — В гробу он наших детей видел. У него самого дети, поди, за бугром живут.

— Что ты вечно за всех распрягаешься? — осадил его здоровяк. — Дай другим людям тоже высказаться.

— Неужели вы только из-за выгоды на такой шаг пошли, Виктор Эдуардович? — продолжала пытаться Виктора старушка. — Да ведь и выгода тут при ваших доходах — смешная, вы и разницы не почувствуете. Разве нет? — она опять попыталась заглянуть в глаза Виктору. — Существует же в вашей жизни что-то выше выгоды?

— Откуда? — опять не утерпел Ишуткин. — У него одни доллары на уме!

— Да заткнешься ты или нет?! — вскипел Карпов.

Виктор машинально повертел в руке пустую чашку.

— Закрывать клуб никто не собирался, — проговорил он твердо. — Это какое-то недоразумение. Я готов все объяснить, только прежде хочу выслушать все претензии, а потом уж на них отвечу.

— Если будет что отвечать, — скептически заметила Рогова.

Виктору необходимо было выиграть время, чтобы оценить масштабы противостояния и что-то придумать в ответ. Рогова это, кажется, понимала. Людмила Серафимовна не отличалась проницательностью, но инстинктивно ему не доверяла. Старушка покивала головой, словно ее худшие опасения подтверждались.

— Я думаю, вы зла нам не желаете, — грустно заключила она. — Вы, вероятно, просто воспитаны иначе и принадлежите к той новой формации, которая считает, что главное в жизни — набить карманы. Пока мы помогали вам зарабатывать, вы о нас не думали и не вспоминали. А как только пришлось выбирать между нашими детьми и вашими деньгами, вы детишек готовы уничтожить. Вы извините меня за резкость — я против вас лично ничего не имею, я всю эту новую формацию не могу воспринять, — она поморгала круглыми подслеповатыми глазами и завершила с трогательной отвагой: — Я бороться с ней буду. И с вами бороться, Виктор Эдуардович!

Рогова посмотрела на нее и еле заметно улыбнулась — как мать ребенку. Ишуткин рывком подался к Виктору.

— Короче, я тебе по-простому все вылеплю, — угрожающе пообещал он. — В цвет. Людмила Серафимовна, божий одуванчик, тебе, значит, по-научному объясняла. А я — как есть.

— Валяй, — заранее скучая, подбодрил его Виктор. — Только давай выпьем сначала. Раз уж у нас такой разговор пошел.

Не дожидаясь согласия Ишуткина, Виктор наполнил чашки. Они оба торопливо махнули водку и разом выдохнули.

— Ты откуда вообще такой взялся? — с места в карьер начал Ишуткин. — Вот я всю жизнь нефтяником работаю. Все это объединение на моих глазах и начиналось. Это наша была компания. Государственная. И государство об нас заботилось. Зарплаты с коэффициентом нам платило, всякое такое. А ты вылез, как из-под земли, и все захапал! — Ишуткин заводился все больше. — По какому праву? Ты же в нефти ничего не рубишь! Бензин от сырца не отличишь. Ты раньше на рынке чем попало торговал, так я слышал. Да в чем ты вообще понимаешь? Только в одном: как украсть! И украл! — не выдержав, Ишуткин вскочил, но тут же снова сел. — И стал ты мой хозяин, а я должен на тебя батрачить. А ты за это будешь надо мною измываться. Надбавки ты мне срезал, деньги, мною заработанные, хочешь — выдашь, а хочешь — нет. Сбережения, какие у меня были, — все пропали. Я нынче машину продаю, не на что мне ее содержать стало. Может, ты купишь? Тебе же все подряд надо! — он с ожесточением обрушил кулак на стол. Посуда подпрыгнула и зазвенела. — Ты чего добиваешься? Чтоб мы здесь сдохли все? Да сдохнем, сдохнем! Только тебе-то от этого какая прибыль?!

Последнюю фразу он выкрикнул прямо в лицо Виктору.

4

Вокруг стояла леденящая тишина. Виктор смотрел на Ишуткина молча, с напряженной

улыбкой на губах, не зная, что ответить. Пора было что-то предпринимать.

— Ты полагаешь, это он все подстроил? — задумчиво спросил я Ишуткина.

— Ты о чем? — непонимающе уставился он на меня. Он все еще пребывал в разоблачительном угаре.

— Ну, все несчастья, что вы тут хором перечисляли, — пояснил я. — Курорты позакрывал, детские сады, надбавки, больницы.

До сих пор я практически не принимал участия в разговоре, и сейчас все повернулись ко мне.

— А кто же? — без тени сомнения выдохнул Ишуткин. — Он да Храповицкий. Да еще третий у них есть, фамилию его я запомнил.

— Шишкин, — подсказал старичок. — Шишкин Василий. У меня тут даже год рождения его записан, — и он принялся рыться в своем портфеле.

— Вот они втроем за все и отвечать должны! — припечатал Ишуткин.

— Японские шпионы, — предположил я. — Или американские.

— При чем тут шпионы? — спросил здоровяк.

— Уж больно много они наворотили, — пояснил я. — И цены на нефть уронили, и экономику страны разрушили, и инфляцию ввели. Советский Союз, наверное, тоже они развалили, больше некому. И как мы их, гадов, всей Россией проворонили? Куда смотрели?!

— Издеваешься? — догадался Ишуткин. — Смешно тебе?

Сам он был мрачнее тучи.

— Постой, — подал голос Виктор. Короткой передышки оказалось достаточно, чтобы он пришел в себя. — Вы что-то и впрямь всех собак на меня повесили! Я за чужие грехи отвечать не собираюсь. А то так Ишуткин скоро заявит, что я его бабушку изнасиловал. Вы скажите, в чем я лично перед вами не прав, а я честно признаюсь, смогу это исправить или нет. Только давайте конкретно!

— С вами, Виктор Эдуардович, как ни говори, толку все равно не будет, — возразила Рогова. — За людей вы нас не считаете, слов своих не держите.

— Я своих слов не держу?! — возмутился Виктор. — Когда же такое было?

— Да ты на все свои обязательства наплевал! — бросил ему Ишуткин.

— На какие обязательства? — негодовал Виктор. — Зарплату я тебе на той неделе отдам. А еще что? Жениться, что ли, я на тебе обещал?

Ишуткин поперхнулся, а рыжий здоровяк опять хмыкнул.

— Много чего еще, — невозмутимо ответила вместо Ишуткина Рогова. В отличие от него и остальных своих сподвижников она сохраняла самообладание на всем протяжении разговора. — Перечислять устанешь.

— Ну, хоть один пример?! — артистично горячился Виктор. Почувствовав почву под ногами, он постепенно переходил в наступление.

— Пожалуйста, — кивнула Рогова. — Сколько угодно. Излагайте, Юрий Семенович, —

обратилась она к старичку-бюрократу.

Тот, словно только того и ждал: с готовностью распахнул свой потрепанный портфель, набитый бумагами, и принялся в нем копаться.

— Секундочку, секундочку, — приговаривал он, вытаскивая то одну папку, то другую и поочередно засовывая их назад. — Вот. Думаю, Виктору Эдуардовичу очень полезно будет с этим документиком ознакомиться.

Он извлек стопку отпечатанных листов, прошитых нитками, и протянул ее Виктору. Тот вопросительно посмотрел на меня, потом на Карпова. Но я не имел представления, о чем идет речь. Карпов тоже замотал головой. Виктор вздохнул, придвинул к себе загадочный документ и наугад раскрыл страницы.

— Пункт 3.8 договора, — вслух принялся читать Виктор, как будто скучая. — «Администрация обязуется предоставлять сотрудникам, проработавшим в компании более трех лет и имеющим детей, бесплатные путевки в детские лагеря отдыха сроком не менее одного месяца на каждого ребенка или обеспечить сотрудников денежной суммой, необходимой для приобретения детских путевок». Написано коряво, а идея хорошая, — одобрительно заметил он. — У меня лично — семеро по лавкам, а мне никто даже не намекнул. Зажал мои путевки, да? — обернулся он к Карпову. — Сам, поди, по этим лагерям катаешься? Ты, кстати, насчет пособия многодетным отцам тоже подумай. Мне очень пригодится.

Карпов натужно улыбнулся, но остальных реакция Виктора заставила помрачнеть еще сильнее. Даже смешливый здоровяк на сей раз остался серьезным. Виктор перевернул несколько страниц.

— Пункт 5.7 договора, — весело продолжил он, не обращая внимания на общее настроение. — «В случае смерти близкого родственника администрация обязуется предоставить сотруднику три дня оплачиваемого отпуска, а также денежную компенсацию в размере половины оклада». Вот это да! Пойду-ка я тещу зарежу!

И вновь ответом ему было угрюмое сопение.

— Ты брось это, острить! — наконец не утерпел Ишуткин. — Ты по существу отвечай!

— На что отвечать? — снисходительно посмотрел на него Виктор. — Это что такое? Ваши пожелания?

— Это коллективный договор! — отрезала Рогова. Было видно, что она придает этому документу большое значение.

— Какой договор? — ласково спросил у нее Виктор. — С кем?

— А с трудящимися, — подал голос старичок. — С одной стороны его администрация подписывает, а с другой — коллектив. Поэтому он так и именуется: «Коллективный договор».

— Первый раз слышу, — пожал плечами Виктор. Он вновь глянул на раскрытые перед ним страницы: — Ба! А это что? «Администрация обязуется обеспечивать сотрудников, проработавших на производстве не менее пяти лет, благоустроенными квартирами из расчета шестнадцать квадратных метров на человека». Что ж вы так мало просите? Надо было каждому работнику отдельный коттедж требовать. И участок земли в придачу. Короче, ребята, вы чего от меня хотите? Чтобы я это подписал?

— Не надо ничего подписывать, — успокоила его Рогова. — Все и так уже подписано.

— Кем же? — улыбнулся Виктор. — Вами, что ли?

— Вами, Виктор Эдуардович. Вами лично.

— Мной? — недоверчиво усмехнулся Виктор. — Да я эту фигню ни в жизнь не подмахну!

Вместо ответа она протянула руку и открыла последнюю страницу. Там красовались неровные каракули, заменявшие Виктору подпись. Поверх них стояла круглая печать.

У Виктора отвалилась челюсть.

— Узнаете свой автограф? — настойчиво уточнила Рогова.

Не отвечая ей, ошеломленный Виктор повернулся к Карпову.

— Как же так? — пробормотал он. — Откуда это взялось?

Тот развел руками и уныло замычал.

— Да я не подписывал такого! — с возмущением воскликнул Виктор. — Это подделка!

— Подписывали, не сомневайтесь, — заверила его Рогова. — Свидетели есть. А что забыли, так ничего удивительного. Это в конце января случилось. Вы еще, видно, от новогодних праздников не отошли. Я с этим договором три дня у вас в приемной сидела. Храповицкий тогда где-то в отъезде был, а вы его замещали. Секретарша меня, конечно, к вам не пускала, говорила, важные совещания идут, но потом я все же улучила минутку и прорвалась в ваш кабинет. Двое мужчин каких-то у вас сидели, выпивали вы с ними. И вы мне все разом подписали, не читая. И шампанского мне налили, за успех нашего объединения в будущем году.

Он выдержала паузу и прибавила с насмешкой:

— Вы уж извините, если я что не так сделала.

Виктор зажмурился и помотал головой, будто отгоняя наваждение.

— Ничего не помню, — растерянно признался он.

Бюрократический старичок наблюдал за ним с явным удовольствием.

— Вы еще не до конца ознакомились, — злорадно сообщил он Виктору.

Виктор с ненавистью покосился на него и полез за сигаретами. Кстати, кроме него здесь никто не курил.

— Чего еще? — испуганно выдохнул Карпов. Он, похоже, тоже не все знал.

— Сейчас покажу, — пообещал старичок. Я догадался, что самое худшее он припас для нас напоследок. — Я вам сам прочту.

Он придвинул к себе папку, достал из нагрудного кармана ветхие очки со сломанной дужкой, криво водрузил их на нос и принялся искать нужное место.

— «Коряво написано»! — ворчал он, обидчиво листая страницы и задерживаясь на них глазами. — Ничего не коряво. Хорошо написано. Доходчиво. Юридически грамотно. Я сам этот договор составлял по поручению профкома. Кто читал — всем нравилось. Слушайте,

Виктор Эдуардович,— он любовно разгладил листы и торжественно продекламировал: — «В случае неисполнения администрацией взятых на себя обязательств трудовой коллектив имеет право отстранить от занимаемых должностей всех руководящих лиц, как директора, так и его заместителей, и заменить их своими представителями». Это, стало быть, третий раздел, пункт 10.1. Ну, Виктор Эдуардович, и что ж тут корявого?

Сейчас все глаза были прикованы к Виктору. Народ жадно ждал его реакции. Виктор сидел не шевелясь. Его бледное лицо пошло тяжелыми багровыми пятнами. Влажные губы обвисли и приоткрылись. Карпов сдавленно кашлянул за нашей спиной.

— Слышь, — ликуя, воскликнул Ишуткин. — Теперь, выходит, не ты нас, а мы тебя увольнять будем! Всех вас взащей погоним! — и он победно потряс в воздухе жилистыми кулаками.

Падают не от сильных ударов, а от неожиданных. Виктор был повержен. Можно было открывать счет.

5

Виктор очнулся примерно на цифре «шесть». Все-таки он был на редкость живуч.

— Молодец, подруга! — прохрипел он. — Подкараулила момент, подсунула бумажки, а теперь трясешь меня по полной программе. Я к тебе сдуру со всей душой, шампанским тебя угостил, а ты со мною вот как! Красиво сработано, ничего не скажешь. Все равно что пьяного на улице обобрала.

Рогова закусила было губы, но она тут же гордо вздернула голову.

— Вы же не в подворотне валялись, а компанией руководили! — запальчиво возразила она. — Я к вам официально пришла, как председатель профкома, с документами. А то, что вы на рабочем месте нетрезвый были, — это уж не моя вина!

— А ты, когда наше НГДУ под себя подгребал, об нас думал? — вступился за Рогову Ишуткин. — Напролом пер. По трупам. Тебе же важно было нефть заполучить, а уж бить или резать — это как выйдет.

— Тут дело не в методах, — перевел я их спор в практическое русло. — А в том, что этот документ не имеет юридической силы.

— Как это не имеет?! — угрожающе взорвался Ишуткин. — Ты нам мозги не пудри! Тут все подписи есть! И наша, и его! — он ткнул пальцем в Виктора.

— Основные положения данного договора противоречат закону, — настойчиво повторил я.

— В чем же они противоречат? — заволновался старичок-бюрократ. — КЗоТ я наизусть знаю, разъяснения к нему тоже учел. Наоборот, тут все между собой согласуется. Как говорится, одно из другого.

Остальные смотрели на него с надеждой. Очевидно, старичок слыл среди них выдающимся законником. Однако я тоже не зря провел последние недели в непрерывных консультациях с юристами. Кое-чему я у них набрался.

— Этот договор носит характер добровольного соглашения, — терпеливо начал объяснять я. — Он не меняет формы собственности. То есть владельцами компании остаются те же лица. И согласно закону лишь они нанимают директора и решают, гнать его или оставить. А директор, в свою очередь, принимает на работу других сотрудников и руководит ими по своему усмотрению.

Вмешиваться в этот процесс никто не может, включая владельцев. А вы собирались все эти права отнять и кучей передать профкому, что абсолютно незаконно.

Забастовщики напряженно слушали меня, пытаюсь вникнуть.

— О чем это он? — не вытерпев, спросил у старичка Ишуткин.

Старичок смущенно закашлялся.

— Мы с ним по-разному трактуем одни и те же положения КЗоТа, — пробормотал он.

— Проще говоря, ты не можешь никого уволить, — перевел я Ишуткину. — Тебя могут, а ты — нет.

Мои слова прозвучали для них как ледяной душ.

— Ничего не понимаю! — сокрушенно выдохнул здоровяк. — То одно у нас получалось, а теперь совсем другое выходит!

— Что же, нам теперь этих храповицких всю жизнь терпеть, что ли? — Ишуткин обвел своих товарищей отчаянным взглядом.

— Не терпи, — пожал я плечами. — Уволься и найди себе другого начальника. Вот этого закон тебе не запрещает.

Забастовщики молча переглядывались. Недавнее торжество сменялось на их лицах разочарованием. Даже несгибаемая Рогова как-то потускнела. Зато Виктор заметно приободрился.

— Но ведь это же какой-то феодализм! — беспомощно всплеснула руками Людмила Серафимовна. — Как же мы отсюда уволимся? Где мы здесь найдем себе другую работу? Ведь тут все с нефтью связано. Неужели Виктор Эдуардович волен творить с нами все, что ему заблагорассудится, а нам и защититься нечем? Что же нам, бежать из родных мест? Как во время войны? — Слезы закипели на ее глазах.

— Ну, это еще как сказать! — запротестовал старичок. — Я на том стою, что в нашем документе все отражено правильно. Согласно договору наниматель взял на себя обязательства, а выполнять их не собирается. Вот пускай суд его и заставит. Тем более, что с законом у Виктора Эдуардовича сейчас не больно хорошие отношения.

— Куда уж лучше! — подхватил Ишуткин. — Сажать их уже начали!

— Так вот вы на что надеетесь! — усмехнулся Виктор. — Нас грызут, и вы решили под шумок кусок урвать!

— Да что ты нам всю дорогу морали читаешь! — взбесился Ишуткин. — Это вы рвать привыкли, а мы за свои права боремся! Мы бы раньше поднялись, да веры у нас в государство не было. Думали, везде у вас схвачено, бесполезно против вас рыпаться. Ан не тут-то было! Не все вам масленица. Взялись, видать, крепко за вас. Разобрались, значит, в Москве, какие вы есть проходимцы и как вы народ обжуливаете.

— Насчет жуликов ты меня с кем-то спутал, — осадил его Виктор. — Мне пока еще никто никаких обвинений не предъявлял. Нахожусь я на свободе и являюсь уважаемым человеком, хотя уже битый час от тебя наглость и грубость терплю. Это у вас, у борцов за справедливость, близкие родственники по лагерям за воровство сидят.

Виктор по-прежнему обращался к Ишуткину, но все повернулись в сторону Роговой. Кровь

прилила к ее щекам, но она не дрогнула.

— Вы на моего мужа намекаете? — сверкнула она глазами. — Его вором называете?

— Не я, — небрежно поправил Виктор. — Его так суд назвал.

— Бывает, что и в судах ошибаются! — возразила она резко.

— Вот как? — переспросил Виктор. — Разве это не он у нас нефть крал?

— А он ее вашей не считал! Он считал, что вы ее нечестно у людей забрали.

— Гляди, какой Робин Гуд! — покачал головой Виктор. — Только почему же он ее бедным не раздавал, а загонял куда-то и деньги прикарманивал?

В словах Виктора был резон, и, судя по лицам забастовщиков, они его слышали.

— Не вам его попрекать! — повысила голос Рогова. Пожалуй, впервые за вечер в ней мелькнуло что-то затравленное.

Виктор хотел возразить что-то едкое, но пристально взглянул в ее худое пылающее лицо и только махнул рукой.

— Черт с вами! — внезапно решил он. — Какая мне, в сущности, разница?! Возьмите да памятник этому Рогову поставьте посреди вашей деревни и хороводы вокруг водите. Надоел мне этот базар. Шакальим он чем-то отдает. Льва подстрелили, и тут же гиены со всех сторон набежали, чуют кровь... Поеду-ка я домой, все равно нам не договориться. Вы свое гнете, я — свое. Хотите бастовать — пожалуйста. Качалки останавливать? Да на здоровье! Митингуйте, в суды идите, доносы кропайте, хоть растащите тут все к чертовой матери да налево продайте! А я спать поехал!

Он поднялся и начал застегивать пальто. Притихшие забастовщики следили за ним с опаской, не понимая, действительно ли он собрался уезжать, прервав переговоры, или готовит очередной трюк.

— Где он сидит-то у тебя? — вдруг обратился Виктор к Роговой уже другим тоном, без враждебности, почти дружелюбно.

От неожиданности она вздрогнула и ответила не сразу.

— В Мордовии, — тихо ответила она, наклоняя голову.

— Давно у него была?

— В прошлом месяце, — чувствовалось, что ей тяжело и неприятно говорить об этом при всех, но она преодолела себя, чтобы окружающие не подумали, будто она стыдится своего мужа.

— Не близкий путь-то?

— Двое суток на перекладных добиралась, с сумками в руках. Сначала поездом, потом на автобусе, а в конце и вовсе пешком. Обещали три дня в общежитии дать, да в последнюю минуту передумали. То ли он проштрафился, то ли что-то в колонии случилось, не знаю, — ее голос дрогнул, она быстро опустила глаза, но справилась с собой. — Дали нам три часа в комнате свиданий вместе с охранником. Мы за столом сидим, а охранник сбоку.

В общем, поглядели мы с ним друг на друга, помолчали, и я назад отправилась.

— А детям ты что объясняешь? — допытывался Виктор. — Что в командировке?

— Вам-то какое дело?! — сорвалась она. — Не вру, не беспокойтесь! Правду я им говорю! Я всегда правду говорю! Только никак не пойму, вам это зачем?

По рядам забастовщиков прокатился сочувственный ропот. Допрос, устроенный ей Виктором, они считали бестактным. Впрочем, Виктора их мнение теперь мало заботило. Он возвращался в свое обычное, глумливо-угрюмое расположение духа.

— Так, на всякий случай, — ответил он неопределенно. — Может, когда меня посадят, туда же отправят. А что? Запросто! К своему поедешь, глядь — и меня наведишь.

— На жалость бьете? — сузила она черные глаза.

— Зачем мне твоя жалость? — проворчал он, поправляя задравшийся воротник пальто. — Ты мне лучше пирожков привези. С капустой, ладно? Я с капустой люблю. Можно еще с картошкой и грибами. Только, гляди, мухоморов мне не напихай.

— Тюрьмой не шутят, — проговорила она очень серьезно.

— А я и не шучу, — усмехнулся он. — Вы ведь сами жалобы повсюду настрочили о том, как я ворую, а с вами не делюсь. В первую голову — в налоговую полицию, да? Генералу Лихачеву лично в руки. Небось, требуете меня немедленно за решетку отправить да срок мне навесить подлиннее, — он посмотрел на них с добродушным презрением, словно поймал на мелком проступке. — Вы, кстати, там все перечислили? Про бабушку-то Ишут-кинскую написали, которую я давеча изнасиловал?

Никто ему не ответил. Их молчание подтверждало его правоту. Он окончательно развеселился.

— Вот о чем вы мечтаете?! Как я, значит, буду в тайге лес валить, а к вам явится Дед Мороз с мешком подарков. И зарплату повысит, и курорты организует, и родственников ваших на свободу выпустит, и заодно очки этому крючкотвору починит, — он кивнул на старичка, и тот поспешно спрятал очки в карман. — А вдруг нет? А ну как вместо Деда Мороза Бармалей придет? Тогда что?

Забастовщики не сводили с него настороженных взглядов. Виктор лукаво им подмигнул. Он вел себя как человек, знающий некий секрет.

— Какой еще Бармалей? — подозрительно осведомился Ишуткин. — Ты о ком говоришь?

— Да о новом хозяине! О собственнике, который мне на смену появится! А ты думаешь, что если у нас компанию отнимут, то тебе отдадут? — засмеялся Виктор. — Дурак ты, Ишуткин! Эх, и дурак! И чего я только с тобой здесь время теряю?

Уверенность Виктора сбила Ишуткина с толку.

— Пусть ее государство назад заберет, — пробормотал он. — Не закроют же нас! Все же мы нефть добываем.

— Я тоже нефть добываю, и что с того? — резвился Виктор. — Государству эта компания не нужна, оно уже один раз ее продало, нам с Храповицким. Если придется, то продаст и в другой раз, кому-то еще. По-твоему, новые владельцы обязательно лучше нас будут? Или ты всю оставшуюся жизнь собрался с хозяевами воевать? Боюсь, не получится у тебя. Даст тебе однажды какой-нибудь директор пинка под зад и вылетишь ты с родного производства. Да и не один ты.

Виктор хмыкнул в сторону остальных, давая понять, что их он тоже считает весьма подходящими кандидатами на получение прощальных пинков. Забастовщики беспокойно заморгали, обдумывая эту новую угрозу. Ишуткин, не зная, что ответить, набычился и с силой уперся волосатыми руками в крышку стола.

— Да не верьте вы ему! — крикнул он наконец. — Врет он все!

— Ага, — подтвердил Виктор. — Вы Ишуткину верьте. Что он вам пообещал? Что вам государство мою компанию подарит и его директором сделает? А он вас всех начальниками назначит? Хорошая идея. Предлагаю за это выпить. Наливай, Карпов!

И, не дожидаясь Карпова, он сам взял бутылку и принялся разливать водку по чашкам. Однако оробевшие заговорщики не двигались с места, переводя глаза с Виктора на Ишуткина, а с Ишуткина — на Рогову. Но та лишь хмурилась и сосредоточенно кусала ноготь.

— Ишуткин, ты-то хоть со мною выпей, — воззвал к нему Виктор. — Ты, кстати, не думал еще, в чьем кабинете сядешь? В моем или у Храповицкого?

— Я в начальники не рвусь! — огрызнулся Ишуткин.

— А жаль, — вздохнул Виктор. — Хороший бы из тебя был директор. Красивый. Ну, хоть за то выпей, чтобы меня поскорей посадили.

— А вот за это — с радостью! — уцепился за его слова Ишуткин. — Хоть целый литр!

— А не упадешь с литра-то? — подзадоривал Виктор. — А то потом тащи тебя.

Доведенный до белого каления его издевками, Ишуткин вскочил и сгреб со стола чашку.

— Давай! — крикнул он. — Чтоб таких, как ты, каждый день сажали!

— Не таких, как я, — Виктор весело погрозил ему пальцем, — а именно меня. Чтобы вломили мне лет пятнадцать, строгого режима. Да с конфискацией! Эх, сгину я в вечной мерзлоте, как мамонт! Вперед, Ишуткин!

Он стукнул своей чашкой о чашку Ишуткина с такой силой, что они чуть не разбились. Водка от удара расплескалась на стол. Ишуткин рывком поднес чашку к губам, намереваясь опрокинуть ее, но Рогова его опередила. Она успела схватить его за руку.

— Стой! — воскликнула она. — Не пей!

Ишуткин поперхнулся водкой и сморщился, оторопело глядя на нее.

— Нельзя пить за такое!

— Это почему же? — осведомился Виктор, недовольный тем, что она сорвала ему мизансцену.

— Нельзя, — твердо повторила она.

Она осторожно разогнула стиснутые пальцы Ишуткина, забрала у него чашку с водкой и, поставив на стол, отодвинула подальше.

— Не будет он за это пить. И никто из нас не станет, — сказала она Виктору.

— Тогда я сам за это выпью! — объявил Виктор, поднимая свою чашку.

— Не советую, — холодно остановила его Рогова. — А то вдруг сбудется? Это ведь здесь вам легко храбриться, когда вокруг ваши помощники стоят, — она кивнула на нас с Карповым. — Тут все вам нипочем. А когда в столыпинский вагон засунут да вместо вашей охраны конвой встанет, сразу другая жизнь начнется. Там уж не до рисовки. В лагерях, Виктор Эдуардович, и не таких ломают. Нагляделась я там. Врагу не желаю туда попасть.

— Да вы же сами этого добиваетесь!

— Нет, не этого, — покачала она головой. — Мы справедливости хотим, а не зла вам. Просто вы нас понимать не желаете. Вы ведь только себя любите и жалеете. Вы вон и сейчас изворачиваетесь, паясничаете, придумываете что-то, и не стыдно вам. Небось, даже гордитесь, как ловко нас обманули. Да не обманули вы никого! Только не хочу я с вами на одну доску вставать! Езжайте домой, Виктор Эдуардович. Подождем мы с забастовкой. Месяца два еще потерпим, пока вы там с законом свои проблемы утрясете. А не утрясете — тогда уж не обессудьте, — она сделала паузу и поочередно оглядела своих притихших товарищей. — Только зарплату на той неделе привезите. И клуб не трогайте, — ее взгляд задержался на рыжем здоровяке. — А День семьи мы, так и быть, без вас проведем. Своими силами. Верно?

Ответом ей было гробовое молчание.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

В воскресенье я встал с твердым намерением прорваться к Сырцову, который находился в больнице под усиленной охраной и был для нас недостижим. Накануне я попробовал поговорить об этом с Виктором, но он наотрез отказался обсуждать эту затею. Конечно, его страшно занимало, какие показания дает Сырцов людям Лихачева, но попытку проникнуть к нему Виктор считал безрассудной и опасной.

Вне рамок нашего дела Виктор судьбой Сырцова совершенно не интересовался, что меня ничуть не удивляло. Успешные бизнесмены, как и политики, в подавляющем большинстве не знают искренних привязанностей — для этого они слишком эгоцентричны. Деловые знакомства и разного рода светские мероприятия полностью удовлетворяют их потребность в повседневном человеческом общении, а их эмоции находят выход на работе. Они дорожат своими семьями, но скорее, как крупными инвестиционными проектами.

Я начал с того, что позвонил по кодированной линии Савицкому и выяснил, что Сырцов все еще находится в реанимации центральной городской больницы, хотя это держится правоохранительными органами в строжайшей тайне. Затем мы с Гошей заскочили в нашу ведомственную медсанчасть, где позаимствовали пару белых халатов для маскировки и еще стетоскоп — для убедительности.

Больница, где лежал Сырцов, представляла собой комплекс зданий, обнесенных забором. Мы подъехали к приемному покою и вошли внутрь. Здесь на скамеечках вдоль стен сидели унылые пациенты в уродливых больничных халатах и их слезливые родственники.

Я не знаю, какие меры предпринимала налоговая полиция, дабы сохранить в секрете местопребывание Сырцова, но старания ее были заведомо обречены на провал. В России невозможно что-то утаить: у нас слишком много бедных, которые не считают себя связанными какими-то обязательствами. В окошке регистратуры медсестра громогласно поведала мне, что Сырцов Павел Николаевич был позавчера переведен из реанимации в хирургию, лежит на восьмом этаже, в отдельной палате, номер двенадцать, попасть к нему

можно, но при наличии пропуска, выданного лечащим врачом.

Накинув халаты, мы с Гошей направились к двери, которая вела к лифтам и лестнице. Перед ней на стуле сидела сонная толстая бабка, широко раздвинув опухшие ноги. Она равнодушно посмотрела на нас и пропустила, ничего не спросив. В скрипучем грузовом лифте, провонявшем хлоркой, мы поднялись на восьмой этаж и оказались в отделении хирургии. Нас никто не задерживал. Эта беспрепятственность вскружила мне голову, я и дальше решил действовать наудачу.

Мы двинулись длинным коридором мимо стоявших вдоль стен каталок с неухоженными больными, которым не хватило места в палатах. От вспученного линолеума на полу до алюминиевых тазов с надписями красной краской — все тут выглядело совершенно буднично, как всегда бывает в наших переполненных запущенных больницах. Ничто не указывало на наличие важной охраняемой персоны.

Я уже начал было сомневаться, не ошиблась ли регистраторша, но тут мы поравнялись с небольшой прихожей, отделявшей палату от коридора. Дверь в прихожую была открыта. За столом друг напротив друга сидели два дюжих омовца в форме. Один из них читал газету, другой просто смотрел перед собой безо всякого выражения.

Я понял, что везение закончилось. Проскочить мимо них незаметно не представлялось возможным. Будто угадав мои мысли, первый омовец отложил газету и скользнул по мне рассеянным взглядом. Я тут же отвернулся и наклонился над каким-то стариком, лежавшим поблизости на каталке. Он был замотан в бинты, словно мумия. Глаза его были прикрыты, возможно, он дремал.

— Как самочувствие? — осведомился я, тыча стетоскопом поверх повязок.

Старик страдальчески замычал, не открывая век.

— Вот как? — отозвался я. — Придется еще раз посмотреть рентгеновский снимок.

Избегая поворачиваться в сторону омовцев, я попятился и поспешно ретировался, впрочем, не столь быстро, как Гоша, который, обгоняя меня, уже с топотом летел к выходу. Если бы я не поймал его, он ускакал бы куда-нибудь в Нижне-Уральск.

Но я не собирался сдаваться. Еще не придумав, за что зацепиться, я открыл дверь в перевязочную. Там было пусто. Тогда я заглянул в ординаторскую. Здесь сидел дежурный врач, молодой еврей с подвижным смешливым лицом и редющей шевелюрой. Он скучал и от нечего делать фигурно разрезал скальпелем яблоко. Перед ним стоял термос с кофе. При виде нас он оживился, должно быть, был рад любой компании.

— Здравствуйте, коллеги, — приветствовал он нас. — Проходите, присаживайтесь.

В слове «коллеги» мне послышалась ирония, то есть за своих он нас не признал, несмотря на камуфляж. Не знаю, как смотрелся я, но Гоша, в маломерном халате, из которого по локоть торчали его лапищи, и вправду мало походил на врача, разве что — на свирепого мед-брата из отделения для буйных душевнобольных. Кстати, сесть в ординаторской было особенно негде, только если на накрытую грязноватой клеенкой кушетку, и мы остались стоять у двери.

— Нам нужно повидать родственника, — вежливо сказал я.

— Пожалуйста, — весело отозвался доктор, насыпая в чашку сахар из узкой пробирки для анализов и размешивая все тем же скальпелем. — Все родственники в палатах. Как фамилия?

— Сырцов, — ответил я негромко.

Шутливость мигом слетела с лица доктора. Он даже перестал орудовать скальпелем в чашке.

— С Сырцовым, ребята, я вам не помощник, — торопливо проговорил он. — Там дальше по коридору милиция сидит, с ней и надо договариваться. Она решает, кого к нему пускать, а кого нет.

— При чем тут милиция? — подал голос из-за моего плеча Гоша. — Мы с тобой как с человеком разговариваем, а ты сразу за ментов прячешься.

— Даже не просите, бесполезно, — доктор вскинул руки, сдаваясь. — Что-нибудь другое — я с радостью. А это, извините, не в моей компетенции.

Я подошел поближе и положил перед ним пять стодолларовых банкнот.

— Нам буквально на минутку, — мягко сказал я. — Он будет очень рад.

В живых глазах доктора мелькнул интерес. Он некоторое время, колеблясь, смотрел на деньги, не притрагиваясь к ним руками.

— Простите, это что? — наконец осведомился он.

— Доллары, не видишь, что ли? — нелюбезно отозвался Гоша.

— Не вижу, — вздохнул доктор. — Практически ничего не вижу.

Я понял его намек и добавил еще три купюры.

— Вы хотите, чтобы я потерял работу за восемьсот долларов? — с укором уточнил он. — Я только в институте семь лет учился. Получается, по сто пятнадцать долларов за курс, даже меньше. Это несерьезно.

Я молча выложил еще три банкноты. Он задумчиво вытянул трубочкой губы.

— Даже не знаю, — сокрушенно признался он. — И хочется взять, да как-то мало.

Шокированный его бесстыдством, Гоша не выдержал. Ему было жаль денег, к тому же он всегда предпочитал силовые методы коммерческим.

— Тебя что, за семь лет в институте не научили, что взятка унижает достоинство человека? — с нажимом осведомился Гоша.

— А я вам и не предлагаю, — обиженно парировал доктор.

Он собрал деньги и засунул их в брюки.

— Вы собираетесь его убить? — спросил он деловито.

— Нет, конечно! — воскликнул я, пораженный. — С чего вы взяли?

— А что еще можно сделать с человеком за минуту? — пожал он плечами. — Что у вас там, в кармане? Пистолет?

— Я не ношу оружия, — ответил я, распахивая халат и хлопая себя по бокам, как делают при обыске.

— Значит, со мной пойдете вы, — решил он. — А ваш коллега пусть остается здесь.

— Я лучше в коридоре подожду, — с готовностью подхватил Гоша, который явно не рвался в бой и потому предложение доктора воспринял с явным облегчением. — Тылы вам прикрою, прослежу, чтобы с другой стороны не напали.

Я бросил на него уничижительный взгляд, который он предпочел не заметить. Доктор снял с вешалки белый медицинский колпак, водрузил мне на голову и поправил на моей груди стетоскоп.

— Если поднимется шум, то я скажу, что вы меня захватили в заложники, — предупредил он меня уже в дверях. — И вынудили вас помогать, угрожая оружием.

— У меня нет оружия, — напомнил я.

— Но я же не знал об этом, — возразил он. — А вы воспользовались моей доверчивостью.

2

К палате Сырцова я подходил с сильно бьющимся сердцем, однако виду старался не подавать, чтобы не расхолаживать доктора, который и без того семенил рядом, отчаянно трусая. Когда мы шагнули в прихожую, омовцы лениво повернулись в нашу сторону. Доктор с озабоченным видом буркнул короткое приветствие. Я тоже поздоровался.

— А это кто? — спросил один из омовцев, сидевший возле двери в палату.

— Где? — с любопытством спросил доктор, близоруко щурясь на экран небольшого монитора на столе.

— С вами кто, я спрашиваю? — омовец показал на меня.

Брови доктора полезли наверх.

— Как это кто? Да это же главный хирург из железнодорожной больницы. Он на операции присутствовал. Его сегодня специально вызвали для консультации.

— А почему нас не предупредили? — недовольно спросил другой омовец.

— А вот это не ко мне вопрос, — развел руками доктор. — Вы у своего начальства узнавайте. Мне, например, с утра заведующий отделением позвонил, попросил встретить и провести в палату. А что у вас там творится, я понятия не имею!

Намек на нерасторопность милицейского начальства омовцу не понравился. Он подвигал челюстями и не спеша поднялся с места. Теперь, когда он с автоматом наперевес возвышался над безоружным доктором, сразу стало ясно, что с критикой доктор погорячился.

— Мы не можем его пропустить, — внушительно проговорил омовец. — У нас не было распоряжения.

— Почему не было?! — занервничал доктор, глядя на него снизу вверх и часто моргая. — А где же оно? Куда вы его дели? У меня есть, а у вас — нет! Абсурд какой-то. Я еще спрашивал утром, надо ли ему пропуск заказывать, а мне сказали, что если он со мной будет, то ничего не нужно.

— Это кто так сказал? — с угрозой поинтересовался второй омовец. — Завотделением, что ли? Гляди, какой умный! У нас инструкция. Доступ в палату только по списку. Нету в списке, значит, до свидания!

— Ну, надо же, — с досадой проворчал я. — Сами же просили посмотреть пациента и не позаботились о формальностях. Издеваются они, что ли?

— Вот так в этой стране все и делается! — посетовал доктор. — В больницах ОМОН командует, врачей не пускают, — он закатил глаза и патетически поднял голос: — А ведь речь идет о жизни человека!

— Я сказал «нельзя»! — отрубил омовец грубо. Его туповатое лицо покраснело: — У вас своя служба, а у нас — своя.

Мы уперлись в стену. Нажимать на них дальше было бесполезно и опасно. Они и так уже начинали раздражаться. Я тронул доктора за рукав.

— Бросьте, не спорьте, — проговорил я, утешая не то его, не то себя. — Как будто нам с вами больше всех надо! Передайте коллегам, пусть режут. А что еще остается? Как тут диагностировать в таких условиях?

— Обе ноги резать? — переспросил доктор с таким видом, словно мое мнение было для него определяющим.

— Конечно, обе, — кивнул я сердито. — Надо купировать процесс. Только повыше берите. Примерно вот отсюда, — я чиркнул пальцем по бедру омовца. Ничего, кроме этого, я не мог ему сделать. Он отпрыгнул в сторону, словно я его ущипнул.

— Не надо на мне показывать! — воскликнул он. — Примета плохая!

И тут из палаты донесся истошный рев.

— Кого резать?! — надрывался Сырцов. — Мне ноги отнимать?! — видимо, через приоткрытую дверь он слышал наши препирательства и испытал нервный шок. — Не позволю! Не смейте! Я немедленно требую главврача! Я не дам согласия на операцию!

Доктор в ужасе зажал себе руками рот и, не обращая больше внимания на омовцев, метнулся в палату.

— Тише, тише! — кудахтал он. — Все в порядке! Вы не так поняли!

Воспользовавшись ситуацией, я кинулся следом. Оба омовца вбежали за мной и сгрудились у входа, глядя, как доктор прыгает вокруг Сырцова, безуспешно пытаясь его утихомирить.

Сырцов, полуголый, беспомощный, в бинтах и зеленке, орал так, словно мы уже приступили к ампутации без наркоза. Его левая нога была на вытяжке. Плотно забинтованная, она высывалась из-под одеяла, прикрепленная к специальному механизму. Правая рука, тоже в повязках до самого плеча, была закинута наверх. Двигаться он не мог, лишь отчаянно елозил головой по подушке и зверски тарасил глаза.

— Я не разрешаю вам меня резать! Это мои ноги! Мои!

— Да никто не посягает на ваши ноги, — уговаривал его доктор. — Зачем они нам? Оставьте их себе, если вам так нужно. Вам вредно волноваться, больной. Разговор-то шел совсем о другом, вы просто не расслышали. Ведь правда, коллега? — многозначительно спросил он меня.

— Мы вообще не вас имели в виду, — заговорил я, выдвигаясь вперед, чтобы Сырцов мог меня разглядеть. — В этом отделении у меня есть еще один пациент, пожилой человек с гангреной. Там действительно не избежать хирургического вмешательства. А с вами мы

будем пробовать консервативные методы лечения.

— Какие методы? — испуганно спросил он. Он все еще был в шоке и не узнавал меня. К тому же ему мешали, халат и колпак.

— Существуют разные варианты, — уклончиво ответил я, корча гримасы и подмигивая ему обоими глазами сразу. — Укрепляющие процедуры, физиотерапия, витамины, — от волнения я никак не мог вспомнить нужные медицинские термины и плел все подряд. — Глюкозу поколем в ягодичу или там в плечо. Бег на месте тоже помогает.

И тут, наконец, он меня узнал и замер. Его взгляд застыл, изможденное лицо сразу сделалось мертвенно-серым, небритый подбородок задрожал. Он издал еле слышный хлюпающий звук. Я испугался, что ему станет плохо, и тоже осекся. В палате неожиданно повисла пауза.

Почувствовав неладное, омовцы за моей спиной завозились.

— В чем дело? — нервно осведомился доктор, переводя глаза с Сырцова на меня. — С вами все в порядке? Это мой коллега, вы, может быть, его помните.

Сырцов разлепил пересохшие губы.

— Нет! — пробормотал он. — Не помню! Не надо! Я не хочу!

— Да вы не бойтесь, — принялся увещевать его доктор. — Никто вам не причинит зла. Мы же хотим вам помочь.

Сырцов вздрогнул, словно ему сделали больно.

— Немедленно прекратите! — выпалил он. — Уберите его! Оставьте меня в покое!

Его реакция меня поразила. Я видел, что еще секунда, и он меня выдаст.

— Пойдемте, — поспешно бросил я доктору. — Пациент сегодня слишком возбужден. Я приеду в другой раз.

— Нет! — крикнул мне в спину Сырцов. — Не смей здесь появляться! Хватит меня терзать!

Это уже был провал. Я пулей выскочил в приемную, и тут же вылетел доктор.

— Какая неадекватная реакция! — пробормотал он омовцам. — Первый раз его таким вижу! Вы что-нибудь понимаете, коллега?

Я молча замотал головой и пожал плечами, показывая, что сам теряюсь в догадках. Я действительно был растерян. Омоновец вышел за нами в коридор. Под его тяжелым взглядом мы, стараясь не бежать, зашагали к выходу.

— Мне кажется, что он не очень вам обрадовался, — ядовито прошептал доктор, вытирая вспотевший лоб.

— Должно быть, с кем-то спутал, — тоже шепотом предположил я на ходу.

Окончательно я пришел в себя минут через двадцать, уже в центре города. Проезжая мимо оперного театра, я вдруг спохватился, что со вчерашнего дня так и не позвонил Насте. Мучимый стыдом и раскаянием, я набрал ее номер.

— Здравствуйте, я по поводу оперы. Я хотел извиниться перед вами за то, что пропал. Я не нарочно. Если вы готовы меня простить, мы вполне могли бы сходить в театр сегодня.

— Боюсь, что сегодня нет оперы, — ответила Настя. Ее голос был привычно грустен, но ни обиды, ни упрёка в нем не звучало. — Я смотрела афишу. Только балет.

— Какой балет?

— «Лебединое озеро». Утренник. Начало в два часа.

Я посмотрел на часы. Было без четверти час.

— Балет тоже неплохо, — заверил я ее. — Какой русский не любит «Лебединое озеро»?! Я заеду за вами через полчаса. Вы успеете собраться?

Она пообещала постараться.

Так все-таки сдал нас Сырцов или нет? Я не мог думать ни о чем другом.

3

Провинциальный балет — это как пробуждение в чужой постели после тяжелой пьянки: и мучительно, и стыдно. С советских времен в крупнейших городах России существуют собственные театры оперы и балета и — что гораздо хуже — собственные труппы. Одни и те же артисты, так ничего и не добившиеся, в течение долгих лет на одной и той же обшарпанной сцене, перед одной и той же аудиторией исполняют одни и те же роли. Они стареют, толстеют, спиваются и интригуют. За право остаться на театральном подмостках после пенсии они воюют насмерть, ибо ничего другого делать не умеют.

Сидя в плюшевых облезлых креслах партера, мы с Настей наблюдали за тем, как кордебалет, напоминавший команду раскормленных тяжеловесов, грузно разминался в саду, под нестройные звуки оркестра, в котором не хватало половины музыкантов. Когда действие перенеслось к озеру, то главная интрига для меня заключалась не в сказочных событиях, а в том, провалится ли сцена с гулявшими досками под могучим Зигфридом или же ее обрушат своими скачками дебелие лебеди?

Вот за кого я не волновался, так это за Одиллию, alias Одетту. Ей явно давно перевалило за сорок, она была стервозно-худая и берегла свои ноги, то есть вместо батманов хлопала густо накрашенными глазами. Старательный Зигфрид отдувался за двоих, был весь в мыле и тяжело дышал.

Кроме нас в зале находилась лишь толпа школьников, которых согнали сюда под надзором учителей. Свое пребывание в храме искусства школьники воспринимали как несправедливое наказание. Они грызли чипсы, кидались друг в друга бумажными шариками, шушукались и нетерпеливо крутились в ожидании антракта. На Настином лице, обычно доброжелательном, изображалась страдание. Она морщила веснушчатый нос, словно готовилась всплакнуть. Ее яркие глаза были влажными.

— Уйдем после первого отделения? — сочувственно предложил я.

Судя по ее благодарному взгляду, я угадал.

— Я вообще-то больше оперу люблю, чем балет, — призналась она. — Особенно мне нравятся низкие голоса. Контральто, басы. Хотя для них существует мало красивых арий.

— Это потому, что у вас тоже низкий голос, — предположил я. — Женщинам и детям часто нравится то, что похоже на них самих.

— Наверное, всем нам нравится то, что на нас похоже, — сказала она задумчиво. — А может, наоборот, какими мы мечтаем быть. Между прочим, женщины как раз редко бывают довольны

своей внешностью. Реже, чем мужчины.

— Возможно, мужчины просто меньше смотрятся в зеркало. Разглядывали бы себя чаще, им бы тоже не понравилось.

— Зеркало тут не при чем, — возразила она. — Никто все равно не видит себя таким, какой он есть на самом деле.

Первое отделение все-таки закончилось. Школьники вскочили и, толкая друг друга, с шумом ринулись из зала. Мы с Настей подождали, пока они выбегут, и чинно направились к выходу.

— Вы первый человек, который не терзает меня вопросами о том, что происходит в нашей компании, — сказал я, помогая ей одеться.

— А что у вас происходит? — беспечно спросила она. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Ну вот! — хмыкнул я. — А я так восхищался вашей деликатностью. Вы и впрямь ничего не слышали? Храповицкого на днях арестовали.

— Храповицкого арестовали? — переспросила Настя потрясенно. — Неужели? Какой ужас! Ведь он такой гордый человек!

— Странное замечание. Разве это имеет значение?

Настя смутилась:

— Я хотела сказать, что арест он, должно быть, больше переживает, чем обычные люди. Потому что для обычных людей это несчастье, а для него — унижение. Мне его ужасно жалко. Вы извините, что я все это пропустила, я ведь почти не слежу за новостями, газеты не читаю.

— Неужели никто вам об этом не сказал?

— Я мало с кем общаюсь.

— Вам не интересно знать, что происходит вокруг? — удивился я. — Совсем не любопытно?

— Честно говоря, не очень, — виновато улыбнулась она. — Да я как-то и не очень запоминаю.

— То есть реальный мир вам заменяют книги и музыка? — я осуждающе покачал головой. — Это неправильно, даже как-то неуважительно.

— Вы имеете в виду, по отношению к окружающим людям?

— Ну да, и к ним тоже, хотя я говорил не о людях. Вам подарена действительность, а вы ею пренебрегаете. За это вас когда-нибудь поймают мелкие демоны, и будут орать вам в ухо дурными голосами современные хиты.

— Книги и музыка — это и есть реальность, — ответила она без улыбки. — Искусство существует столетиями, даже тысячелетиями. А новости живут одну минуту. Да мы уже спорили об этом с вами, когда вы мне из Италии звонили. Наверное, я просто не умею объяснить то, что думаю. Но Храповицкого мне вправду очень жаль.

Мы вышли на улицу, и яркое солнце ударило нам в глаза. Стоял сухой, ясный, холодный день. Бледно-голубое небо было высоким и чистым, без облаков.

— А как же природа? — спросил я, лениво жмурясь. — Ее вы тоже отвергаете?

— Смейтесь надо мной, да?

— Пытаюсь понять.

— Я ничего не отвергаю, даже лужи или сало, хотя плохо отношусь и к тому, и к другому. Но пусть все будет независимо от того, нравится мне или нет. Пусть все живет, а вдруг кому-то понадобится? — Настя улыбнулась и пожала плечами. — Просто мне роднее то, что надолго. Природу я очень люблю, она вечная. Хотите, погуляем сейчас в ботаническом саду? — неожиданно предложила она. — Я там часто бываю.

Энтузиазма во мне это предложение не вызвало. На улице было градусов пять, и, хотя на солнце казалось теплее, налетавший временами холодный ветер напоминал о близости зимы. Прогулке в саду я без колебаний предпочел бы ресторан.

— А вы не замерзнете? — спросил я, маскируясь заботой о ней.

— За меня не беспокойтесь, — замахала она руками. — В такую погоду я часто гуляю. Впрочем, если не хотите, мы можем и не ехать.

— Конечно, поедем! — бодро ответил я, совершив над собой усилие.

Я помог ей забраться в джип, но сам сесть не успел: у меня зазвонил мобильный телефон. Это был секретный номер, врученный мне Савицким. Знали его лишь Савицкий да Виктор. Гадая, кому из двоих я мог понадобиться, я произнес «алло».

— Что ж ты с концерта сбегаешь, а? — весело поинтересовался мужской голос. — Взял и наплевал на культуру. Нехорошо. Сам-то я, конечно, редко в театр выбираюсь, но всегда до конца сижу.

— Рад за вас, — сквозь зубы ответил я. Я уже догадался, кто это.

— Ага, — жизнерадостно продолжал мой собеседник. — Только я больше драматические постановки люблю. Островский там, Чехов. Потом еще вот этот, как его? «Трамвай желание» написал, фамилия из головы вылетела. Короче, в таком духе. Оперы-то, они, конечно, поскучнее будут. Заведут волюнку: «О, дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить!» — эту фразу мой собеседник пропел фальшивя. — Дай свободу, как же! — злорадно возразил он. — Тебе дашь, а ты опять воровать будешь!

— Что вы хотите от меня, Валентин Сергеевич? — спросил я, стараясь не выдавать голосом нахлынувшие на меня эмоции.

— А ты приезжай ко мне и узнаешь, — гостеприимно предложил Лихачев. — А то по телефону долго рассказывать. У меня как раз спектакль один идет, очень даже драматический. Вместе поглядим. Дуй прямо сейчас, а то не успеешь. Уже самое интересное началось.

— Вам нравится играть с людьми в кошки-мышки, правда? — холодно осведомился я.

— Еще как! — не задумываясь, ответил он. — А тебе нет, что ли?

— Представьте себе, нет.

— Это потому, что я — кошка, а ты — мышка, — с удовольствием объяснил он. — А если бы наоборот, тебе бы тоже нравилось. Давай, давай, гони быстрее, а то обижусь.

Я залез на водительское место и посмотрел на Настю.

— Что-то случилось? — спросила она обеспокоенно. — У вас сразу лицо переменялось.

— Извините, но с вечными ценностями придется подождать. Наша прогулка переносится. Надеюсь, что до завтра, — прибавил я хмуро. — Это не от меня зависит, а от одного приятеля, который только что звонил. Он просит, чтобы я приехал, и мой визит к нему может затянуться.

— Затянуться на сутки? — удивленно переспросила она.

— Может быть, и дольше. Я вам перезвоню, как только освобожусь.

— Хорошо, я буду ждать. Только лучше сделать это хотя бы до конца следующей недели, ладно? А то я потом уеду в Москву. Меня в деканате отпустили, чтобы я могла поработать над курсовой в Ленинской библиотеке.

— В таком случае я прилечу к вам в Москву. Там мы и в Большой театр ходим, и побродим среди памятников архитектуры. Где вы остановитесь?

— Я еще не знаю. Вообще-то у меня там подруга живет, но я с ней пока не созванивалась.

— Пойдите, — перебил я, — у вас ведь нет мобильного телефона?

— А зачем мне? Я вполне обхожусь домашним.

— Как же я отыщу вас в Москве?! Я подарю вам мобильник. Только, пожалуйста, не отказывайтесь. Это не для вас, это для меня!

— Ну, хорошо, — согласилась она. — Спасибо.

Я отвез ее домой и сразу позвонил Виктору.

— Меня Лихачев вызвал. Прямо сейчас. Кстати, он знает наши секретные номера.

— Во как? — удивился Виктор. — Зачем же ты ему понадобился? Мог бы и с меня начать.

— Готов уступить свою очередь, — нервно хмыкнул я.

— Я подожду, — покладисто заметил Виктор. Он помолчал, размышляя: — Думаешь, закроет?

— Думаю, может, — ответил я, стараясь говорить ему в тон.

— Страшно? — спросил он с любопытством.

— Есть немного, — признался я.

— Да ладно, брось, — посоветовал он. — Подумаешь! До свадьбы выйдешь. Плохо, конечно, если тебя посадят. Скучно. Я к тебе только-только привыкать начал.

— Глупая шутка, — заметил я.

— А я вообще не умный, — отозвался он. — Да и чувства юмора у меня нет.

4

На проходной в налоговой полиции меня уже дожидался прилизанный помощник Лихачева. Он поздоровался со мной холодно, без тени бывшего дружелюбия, даже не протянув мне руки, хотя еще месяца не прошло с тех пор, как он при встречах раскрывал мне объятия. Я понял,

что в нашей дружбе с генералом произошли некоторые изменения. Челядь — лучший барометр начальственного настроения.

Следуя за ним по извилистым коридорам, я старался угадать, какую еще ловушку приготовит мне изобретательный генерал. Я надеялся, что мой арест не включен в сегодняшнюю программу. Для столь артистичного специалиста по вытягиванию жил, каким являлся Лихачев, это было бы слишком топорно. Чтобы унять предательскую дрожь, я закурил.

— Здесь не курят, — строго сообщил помощник, не поворачивая головы.

Я мысленно охарактеризовал его половую принадлежность как нетрадиционную, загасил сигарету об угол подоконника и, не найдя, куда ее выбросить, сунул назад в пачку. Мы вошли в крыло, занимаемое Лихачевым, но до генеральской приемной не добрались. Помощник остановился и открыл неприметную дверь, пропуская меня вперед. Я выдохнул, как перед прыжком в воду, и шагнул внутрь. Помощник остался снаружи.

В полутемной комнате без окон практически не было мебели: лишь стол да пара стульев. Лихачев, по-домашнему, в рубашке и пуловере, в полном одиночестве увлеченно смотрел телевизор. Он обернулся ко мне, приложил палец к губам, призывая к молчанию, и указал на стул рядом с собой. Я бросил взгляд на экран и медленно сел.

На экране я увидел главного бухгалтера нашего холдинга, Марину Сергеевну Кабанкову, которую допрашивал майор Тухватуллин. Я почему-то сразу, без всяких сомнений понял, что это именно Кабанкова и именно в кабинете Тухватуллина, хотя черно-белое изображение искажало ее внешность, а майор и вовсе виднелся фрагментарно. Установленная за его спиной под потолком камера захватывала лишь его плечи да затылок. Указательным пальцем майор сучил по клавишам компьютера, повторяя вслух текст, чтобы не сбиться.

«То есть — эти векселя являлись по сути фиктивными. Фиктивными. И все имущество с азотного завода переводилось на фирмы Храповицкого незаконно. Незаконно». Точка.

Он прервался и, подняв голову, посмотрел на Кабанкову в ожидании комментариев. Но та лишь мелко, как курица, кивала, выражая полное согласие.

— Ну вот, — откидываясь на стуле, с облегчением произнес майор. — Хоть с азотным заводом, похоже, разобрались. Вы мне только потом в моем блокноте схемку начертите по этим векселям, чтобы я начальству мог наглядно растолковать, что там к чему. А то уж больно хитро у них наворачено. Записать-то я записал, а до конца еще не уловил. Лады?

— Да я прямо сейчас могу, — предложила Кабанкова, хватая ручку. — Где чертить?

— Подождет, — снисходительно успокоил ее Тухва-туллин. — Когда протокол допроса подписывать будем, тогда уж все и подождем. Вы ведь мне что-то еще рассказать хотели?

Кабанкова подалась вперед и заговорщицки заулыбалась.

— Нашла я все-таки номер счета, про который вы вчера спрашивали, — не без гордости доложила она. — Полночи в своих бумагах рылась, но отыскала.

— Это хорошо, — рассеянно похвалил майор. — Только мы с вами вчера много про какие счета говорили. Я, если честно, и не помню, какой из них вы в виду имеете.

— Ну, как же! Вы еще интересовались, открывал ли он своим любовницам счета за границей? Храповицкий-то.

— А, вы вон про что! Да это я просто так спросил, без задней мысли. Что-то мне вдруг вчера интересно стало, чисто по-человечески.

— Можно закурить? — шепотом спросил я генерала.

— Кури на здоровье, — пожал он плечами. — Только меня угости, а то я сигареты в своем кабинете оставил.

Когда я начал работать в холдинге, Кабанкова уже была главным бухгалтером и входила в узкий круг приближенных, поскольку считалась хорошим специалистом, к тому же обладала крепкими связями в налоговой инспекции. Мне не нравилась угодливость, которую она демонстрировала руководству, и грубость, с которой она обращалась с подчиненными. Меня забавляла ее манера одеваться: не по годам открыто, не по должности ярко и не по фигуре тесно. Но в целом я относился к ней уважительно и, хотя однажды видел ее растерянность во время обыска, все же не мог представить, что животный страх способен в одно мгновение превратить властную, самолюбивую, неглупую женщину в трясущийся студень.

— Нет, раз уж я пообещала, то обязательно сделаю, — внушала Кабанкова майору, поедая его преданным взглядом. — Такой уж у меня характер. Больше всего ценю в людях надежность и порядочность, — она достала из сумки сложенный вдвое листок и протянула через стол Тухватуллину. — Мне выписки с ее счета недавно в руки попали, ну я и сохранила на всякий случай. Как в воду глядела! Вот имя, фамилия, название банка, а вот номера. Тут для долларов, а тут для швейцарских франков. Это он ей открыл, когда в Женеву возил в прошлом году.

— Что-то я не пойму, на каком языке тут написано, — пожаловался Тухватуллин, крутя бумажку в руках. Он явно не был полиглотом. — На швейцарском, что ли? Ольга вижу, а фамилию не разберу. Это, значит, какая же Ольга? Которой он дом строил?

— Да нет, — поправила Кабанова. — Дом он Марине Березкиной строил. А это другая, Ольга. Сухарева.

— Которая с ним живет? — все никак не мог уяснить майор.

— С ним Олеся живет, Новицкая, — поморщилась Кабанова от его недогадливости. — А это еще одна.

— Как он сам-то с ними разбирается?! — вздохнул майор не то с сочувствием, не то с завистью. — Ольга, Олеся, Марина. Еще кто?

— Еще Елена, — подсказала Кабанова со смешком. — Я вам список составлю, а то у него гарем целый.

Лихачев игриво поддал меня локтем.

— Третий день с ней возимся, — сияя, поделился он. — Сама уже прибегает, жить без нас не может. Вчера с утра звонит дежурному, не мог бы, дескать, следователь такой-то меня принять? Я кое-что важное вспомнил. А следователь такой-то накануне с ней десять часов сидел, рассказы ее слушал, полуживой выполз. А тут еще и день выходной, ему ехать неохота. Он Тухватуллину перезванивает, так, мол, и так, нельзя ли обождать до понедельника? Тухватуллин мне докладывает, как быть? Я ка-ак рявкну! Гони, кричу, дурак, мать твою, на работу срочно! Лично ее трясина, пока все не выложит! Всех быстро на уши поставил, сам тоже приехал, правда не вмешивался, здесь сидел, тихонечко так. В девять вечера мы с ней закончили. Ну, думаем, все! А сегодня не успели проснуться — вот она, красавица!

— Выходит, он ей на счет всего-то сто тысяч долларов положил? — проворчал Тухватуллин, подкалывая выписку к другим документам. — Мог бы, думаю, и побольше подкинуть, при его деньгах-то.

— А богатые, они всегда жадные, — авторитетно сообщила Кабанова. — Сколько уж я их повидала! За копейку удавятся. Правда, на себя они не жалеют, это у них принцип такой: на себе не экономить. Но когда остальных коснется, снега зимой у них не допросишься! Другое дело, что эти ихние пассии все вместе ста тысяч не стоят.

— Да ну?

— Где они только их находят?! Одна другой хлеще. Как моль, до вещей жадные, и уж если одна что-нибудь купила, то другой сразу же вынь да положь. И у Храповицкого такие, и у Крапивина, и у Шишкина — как на подбор! Вчера еще в автобусе толкались, в «Макдональдс» попасть за счастье считали, а сегодня на «Мерседесах» с охраной разъезжают, люстры в Венеции заказывают, ювелирные украшения в Париже выбирают. И не угодишь на них! Вид такой, будто их прямо сейчас стошнит. Смотрят на тебя как на пустое место, ни «здравствуй», ни «до свидания» от них не дождешься. И ходят так, зад отставив. Фу, мне аж душно стало! — неожиданно завершила она, махая руками возле разгоряченного лица.

— Не жалуется она ваших дамочек, — насмешливо протянул генерал. — Накипело у нее. Завидует. Считает, что лучше бы вы ее в любовницы взяли. Одну на всех. То-то бы она развернулась. Заодно и денежкам вашим правильное применение нашла бы. Да уж, промашку вы в этом вопросе дали, надо было с ней любовь закрутить.

Представив картину группового секса с Кабанковой, я не удержался от гримасы.

— Зря ты рожи корчишь! — притворно запротестовал Лихачев. Он был в отличном расположении духа и с удовольствием меня дразнил. — В самом соку женщина. Ей килограммов пятнадцать сбросить, прыщи кремом замазать — и хоть на подиум. Я бы сам за ней приударил, да мне по долгу службы нельзя. Ты не смотри, что она сегодня так нарядилась: спортивный костюм старый того и гляди на зад у лопнет, калоши вон даже какие-то откопала, не иначе, как у своей домработницы одолжила. Нарочно прибедняется. А видел бы ты ее на первом допросе, когда Храповицкий еще на свободе гулял. Что ты! Юбка короче моего пиджака, вот до сих пор, — он провел ребром ладони по поясу. — Руки все в кольцах. И разговаривала с нами через губу. Вы кто такие? Что себе позволяете? Даже Тухватуллин, уж на что настырный, и то спасовал малость. Не верил, что она расколется. Я ему, между прочим, поспорить предлагал.

— Поспорили? — спросил я машинально, думая о своем.

— Кто ж с начальством спорит? — усмехнулся генерал. — Нет, конечно.

— Я вот еще насчет строительства хотела рассказать, — спохватилась Кабанкова.

— А что там насчет строительства? — поднял брови Тухватуллин. — Мы вроде этой темы вообще не касались.

— Я поэтому и говорю, чтоб мимо вашего внимания это не прошло, — оживленно подхватила Кабанкова. — Он ведь как делал? Храповицкий-то. Строит, например, дом себе или, допустим, своей любовнице. Деньги с фирмы берет, а по отчетам это проходит либо как капитальное строительство, либо как текущий ремонт. То есть все в расходную часть заносится, налогом не облагается. И мебель он тоже закупает за счет фирмы и нам на баланс вешает. У него почти все имущество на холдинге числится. Я вот тут даже кое-какие документы с собой принесла, — она полезла в сумку и извлекла из нее толстую папку.

Майор принял папку из ее рук, как мне показалось, довольно неохотно.

— То есть речь идет о нескольких домах? — уточнил он, не заглядывая в содержимое.

— Да об одном я бы и вспоминать не стала, — подтвердила Кабанкова. — Крапивин-то с Шишкиным так же поступали. На себя они, конечно, мало что оформляли, старались либо на жен, либо на близких родственников, но платили-то с холдинга. Один Храповицкий три дома так построил, два особняка у Крапивина да два у Шишкина. Итого семь. Это не считая квартир. И все в расходы фирмы включалось.

— Ну, и сколько, по-вашему, денег они таким образом укрыли? — поинтересовался Тухватуллин довольно вяло. — Так, навскидку? Миллион долларов наберется?

— Притомился он маленько, — заметил генерал неодобрительно. — Уже вроде как по необходимости спрашивает.

— А вы его замените, — посоветовал я. Мне почему-то казалось, что без Тухватуллина нам будет легче. — У вас наверняка другие есть.

— Замените! — передразнил генерал. — Пусть пашет! Он, чай, не для меня старается. Себе на погоны звезду зарабатывает.

— Если все вместе сложить, то миллионов пятнадцать набежит, — проговорила Кабанкова, задетая тем, что майор не воспринял всерьез ее заявление. — С хвостиком.

Майор сразу выпрямился.

— Это что ж за дома такие? — поразился он. — Из мрамора, что ли? Я вон в прошлом году евроремонт в квартире делал, всю сантехнику полностью поменял и плитку тоже. Тринадцать тысяч долларов отдал, вместе с работой. Обои в спальне, правда, сам клеил. А тут — пятнадцать миллионов!

Поколебавшись, он открыл папку и бегло пролистал несколько страниц.

— Давайте все же после к этому вернемся, — решил он со вздохом. — А то запутаемся. Я сегодня другое хотел прояснить.

— Спрашивайте, спрашивайте, — с готовностью отозвалась Кабанкова. — Мне скрывать нечего.

— Как же, нечего! — саркастически хмыкнул Лихачев. — Тысяч десять зеленью она у вас в месяц получала? Да говори, не бойся, я же не для протокола спрашиваю.

Я все равно не ответил.

— Может, даже больше, — решил он. — И еще воровала так, что рук не хватало. Про их дома поет-заливается, а про свой — ни гу-гу. А знаешь, между прочим, какой особняк себе отгрохала?! Мне такой и не снился. Это притом, что она одна живет. Ни детей, ни плетей.

— Я все насчет этой самой схемы по сбыту нефти, — роясь в своих записях, озабоченно продолжал Тухватуллин.

— Да я же вам вроде уже все про это рассказала, — настороженно проговорила Кабанкова. — Могу только повторить еще раз.

— Заволновалась, — с мрачным удовлетворением отметил Лихачев. — Глазки-то забежали. Чует, что жареным запахло. Сейчас, гляди, самое интересное начнется.

Но я и без него знал, что Тухватуллин подбирается к главному. Разложив перед собой документы, майор как-то посуровел и заговорил казенным языком:

— Согласно вашим предыдущим показаниям добываемая из скважин чистая нефть оформлялась не как нефть, а как жидкость.

— Я не говорила, что чистая! — торопливо перебила Кабанкова. — Ее же из скважин сырой добывают, с примесями, а уж потом очищают. Там же целая технология.

— Ну, хорошо, сырая, — уступил Тухватуллин, не давая ей ускользнуть в сторону. — Важно, что это была нефть. А ее по документам оформляли как нефтесодержащую жидкость и продавали по заниженным ценам подставным фирмам, директорами которых были подчиненные Храповицкого. Я правильно излагаю?

— В целом правильно, — поддакнула Кабанкова. — Только я добавить хотела...

— Потом добавьте, — осадил ее Тухватуллин. — Дайте сперва я закончу. Данные подставные фирмы согласно непосредственным приказам Храповицкого приобретали эту нефть в среднем по двадцать долларов за тонну.

— Иногда и дешевле! — не утерпела Кабанкова. — И до пятнадцати долларов цену опускали, и до десяти даже. Тут зависит от того, как эту нефть по документам проводили: как нефтесодержащую жидкость или как скважинную. Если как нефтесодержащую, то это еще куда ни шло. А если как скважинную, — то это почти что вода. За нее и платили, как за воду. Транспортировка дороже обходилась.

Тухватуллин сделал какие-то пометки.

— Надо же придумать такое — «скважинная жидкость»! — проворчал он. — Даже не поймешь, о чем речь идет. Вот жуки! Ладно, продолжим. Значит, эти подставные фирмы по указке Храповицкого перепродавали нефть другим компаниям, зарегистрированным за рубежом, в офшорных зонах в среднем по 135 долларов за тонну. Таким образом, разница составляла примерно 115 долларов на каждую тонну добываемого продукта, а в год доходила до миллиарда долларов по холдингу.

До сих пор Кабанкова всеми способами демонстрировала полную готовность соглашаться с любым утверждением Тухватуллина. Но, услышав последнюю цифру, она обмерла.

— Откуда ж столько-то? — поразилась она. — Да у нас весь годовой оборот — полтора миллиарда!

Тухватуллин оторвался от бумаг и посмотрел на нее. Я не видел его глаз, но, судя по тому, как она поспешно захлопнула рот, доброжелательности в его взгляде не было.

— Это я еще не все посчитал, — внушительно произнес он, и на сей раз она не посмела спорить.

— Вся прибыль переводилась на зарубежные счета Храповицкого, Крапивина и Шишкина, — продолжил майор прежним заунывным голосом. — Правильно?

Кабанкова опасно поерзала.

— Ну, не совсем, — осторожно возразила она. — Все-таки они не всю прибыль себе оставляли. У фирмы же тоже большие расходы существовали: и оборудование худо-бедно меняли и иные вложения делали. Поэтому часть ее они возвращали, но только в виде кредитов. Вроде как эти заграничные компании нашему холдингу займы давали под залог наших активов.

— Не понял, — признался Тухватуллин. — А это еще зачем?

— А специально! — с какой-то радостью принялась объяснять Кабанкова. — Компании-то эти, которые в офшорах зарегистрированы, тоже им принадлежали. Храповицкому, Крапивину и Шишкину. Вот они и перекидывали из одного кармана в другой. Нарочно образовывали долг у тех фирм, которые здесь нефть добывали, перед теми компаниями, которыми за границей владели. Чтобы через какое-то время все имущество уже окончательно туда перешло, за кордон. Они же здесь, в России, жить не собирались. У них и жены там, и дети, и собственность всякая.

— Вот гады! — выругался Тухватуллин. — Ни стыда, ни совести. Дай им волю, они всю страну по кускам растащат. Вовремя мы их хлопнули, а то сбежали бы с нашей нефтью, и ищи ветра в поле!

Кабанкова угодливо хихикнула.

— Я еще уточнить хотела, что эти фирмы, которые здесь нефть покупали, на самом деле к ней даже не прикасались. Она сразу мимо них за границу уходила. А все сделки по ней фиктивно совершались, на бумаге. Чтобы налогов не платить.

Тухватуллин опять что-то записал и мрачно подвел итог:

— Иными словами, была создана мошенническая схема, с помощью которой обворовывали государство.

У нас в холдинге эта схема называлась гораздо корректнее: оптимизация уплаты налогов. Но сути это не меняло.

— Это не я обворовывала! — переполошилась Кабанкова. — Я человек маленький, сами знаете. Делала, что мне приказывали. Это все Храповицкий придумывал на пару с Крапивиним. Никак успокоиться не могли: а вдруг лишняя копейка государству достанется. А нас они принуждали...

Тухватуллин сухо кашлянул.

— По закону вы как главный бухгалтер несете уголовную ответственность наряду с генеральным директором, — напомнил он.

— А что я могла сделать? — запричитала Кабанкова. — Меня же заставляли! Я однажды хотела отказаться, так они буквально с кулаками на меня набросились! Я даже заболела со страху!

— Сука лживая! — вырвалось у меня.

Лихачев захохотал.

— Нельзя так про женщину говорить! Нехорошо! — он шутливо погрозил мне пальцем. — Она, между прочим, свой гражданский долг выполняет. О законе думает. А ты ее проституткой обзываешь. Какая она тебе проститутка? Это вам лишь бы грабить да обманывать.

— Если вам угрожали, то вы обязаны были сообщить об этом в соответствующие органы, — жестко произнес Тухваллин. — Нам, например. А мы бы приняли меры.

— Но я же боялась! Боялась! — Кабанкова не сводила с него умоляющего взгляда. — Сами посудите: кто я против них? У них ведь связи на самом верху! — перегнувшись через стол, она схватила его за рукав и горячо зашептала: — Товарищ майор, Равиль Ахметович, миленький, вы же обещали мне, что если я откровенно все расскажу, то мне ничего не будет. Вы же слово давали!

— Ишь, шустрая какая, — одобрительно улыбнулся Лихачев. — Даром что толстуха. Не желает на зоне рукавицы шить. Надеется подсуетиться и на вас все свалить.

— Не надо сочинять! — безжалостно оборвал Тухватуллин, освобождаясь от ее хватки. — Обещаний таких я вам не давал! Меру вины будет суд определять.

Кабанкова издала какой-то низкий утробный звук. Майор сердито пригладил волосы на темени и прибавил уже чуть мягче:

— Я, между прочим, до сих пор никаких обвинений вам не предъявлял. Хотя был должен! У меня и ордер на ваш арест имеется. Вам его следователь еще позавчера показывал. А я, вместо того чтобы в камеру вас отправить, настоял на том, чтобы вас допрашивали в качестве свидетеля. На вашу честность понадеялся, думал, вы будете добровольно сотрудничать со следствием, даже подписку о невыезде с вас не брал. Только зря я вам навстречу пошел! — с внезапным ожесточением завершил он. — Другие меры надо было по отношению к вам избирать. Не выйдет у нас никакого сотрудничества, не получится.

— Почему не получится?.. — меняясь в лице, прошептала Кабанкова. — Я же со своей стороны...

— А потому что вранье одно! — отрезал майор. — За дураков нас тут держите?! Небось, надеялись лапши нам на уши навешать, а под шумок за границу сбежать! Может, у вас там тоже собственность имеется?

Его голос набирал угрожающие обороты.

— Какая собственность? — лепетала Кабанкова. — О чем вы? Откуда у меня за границей собственность? Я же все как на духу вам рассказываю.

— Тогда зачем вы мне вчера плели, что существуют только две структуры, которые у вашего холдинга нефть покупают? Мозги мне хотели запудрить? Вот ваши собственные слова, слушайте: «Почти вся нефть реализовывалась через ТОО «Лидер», директором которого фиктивно числился Григорий Лапушкин, начальник компьютерного отдела, и ООО «Нефтьстройинвест», которым, тоже фиктивно, руководил директор юридического департамента Матросов». Давали вы такие показания или нет?

— Ну да, — растерянно подтвердила Кабанкова, судорожно сжимая и разжимая пальцы. — Так все и было.

— А вот и не так! По-другому все было, — он выждал несколько секунд, вгоняя ее в состояние полураспада, и зловеще проговорил: — Была еще третья фирма. О которой вы почему-то ни слова не сказали.

— Какая третья фирма? — пробормотала Кабанкова непослушными губами.

Даже на черно-белом экране было видно, как она побледнела.

— Не знаете? — притворно удивился Тухватуллин. — Может, забыли? Странно. Придется вам напомнить, — он переложил бумаги на столе, в это время Кабанкова судорожно сглотнула.

— «Ойлэкспорт»! — рубанул он так, словно бил ее по голове. — Вам это название о чем-нибудь говорит?

Кабанкова охнула.

— Допрыгалась толстозадая! — радостно объявил мне Лихачев. — Зря калоши одевала.

Сейчас он ей покажет Камасутру.

— Я вас русским языком спрашиваю: вы слышали о такой фирме? — наседали на Кабанкову Тухватуллин.

Парализованная ужасом, Кабанкова молчала.

— А ведь эту фирму вы должны были вперед всех вспомнить, — дожимал ее майор. — Догадываетесь, почему? Да потому что учредителем там вы числитесь, Кабанкова Марина Сергеевна.

— Нет! — крикнула Кабанкова, вскакивая со стула. — Нет!

— Сядьте на место! — рявкнул майор. — Сидеть, я сказал!

Всей своей тушей она рухнула на стул, словно у нее подкосились ноги.

— Думали, не докопаемся?

— Я не думала, нет! Я не хотела вас обманывать... Я просто не знала, что там учредителем числюсь. Клянусь вам! Это тайком от меня они устроили, без моего ведома...

Майор хмыкнул и покачал головой.

— Интересно, — протянул он с убийственной иронией. — А вот протокол, подписанный вашей рукой, о том, что директором там назначается некая Полушкина Ольга Дмитриевна. Которая, кстати сказать, числится в вашем холдинге начальником отдела сбыта. Хотите взглянуть?

Кабанкова уставилась на протянутую им бумагу так, словно это была ядовитая змея.

— Это все подделка! — шепотом пробормотала она. — Они меня нарочно подставить хотят! Паспорт у меня выкрали и подпись мою подделали. Не было никакого «Ой-лэкспорта». Да что вы меня мучаете! — вдруг вырвалось у нее. — Храповицкий всем заправлял, с него и спрашивайте!

И она заплакала тяжелыми злыми слезами.

5

Генерал еще немного полюбовался на рыдавшую Кабанкову и выключил монитор.

— Кирдык, — жизнерадостно сообщил он. — Конец фильма. Дальше только титры. Пошли ко мне чай пить.

Он легко поднялся и молодой пружинистой походкой направился к себе в кабинет. Я плелся следом, кусая губы. Прилизанный помощник взметнулся при нашем появлении и незамедлительно расцвел сладкой улыбкой.

— Сделай-ка нам чаю с лимоном, — походя бросил ему генерал. — Или ты кофе будешь? — спросил он меня. — Ты же обычно кофе пьешь?

Я лишь пробурчал что-то невразумительное. В эту минуту я готов был выпить хоть неразведенный спирт. Неразведенный спирт был бы, пожалуй, даже предпочтительнее, после всего мною увиденного. В кабинете генерал сразу прошел к столу и снял трубку служебного телефона.

— Грамотно ты ее укатал, — похвалил он, и я догадался, что он звонил Тухватуллину. — С оттяжкой. Дождись, пока она отречет, и дожди насчет долгосрочного страхования. Не

отпускай, пока всю схему не сдаст. Пусть выкладывает, как они через свои страховые фирмы мимо всех налогов миллионные зарплаты получали. Кредиты там, аннуитеты, или как они их называли?

Он будто невзначай обернулся ко мне, ожидая подсказки. Я пожал плечами, показывая, что не имею понятия, о чем он спрашивает.

— Язык сломаешь с этим жульем! — посетовал он, скрывая досаду на то, что я не откликнулся. — Слова иностранные, а смысл один — воровство. Короче, все подробно распиши и запротоколируй. Понял меня? — он подождал подтверждения. — Да, кстати! Она вчера себе охрану просила, ты к ней ребят приставил? Вот и молодец. А то у них там полно бандитов разных, — он скользнул по мне взглядом. — Как бы чего не приключилось с нашей девушкой...

— Вы опасаетесь, что я нападу на нее под покровом ночи? — невесело пошутил я, но он оставил мою реплику без ответа.

— Повестки приготовь всем, кого она упоминает, — продолжал он наставлять Тухватуллина. — Сверься еще раз по протоколу, чтобы никого не забыть. Да нет, зачем торопиться? После праздников вызовем, куда они денутся? Ордерочки? — он вновь стрельнул в меня взглядом, но на сей раз задержался. — Ордерочки обязательно! Всенепременно, — он не сводил с меня игривых глаз. Я сделал над собой усилие, растянул губы в улыбке и сложил руки на груди как ни в чем не бывало. — Иначе с нашими друзьями не получается задушевного разговора.

Про ордера генерал, конечно же, говорил специально, дабы я лучше осознал ожидавшую нас перспективу. Но я и без того с огромным трудом сохранял внешнее спокойствие.

Генерал закончил разговор и положил трубку.

— Чего стоишь-то? — кинул он небрежно. — Располагайся, нам спешить некуда.

Я заставил себя опуститься в кресло, хотя каждый мой нерв рвался прочь отсюда. Разумеется, он это понимал, потому и тянул.

— Ты, как я слышал, уезжал? — начал светскую беседу генерал.

— Арестовывать будете? — не удержавшись, спросил я в лоб.

— Тебя, что ли? — хмыкнул Лихачев. — Тебя-то за что? Разве что за мелкое хулиганство. На большее ты пока не тянешь. Или ты про сообщников Храповицкого спрашиваешь?

Я не успел ответить. Появился его помощник с подносом, и Лихачев приложил палец к губам, призывая меня не болтать лишнего в присутствии подчиненных. Сегодня он выбрал новую линию поведения: то вскользь бросал мне двусмысленные угрозы, то безо всякого перехода демонстрировал дружеское расположение, раскрывая служебные тайны. Я понимал, что он меня ломает, и знал, чего он добивается. Мне то становилось холодно от близости тюрьмы, то тягостно и душно от его непрошеной доверительности.

6

Когда помощник удалился, генерал не стал возвращаться к вопросу о возможном аресте наших директоров.

— А знаешь, о чем я в последние дни думаю? — заговорил он, интимно понижая голос. — Если у вас деньги отнять, хоть один человек рядом с вами останется или все разбежится? Как ты сам-то разумеешь?

Должно быть, он хотел уколоть меня этим вопросом. Во всяком случае, в его улыбке появилось что-то недоброе. Между тем я даже заскучал, ибо в нашем кругу это была излюбленная тема для долгих однообразных дискуссий во время застолий.

— Вы считаете, что все с нами дружат только из-за денег? — предположил я.

Это утверждение являлось краеугольным камнем в мировоззрении Виктора и Пономаря. Плохиш, если очистить его речь от нецензурных выражений, и вовсе высказывался в том пессимистическом духе, что люди есть законченные мрази и, как плохо о них ни думай, они все равно ухитрятся поступить еще подлее, чем ожидаешь. Храповицкий дипломатично допускал, что оба тезиса вполне справедливы, особенно в отношении Виктора, Пономаря, Плохиша и еще, возможно, Васи. Для себя самого он, разумеется, делал исключение.

— Это не я считаю, — ответил генерал. — Объективная картина как раз такой и получается. Кого ни вызовешь, все вас сдают.

— Преувеличиваете, — примирительно отозвался я.

— Ну, кое-кто пока еще молчит, — великодушно признал генерал. — Виляет. Но не из преданности, а из страха, что вы его прибьете или взорвете, как того же Сыр-цова. У постороннего человека впечатление складывается, что вокруг вас — одни шкуры продажные. Кабанкова — это еще цветочки, а есть и ягодки. Стой! — спохватился он. — Тебе, может быть, неприятно об этом рассуждать? Если не хочешь, не отвечай. Я ведь с тобой не как полицейский общаюсь, не по службе, а просто так, по-человечески. Мне твое мнение интересно.

Насчет простого человеческого общения он, конечно же, загнул. Им здесь и не пахло. Думаю, что люди вроде него даже в постели с женщинами играют какую-то роль и не бывают до конца искренними. Сейчас он пытался исподволь внушить мне, что все кончено и пора капитулировать.

— Даже когда большинство сбежит, кто-то все равно останется, — заметил я. — Жены, например.

— Жены не в счет! — отмахнулся Лихачев. — Им деваться некуда! Кому они нужны, да еще с вашими детьми? Иное дело — любовницы. Те сразу отчалят.

— Так уж и сразу? — усомнился я.

— Моргнуть не успеешь! — заверил он. — А ты надеялся, что ждать вас будут? У них же годы идут, им жизнь устраивать надо. Что они еще умеют, кроме как богатых мужиков ублажать? А жить они привыкли шикарно. — Он подмигнул: — Вот увидишь, как они на допросах вас топить начнут!

Это тоже было давлением, и очень грубым. Он давал понять, что если мы упрямся, то он возьмется за наших женщин и сделает их фигурантами уголовных дел. Я вспомнил про Ларису Храповицкую, прилетевшую, как бабочка на огонь, и ощутил противный привкус во рту. Я поспешно глотнул чай, обжегся кипятком и закашлялся. Лихачев с любопытством наблюдал за мной, и в глубине его глаз мелькало что-то плотоядное. Мысленно я поклялся, что мы с Виктором любыми способами отправим отсюда Ларису и Данилу в ближайшие же дни.

— Если вы их ломать будете, ордера на арест под нос совать да камерами угрожать, то допускаю, что они не выдержат, сдадут, — пожал я плечами, злясь, но сдерживаясь. — Они ведь и впрямь создания хрупкие, декоративные. А, может, и устоят. Авось кто-то из них сильнее окажется, чем мы думаем? С женщинами подобное случается: умеют они в

критических ситуациях преподносить сюрпризы. Но, так или иначе, этот пример не показательный. Мы женились рано, в бедности, жены наши многое повидали и ко многому готовы. А своих поздних подруг мы заводили уже в роскоши и обещали им роскошь, а не лишения и страдания. Чего же с них требовать? Останутся они нам верными в беде — будем считать, что случилось чудо. Повезло нам, клад нашли. Сдадут нас — что ж, обидно конечно, но в целом это было предсказуемо. Спасибо, девчонки, за то, что дарили нам праздник.

Мой ответ явно пришелся ему не по вкусу. Наверное, он ожидал, что я нанесу упреждающий удар нашим неблагодарным подругам; поведаю, какие они, в сущности, суки, дам телефоны клиник, где им закачивали в грудь и зад силикон, и расскажу, где они прячут драгоценности.

— Философом прикидываешься? — усмехнулся он. — Ну валяй, философствуй. А я так, по-простому рассуждаю, что вы людей себе подбираете, на вас похожих. Для вас самих деньги — это смысл жизни. И подчиненные ваши так же думают. И женщин вы находите, которые за деньги на все готовы. Я вообще в отношении вас одно очень интересное подозрение имею, можно сказать, психологическое открытие. Ну, как вы — пустые внутри? Как барабан, а? Нет, ты не обижайся, ты вдумайся. Я, кстати, не про тебя лично говорю, а про твоих друзей. Это уж ты зачем-то взялся за всех отвечать, потому я к тебе и пристаю. Так вот, барабан — самый громкий инструмент. Снаружи — шум, гром. А внутри — нет ничего. Полость. Так и вы. Ни любить не умеете, ни дружить, ни сочувствовать. Нету у вас человеческих эмоций, высушили вы их давно. Со стороны-то не видно, тем более что такой грохот от вас идет, страх! Но сами про себя вы это знаете, а потому и прячетесь за свои бабки, как за броню, чтобы, не дай бог, кто не догадался. Что, прав я или нет?

А вот это уже было неприкрытым хамством. Он пил чай, поглядывал на меня и снисходительно посмеивался, словно мы обменивались мнениями по поводу персонажей в каком-то кино. Я не собирался ему это спускать, несмотря на все его угрозы. Тоже отхлебнув чаю, я постарался улыбнуться в ответ.

— А разве чиновничья или полицейская власть не такая же броня? — возразил я. — Кто-то свое ничтожество за деньги прячет, а кто-то за должности или звания. Оглянитесь вокруг, много ли в нашем губернском бомонде великодушных или глубоких людей? А в Кремле? Если в широком смысле говорить, то нет разницы между генеральским мундиром или пиджаком от Китона. И то, и другое — обертка, в которой и страх, и любовь внушать легче. Недаром женщинам по сей день военные нравятся, хотя уж сколько анекдотов сложено о солдафонской тупости. Так всегда было, во всем мире, просто у нас, у русских, с колыбели особое отношение к власти. То ли тяжкое наследие Орды, то ли врожденный вывих национального сознания. Чем наглее власть себя ведет, тем мы почтительнее. Зато никто не топчет бывших кумиров с таким остервенением, как мы. Тут уж не Храповицкий виноват, а наш национальный характер. Упал Храповицкий? Дави Храповицкого. Другой поскользнется — мы его затопчем. Вот вы уверены, что между вами и Храповицким — ничего общего. А сними с вас мундир, сколько любящих и преданных душ с вами останется?

По мере того как я говорил, улыбка сползала с лица Лихачева, он начал хмуриться. Я ждал, что он вот-вот вспылит.

— Вон ты к чему подвел! — откликнулся он с сарказмом. — Значит, у нас в России лишь на богатство смотрят да на звания? А что там у человека за душой — всем наплевать, да?

Это было не вполне то, что я хотел сказать, но он нарочно искажал.

— Если мы такие трусливые да продажные, — продолжал Лихачев, повышая голос, — как же мы Гитлера с Наполеоном расколотили да ту же Орду скинули?

— Вопрос не в том, как мы ее скинули, а в том, как мы ее триста лет терпели, — попробовал было вставить я, но он не дал мне договорить.

— А я надеялся, что ты — патриот! — с укором бросил он. — А ты, оказывается, Родину презираешь! По-твоему, нам безразлично, кому поклоны бить, хоть Храповицкому, хоть черту черному? Кто на трон влезет — тот и царь, а скинь с трона — никто и не вспомнит, так? — он отрицательно покачал головой: — Нет. Не согласен я с этим. Бывших кумиров, как ты выражаешься, повсюду оплевывают, не только у нас. В той же Англии еще хуже нашего народ зверел. Был там Кромвель диктатором, все на карачках перед ним ползали, а после его труп выкопали да повесили. А во Франции во время революции что творили? И дворцы грабили, и головы всем подряд рубили: то королю, то Дантону с Робеспьером, даже королевским статуям каменным. Да я тебе тыщу таких примеров приведу по всей Европе. Это толпа бесчинствует, а у толпы нет национальности. Не разберешь в ней, кто француз, кто еврей, а кто татарин. Запомни мои слова: в России не всех подряд с грязью смешивают, а лишь тех, кто того заслуживает!

Он помолчал, чтобы до меня лучше дошло, сумрачно усмехнулся и прибавил:

— И знаешь, в чем тебе не повезло? Ты свое мнение доказать не можешь, а я свое — запросто! Потому как вы с меня погоны не сдерете, хоть Храповицкий твой этим похвалялся. А я его в камеру уже засунул! И еще дальше отправлю. А заодно и погляжу, как его бывшие прихвостни помоями его обливать будут.

Последнюю фразу он произнес с каким-то жгучим удовольствием.

— Валентин Сергеевич, — спросил я, — за что вы его так ненавидите?

Он даже удивился моему вопросу.

— А за что клопа не любят? — отозвался он. — За то, что кровь сосет, да еще и надувается.

— Значит, когда вы к нам на конкурс красавиц приходили, вы уже знали, что его арестуете?

— А я всегда это знал, — ответил он спокойно. — С первой минуты, как его увидел. Никогда он мне не нравился. Конечно, не надо было мне тогда к вам ехать: уж слишком риск был велик, что вы мне провокацию какую-нибудь учините. Мы ведь с моими замами все заранее рассчитали, план действий на разные случаи разработали. По этому вопросу, ключевому, мнение у нас было одно: до ареста избегать всяких контактов. Но уж больно мне хотелось посмотреть, как Храповицкий напоследок куражиться станет, короля из себя изображать. Не устоял я. А Ваня-то, Ваня Вихров! — вспомнил он, хлопнув себя по коленке. — Обниматься ко мне кинулся. Решил, что я по его приказу прискакал! Вот дурак набитый, прости господи. Весь в отца. Эх, как помотришь порой, кто нами управляет, за страну обидно становится! Зато какой концерт друг твой закатил! И по сцене прыгал, и призами дорогими швырялся, и красоток назначал, кого на первое место, кого — на второе. Все глядят на него и млеют от восторга: сущий Аполлон, только чернявый. А я один знаю, что король у нас голый! — Лихачев тряхнул головой и сверкнул глазами. — Голый король-то! — повторил он мстительно. — Зад прикрыть ему, красавцу, нечем. И как только подумаю, что нашего голозадого короля ожидает, сразу на душе у меня хорошо становится, веришь, нет?

— Верю, — кивнул я. — Вижу. Значит, этот фокус с часами вы заранее придумали?

— Экспромт! — самодовольно объявил он. — Неплохо вышло, правда? Все до одного поверили, даже Лисецкий. Видел бы ты в ту минуту со стороны вашу компанию! И смех, и грех! Правильно ты про них давеча выразился — грош им цена, баранам трусливым! Одно название, что первые лица губернии. Стоят бледные, трясутся, не знают, чью сторону принять: мою или Храповицкого. Кто из двух победит? Кого размажут? И ведь не угадаешь, а промахнуться нельзя! Вот цирк!

Мне ужасно хотелось сказать ему резкость, но я скрепился.

— Валентин Сергеевич, можно узнать, за что вы Храповицкого арестовали?

Я даже не старался говорить небрежно, у меня все равно не получилось бы. Этот вопрос был для меня исключительно важен. Ни я, ни кто другой из нас все еще не имели понятия, в чем именно обвинялся Храповицкий: Лихачев держал это в секрете.

Он сделал вид, что не понял.

— То есть как за что? — притворно поднял он брови, возвращаясь к привычному своему образу. — Воровал много, за то и взяли. А ты решил, что я его к той косоглазой красавице на вашем конкурсе приревновал, ха-ха?

— Я имею в виду официальное обвинение, — не сдавался я. — Ведь оно существует? Ведь не для выяснения личности вы его задержали?

Лихачев сощурился. Некоторое время он молчал, что-то обдумывая, и в его глазах плясали задорные огоньки.

— Конечно, существует, — наконец не спеша заверил он. — Обязательно.

— А можно с ним ознакомиться? — очень осторожно произнес я, понимая, что он меня дразнит, и опасаясь раздражить его в ответ.

— Ишь, какой любопытный! — развеселился Лихачев. — Сколько я тебе уже секретов поведал, а тебе все мало! Ну ладно, — вздохнул он. — Раз уж у нас такой откровенный разговор получился, так и быть! Покажу тебе. Все-таки мы с тобой старые боевые товарищи, вместе когда-то с коррупцией воевали. Только гляди, никому не слова! — он погрозил мне пальцем. — Это — тайна следствия. За ее разглашение голову оторвут и тебе и мне!

Я с чувством прижал руку к груди, выражая благодарность и полную готовность унести тайну следствия с собою в могилу. Он обогнул письменный стол, сел на свое обычное место, нацепил на нос очки в стальной оправе и открыл дверцу тумбы.

— Это не то, — бормотал он, поочередно выдвигая ящики и копаясь в них. — Это — тоже не то. Где же оно? Куда подевалось? Вот черт! Я же собственными руками его сюда клал. Не мог я перепутать.

Я ждал, затаив дыхание. Он наскоро проверил все ящики сверху вниз и двинулся в обратном порядке, порой выкладывая на стол ворох бумаг и заглядывая в каждую. Мое нетерпение нарастало с каждой минутой, я ерзал и прикуривал сигарету от сигареты. Наконец он с шумом задвинул последний ящик и захлопнул дверцу.

— Нету! — растеряно объявил он, поднимая на меня бледное лицо и снимая очки. — Выкрали...

Я опешил:

— Кто же его выкрал?! Когда?

С минуту Лихачев сидел неподвижно. И вдруг по его лицу пробежала страшная судорога.

— Ты! — взревел он. — Ты его украл!

Я вскочил с места и, вытаращив глаза, уставился на Лихачева. Он тоже вскочил, отвечая мне ненавидящим взглядом. Но уже в следующее мгновение упал в кресло и расхохотался.

— Поверил! — в восторге кричал он, давясь от смеха и раскачиваясь из стороны в сторону. —

Опять купился!

Ой, не могу! Да что ж ты такой простодушный, а? Мамочка родная! Кто же из моего кабинета документы украдет, ты сам подумай! Ой, держите меня, а то сейчас помру!

Глядя, как он заливается, я закусил губы и стиснул кулаки.

— Да ладно, ладно, не обижайся, — замахал он руками, всхлипывая и вытирая наворачнувшиеся слезы. — Ну, люблю я, грешник, пошутить, что ж тут плохого? В нашей работе без чувства юмора пропадешь. Ох, ну надо же так попасться! Аж до потолка подпрыгнул! Кто, кричит, украл?! Ох, ну все, не буду! Показывать я тебе, конечно, ничего не покажу, права не имею. Но своими словами расскажу. Значит, примерно так у нас это выглядит, — он, все еще смеясь, попытался сосредоточиться, даже наморщил лоб. — Статья сто пятьдесят девять, пункт четвертый, мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере. Статья сто девяносто девятая, пункт два, уклонение от уплаты налогов, опять-таки в группе лиц по предварительному сговору. Дальше двести восемьдесят пятая, это, стало быть, злоупотребление служебным положением, тут у нас, само собой, пункт три. Впрочем, у нас все пункты — последние, размер-то — особо крупный. Потом еще сто семьдесят четвертая. Отмывание денег. И сто семьдесят первая, тоже второй пункт, незаконное предпринимательство. В общем, приличный букет получился. Мало не покажется. Все, что ли, я перечислил? — он посмотрел в потолок и потеревил мочку уха. — Ах да! Чуть не забыл! Еще сто девяносто девятая.

— А это еще что такое?

— Сто девяносто девятая статья. Угроза убийством, — пояснил он как нечто само собой разумеющееся.

— Храповицкий обвиняется в угрозе убийством? — переспросил я в полном недоумении. — Да ведь это статья какая-то несерьезная. И наказание за нее, насколько я помню, максимум два года.

Лихачев хитро улыбнулся.

— Статья действительно мертвая, — подтвердил он. — Чтобы ее доказать, нужно, чтобы ты, к примеру, гнался за мной с ножом на глазах у свидетелей и к тому же еще кричал, что меня зарежешь. И чем громче кричал, тем лучше. Честно говоря, не помню даже, чтобы по ней кого-нибудь сажали. Но в нашем случае — он лукаво поднял брови, — в нашем исключительном случае, она особое значение имеет. Ведь по подозрению в экономических преступлениях Храповицкого на нары не отправишь, прокуратура на дыбы встанет. Скажет, расследуй, Лихачев, на здоровье, в рамках отведенных тебе полномочий, но сажать не смей. Он не бомж подзаборный, а известный человек, имеет работу, прописку и постоянное место жительства, от следствия не скрывается, на всех праздниках рядом с губернатором сидит. И что тогда прикажешь мне предпринимать? Как доказательства собирать? На допросы он являться не станет: то болезнь у него обнаружится, то в командировку улетит. Свидетелей тут же обрабатывать начнет, пугать, покупать — значит, про показания и не мечтай. В Москве кому-нибудь денег сунет, оттуда такое давление пойдет — караул! Полгода промаешься, а потом дело развалится за недоказанностью, и он же меня на посмешище выставит. Я весь в дерьме, а Аполлон чернявый — на коне! А с этой никчемной статьей — совсем другой коленкор. Понимаешь меня?

— Арестовать легче? — догадался я.

— Ну конечно! Выходит, что наш Храповицкий — никакой он не уважаемый гражданин, а социально опасный тип. Буквально головорез. Чуть что — за нож. Кстати, там у него при обыске полно ножей-то нашли. Видать, многих он резать собирался. Такой подозреваемый

нуждается в срочной изоляции, иначе пырнет кого-нибудь. Уж больно он неуравновешенный.

Я был шокирован его цинизмом.

— То есть вы эту статью ему пришили без всяких оснований?! — воскликнул я.

— Как тебе не стыдно! — притворно возмущился Лихачев. — Еще раз такие слова произнесешь — выгоню вон и руки не подам! Пришили! У нас есть заявления свидетелей о том, как он им угрожал, запугивал, вынуждал к преступным действиям!

— Да ведь это выдумки! Вы сами в это не верите!

— Как же я могу не верить свидетелям? — с укором возразил мне Лихачев. — Кому же мне тогда верить? Храповицкому, что ли? Да ты же сам недавно слышал, как Кабанкова жаловалась на него. Плакала даже. Неужто тебе не жаль женщину?

Спорить дальше не имело смысла. Лихачев явно наслаждался этим фарсом и своей ролью, тогда как у меня внутри все прыгало. Не отвечая ему, я закинул ногу на ногу и принялся пускать в потолок кольца дыма, демонстрируя, что не намерен впредь развлекать его своим участием в его интермедиях.

— Значит, не доверяешь ты Кабанковой, — сокрушался между тем Лихачев, пытаюсь вывести меня из оцепенения. — Почему, спрашивается? Как тебя убеждать — ума не приложу!

Он подождал еще, но я не реагировал. Лихачев задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Что ж, только одно остается, — обреченно заявил он. — Последнее средство. Ультима рацио, как в народе говорится. Придется ехать к Сырцову!

— Куда ехать? — ахнул я. Все мое показное безразличие разом слетело. Мне показалось, что я ослышался.

— К Сырцову. К Пал Николаичу! — ответил Лихачев как ни в чем не бывало. Он торжествовал, понимая, что опять сумел меня поразить. — Куда ж еще! Знаешь такого?

— Знаю — растерянно пробормотал я.

— Тебе ли не знать! Сколько лет он на вас батрачил, концы в воду прятал. А вы с Храповицким взяли за это и его подорвали. Гранату — шварк ему в харю! Получи, Пал Николаич! Вот она, храповицкая благодарность. Еле жив остался, бедняга. С того света врачи его вытащили. — Лихачев соорил скорбную мину, словно все, им описанное, произошло с его близким родственником.

— Это бред! — задохнулся я от негодования. — Храповицкий к этому покушению не имеет никакого отношения!

— А что это ты опять за всех отвечаешь? Откуда у тебя такое убеждение? Ты у них там седьмая свеча в пятом цилиндре, мелкий хулиган. Едем к Сырцову, у него все и спросим. Уж он-то лучше всех ведает, кто его заказывал и за что. Пошли-пошли, — поторопил он, вставая из-за стола. — Раз решили, чего время терять! Или ты забоялся?

И он устремился к двери. Я поднялся на ватных ногах. Голова моя шла кругом.

7

Едва черная «Волга» Лихачева выехала со двора налоговой полиции, как водитель привычным движением врубил сирену и так лихо топнул по педали газа, что машина

подпрыгнула и рванулась вперед. Лихачев с досадой покосился на меня и хлопнул водителя по спине.

— Ну-ка, убери эту дребедень! — сердито потребовал он. — И скорость сбавь. Зачем народ пугаешь?

Тот бросил удивленный взгляд на сидевшего рядом с ним прилизанного помощника, но помощник лишь чуть заметно пожал плечами. Водитель нехотя повиновался.

— Любят они эту цветомузыку, — пожаловался мне генерал, словно все дело было в их своеволии, с которым он не успевал бороться. — Что с них взять! Ума-то нет.

По напрягшимся затылкам обоих я понял, что оценку, данную им начальником, они считают несправедливой. Впрочем, мне сейчас было совсем не до барских замашек генеральской челяди, идущих вразрез с его собственными демократическими принципами. Я лихорадочно соображал, зачем Лихачев тащит меня к Сырцову. В чем смысл этой внезапной очной ставки? Где тут западня? Знает ли он о моем утреннем визите в больницу? И если знает, то от кого? Сумела меня выследить наружка, или же ему донес Сырцов? Этот вариант был самым неприятным, но сбрасывать его со счетов было нельзя.

Я покосился на Лихачева, но он сидел, невозмутимо отвернувшись к окну, равнодушно разглядывая немногочисленные улицы воскресного города. И все же я не сомневался, что он догадывался о том, что происходило внутри меня, чувствовал мое смятение и играл на нем.

— А правда, что он тебя с работы вышиб? — вдруг спросил генерал. — Храповицкий-то?

— Я сам ушел, — буркнул я.

Я не собирался ему ничего объяснять, эта мальчишеская реплика вырвалась помимо моей воли. Генерал тут же понял, что наступил на больную мозоль.

— Морду тебе набил, — продолжал перечислять Лихачев. — При женщинах. Оскорблял. Жуликом называл. За волосы-то хоть не таскал?

Помощник впереди хихикнул. Я закусил губы.

— Ну и ладно, — вздохнул генерал. — Не хочешь рассказывать — не надо. Я ведь так просто спросил, по-товарищески. Что поделать, если у вас обычаи такие.

В отделении хирургии навстречу нам выскочил мой знакомый доктор. Должно быть, его предупредили о начальственном визите. Однако узнав меня, он что-то пробормотал о срочном вызове, шархнул в ближайшую палату и захлопнул за собой дверь. Генерал еле приметно усмехнулся, но ничего не сказал. Омоновцы уже стояли в струнку, Лихачев, не останавливаясь, снисходительно скомандовал им «вольно» и первым шагнул в палату Сырцова.

Сырцов неподвижно лежал на кровати и бездумно смотрел в потолок пустыми глазами. Заслышав наши шаги, он повернул голову, и в его лице сразу отразился такой ужас, что я невольно запнулся, испугавшись за него. Зато Лихачев, напротив, расцвел.

— Гляди, Пал Николаич, кого я к тебе привел! — весело закричал он, обнимая меня за плечи. — Старого твоего товарища! Доволен, да? А уж он-то как к тебе рвался! Переживает за тебя, ясное дело. Ну, что ж ты встал как вкопанный? — он подтолкнул меня вперед. — Обнимись хоть с Пал Николаевичем! Только сильно его не тискай, а то помнешь. Он у нас все же еще очень слабенький. Я имею в виду после операции.

Фамильярность, с которой обращался Лихачев к Сырцову, свидетельствовала о том, что эта

встреча была далеко не первой. Сырцов переводил больной затравленный взгляд с меня на генерала, не понимая, что означает наше совместное появление в его палате, к тому же в обнимку.

Я медленно приблизился к его постели, протягивая ему руку. Он страдальчески сморщился.

— Зачем? — укоризненно простонал он, обращаясь к генералу. — Зачем вы его сюда привели?

— Вот те раз! — переполошился Лихачев. — Ты что же, выходит, не того, не рад ему? А он мне клялся, что вы с ним чуть ли не братья!

— Мы не братья, — прошептал Сырцов. — Я видеть его не могу.

Лихачев с укором уставился на меня.

— Наврал мне, значит! Обвел меня вокруг пальца! А я ведь чувял, что нельзя ему верить. А все равно поддался! — он был расстроен. — Сам не понимаю, как получилось? — Лихачев покаянно развел руками. — Ты уж меня извиняй, Пал Николаич! Не желал я тебя огорчать. Просто уж больно он хитрый. Ушлый. Кого хочешь обманет! Неспроста его Храповицкий в подручных держал. Я ведь сегодня вообще случайно на работе оказался. Заскочил на минутку, а тут он, как раз он врывается! Не иначе как караулил. И давай меня с порога чехвостить! Дескать, вы что же тут натворили в мое отсутствие? Я, мол, специально из-за границы прилетел, чтобы вас уму-разуму научить. И то ему не так, и это! Совсем меня заморочил. Все следствие с ног на голову перевернул. Все наши доказательства начисто опровергает. Его послушать, так мы вообще не в том направлении рыли, невинных людей арестовали, а настоящих преступников на воле гулять оставили. И убедительно, понимаешь, так у него выходит! — генерал беспомощно развел руками и посмотрел на Сырцова так, словно ждал от него поддержки. — Вот, например, он твердит, что эту аферу с благотворительностью ты придумал. Лично ты, и никто иной.

Бледное лицо Сырцова стало мертвенным.

— Какую аферу? — пролепетал он.

— Да с благотворительностью, — с готовностью повторил Лихачев. — Ну, когда вы с разных фирм, в том числе и с тех, где ты учредителем значился, направляли письма на имя Храповицкого. Просим оказать безвозмездную помощь детскому дому. Сироты с голоду умирают, некоторые уже окочурились. Деньги на сирот вам, естественно, тут же перечислялись, вы их обналачивали через третьи фирмы и между собой делили. За два с половиной года четыре миллиона долларов вы таким образом прокачали. Совсем немалые средства, если судить по моей зарплате. Или ты тоже в первый раз об этом слышишь, как и я?

Изложенная генералом махинация в целом соответствовала действительности, разве что детей он приплел для сгущения красок. Деньги в основном запрашивались и выделялись на социальные и культурные программы: концерты для неимущих пенсионеров, подарки ветеранам и прочее. Примерно двадцатая часть из них доходила по назначению, остальные возвращались в виде наличных. Благотворительность не облагалась налогом и еще давала определенные льготы, поэтому мы, как и все другие крупные организации, время от времени практиковали подобные нехитрые комбинации.

Неизвестно, как генерал раскопал эту схему, но сдал ее ему точно не Сырцов, в этом я сейчас был совершенно уверен. Сырцов внимал ему, приоткрыв рот, даже приподнялся на локте, чтобы не пропустить ни слова.

— Кому и сколько у вас полагалось, Решетов мне пока не раскрыл, — заключил генерал удрученно. — Опасается мести. Но идея, говорит, твоя была.

При этих словах Сырцов бросил на меня злобный взгляд.

— Он сочиняет, — сохраняя хладнокровие, сказал я ему. — Нарочно нас ловит и между собой стравливает. Не надо поддаваться.

Не слушая меня, Сырцов без сил упал на подушку.

— Это не я изобрел, — прошептал он еле слышно.

— Но ты же знал про эту аферу, — вкрадчиво настаивал генерал. — Принимал в ней активное участие. Обналичка через твой банк шла.

Сырцов не ответил. Он лежал, закрыв глаза и нервно двигая нижней челюстью, как будто что-то жевал.

— Пал Николаич, — тихонечко позвал его генерал. — Ку-ку.

— Меня заставляли, — с трудом выговорил Сырцов, не открывая глаз.

— Вот видишь! — радостно воскликнул генерал, обращаясь ко мне. — И я тебе то же самое твердил. А ты «не верю! не верю!» Прямо как Станиславский! Тот тоже никому не верил. Что ж, по-твоему, Пал Николаич по своей воле мошенничал? Ты этак скажешь, что он и другие преступления совершал по собственной инициативе? Он кто тебе? Закоренелый уголовник, что ли? Маньяк, да?

Сырцов конвульсивно вздрогнул под простыней. Я посмотрел на него с состраданием.

— Нет, — убежденно ответил сам себе генерал и погрозил мне пальцем. — Не отдам я тебе в обиду Пал Николаича. Никакой он не маньяк, а честный человек, интеллигент. Его вынудили пойти против закона, грозили ему. Ты расскажи, Пал Николаич, как Храповицкий тебя запугивал. А то он опять мне не поверит. Ведь не поверишь? — повернулся он ко мне.

Я промолчал. Мне было жаль Сырцова, но я не мог заставить себя ответить утвердительно.

— Рассказывай, Пал Николаич, — вздохнул генерал. — Выкладывай ему всю правду. Это наше с тобой главное оружие. Правда.

В глазах Сырцова, обращенных на генерала, читалась мольба.

— Я плохо себя чувствую, — захныкал он. — Мне нельзя долго разговаривать. У меня сердце болит.

— А ты коротко расскажи, — сочувственно посоветовал ему генерал. — Не надо длинно.

— Мне врачи запрещают волноваться, — ныл Сырцов.

— А ты и не волнуйся, — ласково уговаривал Лихачев. — Зачем волноваться? Ну давай, рассказывай.

Сырцов завозился, собираясь с духом.

— Он мне оружием угрожал, — потупившись, невнятно выдавил из себя он.

— Видал? — бросил мне Лихачев. — Вот что творил! Зверь!

Я нервно рассмеялся:

— Паша, а ты уверен, что это тебе не приснилось?

Тот не удостоил меня ответом.

— Опять не верит! — сокрушенно проговорил Лихачев Сырцову. — Еще и издевается. А когда это было?

— Я... я не помню точно. В прошлом году, кажется. Или нет, еще раньше, в позапрошлом, осенью. Когда я в мэрию на работу устроился. Он вызвал меня к себе в кабинет внезапно, — Сырцов запнулся и вытер вспотевший лоб.

— Так, — поддакнул генерал. — Вызвал он тебя. А ты что?

— Я пришел, — он вновь остановился. Было заметно, что каждое слово дается ему с огромным трудом. — И сказал, что больше не желаю в его махинациях участвовать.

— Твердо сказал? — уточнил генерал.

Сырцов сглотнул.

— Да, — жалобно прошептал он.

— погоди, — всполошился генерал. — Тут каждая деталь важна. Ты ему просто твердо сказал, что не будешь больше воровать? Или сказал как отрезал?!

— Как отрезал, — замогильным голосом пролепетал Сырцов.

— Это правильно, — одобрил Лихачев. — По-мужски. В твоём духе. А он что?

— А он раскричался. Выхватил пистолет! Ко лбу мне приставил, — Сырцов несколько оживился, описывая эту невообразимую сцену. — Он вообще не хотел меня в мэрию отпускать!

— Что ты врешь! — возмутился я. — Он сам договаривался с Кулаковым о том, чтобы тот тебя к себе замом принял. Я при этом присутствовал.

При этих словах Лихачев озабоченно нахмурился. Он посмотрел сначала на меня, затем на Сырцова...

— Слушай, Пал Николаич, — проговорил он, понижая голос. — А ты, часом, не того? Не оговорил человека? Только давай честно!

Сырцов рванул с себя простыню.

— Нет! — завопил он. — Я правду говорю! Я же вам это тысячу раз уже рассказывал.

— Ну, а свидетели-то при этом были? — все так же озабоченно спросил генерал, игнорируя его последнее замечание. — Видели они, как Храповицкий тебя убить обещал?

— Были, — пробормотал Сырцов. — Только я не помню, кто именно.

— Ты ведь обещал вспомнить, — мягко упрекнул его генерал.

— Я не могу вспомнить! — в отчаянии воскликнул Сырцов. — У меня не получается! Я же травму головы перенес!

— Знаю, знаю, — бросился успокаивать его Лихачев. — Понимаю, как тебе трудно. А только ты постарайся. Нельзя же без свидетелей. Он ведь обязательно отпираться станет. Храповицкий-то. Скажет, клевета. Еще и в суд на тебя подаст. А что? С него станется. Наглец известный. Представь: он в одной камере, ты в другой, и оба между собой судитесь.

— Да за что же меня в камеру?! — завопил несчастный Сырцов. — Я же инвалид!

— А за клевету, — ответил генерал грустно. — За клевету запросто могут упечь.

Это было выше сил Сырцова. Он задержался, из глаз его брызнули слезы.

— Да ведь вы же сами мне это подсказывали! — в истерике закричал он, колотя по кровати здоровой рукой. — Вы все время выпрашивали, угрожал он мне или нет! Внушали, что от этого моя участь зависит! Я все делал, как вы велели! Я вам доверился! Какая разница, при свидетелях он угрожал или с глазу на глаз? Он же меня убить пытался! Убить! Я чудом выжил! Только благодаря своей реакции. Врачи говорят, чистое везение. Какие тут еще доказательства нужны?!

Лихачев смотрел на него с жалостливой улыбкой, но не разубеждал и утешать не спешил.

— Почему ты решил, что это Храповицкий? — перебил я Сырцова.

— А кто же еще?! Больше никому! Он и у Гозданкера сына расстрелял! Для него ничего святого нет! В подъезде мальчишку прикончили. Двадцать пять лет ему всего лишь было! Гозданкер мне лично об этом рассказывал. Он сердечный приступ перенес! — у Сырцова при этом воспоминании задрожали губы то ли от жалости к Гозданкеру, то ли от жалости к себе.

— Так к тебе уже и Гозданкера притаскивали?! — поразился я. — Когда же успели?

— Ты перестань хамить, — вмешался Лихачев, довольно, впрочем, беззлобно. — Что значит, «притаскивали Гозданкера»? Он же не собачонка. Два уважаемых человека изъявили готовность встретиться. Я им помог. Тебе вот тоже помогаю.

— Это точно, — подтвердил я. — Пропал бы я совсем без вашей помощи.

— А насчет роли Храповицкого в том покушении я с Пал Николаичем полностью солидарен, — заметил генерал. — Кому было выгодно его убрать? Одному Храповицкому! Ведь Пал Николаич все финансовые концы в руках держал. Его показания для нас бесценны. Храповицкий это понимал. Он знал, что, как только Пал Николаич рот раскроет, так сразу вам всем конец и наступит! Ничто вас уже не спасет. А Палу Николаичу что грозит? Да ничего. Чистосердечное признание мы учли. Сотрудничество со следствием — еще один плюс. С судом договоримся. Так что не волнуйся, Пал Николаич! Останешься ты на свободе.

Он подошел к кровати разметавшегося Сырцова, мокрого от слез и пота, и подоткнул ему подушку. Эта запоздалая забота выглядела довольно дико, после того как он изощренно довел Сырцова до полубезумного состояния. Сырцов смотрел на него, как кролик на удава.

— Вчистую уйти, конечно, вряд ли получится, — добродушно рассуждал генерал. — Но приговора мы добьемся чисто символического. Я думаю, пара лет условно — это максимум.

Сырцов захрипел. То ли даже такой приговор представлялся ему чересчур тяжелым, то ли после вспышки он чувствовал себя плохо. Генерал протянул руку и ободряюще погладил его по голове.

— Ну и конфискация, — задумчиво прибавил он. — Это само собой. Тут уж ничего не поделаешь.

— А можно без конфискации? — взмолился Сырцов.

— Постараемся, — вздохнул генерал. — Но наверняка не обещаю.

И вдруг незаметно для Сырцова подмигнул мне с редким бесстыдством.

Я не мог больше это выносить.

— Хорошо, что ты себя со стороны не видишь, — в сердцах бросил я Сырцову. — Тебя бы стошнило.

И я вышел прочь из палаты.

8

— Что ж ты не попрощался с другом? — упрекнул меня Лихачев, когда мы с ним и его прилизанным помощником спускались в лифте. Генерал был в превосходном настроении и даже вновь было затынул: «О дайте, дайте мне свободу!»

— Разные мы с вами постановки любим, — с досадой проговорил я. — Не совпадают наши вкусы. Хотя должен признать, что в вас выдающийся режиссер пропадает.

— Отчего же пропадает? — лукаво возразил Лихачев, — Ты же вот оценил.

— Представляю, как вы продумывали арест Храповицкого! — продолжал я. — Это же сколько мелочей нужно было учесть, чтобы такого эффекта добиться.

— Да перестань, — заскромничал генерал. — К чему мне эффекты?

— По секундам, должно быть, все рассчитывали, — напирал я, не обращая внимания на его реплику. — Ведь, казалось бы, что проще: вызови его к себе и арестуй! Быстро и безопасно. Но вам этого мало. Пресно.

— Не то, чтобы пресно, а неправильно, — не утерпев, поправил Лихачев. — Морали бы не получилось. Тут смысл в том и был, чтобы показать всем его место в жизни. Он хозяином области себя мнил. А ему руки за спину и поволокли по грязи, как падаль! Как падаль! — брезгливо повторил он и растер каблуком по полу лифта, словно давил невидимое насекомое.

Я невольно взглянул на прилизанного помощника. Тот слушал генерала с замороженной улыбкой и удовлетворенно кивал. Он гордился своей принадлежностью к нашему уничтожению. Должно быть, многие в ведомстве генерала гордились.

Мы вышли из больницы на крыльцо, где уже ждала генеральская «Волга».

— Давай постоим минутку на свежем воздухе, — предложил мне Лихачев. — Гляди, какой славный сегодня денек выдался. У тебя закурить найдется?

Я достал сигареты, помощник щелкнул зажигалкой, дал прикурить генералу и погасил огонь раньше, чем я успел воспользоваться его услужливостью. Генерал сделал пару затяжек и вдруг нахмурился, словно вспомнив что-то неприятное.

— Ты, кстати, зачем Витьке про мой звонок разболтал? — проговорил он. — Нехорошо. Мы так не договаривались.

Его слова меня покоробили. Они звучали так, словно я уже стал его союзником.

— Предполагалось, что это тайна?

— Конечно! — Лихачев посмотрел мне в глаза. — Он нам свои секреты не раскрывает, а мы зачем будем?!

— Погодите, Валентин Сергеевич, — поднял я руку. — Давайте внесем некоторую ясность. То, что во вред Крапивину, мне лучше не знать.

— Почему же? — на лице генерала изобразилось искреннее недоумение.

Он вновь втягивал меня в игру, но мы уже подошли к моменту, когда избегать дальше объяснения было невозможно и бессмысленно. Я понимал, что, отказываясь от сотрудничества, подписываю себе приговор. Я собрал всю волю в кулак.

— Я не побегу из одного лагеря в другой, — сказал я. — Я не предатель.

Он ответил не сразу. Некоторое время он, прищурившись, рассматривал меня в упор, затем выпустил мне в лицо струю дыма.

— Порисоваться захотелось? — ледяным тоном осведомился он. — Или тебе и впрямь ближе мошенники, воры и убийцы, чем порядочные люди? Ну, раз так, то я руки умываю. Только, гляди, не пожалей. А то, похоже, в этом твоём лагере, кроме тебя, скоро никого не останется. Храповицкий сидит. Шишкин сбежал, Плохиш тоже сбежал. Витька уже пищит, пощады просит. Ты один ерепенишься, дурак недобитый. Мог бы я тебе шею свернуть прямо сейчас, да еще чуток обожду. Дам тебе последний шанс. Я ведь тебе не все показал, самое интересное приберег, чтобы у тебя лучше фантазия работала. Так что послушайся моего дружеского совета: катись-ка ты отсюда подобру-поздорову! Хоть во Флоренцию, хоть на Чукотку. Но под ногами у меня не путайся. Понял меня?

Он швырнул окурок на тротуар и шагнул к машине. Помощник хотел его опередить и открыть ему дверь, но Лихачев так взглянул на него, что тот отскочил в сторону.

— А если я не побегу? — негромко поинтересовался я.

Он остановился.

— Раздавлю, — процедил Лихачев, не поворачивая головы. — И мокрого места не останется.

Не прощаясь, он сел в машину и захлопнул дверь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Что ж, теперь, по крайней мере, все стало ясно, как однажды трагически заявила моя бывшая жена, когда я, улетев на день по делам в Москву, вернулся через неделю с морским загаром.

Лихачев велел мне убираться; послушаться его означало вступить с ним в открытую вражду, и не нужно было тратить на гадалку, чтобы понять, чем это закончится. Я вспомнил, как любовно он произносил отвратительное слово «ордерочек». Вероятно, ордерочек на меня уже был им подписан, так что вряд ли я располагал резервом времени. Выбор был за мной.

Самое смешное или, вернее, самое печальное заключалось в том, что никакого выбора на самом деле не существовало. Я вообще не верю людям, утверждающим, что они не знают, как поступить в решающую минуту. Мы всегда знаем, как нужно поступать, просто жалость к себе часто берет верх. Разумеется, мне до смерти не хотелось в камеру, но что мне

оставалось делать? Не бежать же, в конце концов!

Я забрался в машину и принялся названивать Виктору. Ни один телефон, как назло, не отвечал. В конце концов, я отыскал начальника охраны, который сообщил мне, что Виктор находится за городом, у Анжелики. Я помчался туда сломя голову.

Жилища Виктора вполне отражали его характер и художественные вкусы. Четырехэтажное сооружение, воздвигнутое им для Анжелики, являло собой причудливое смешение стилей. Здесь присутствовали и массивные коринфские колонны с украшениями, и стеклянная мансарда с металлическим каркасом, и круглые башни с маленькими окошками, и остроконечные шпили, и восточный орнамент на стенах. Этот архитектурный вывих довершали две огромные жабы в человеческий рост, изваянные из белоснежного мрамора и посаженные у парадного крыльца вместо львов или псевдогреческих статуй. В среде новых русских тогда начиналась мода на все старо-японское. Они три раза в день ели суши и устраивали в имениях сады камней. Согласно какому-то японскому учению жабы приносили богатство.

Я посигналил снаружи, и ворота без лишних вопросов широко распахнулись — свойственная Виктору безалаберность ощущалась во всем его хозяйстве. Зато у Храповицкого подобное гостеприимство автоматически каралось увольнением охраны. Там парни на входе, согласно разработанной лично Храповицким инструкции, сначала долго рассматривали вас в глазок, потом осведомлялись, существует ли договоренность о визите. Получив утвердительный ответ, они вызывали по станции Олесю, которая докладывала Храповицкому; тот отдавал соответствующее распоряжение, и оно возвращалось по цепочке. Все это занимало минут пятнадцать, и исключение не делалось даже для его родной матери, вместе с которой я однажды торчал за оградой, слушая надрывный лай Храповицких собак.

Перепрыгивая через ступеньки, я вбежал в дом и — как камень в вату — попал в атмосферу безмятежности и покоя. На огромной кухне с зеркальным полом из черного мрамора сидела Анжелика в шелковом халате и ее старшая сестра, приехавшая в гости. У обеих были миловидные круглые лица с кукольными глазами и маленькими пухлыми ртами. Они напоминали ярких расписных матрешек, которые продаются в сувенирных лавках, только сестра существенно превосходила Анжелику объемами, так что если бы они и впрямь были матрешками, то в сестру вместились бы не меньше двух Анжелик. Дамы пили чай и пробовали только что испеченный пирог с курагой.

Мое появление показалось им как нельзя более кстати. Несмотря на отчаянное сопротивление, я был тут же захвачен в плен и усажен за стол с чашкой в одной руке и куском пирога — в другой. Напрасно я твердил, что речь идет о жизни и смерти: меня не хотели отпускать, пока я не выскажусь о достоинствах теста.

Заслышав незнакомый голос, из своей комнаты примчался неугомонный Витюша, которого няня укладывала спать после обеда. Он был босиком, в пижаме и жаждал знать, к кому я пришел и зачем. Выпалив эти вопросы из-за няниной спины и не дослушав мои ответы, он перебрался на колени к Анжелике. Здесь, чувствуя себя в безопасности, он самовольно откусил пирог и тут же выплюнул его на стол, к ужасу женщин. Все бросились его стыдить, после чего он все-таки позволил себя увести, поведав мне на прощанье, что ему купили новую лопатку и санки, а снега все нет.

Наблюдая, как няня, держа его за руку, осторожно ковыляет по скользкому полу, я подумал, что в погоне за своим непоседливым воспитанником ей не раз приходилось здесь чувствительно наворачиваться.

Виктора я нашел в спортивно-банном комплексе, занимавшем целое крыло. К спортивным занятиям Виктор питал сугубое отвращение, но баню любил и сейчас с помощью сауны

выгонял из организма остатки алкоголя. Когда я вошел, он красный, изможденный и мокрый лежал в халате на шезлонге возле бассейна и героически перемогался минеральной водой.

— Гляди-ка, живой! — обрадованно простонал он, увидев меня. — А я уж думал, ты за решеткой сидишь, прутья грызешь. Нет, по такому случаю я должен выпить, а то удачи не будет.

Кряхтя, он поднялся с шезлонга, босиком прошлепал к холодильнику, достал бутылку пива и залпом ее опустошил.

— Так и знал, что сегодня бросить не получится, — с сожалением заметил он. — Изломал ты мою трезвую жизнь! И зачем я только целый день мучился? Столько времени потерял! Мог бы уже пьяным быть!

Я принялся рассказывать ему о событиях сегодняшнего дня. Он сразу посерьезнел и слушал очень сосредоточенно. Когда я дошел до допроса Кабанковой, Виктор с похоронным видом снова просеменил к холодильнику, причем на сей раз не ограничился пивом, а хлопнул полстакана виски. Эту процедуру он повторил, когда я рассказывал об откровениях Сырцова. К концу повествования Виктор был на редкость мрачен, но его глаза заблестели.

— Мы должны немедленно спрятать наших директоров! — заключил я. — Нельзя, чтобы Лихачев до них добрался. Начинать надо с тех, кого заложила Кабанкова.

Виктор задумчиво почесался.

— Непростая задача, — проговорил он озабоченно. — Не вот вам нате. За нами всеми следят, куда тут спрячешься? Надо что-то придумывать. Придется Савицкого срочно вызывать. Представляю, как Лихачев взбесится, если мы это провернем.

— Пусть лучше бесится, чем радуется, — отозвался я.

— Как сказать! — проворчал Виктор. — Я все-таки надеюсь с ним договориться.

— Тебе легче будет с ним договариваться, если у него не появится новых показаний против нас. А в том, что они появятся после допроса наших ребят, можно не сомневаться.

— Да уж, — признал Виктор. — Слабоваты они в коленках. Не орлы. Ну ладно, давай рискнем. Может, заодно и Пахомыча подальше отправим? А то он, когда я его в последний раз видел, какой-то дерганый был.

— Боюсь, что с Пахомычем мы опоздали, — возразил я.

— Думаешь, он нас уже слил? — недоверчиво нахмурился Виктор. — Да когда же он успел? Во время ареста, что ли? Вы же с Немтышкиным его почти сразу вытащили.

— Не совсем так. Мы обо всем договорились с судьей, но Лихачев вдруг выпустил Пахомыча по собственному желанию, накануне заседания. Тогда я не стал в этом разбираться. Все были уверены в победе, и я решил, что Лихачев, не желая проигрывать в суде, сделал хорошую мину при плохой игре. Но сейчас я допускаю, что все обстояло иначе.

— А чего гадать?! — прервал меня Виктор. — Давай его сейчас выдернем да спросим. Вот смеху будет, если он Храповицкого вкозлил! Родственничек, мать его! Подожди меня здесь, я быстро.

Он появился минут через тридцать, одетый и выбритый. В руках он держал какую-то большую коробку. Уже в «Хаммере» он поставил коробку мне на колени.

— Гляди, чего я у Витюши раскопал, — похвалился он.

На коробке было написано «Юный радист», и в ней

я обнаружил детский набор, состоявший из больших пластмассовых наушников ярко-желтого цвета и такого же прибора, который имел отдаленное сходство с рацией. Наушники были бутафорскими и звук не пропускали, а прибор работал от батарейки и имел одну ручку. При ее повороте он начинал пищать, а огромная стрелка скакала по шкале.

— Зачем тебе это? — спросил я Виктора с недоумением.

— Так надо, — загадочно ответил Виктор. — Пытать Пахомыча будем. Я еще провода прихватил. Не одному же Лихачеву допросы устраивать.

Перспектива пыток Пахома Пахомыча явно вдохновляла Виктора.

— Кстати, о Лихачеве, — усмехнулся он. — Кажись, я догнал, почему они с Храповицким сцепились.

— Почему?

— Да потому что оба — рисовщики. Для них смысл жизни в том, чтобы понты колотить. Вот и зарубились, как два павлина, у кого хвост пышнее! Это ж надо, какое кино тебе Лихачев прокрутил! А зачем? Только для одного — для рисовки. Ему охота, чтобы им восхищались, говорили, какой он гениальный. Видать, он лишку в ЧК пересидел, там же работа тихушная, все засекречено, а теперь на свет вылез и славы ему захотелось. Эх, зря ты его отшил! Потерпеть не мог, что ли?! Нужно было втереться к нему в доверие. Он бы хвастал, а ты бы поддакивал — глядишь, мы бы что-нибудь и вывели.

— Как ты себе это представляешь? Он бы со мной откровенничал, а я бы тебе передавал?

— Ну, да. А как еще? Не наоборот же!

— Из меня шпион не получится.

— Вижу, — отозвался он с сожалением. — Поэтому у тебя и денег нет. С другой стороны, был бы ты шпионом, глядишь, и меня бы продал. Шпионы все рано или поздно перекручиваются. Уж я-то знаю.

— Потому что сам такой? — предположил я, раздраженный его замечаниями.

Он не обиделся.

— Наверно, — ответил он, потягиваясь. — И сам такой, и вокруг меня все такие.

2

Пахома Пахомыча доставили к семи часам вечера в наш спортивный комплекс, в директорский кабинет, который заняли мы с Виктором. Чуть раньше мы провели здесь рабочее совещание с Савицким, обсуждая детали предстоящей эвакуации наших подчиненных.

Пахом Пахомыч был неузнаваем. Он сильно похудел, словно после тяжелой болезни, и объемная коричневая куртка, бывшая когда-то ему тесноватой, теперь болталась на нем кое-как, придавая неопрятный вид. Лицо его было нездорового желтого цвета, с темными кругами под потухшими глазами. Он непрерывно шмыгал носом, и его воинственные усы уже не топорщились с прежней агрессивностью, а безвольно свисали вниз.

Войдя, он моментально попал в тиски объятий Виктора. Пахом Пахомыч снес начальственную ласку безответно и лишь сдавленно хрюкнул.

— Ты нам не рад, что ли? — осведомился Виктор, отпуская его и делая вид, что обиделся.

— А чего радоваться? — буркнул Пахом Пахомыч.

Похоже, его дурные манеры лишь усилились под воздействием перенесенных невзгод. Впрочем, радоваться ему и впрямь было нечего.

— Садись, — указал ему на стул Виктор.

— Нет, — замотал головой Пахомыч, оставаясь на безопасной дистанции, поближе к выходу.

— Я на минутку заскочил. У меня дел полно.

— Чего у тебя полно? — переспросил Виктор таким тоном, словно сама идея о наличии у Пахома Пахомыча каких-либо дел представлялась ему абсурдной. — К Лихачеву, что ли, торопишься?

— Почему это к Лихачеву? — сразу ошетинился Пахом Пахомыч.

— А потому что Лихачев все знает! — сурово отрезал Виктор.

Пахом Пахомыч отшатнулся.

— Что он знает? — испуганно спросил он.

— Все! Явки, пароли, секретные телефоны. Где деньги держим, о чем мы говорим между собой.

— Да я с вами ни о чем не говорил! — выпалил Пахом Пахомыч. — Я вас вообще первый раз вижу.

Виктор в восторге хлопнул в ладоши.

— Слыхал, Андрей?! — воскликнул он, призывая меня в свидетели. — Вот завел Храповицкий родственничка! С ходу от всех открестился!

— Я хотел сказать, с тех пор как Володю взяли, — принялся оправдываться Пахомыч, но Виктор его перебил.

— Значит, ты подтверждаешь, что от нас бегаешь! Так?

— Нет! — промычал Пахом Пахомыч. — Я не...

— От нас прячешься, — неумолимо перебил Виктор. — А с другими людьми ты почему-то общаешься. Дела с ними имеешь.

— Ни с какими людьми я не общаюсь! С чего ты взял? Только с Соней.

— А Соня, по-твоему, не человек? — тут же ухватился Виктор.

— Соня? — растерялся Пахом Пахомыч. — Соня мне жена.

Чувствовалось, что он затрудняется квалифицировать родовую принадлежность Сони.

— Лихачеву известно даже то, из-за чего ты скандалишь с Соней, — продолжал нагнетать Виктор.

Это, разумеется, была метафора, которая должна была показать исключительную осведомленность генерала. Но Пахом Пахомыч воспринял ее буквально.

— Быть не может! — вытаращился он. — Ко мне Савицкий специалистов присылал квартиру чистить от всяких прослушек. Но мы с Соней на всякий случай уже перестали словами говорить, только записки друг другу пишем. Даже когда ругаемся. Что же, по-твоему, он мне видеокamеры установил?

— Дело не в видеокamерах, — возразил Виктор, раздражаясь его непонятливостью. — А в том, что кто-то стучит в налоговую.

Пахом Пахомыч нервно шмыгнул носом.

— Кто-то очень близкий, — прибавил Виктор зловеще.

Пахом Пахомыч не выдержал.

— Это не я! — закричал он. — При чем тут я?!

— Да я на тебя и не думаю, — Виктор несколько ослабил натиск.

— Думаешь! — кричал Пахом Пахомыч. — Еще как думаешь! Только почему всегда я у вас крайний? Может, это ты все Лихачеву выбалтываешь?

На секунду Виктор опешил от его дерзости.

— А зачем я буду передавать Лихачеву, как вы с Соней собачитесь? — спросил он после паузы.

— А я зачем? — парировал Пахом Пахомыч.

Виктор не нашелся, что ответить. С моей точки зрения, действительно, ни одному из них не было резона бегать в налоговую полицию и пересказывать содержание домашних дрызг Пахома Пахомыча. Сомневаюсь даже, что генерал, несмотря на свое природное любопытство, проявил бы к ним интерес.

Виктор попробовал зайти с другой стороны.

— В общем есть один способ узнать правду. Тяжелый, но верный, — он многозначительно посмотрел на Пахома Пахомыча и тот опасливо съежился. — От нас только что Савицкий вышел. Знаешь, чем он занимался? Он проверял нас с Андреем на детекторе лжи. Заметь, мы сами его попросили, чтобы не подозревать друг друга. А теперь настала твоя очередь!

Пахом Пахомыч разволновался еще больше.

— А где этот детектор? — спросил он боязливо.

— Да вот же, на столе, — кивнул Виктор на желтый детский набор.

Цвет прибора произвел на Пахома Пахомыча неизгладимое впечатление. Он даже вздрогнул.

— Это Васин детектор? — нервно осведомился он. Слухи о Васином детекторе гуляли по всему нашему холдингу. Им уже страшали нерадивых сотрудников. — Я не буду проверяться на Васином детекторе! Он водилу своего подключал, тот до сих пор на больничном сидит. Заикается.

— Мы же с Андреем выжили, — возразил Виктор. — Хотя какие только каверзы Савицкий не

изобретал! Ловил нас на каждой ерунде. Мы-то с тобой полегче сработаем.

— Вы меня сами собрались допрашивать?! — ахнул Пахом Пахомыч. — А вы умеете с ним обращаться?

— Конечно, умеем, — успокоил Виктор, потихоньку подталкивая его к столу.

Пахом Пахомыч не шел.

— Не трусь, — уговаривал Виктор. — Он током бьет, только если врешь. И то мы разряд до двухсот вольт уменьшили.

— Двести тоже много! — упирался Пахом Пахомыч.

— Да, — признал Виктор, — ощутимо, — Он подул на руку, словно она еще болела. — Я нарочно попробовал соврать, так он, зараза, шибанул, будь здоров!

Пахомыч посерел.

— Да зачем это надо? — скороговоркой забормотал он. — Я и так вам все могу сказать без всяких детекторов...

— Без детектора нельзя! — твердо оборвал его Виктор. — Надежности не будет.

Деваться Пахому Пахомычу было некуда. Отказ был равнозначен признанию вины. С видом обреченного на казнь он опустился на стул. Виктор расстегнул ему рубашку и закатал рукав. Один проводок он скотчем прикрепил к запястью Пахома Пахомыча, второй таким же образом повесил ему на волосатую грудь. Другие концы проводов были для видимости тем же скотчем приклеены к прибору. Я сел за стол, надел на себя бутафорские наушники и с серьезным видом покрутил ручку, словно настраивая аппарат.

Услышав треск и писк, Пахом Пахомыч ойкнул и подпрыгнул.

— Убавь напряжение! — недовольно потребовал он от меня. — Больно же! Я еще ничего не сказал, а он уже током бьет.

Мы с Виктором переглянулись.

— Убавь чуток, — согласился Виктор.

Я пожал плечами и убрал звук.

— Отвечай только «да» или «нет», — строго инструктировал Пахома Пахомыча Виктор. — Ты понял меня?

Пахом Пахомыч крепко зажмурился, готовясь к истязаниям, и затряс головой.

Я резко крутанул ручку. Приемник захрипел.

— Ай! — вскрикнул Пахом Пахомыч. — Еще убавь!

— Только «да» или «нет»! — повысил голос Виктор. — Понял?

— Да! — выпалил Пахомыч, гримасничая.

— Теперь другое дело, — одобрил я, приглушая шум.

— Твоя фамилия Лихачев? — приступил к допросу Виктор.

— С чего это она Лихачев? — возмутился Пахом Пахомыч, открывая оскорбленные глаза.

Приемник тут же засвистел под моими пальцами.

— Сколько раз повторять: отвечай правильно! — набросился на него Виктор.

— А ты вопросы правильные задавай! — огрызнулся Пахом Пахомыч. — Я же тебя не обзываю!

Виктор не стал вдаваться в полемику.

— У тебя дети есть?

— Да, — подозрительно ответил Пахомыч. — Один ребенок. А что?

— Ты работаешь в холдинге?

— Да.

— Три года?

— Да.

— Тебя зовут Пахом Пахомыч?

— Да, — машинально кивнул Пахом Пахомыч, но тут же спохватился. — То есть нет! А чего ты опять обзываешься? — начал он недовольным тоном, но Виктор его перебил.

— Не отвлекайся! Твою жену зовут Соня?

— Да.

— Ты был судим?

— Нет.

— У тебя есть иностранное гражданство?

— Нет.

Виктор наращивал темп с каждым вопросом. Пахом Пахомыч тоже отвечал все быстрее, не сводя с него напряженного взгляда.

— Ты умеешь водить машину?

— Да.

— Много ты у нас воруешь?

— Ничего я не ворую! — вновь взвился Пахом Пахомыч.

— Да или нет? — непреклонно потребовал Виктор.

— Нет!

— Что «нет»? — уточнил Виктор.

— Да не ворую я! — воскликнул Пахом Пахомыч в отчаянии.

— А почему прибор не пищит? — обернулся в мою сторону Виктор.

Я развел руками. Сострадание к Пахому Пахомычу на мгновение пересилило мое естественное правдолюбие. Между прочим, Пахом Пахомыч, как мне показалось, и сам был озадачен нечувствительностью нашей аппаратуры. Однако, удостоверившись, что детектор не реагирует, он приободрился.

— Вот видишь! — торжествующе бросил он Виктору. Тот неодобрительно покосился на меня, выразительно кашлянул и продолжил.

— У тебя есть высшее образование?

— Да.

— Ты участвовал во взрыве Сырцова?

— Нет, конечно! Сам знаешь.

— Ты знаком с Плохишом?

— Да.

— А с губернатором?

— Ну, виделись мы с ним.

Видя, что допрос постепенно утрачивает остроту, Пахом Пахомыч несколько расслабился. Он даже полез в карман за сигаретами, достал их, но я сделал страшные глаза, и он торопливо сунул пачку назад. Виктор между тем подкрадывался к нему все ближе, пока наконец не оказался совсем рядом.

— Ты был женат на обезьяне?! — прямо в ухо ему гаркнул Виктор что было мочи.

— Нет! — хватаясь за ухо, крикнул Пахом Пахомыч.

Я повернул ручку до отказа. Раздался треск и шипение.

— Врет, — сказал я.

— Пора бить его током, — заключил Виктор.

— Нет! — вопил Пахом Пахомыч. — Нет! Хватит! Я и так оглох!

— Перестань голосить! — пытался урезонить его Виктор. — Чего ты разорался? Мы еще до половины не дошли.

— Нет! — надрывался Пахомыч. — Я не буду вам отвечать! — он сдирал с себя провода.

— Чего ты взбеленился? — спросил Виктор удивленно.

— Хватит надо мной издеваться! Я вам не клоун! Я такой же человек, как и вы!

Я посмотрел в его изможденное, похудевшее лицо, и мне стало стыдно всей этой комедии. Я снял наушники.

— Пахомыч, — спросил я просто. — Зачем ты сдал Володю?

Пахом Пахомыч отпрянул, словно от хлыста, и испуганно замер. В комнате сделалось очень тихо. Втянув голову в плечи и перебегая глазами с одного на другого, Пахомыч смотрел на

нас. А мы — на него. Так прошло не меньше минуты.

Виктор взял свободный стул, поставил его напротив Пахома Пахомыча и уселся так близко, что они почти касались коленками друг друга. Лицо его было сосредоточенным. Никто из нас не произнес ни звука. Я слышал учащенное дыхание Пахома Пахомыча.

— Я не сдавал Вову, — наконец, выдавил он из себя.

— Ты сдал его, — негромко и уверенно возразил Виктор. — Ты его сдал со всеми потрохами.

И опять воцарилась пауза. Пахом Пахомыч сглотнул и облизнул сухие губы белым языком.

— Ты меня теперь убьешь, да? — спросил он. — Как Сырцова, да?

Про себя я отметил ту убежденность, с которой он говорил о причастности Виктора к покушению на Сырцова. Я дорого бы дал, чтобы понять, сам ли он до этого додумался или это было общее мнение наших директоров, передаваемое за нашей спиной из уст в уста. Виктор, кстати, даже бровью не повел.

— Может быть, придется, — ответил он спокойно.

Пахом Пахомыч захрипел.

— А может быть, и нет, — задумчиво проговорил Виктор. — Зависит от того, что ты им рассказал.

— Я ничего им не рассказывал, — запинаясь, пробормотал Пахом Пахомыч. — Абсолютно. Я только подписал то, что мне велели.

У него на лбу и над губой выступил пот.

— А что они тебе велели?

— Я не знаю! — воскликнул Пахом Пахомыч в отчаянии. — Я не знаю.

Не выдержав взгляд Виктора, он низко опустил голову. Стал виден его затылок с пробивающейся лысиной.

— Я не читал, — мучительно твердил он, не поднимая головы. — Это не важно, что там написано. Потому что я на суде от всего откажусь. Я просто хотел вырваться оттуда. Я уже не мог больше. Меня Лихачев лично допрашивал. Специально в воскресенье приезжал. Глумился. Смеялся, что я паровозом пойду, что вы так с самого начала задумали. Я начал бояться, что вы меня бросили, — от вас же никаких известий не было. И за Соню с сыном я переживал. А в камере еще пугали, что меня опустят. Я терпел до последнего. У меня уже сил не было, а я все равно терпел. Я не знал, сколько это будет продолжаться: а вдруг это навсегда? Я же на суде все равно откажусь от этой подписи. Мне адвокат сказал, что если я на суде откажусь, то эти показания не считаются. Я там всю правду о них расскажу, как они людей терзают. Им ведь хуже будет!

Плечи его тряслись. Он боролся с собой, чтобы не заплакать. Мы слушали его молча, и это, кажется, давило на него сильнее любого осуждения.

— Я не спал с тех пор, — вдруг прибавил он тихо. — Володя ведь мне все равно что брат! Даже еще роднее. Это все из-за Лихачева с Гозданкером случилось! Это из-за них! — он хлопнул кулаком по столу и вскинул на нас засверкавшие глаза, полные слез. — Ненавижу их! Козлы! Я бы их самих — на нары! К уркам! Чтоб их башкой в парашу засунули!

Неожиданная догадка вдруг мелькнула у меня.

— Постой, — сказал я. — А это не ты, часом, после конкурса красавиц в милицию позвонил по поводу наркотиков в машине Владика Гозданкера?

Пахом Пахомыч выпрямился.

— Я! — с вызовом ответил он. — Я отомстить хотел! Не Ефиму, так его сынку. Чтоб его в отделение забрали и в клетке помуржили.

— Эх и балбес! — не удержался Виктор.

— Я же не знал, что этого Владика убьют! Да если бы и знал, я бы все равно.

— Да заткнись ты! — прикрикнул на него Виктор. — Какая сейчас разница, кого еще ты заложил.

3

Савицкий рекомендовал нам избегать массовых сборищ, во-первых, потому, что подобные мероприятия не очень эффективны, а во-вторых, потому, что они обязательно сопровождаются утечкой информации. Вместо этого он предложил разбить список наших директоров на небольшие группы и встречаться с ними поочередно. Так получалось легче и незаметнее.

Сегодня в комнате отдыха нас ожидали пять человек. Нашего главного компьютерщика Гришу Лапушкина и главного юриста Матросова мы вызвали потому, что Кабанкова назвала их имена в налоговой полиции. По той же причине здесь присутствовала и Ольга Полушкина. Кроме этих троих, уже обреченных, о чем они, впрочем, еще не знали, были два явных кандидата на посадку: Валера Коркин, директор департамента по инвестициям, и заместитель финансового директора Ира Саблина. Что касается непосредственно директора по финансам, то он еще до ареста Храповицкого отбыл в заграничную командировку и с возвращением не спешил. А мы не торопили.

Никаких объяснений по телефону не давалось, Савицкий послал за каждым надежного курьера. От директоров требовалось прибыть к восьми, при себе иметь российский и заграничный паспорта. Бросив семейные дела, они примчались.

В сопровождении Савицкого мы вышли к ним раньше назначенного времени, понимая, что бесчеловечно мучить их неизвестностью. Сбившись в кучку, они теснились на диване возле низкого стола и, вытянув шеи, слушали, как Полушкина что-то рассказывала им драматическим шепотом.

— Короче, пропала дамочка! — тараща подведенные глаза, сокрушалась Полушкина. — Может, сбежала куда-нибудь, а может, уже и замели.

— Опять врешь? — добродушно перебил ее Виктор.

Грубоватой шутливостью он, видимо, хотел разрядить

атмосферу. Но у него не получилось. Директора лишь односложно поздоровались и уставились на нас, ожидая объяснений.

— Пряма, вру! — надулась Полушкина. — Где Кабанко-ва-то? Нету ее! Два дня ей телефон обрываю, ни ответа, ни привета. Что с ней? Может, хоть вы в курсе?

Человека, не знакомого с реалиями российской жизни, могло поставить в тупик присутствие

Полушкиной на тайном совещании в узком кругу. Виктор с его умением галантно выражаться именовал ее «главной шалавой» нашего холдинга, поскольку в свои сорок лет она была убеждена, что настоящая любовь ожидает ее впереди и что остепеняться ей пока рановато. Крашенная полнеющая блондинка, всегда ярко одетая, со следами былой красоты и частых похмелий, она любила шумные застолья. После каждой корпоративной вечеринки ее нынешний, четвертый или пятый муж прибегал к ней на работу, размахивал кулаками, выяснял, где она ночевала, называл ее нехорошими словами, грозил разводом и мучительной смертью. На нее это, впрочем, действовало не сильнее, чем на Виктора — минеральная вода. Опыт разводов у нее имелся, а нехороших слов она знала побольше, чем он, тем более что была десятью годами его старше.

Между тем, эта пустая и непоседливая дама представляла для ведомства Лихачева куда больший интерес, чем, например, тот же Карпов, отвечавший за нефтедобычу, или наш главный инженер. Дело в том, что, подобно всем другим крупным компаниям, мы ежедневно проводили десятки, если не сотни, разнообразных операций, недопустимых с точки зрения закона. Под уголовные статьи подпадала большая часть нашей деятельности, начиная от сложных схем продажи нефти и заканчивая обналичкой, которая шла непрерывно, как вода в кране.

Для этого требовалось огромное количество подставных фирм: однодневок и вполне дееспособных. Поначалу их открывали на кого попало: на родственников, случайных знакомых, бомжей, умерших граждан. Но постепенно процесс упорядочивался, и в учредители предприятий, успевших обрести собственностью, вводились те из наших сотрудников, на которых можно было хотя бы отчасти положиться.

Многие из них о деятельности своих организаций не имели понятия. За руководство им, кстати, почти ничего не доплачивалось, поскольку осложнений до поры до времени не возникало, но какими-то льготами они все же пользовались. Полушкина в этом смысле являлась настоящим сокровищем: за пару отгулов она была готова возглавить любую помойку. На ней числилось с полдюжины компаний, через которые пропускались многомиллионные сделки.

— А ты домой к Кабанковой заезжала? — спросила Ира Саблина, рассудительная неспешная женщина лет тридцати пяти с круглым лицом и черными глазами.

— А то бы! — хмыкнула Полушкина. — Перед тем как сюда ехать, заскочила! Трезвонила ей в дверь минут десять, а все без толку. Тишина. Куда делась?!

— А вдруг у нее сегодня личная жизнь приключилась? — со смешком предположил Гриша Лапушкин. Он выглядел, пожалуй, веселее других, хотя и в нем ощущалась нервозность. — Загуляла девчонка, с кем не бывает? Представьте: сидит сейчас наша Кабанкова где-нибудь с симпатичным молодым мужчиной, водочку кушает, глазки ему строит...

— Что ты сочиняешь! — раздраженно оборвал его Матросов. — Она не пьет! Да откуда у нее вообще личная жизнь, с ее-то характером? Где она себе пару найдет? Только что в зоопарке, среди крокодилов.

— Сергей Иваныч! — с укором воскликнула Саблина. — Разве можно так про женщину!

— Между прочим, внешность тут не главное, — авторитетно вмешалась Полушкина. — Все зависит от того, как себя подать. Конечно, с ее данными особо не разбежишься, но приличного человека найти все равно можно. Тем более что деньги у нее водятся. Только я сомневаюсь, что она с мужчиной. Я боюсь, как бы ее не того, — она замолчала, опять округлила глаза и договорила со значением: — Как бы ее за решетку не упекли! Вот что!

Ира Саблина побледнела и сильнее сжала авторучку, которой что-то рисовала в маленьком

блокноте. Лица остальных тоже застыли. Все они боялись одного и того же.

— Да нет, — неуверенно пробормотал Матросов, убеждая не то остальных, не то себя самого. — Не должны бы. Женщина все-таки. Это с нами, с мужиками, церемониться не будут.

Сейчас он был совсем не такой воинственный, как в день обыска, когда готовился растерзать в клочья сотрудников налоговой полиции. Пыл его заметно угас, даже его крупная седая голова, казалось, уменьшилась в размерах. Возможно, впервые в жизни он жалел о том, что не родился женщиной.

— Не волнуйтесь за Кабанкову, ничего с ней не случилось, — с кривой усмешкой проговорил Виктор. Он взял с бильярдного стола шар и пару раз его подкинул, неуклюже жонглируя. — Она на первом же допросе всех сдала, потребовала себе охрану и теперь прячется.

— Ух ты! — выдохнул Гриша Лапушкин. — Называется, попили водочки.

Новость их ошеломила. В комнате повисла тишина.

— Кого сдала? — нервно спросила Полушкина.

— Всех, — повторил Виктор. — И тебя в том числе.

— Вот гадина! — всплеснула та руками. — Да что ж я ей плохого сделала?!

— Значит, сломали ее все-таки, — откликнулся Матросов.

— Угрожали, наверное, — высказалась Ира Саблина. — Тюрьмой припугнули, она и не выдержала.

Я обратил внимание на то, что никто из них, кроме Полушкиной, не произнес ни слова в осуждение Кабанковой. Это означало, что, ставя себя на ее место, они допускали, что поступят так же. Виктор со стуком положил шар на стол.

— Страшно-то как! — вдруг вырвалось у Полушкиной. Она зябко повела плечами: — Я вам честно говорю, Виктор Эдуардович: боюсь до смерти! На любой шорох вздрагиваю, таблетки начала пить успокаивающие. Меня на собеседование муж с дочерью под руки вели. И ждали прямо у дверей.

— На какое собеседование? — бесцветным голосом спросил Савицкий, до этого хранивший молчание.

Она запнулась и бросила смущенный взгляд на Матросова.

— На какое собеседование? — обратился Савицкий к Матросову.

Матросов завозился.

— Ну, видите ли, они, кроме допросов, приглашают наших людей на неформальный, так сказать, разговор, — неохотно промямлил он. — Встречаются с ними не в здании налоговой полиции, а в других местах. Ну, и так сказать, обрабатывают. Предлагают сотрудничество.

— Почему мы об этом ничего не знаем? — вскинулся Виктор.

— Это уж не ко мне вопрос! — оправдываясь, затараторила Полушкина. Меня как позвали, я сразу Кабанковой стала звонить, в тот же вечер. А ее нет. Я тогда — к Матросову, все же он у нас по этим делам главный. Он говорит, сходи, пообщайся, вреда не будет.

— Зачем ты ее туда отправил?! — рявкнул Виктор. — Ты же сам твердил, что все встречи проходят только в присутствии наших адвокатов!

— Но тут ведь особый случай, — заблеял Матросов, пряча глаза. — Не официальный допрос. Я действительно подумал, что так получится полезнее. Чтобы разузнать, куда они клонят. Нам же важно понимать их замыслы. Я просто не успел вам доложить. Это буквально вчера случилось!

— Позавчера! — сердито поправила Полушкина. — Я каждый день считаю.

— Вы тоже были на собеседовании? — невозмутимо спросил Савицкий у Матросова.

— Я? — переспросил Матросов в полном замешательстве. — То есть вы насчет меня спрашиваете? — он сцепил и разжал толстые пальцы на коленях. — Ну, в общем да. Так получилось.

Мы с Виктором переглянулись. Становилось очевидно, что ситуация выходит из-под контроля, причем с пугающей скоростью. Самые осведомленные из наших директоров уже давали против нас показания. Другие бегали за нашей спиной на сепаратные переговоры с налоговой полицией. Если это было начало, то что нас ждало дальше? Виктор посерел.

— Кто еще был на собеседовании? — мрачно спросил он.

Коркин, Гриша и Саблина подавленно молчали.

— Нас пока не трогали, — ответил за всех Гриша, ероша свои и без того непокорные волосы.

Виктор повернулся к Матросову и Полушкиной:

— Что они от вас хотели?

— Явку с повинной, что же еще! — фыркнула Полушкина. — Встречу мне назначили в какой-то шараге, в научном институте, что ли. Короче, на улице Дзержинского, такое бурое здание, знаете? Я еще удивилась, думаю, почему там? Раза два переспрашивала. Номер кабинета сказали. Я захожу, там мужчина сидит. Удостоверение мне показал. Я, правда, со страху ничего не запомнила: ни фамилию, ни должность. Поначалу он вежливо держался, на «вы» разговаривал. Про работу в основном расспрашивал, и все больше с ехидством. Как же вы, мол, служите наемным сотрудником, когда у вас собственные фирмы имеются? Не трудно, дескать, совмещать? И зачем же вы тут за гроши вкалываете, если в ваших фирмах такие деньги крутятся? Чай, вы миллиардерша подпольная. Где же вы свои деньжищи закапываете? И все прочее в таком же духе. И вот сыплет он эти свои вопросы вроде как со смехом. А я сижу перед ним ни жива, ни мертва, боюсь рот открыть!

Она прерывисто вздохнула, заново переживая эту сцену.

— Ну, и что же ты ему отвечала?! — не вытерпела Ира Саблина. Она слушала Полушкину с замиранием, примеряя ситуацию на себя.

— Что, что?! А что я скажу? Дурочку из себя корчила да глазки ему строила. Я же дел-то вообще не знаю. Какие обороты? Откуда приходили? Куда уходили? Я и фирмы-то не помню, где я директором значусь. Короче, натерпелась и стыда, и страху. Мычала, как корова. А у самой все поджилки трясутся!

— И на этом он тебя отпустил? — расспрашивала Ира.

— Отпустил, — угрюмо отозвалась Полушкина. — Да только не на этом. Он, как увидел, что я на шуточки его не реагирую, злиться начал. Вы, говорит, зря отнекиваетесь, нам и так все

известно, я вас сюда позвал не в игрушки играть. Повторять я вам не буду. Мы знаем, что вас заставляли нарушать закон. Вам приказывали уводить деньги от налогов. Если подпишете, что во всем виноват Храповицкий, пройдетесь свидетелем. Отмажем вас, так и быть; сохраните семью и детей. Если нет — хана! Десять лет с конфискацией. Сядешь, говорит, как миленькая! Выйдешь на волю — уже старуха, без зубов, денег нет. Кому ты будешь нужна?

Весь последний пассаж она, видимо, прибавила от себя и, испугавшись своих же слов, схватилась за сердце, достала из сумочки таблетку, быстро проглотила ее и запила водой. Глядя на нее, Ира Саблина тоже затрепетала.

— Ну, меня-то они покрепче обрабатывали, — встрял Матросов. — Часа, считай, три мурыжили, никак не меньше. И арестом пугали, и на совесть давили. Двое их было. Один особенно распинался. Как же, мол, так? Вы бывший прокурор, всю жизнь жуликов ловили, а теперь им служите?! Не стыдно вам на старости лет за решетку отправляться? Вся жизнь ваша псу под хвост! Все отнимут, всего лишат! Жена-пенсионерка по миру пойдет! А я им в ответ: «Не волнуйтесь, ребятишки. Меня, старого волка, на такую дешевку не купишь». — он усмехнулся и покрутил головой. — Я ведь эти штучки наизусть знаю! Лекции могу читать по методам допроса!

Он явно желал реабилитироваться в наших глазах, но в его браваду как-то не очень верилось.

Виктор уселся на бильярдный стол и принялся задумчиво перебирать шары. Савицкий смотрел перед собой, по-прежнему бесстрастно. Наше ближайшее окружение не собиралось хранить нам верность до гроба. Пока они еще крепились, но их стойкость стремительно выдыхалась. Еще пара дней, и они посыпались бы, как перезрелые яблоки. Все висело на волоске.

Прошло несколько тягучих минут, директора напряженно ждали нашего решения.

— У нас есть предложение по вашей эвакуации! — наконец объявил Виктор, спрыгивая со стола.

— Эвакуации? — переспросила Полушкина.

— Вам придется на время уехать из Уральска, загаситься.

— А куда ехать? — встрепнулся Гриша. — За границу?

— А как же семьи? — осведомилась Ира Саблина. — Детей же не бросишь!

— Езжай с семьей, — парировал Виктор.

— Да кто ж моего мужа с работы-то отпустит? — возразила Полушкина. — А у детей школа, с ней как быть?

— Когда ехать-то? — поинтересовался Гриша. — Я тут на пару дней хотел за город смотаться с ребятами. Успею?

— Сегодня, — коротко сказал Савицкий.

— Сегодня?! — хором воскликнули они, потрясенные.

— Прямо отсюда, — добил их Виктор. — Считайте, что вы уже в бегах.

На время они лишились дара речи. Даже у Гриши вытянулось лицо. Ира Саблина сидела бледная, как мел, но чувствовалось, что она будет сопротивляться отъезду изо всех сил.

— Вообще-то для женщин у нас есть более спокойный вариант, — прибавил Савицкий. — Мы договорились в нашей областной больнице о госпитализации. Только делать это нужно безотлагательно.

Саблина с облегчением перевела дыхание.

— Домой-то хоть можно будет заглянуть?

— Лучше не надо, — ответил Савицкий строго. — Позвоните мужу из больницы, он принесет вам завтра все, что необходимо. Через недельку врачи разрешат вас навещать. Разумеется, только ему и детям.

— А диагноз какой? — зачем-то заинтересовалась Полушкина.

— Венерический, — огрызнулся Виктор. — Застарелый сифилис. Чего глупости спрашиваешь? Что надо будет, то и напишут.

— Выходит, мы обе будем в одной больнице лежать? — не отставала Полушкина. — Или даже в одной палате? Кто ж нам поверит?

— Одну из вас можно в Москве госпитализировать, — ответил Савицкий. — Есть еще вариант: в Саратовской области. У нас там тоже связи. Только туда надо командировку выписать. Как будто вы там были по служебным делам, и у вас сердце прихватило.

— Я останусь здесь! — категорически заявила Саблина. — Пусть другие едут!

Полушкина, к которой относилась эта реплика, строптиво поджала губы, готовясь спорить. Но вдруг какая-то мысль пришла ей в голову. Она оборвала себя на полуслове, и в ее лице появилось особенное женское выражение, не то лукавое, не то озабоченное.

— Так я насчет заграницы, — напомнил Гриша. — Мне кажется, там безопасно. Можно, например, в Таиланд рвануть, как раз сейчас самый сезон. Шоу всякие, и цены нормальные.

— Таиланд — хорошее место, — одобрил Валера Коркин, худой, замкнутый рыжий парень с впалой грудью и бледным лицом в веснушках. Валера провел множество наших нелегальных сделок и входил в число самых доверенных лиц. — Я про Таиланд тебе все расскажу, каждый новый год там встречаю. Только, гляди, один езжай, без подруги, а то жалеть потом будешь. Там этого добра — завались, на любой вкус.

— Все мужики одинаковы! — возмущенно всплеснула руками Полушкина. — Тут в тюрьму сажают, а у них только бабы на уме.

— Не с тобой же ехать, — возразил ей Гриша. — У тебя вон десяток мужей и детей куча. Так можно в Таиланд или нет, Виктор Эдуардович?

Виктор бросил вопросительный взгляд на Савицкого. Тот кивнул.

— Можно, — разрешил Виктор. — Важно, чтобы ты исчез отсюда и раньше времени не появлялся. Вывозить вас будет Савицкий. План он уже разработал.

Матросов прочистил горло.

— Как же мы в одночасье сбежим? — ворчливо заговорил он. — У нас при себе ни денег, ни личных вещей. Одни паспорта.

— Деньжат мы вам маленько подбросим, — утешил его Виктор. — Валера, ты привез то, что я просил?

— Конечно, — коротко кивнул Коркин.

— На первое время каждый получит по двадцать тысяч долларов. Мы постараемся, чтобы эти прятки побыстрее закончились. Две-три недели, максимум — месяц.

Лица их потеплели. Даже Ирина Саблина смягчилась. Зарплата любого из них не превышала пяти тысяч долларов, не считая, конечно, Валеры Коркина, который, по прикидкам Храповицкого, воровал у нас сотни полторы в месяц. Между прочим, на двадцатке настоял я: Виктор предлагал ограничиться десяткой.

— Надо было с этого начинать, — мягко упрекнул Виктора Гриша. — Кто бы тогда с вами спорил? С двадцаткой я в Таиланде первым человеком буду, королем выберут. Ферму там куплю и крокодилов буду разводить, чтоб Кабанковой продавать для личной жизни.

— А тебе-то чего прятаться? — с пренебрежением спросила его Полушкина. — На тебе разве какие фирмы числились?

— Здрас-сьте, — обиделся Гриша. — А кто нефть весь прошлый год продавал? А кто сахар в область вагонами поставлял? А кто компьютеры в обмен на зерно завозил? Да без меня всей нашей экономике давно бы полный коллапс пришел!

Гриша с его добродушным, покладистым характером, действительно, никогда не отнекивался, если его просили формально возглавить ту или иную структуру.

— Я бы на твоём месте не радовался, — хмуро заметил Матросов. — На мне тоже пара ТОО висит. Вот и прижучат нас с тобой за это!

— Не прижучат, — уверенно возразил Гриша. — Я документы разными подписями подписывал. Разработал в свое время несколько образцов и занес их в книжечку, чтобы не путать. Аккурат напротив названий фирм, которыми руководил. И получалось, что в одной фирме все документы с одной закорючкой, но не моей. А в другой — уже новый росчерк, и тоже не мой. И так далее. Любая экспертиза это подтвердит. Это даже невооруженным глазом видно.

— Бесплезная уловка, — отрезал Матросов, скрывая зависть. — Они сначала нас за решетку будут совать, а потом разбираться, кто подписывал.

— Сам-то ты куда поедешь? — перебил его Виктор, уводя от темы грядущих испытаний.

— В Караганду, конечно! — фыркнул Матросов, словно Караганда была тем самым местом, куда в случае опасности бежали все уважаемые юристы. — К бабушке.

Матросову было лет под шестьдесят. Мне и в голову не приходило, что у него есть бабушка, да еще и в Караганде.

— А ты куда? — повернулся Виктор к Валере Коркину.

Валера помялся.

— Не решил еще. Мне лишь бы отсюда незаметно выбраться. А то за мной непрерывно две машины полицейские шныряют. Пусть меня в соседнюю область доставят, а дальше уж я своим ходом.

— Не хочешь говорить? — понимающе усмехнулся Виктор.

— А зачем? — ответил Валера, не смущаясь. — Как только понадобится, вы свистните, я и появлюсь. Чай, не потеряюсь, позванивать буду.

— Значит так, — подвел итог Виктор. — Иру Саблину — в больницу. Это мы с Андреем сами сделаем, довезем в лучшем виде. Остальные поступают в распоряжение Савицкого.

Все согласно закивали. Савицкий поднялся.

— Вас на вокзал? — уточнил он у Матросова.

— Э, нет, — запротестовал тот. — Меня давайте уж до Караганды. Так оно вернее будет.

— Боишься, что украдут тебя по дороге? — съязвила Полушкина.

— Так это ж, сколько верст туда получится? — ужаснулся Гриша.

— А все равно, — упорствовал Матросов. — А то приеду я на вокзал, а там меня уже ждут.

— Хорошо, значит, вас довезут до Караганды, — негромко подтвердил Савицкий.

— Меня в аэропорт, — попросил Гриша. — А там я доберусь до цивилизации.

— Через Москву полетишь? — деловито спросил Валера Коркин.

— Да я, может, сначала в Питер заскочу, — беспечно ответил Гриша. — Давно хотел город посмотреть.

— А тебя-то куда отправлять, родная? — обратился Виктор к Полушкиной.

Та взволнованно задышала. Глаза у нее блестели, щеки разрумянились, и вообще она уже несколько минут бросала на Виктора какие-то загадочные взгляды. Похоже, она что-то от него хотела, но все не могла собраться с духом.

— А можно вас на два слова? — кокетливо произнесла она.

— Пойдем, — бросил Виктор ей и мне.

Едва мы оказались в коридоре, Полушкина схватила его за руку.

— Слышь, Виктор Эдуардович, — горячо зашептала она, переходя от избытка чувств на «ты».
— Кольку отпусти на пару недель, а?

— Какого Кольку? — оторопел Виктор. Он ждал, что она попросит еще денег.

— Ну, Кольку Женихова, водителя нашего! — нетерпеливо объяснила Полушкина, бросая опасливые взгляды на сидевшую поодаль толпу охраны. — Который бухгалтерию возит! Дай ему отпуск, а? Чего тебе, жалко, что ли?

— Первый раз в жизни про этого Кольку слышу! Зачем он тебе? — недоумевал Виктор. — Постой! Так у тебя с ним любовь, что ли? — догадался он.

— Любовь не любовь, а отношения, — с достоинством отозвалась она. — А может, и любовь, кто ж ее знает. Надоело по чужим дачам прятаться, семьи ведь у обоих. А тут момент уж больно подходящий! Он жене скажет, что на особом задании. Я своему скажу, что ты меня срочно в командировку отправил. Глядишь — и урвем недельку-другую.

— А вы не спалитесь вдвоем?

Она даже подпрыгнула от радости.

— Отпустишь, да? — вцепилась она в него. — Да не волнуйся, не спалимся. У его родни домишко есть в Абхазии. Вот мы туда и махнем, прям на машине. Кто нас там искать будет, сам подумай? Пусть только Савицкий ему позвонит, а то его жена мой голос знает.

— Вот неумная! — покачал головой Виктор.

— Да и ты не хуже! — самодовольно хохотнула она, принимая эту характеристику как комплимент.

4

Спецоперация по эвакуации командного состава, как витиевато выражался Савицкий, началась ровно в одиннадцать часов. По приказу Савицкого охрана шумной толпой вывалила во двор и разбежалась по машинам. Захлопали дверцы, загудели двигатели, зажглись фары. Ворота открылись, автомобили один за другим стали выпархивать на улицу.

Оперативникам, ожидавшим снаружи, за высоким ограждением, не было видно, что творится внутри. Но даже если бы кто-то из них и рискнул вскарабкаться на забор, оставшись при этом незамеченным, то все равно не успел бы ничего разобрать. Мы заранее отключили прожекторы, освещавшие выход из здания, к тому же все произошло стремительно: отъезд занял не больше трех минут.

Нехитрый трюк заключался в том, что в машинах не было начальников — только водители и охрана. Директора по-прежнему сидели в зоне отдыха, а мы с Виктором и Савицким перебрались в служебную комнату, откуда следили за происходящим по мониторам. Камеры захватывали лишь небольшую часть прилегавшей к комплексу территории, поэтому мы успели засечь только три машины наружного наблюдения, которые, отклеившись от обочины, поспешно рванули за вереницей нашего транспорта. Впрочем, сотрудники Савицкого, шедшие в колонне, уже через несколько минут докладывали нам, что за ними на разном расстоянии идут не менее восьми разномастных тачек, включая одну «Газель».

Как только кавалькада достигла главного городского шоссе, она раскололась. «Хаммер» Виктора свернул направо, и часть машин последовала за ним. Другую половину возглавил мой джип, взяв со светофора влево. Машины прибавили скорость, словно желая уйти от преследования. Полицейские тоже разделились и бросились в погоню.

В одиннадцать пятнадцать началась вторая часть операции. Виктор, Ира Саблина и я тихо выскользнули в темный двор и сели в припаркованную у крыльца «десятку» с тонированными стеклами. В другую «десятку» залезли наши охранники, и мы тронулись. Я не знаю, следили за нами или нет. Время от времени нам казались подозрительными некоторые автомобили, однако до центральной областной больницы мы добрались без всяких приключений.

Главный врач, оповещенный Савицким о целях нашего прибытия, примчался в больницу, несмотря на воскресенье и поздний час, чтобы лично нас встретить. Это был красивый мужчина лет сорока, в белом отутюженном халате, с ухоженной каштановой бородкой и длинными волосами. Нас с ним связывали давние и особые отношения: он был в курсе всех наших медицинских тайн. Мы обращались к нему с серьезными просьбами и разными пустяками: когда болели наши родственники, когда наши подруги нуждались в срочных абортках, когда нужно было вывести из запоя Виктора или сделать сложную операцию кому-то из близких. Он никогда не отказывал и держал для наших нужд две просторные комфортабельные палаты со всеми удобствами, гостиной и прихожей. Мы, в свою очередь, подарили ему огромную квартиру в центре города, сделав там хороший ремонт, а также заменили часть устаревшего больничного оборудования самым современным.

Врач крепко встряхнул нам руки и принялся обхаживать Иру Саблину, которая держалась из последних сил, кусая губы, чтобы не разрыдаться.

— Да вы не волнуйтесь, Ирочка, — с фамильярностью старого знакомого успокаивал он ее.
— Все будет в лучшем виде. Неужто вам дома-то не надоело? Чего хорошего? Стирай, готовь, убирай. Про работу я уж и не говорю: сотрудники отлынивают, начальство вечно ругается! Только посмотрю на эти зверские лица, — он весело подмигнул в сторону меня и Виктора, — мне самому сразу на больничную койку хочется. А у нас тут красота, покой. Мы вам видеомэгнофон в палату поставим, вы фильмы посмотрите про любовь. Заодно и обследование пройдете, витаминчиков вам поколем, на системке подержим. А хотите пиявок? Отличные, между прочим, пиявки. Сам выбирал.

Саблина отчаянно замотала головой. Она не хотела пиявок.

— А мужа с детьми ко мне пускать будут? — спросила она, глотая слезы.

— Да зачем нам этот муж! — замахал на нее руками главврач. — Мы массажиста недавно нового на работу приняли. Азербайджанец, знойный мужчина. Женщины к нему в очередь выстраиваются. Золотые ручки у него, некому, как говорится, выломать. Это я так шучу. Да увидите вы вашего мужа, увидите! Могу в соседнюю палату его положить, чтобы за вами ухаживал.

Саблина бросила на него благодарный взгляд и сделала слабую попытку улыбнуться. Мне почему-то показалось, что главврач сейчас помогал нам не только из-за денег. Возможность спрятать человека от ареста была для него чем-то вроде рискованной игры.

Пока он утешал Саблину, Савицкий с частью охраны вывозил оставшихся директоров. Позже мне рассказывали, что Матросову было приказано лечь на дно старенького микроавтобуса, а Валеру Коркина и вовсе заставили залезть в багажник «Волги». В таком неудобном положении их везли до границы области — около четырехсот километров — и лишь после этого разрешили занять место в салоне.

Я спрашивал после Савицкого, так ли уж это было необходимо, и он ответил, что в первую очередь заботился об их безопасности. Но лично я думаю, что безопасность здесь не при чем, тем более что от тряски на ухабах худосочный Валера вполне мог отдать концы. По моему мнению, Савицкий просто дал волю тщательной скрываеваемой неприязни. Матросова он, как и многие в холдинге, недолюбливал за апломб, а Валеру Коркина считал жуликом.

Домой я приехал около двух часов, после того как мы завезли Виктора в его холостяцкую квартиру. Я дождался звонка Савицкого, сообщившего о благополучном завершении операции, поблагодарил его и лег спать, стараясь не думать о Лихачеве и своем беспросветном будущем. Но спать мне не пришлось.

5

Меня разбудил телефонный звонок. Я нащупал трубку и уставился на электронные светящиеся часы. Они показывали три семнадцать.

— Алло, — сонно пробормотал я.

— Я так и знал, что ты — планктон! — бескомпромиссно объявил мне Виктор.

— Почему? — спросил я машинально.

— Потому что ты подло бросил человека, а сам дрыхнешь.

— Человек — это ты? — уточнил я.

— Само собой! А ты — планктон. Потому что планктон всегда дрыхнет. Или там жрет. Короче, осуществляет свои физиологические функции, — категоричность этих формулировок

несколько размывалась тем обстоятельством, что Виктор был пьян и едва ворочал языком. — Знаешь, о чем ты скоро будешь мечтать?

— О том, чтобы человек наконец вырубился?

— Не дождешься! О том, чтобы делать все это одновременно. Пить, есть, гадить, совокупляться. Вся физиология одним разом. В этом — счастье планктона. Вот к чему ты катишься.

— Ты меня уже этим пугал, — напомнил я.

— Да? — переспросил он задумчиво. — Может быть. Но ты же спишь. Значит, ты все забыл и не сделал правильных выводов.

— А планктон, часом, не пьет? — осведомился я. — Это вполне может входить в его физиологический рацион.

Виктор напрягся, почувствовав ловушку. Некоторое время он сопел и размышлял.

— По-разному, — отрезал он, сохраняя за собой исключительное право на определение моей и своей принадлежности. — Короче, ты едешь ко мне или нет?

— Скорее нет, чем да, — ответил я. — А зачем?

— Чтобы жить как человек.

— Тогда точно нет! — сказал я без колебаний.

Некоторое представление о том, как живет человек,

презирающий физиологию, у меня имелось: Виктор уже приобщал меня к высоким материям. Наш совместный опыт ночной активности включал в себя скандалы, драки, ресторанные дебоши, танцы нагишом и пальбу. Мне почему-то казалось, что после этого я не стал нравственно богаче, и я не спешил расширять этот опыт. Особенно сейчас, когда над нами неотступно висела зловещая тень Лихачева.

— Это твой последний шанс остаться человеком, — произнес Виктор с нажимом.

— Значит, я умру животным, — решил я.

Но Виктор не собирался сохранять мне даже эту перспективу.

— Не животным, а планктоном! — безжалостно поправил он. — До животного ты так и не дорос. А мог бы! — и он бросил трубку.

Разжалованный до растительного состояния, я рухнул на подушку, бросив всякие поползновения прикинуться разумным существом. Но через пять минут телефон зазвонил снова. Разумеется, это был Виктор.

— Ты обиделся? — спросил он с надеждой.

— Обиделся, — проворчал я, полагая, что он отстанет.

— Приезжай, подеремся! — с готовностью предложил он.

— Никуда я не поеду! — возмутился я. — Иди к черту со своими дурацкими провокациями. С охраной дерись, если хочешь.

— Точно планктон, — заключил он с тяжелым вздохом. — Зеленый, тупой и водоплавающий. Ладно, дрыхни, если ничего другого не умеешь.

Я попробовал заняться тем единственным, что я, по мнению Виктора, умел, а именно заснуть, но у меня не получилось. Конечно, я не нанимался к Виктору в сиделки, мне ничуть не хотелось выбираться из теплого дома в промозглую ночь, таскаться с ним, пьяным и дурным, из кабака в кабак, уговаривать не задирайте одних, не стрелять в других, не лезть в драку с третьими и не раздевать четвертых.

С другой стороны, бросать его на произвол судьбы в подобном состоянии было не по-товарищески. С его редким умением влипнуть в истории он был способен натворить что угодно, может быть, даже что-то непоправимое. Лихачев только того и ждал.

Совість меня мучила. Сомнениями я терзался довольно долго, пока опять не раздался телефонный звонок. Часы уже показывали четыре сорок восемь. Полный скверных предчувствий, я взял трубку. На сей раз звонил не Виктор, а начальник его охраны.

— Андрей Дмитрич, может, вы к нам приедете? — напористо предложил он.

— А может, вы от меня отвяжетесь? — сделал я ответное предложение.

— Да не от меня же зависит, — проговорил он уже извиняющимся тоном и, вздохнув, прибавил: — Мы тут «Хаммер» убили.

— Когда же вы успели?

— Да после ночного клуба.

— Какого еще клуба?

— Ну, этого, «Манхэттен». Знаете?

— А что вы делали в «Манхэттене»?

— Да так разнесли его маленько.

— «Маленько» — это как? — уточнил я.

— Ну, примерно, на пятеру, — пояснил он.

— На пять тысяч долларов? Что-то вы сегодня скромно. Как вы в клубе-то оказались, если мы в половине второго разъехались по домам?

— Разъехались, — с грустью подтвердил он. — А потом Виктор Эдуардович всем велел возвращаться, сказал, что планы изменились. Мы вернулись, а он уже готовый сидит, видать, крепко приложился, на подвиги его тянет. Велел в «Манхэттен» его везти. Там ему музыка не понравилась, он залез в будку, где пульт, и выкинул этого диск-жокея прямо через перила. Он, вообще-то, хоть и пьяный, Виктор Эдуардович, но здоровый. Сам стал с пультом шуровать, ну, тут крики, шум, ихняя охрана набежала. Мы тоже в стороне стоять не стали. Ну, а уж как пошла махал овка, там, сами понимаете, по сторонам никто не глядел. Колонки уронили, прожектор разбили, какую-то ерунду еще сломали, ну и по мелочи что-то. Ладно, до милиции успели все замаять, а то сидели бы сейчас в кутузке. Денег им дали, они и успокоились, а мы извинились и ушли. Короче, на тормозах все спустили.

— Легко отделались, — одобрил я. — А с «Хаммером» что произошло?

— Да Виктор Эдуардович двух девушек с собой из ночного клуба прихватил. Одну за руль

посадил, а она, видать, водить не умеет. Короче, когда разворачивалась, столб зацепила.

— Сильно машину повредили?

— Нормально. Столб же прямо на джип упал!

— Где это произошло?

— Да вот, в центре, мы только от «Манхэттена» отъехали, рядом с гаражом нашим. Мы «Хаммер» там и бросили. Человека в него посадили и эвакуатор вызвали. А Виктору Эдуардовичу «Лэнд Ровер» подогнали. Он как раз в гараже стоял.

— А чем вы сейчас занимаетесь?

— В казино едем. Он впереди, с девчонками, а мы за ним. Я с вами из машины по телефону разговариваю.

— Он что, сам за рулем? — ужаснулся я.

— А что я поделаю?! Я же не могу ему приказать!

— Надо что-то срочно предпринимать, — пробормотал я озабоченно. — Его необходимо остановить.

Он только этого и ждал.

— Мне ваше распоряжение нужно! — зашептал он. — Иначе добром не кончится, я его знаю! Дальше хуже будет, чует мое сердце.

В этом он был не одинок. Мое сердце чужло примерно то же.

— Какое распоряжение?

— Ну, насчет браслетов!

Я враз прикусил язык. У меня как-то вылетело из головы, что начальник охраны Виктора всегда возил с собой наручники на экстренные случаи, когда Виктор выходил из-под контроля и принимался буянить, создавая угрозу общественной жизни Уральска. Однако применять эти радикальные средства усмирения начальник охраны мог только с санкции Храповицкого, но никак не по своему усмотрению.

— Андрей Дмитрич, вы меня слышите? — забеспокоился он, видя, что я молчу.

— Слышу, — отозвался я.

— Ну, так надевать браслеты или нет?

— Нет!

Во-первых, я не считал себя вправе отдавать подобные приказы: прерогативы Храповицкого не переходили ко мне по наследству. Во-вторых, сейчас, когда мы с Виктором остались вдвоем против всех, я не мог поступить с ним таким образом.

— Андрей Дмитрич! — упрашивал он. — Ну, пожалуйста, а?

— Нет! — повторил я твердо. — Забудь об этом. Я сейчас выезжаю. Будь на связи, чтобы я мог вас найти.

Я наспех оделся, вывел из гаража свой джип и, проклиная Виктора, помчался в сторону городского центра. Очередной звонок застал меня уже в пути.

— У нас авария! — уныло рапортовал мне начальник охраны Виктора. — Все тачки в хлам! Просил же я вас, Андрей Дмитрич! Не послушали вы меня!

Я сбросил скорость.

— Никто не пострадал?

— Да я лбом о приборную панель приложился, — ответил он с упреком. — Бровь рассек, кровянит, зараза. Еще один парень, похоже, ребро сломал. А так — ушибы у ребят, синяки, но вроде целы.

— А Виктор?

— А им вообще ничего. Слава Богу! А то конец бы нам пришел.

— Как же вы ухитрились?

— Да Виктор Эдуардович вдруг затормозил резко, ну, мы в него и въехали, скорость-то у нас была — дай Бог! «Десятка» ведь медленнее останавливается, чем «Лэнд Ровер». Короче, мы в него, а еще одна «десятка» с ребятами — в нас. Гармошка получилась.

— Где вы сейчас?

— Возле Дворца культуры.

Это было совсем рядом, и уже через несколько минут я притормаживал на месте происшествия. На площадке перед Дворцом Культуры в темноте громоздилась искореженная груда металлолома, бывшая еще недавно транспортом. Вокруг валялись осколки фар, стекол, разбитые фрагменты бамперов, какие-то куски железа и пластмассы.

Мне показалось, что обе «десятки» были безнадежны и вряд ли подлежали восстановлению. Особенно досталось той, что очутилась в середине бутерброда. Вся передняя часть машины была изуродована, и то, что все обошлось без тяжких увечий, можно было назвать чудом. «Лэнд Ровер» был прилично помят, но в отличие от машин охраны еще сохранял некоторое сходство с базовой моделью.

Гвардейцы Виктора толпились возле останков своих автомобилей, курили, переговаривались и временами зачем-то пинали колеса. Начальник охраны, крупный хохол, прижимал ко лбу окровавленный носовой платок.

Поодаль стояла «шестерка» с выключенными фарами. Окна были опущены, и из них высовывались две головы, причем один из полицейских снимал происшествие на камеру. Я вылез из машины и подошел к ним сзади. Они были так увлечены, что не заметили моего приближения.

— Кино-то хоть хорошее будет или опять порнуха? — поинтересовался я.

Они повернулись и уставились на меня.

— Ты зачем подкрадываешься?! — наконец, раздраженно воскликнул тот, что без камеры. — Мы ведь можем и табельное оружие применить!

— Вы лучше меня сфотографируйте, — попросил я. — Я своей девушке на память pošлю.

Черные тонированные стекла быстро поползли вверх, из чего следовало, что фотографию на

память моя девушка так и не получит.

Я перекинулся парой слов с удрученной охраной и заглянул в джип Виктора. Здесь горела тусклая лампочка. Виктор сидел на водительском месте и пил коньяк из горлышка, время от времени передавая бутылку назад, где жались две приبلудные гражданки.

Наверное, когда Виктор прибыл в клуб, серьезных девушек, весом больше шестидесяти килограммов уже разобрали. Оставались одни легкомысленные маломерки. Во всяком случае, до любимых Виктором стандартов дотягивала лишь одна, да и то с трудом: симпатичная молчаливая коровка. Другая была худой, белобрысой и наглой, с плоским лицом. Кстати, я бы не поручился за то, что обе перевалили рубеж совершеннолетия. Белобрысой точно было не больше шестнадцати.

Я взобрался за переднее сиденье рядом с Виктором.

— Приехал все-таки! — безрадостно приветствовал меня Виктор. — Это правильно. В гробу отоспимся. Видал, что мои балбесы натворили? На хрен только мы такую кучу ишаков за собой таскаем, деньги на них тратим? Один вред от них.

— Они же не нарочно, — робко попробовала заступиться за охрану коровка.

— А какая разница! — агрессивно вмешалась в разговор белобрысая. — Тачки-то не их, а Витины. Расколотили — пусть новые покупают! Ты их уволь, Вить! — посоветовала она Виктору. — Лучше пацана моего охранником возьми. Он как раз себе работу ищет. Нормальный пацан, мы с ним полгода уже живем.

— Возьму, — пообещал Виктор. — Только сначала мы допьем коньяк и съедем вниз по лестнице.

— По какой лестнице? — осторожно спросил я.

— А там, за Дворцом, — пояснил Виктор. — Длинная такая. Я рекламу по телеку видел. Джип какой-то по лестнице съезжал. Долго так.

— Во клево! — обрадовалась белобрысая.

— Это был не «Лэнд Ровер», — возразил я. — Совсем другая машина.

Я не видел рекламу, зато видел эту лестницу. Мы однажды поднимались по ней с Плохишом на историческую стрелку с участием Бабая и Ильича. Лестница была крутой, насчитывала несколько пролетов и чертову уйму ступеней. Спуститься по ней на машине было совершенно нереально.

— Да не важно, что там была за тачка! — отмахнулся Виктор. — Все равно в рекламных роликах одно вранье. А мы вот возьмем, да и спустимся, по правде.

— Ты вообще такой прикольный, — похвалила белобрысая Виктора. — Я от тебя торчу!

Виктор хмыкнул, поправил зеркало заднего вида и поймал в нем ее отражение.

— Скучно тебе жить?

— Конечно, скучно. Денег-то нет!

— А ты думаешь, с деньгами весело? — спросил он.

— А то! Вы вон по полной программе развлекаетесь с утра до вечера! Возьми моего пацана на работу, а?

Виктор повернулся ко мне. В неверном свете я поразился мертвенной бледности его лица.

— Меня тошнит от планктона, — негромко пожаловался он. — Ты знаешь, почему киты пускают фонтаны? Они обожрут планктоном и плюются.

— Это не от планктона, — встряла белобрысая. — Это ты в ночном клубе бутерброд с рыбой съел. Я тебе говорила, что она тухлая. А ты не слушал.

— Ты заметил, как их сегодня трясло? — продолжал Виктор, не обращая на нее внимания. — наших боевых товарищей?

— Скажи «спасибо», что вообще пришли, — пожал я плечами. — Могли бы прямиком побежать к Лихачеву.

— Они бы и побежали, — заверил меня Виктор. — Если бы не боялись, что мы им потом головы поотрываем!

— Вы о ком, мальчишки? — полюбопытствовала белобрысая. — Об охране, что ли?

— Мы, кстати, потом и поотрываем! — пригрозил Виктор. — Никого не забудем.

— Мне кажется, что они пока и полицейским не вполне доверяют, — заметил я. — Это нам сейчас на руку. Они боятся, что те сначала выудят у них признание, а потом бросят в суде.

— А так и будет! — уверенно заявил Виктор. — Помяни мое слово! У меня, кстати, в этой связи одна мыслишка есть, — он заговорил еще тише. — А что если взять да и заплатить денег, чтобы их загрузили до отказа?

— Кому заплатить? Бандитам? — спросил я, тоже переходя на шепот.

— Зачем бандитам? Ментам! Ты сам подумай, — он придвинулся ко мне и задышал прямо в ухо. — Мы сейчас начнем договариваться с Лихачевым. Кого-то же все равно надо кинуть ему на растерзание. Ведь просто так он не отвяжется, слишком большой шум поднял. А здесь уже имеются готовые кадры, Сырцов да Кабанкова. Чистосердечное признание они накропали. Сырцов идет паровозом, Кабанкова вторым номером. Можно и Пахомыча туда же до кучи. Лихачев вешает все на них, вопросы с прокуратурой и судом мы берем на себя. В результате все участники довольны. Правосудие торжествует, мы остаемся в стороне, Кабанкова с Сырцовым и Пахомычем топают на зону. Ну, как тебе план?

— Заманчиво, но рискованно, — покачал я головой. — В суде они примутся нас топить, ситуация может выйти из-под контроля. Слишком опасно. Лучше не доводить до суда.

Виктор глубоко и прерывисто вздохнул.

— Да я и сам понимаю, — разочарованно пробормотал он. — Но уж больно зло меня берет. Ты только вникни: эти мрази нас закладывают, стучат на нас, на дно тянут, а мы должны их спасать. Да еще и деньги за них давать!

— Ты лучше мне дай! — не утерпела белобрысая. Несправедливое расходование чужих средств ее задевало.

— Заткнись! — цыкнул на нее Виктор, и она обиженно замолчала.

— И ведь никто из них не считает себя нам обязанным! Пришли они к нам бессребрениками, за два-три года оперились, наворовали у нас да еще кредитов льготных в нашем банке нахватили, а теперь выходит, что все их благосостояние образовалось не потому, что мы им дали, а потому, что они заслужили. Не мы добрые, а они умные. Как тебе, а?

Он мрачно сплюнул на пол.

— Забудь, — посоветовал я. — Не трави себя.

Но Виктор не собирался забывать. Он собирался травить себя.

— Дождусь на своей улице праздника, — угрюмо твердил он. — Всех вспомню! Никаких денег не пожалею!

— Вить, я в туалет хочу! — вдруг вновь напомнила о себе малолетка.

— Потерпи, — посоветовал он.

— Я не могу! Знаешь, сколько я сегодня пива выпила?!

— Это никому не интересно, — поморщился он. — Сейчас мы будем по лестнице съезжать.

— А давай я сначала в кустики сбегая, а потом спустимся, — упрашивала она. — В натуре, ужас, как надо!

Она дернула дверь, но та была заблокирована. Она взвыла.

— Ты же не дворняжка, в кустики бегать, — попытался урезонить ее Виктор, но, спохватившись, махнул рукой. — Хотя, кто ты тогда, если не дворняжка!

— Может быть, правда, домой поедем? — поддержал я ее.

— Я не хочу домой, — отрезал Виктор.

— А что ты хочешь? — спросил я.

Несколько секунд он не отвечал, вслушиваясь в себя.

— Я хочу сдохнуть! — внезапно проговорил он.

— Что? — растерялся я.

— Охота сдохнуть! — повторил он, тихо и с ожесточением. — Противно жить. Как-то, на хрен, стыдно и противно.

Он сидел, плотно сжав губы и глядя перед собой пустыми, потухшими глазами.

— Выпусти меня, а? — скулила сзади белобрысая высоким голосом. — Я по-быстрому. Только вели своим пацанам, чтобы они отвернулись. А то я прям здесь обделаюсь!

Виктор встряхнулся, приходя в себя, и положил руки на руль.

— Ладно, — вяло уступил он. — Если все против меня, то поедем домой. Будем функционировать как планктон: дружно совокупляться, а потом дрыхнуть. Только ты, Андрюха, сегодня у меня останешься! Я тебе, так и быть, сивую уступлю, если она, конечно, до дома дотерпит. Да не ори, дура, тут две минуты езды.

«Лэнд Ровер», по счастью, еще мог двигаться. Часть охраны Виктора осталась на месте, другая последовала за нами на моем джипе. Замыкала колонну «шестерка» с полицейскими.

6

Едва мы вошли в подъезд, белобрысая кинулась к лифту и принялась жать кнопку, подпрыгивая и приседая от нетерпения.

— Ой, скоро, что ли?! — восклицала она. — Ну, где он, падла, застрял?

— Зря время теряешь, — усмехнулся Виктор без всякого сочувствия к девушке. — Здесь лифт с одиннадцати часов отключают. Пешком пойдём. На десятый этаж.

— Мама! — охнула она. — Я не дотерплю.

Она метнулась на лестничную площадку за шахту лифта, на ходу задирая пальто и юбку.

— Вы лучше идите, а я вас потом догоню, — командовала она, уже садясь. — Юль, ты меня здесь подожди. Покарауль рядом на всякий случай.

Мы с Виктором отвернулись.

— А мы с ними спим! — буркнул Виктор и, раскачиваясь, двинулся вверх по лестнице.

— Нас никто не заставляет, — заметил я, поднимаясь следом.

— А с кем еще спать? — ворчливо возразил он. — С охраной, что ли?

Охрана, между тем, не обнаруживая по отношению к нам никаких сексуальных притязаний, скромно шла впереди и позади нас. Света в подъезде не было, и хохол-начальник освещал нам дорогу фонариком. Луч падал то на грязные, выщербленные ступеньки с валявшимися на них окурками, то на крашенные в темно-зеленый цвет стены, сплошь исписанные нецензурными словами.

— Я иногда с лифтером пью, — рассказывал Виктор, тяжело шагая и временами хватаясь за железные перила, в которых не хватало прутьев, а деревянные поручни и вовсе были оторваны. — С ним одна беда: больше литра не выдерживает, выстегивается. И вот он каждый раз от лучших чувств мне говорит: «Вить, ты, когда поздно возвращаешься, пешком не ходи, а то упадешь ненароком. Ты лучше позови меня, я тебе лифт включу как лучшему другу — катайся, сколько влезет». А сам живет на одиннадцатом этаже, у него там служебная хата. А я на десятом. Телефона у него нет. Представь, я сначала поднимаюсь на одиннадцатый, разбужу его, потом он вызовет лифт, и мы спустимся на лифте ко мне: с одиннадцатого на десятый. И главное — обижается на меня за то, что я таким блатом не пользуюсь.

— Я тоже считаю, что зря не пользуешься. Сразу стало бы видно, кто в доме начальник.

— А это и так видно, — пожал плечами Виктор. — В этом доме, кроме меня, одни только обиженные и живут. Он же раньше элитным считался, здесь партийные начальники обитали, директора всякие, ну и кое-кто из интеллигенции. Ректор университета, потом еще академик какой-то, начальник управления культуры — короче, самая гнилая публика, базарная. Я квартиру тут сдуру купил в начале перестройки. Хотелось мне с окраины в престижное местечко перебраться. Знаешь, как они на меня косились? Не здоровались, когда встречались, честное слово. Ну, как же! Я — мясник, отброс общества, а они — сливки. Ну, а времена поменялись: кого-то из них с работы поперли, кто-то на пенсию ушел, и выяснилось, что никому эти выдающиеся деятели науки и культуры на фиг не нужны. И глядь, теперь уже они — отбросы общества. А сливки-то — я! Вот этот шок они никак пережить не могут. Бесятся от зависти, всякие пакости подстраивают. То в милицию на меня донос напишут, что я тут притон устроил, то мусор к моей двери подбросят. Летом кондиционер включу, сразу в потолок стучат. Он им мешает! А чем мешает? А вот мешает, и все тут! А недавно приперлись ко мне целой делегацией: дай денег на ремонт в подъезде! И знаешь, так требовательно, как будто я им должен.

— Дал? — поинтересовался я.

— Вот им! — он сложил кукиш. — Им нельзя просто так деньги давать, это их развращает. Они всю жизнь ни за что получали, пора их к честному труду приучать, — он пошарил по карманам пальто, нащупал бутылку с остатками коньяка, встряхнул ее, допил одним глотком и поставил на ступеньки. — Пусть бутылки пустые за мной собирают и сдают. Сделал полезное дело — заодно и заработал. А то мой завхоз, например, во всем подъезде раз в неделю лампочки вкручивает. А они их воруют!

— Тебе их не жалко? — любопытно спросил я. — Представляешь, еще вчера он был академиком или там директором завода, а сегодня лампочки ворует!

— Да ни капельки! — убежденно фыркнул Виктор. — Если человек в старости начинает лампочки тырить, значит, он всю жизнь был крохобором. Туда ему и дорога! Мне людей вообще не жалко. Другое дело — животные, собаки, там, кошки. Они же не виноваты в том, что их на улицу выкинули. А людям кто такую жизнь устраивал? Они же сами! Когда эти партейцы у руля были, они много кого за борт выбрасывали: пусть тонут. А теперь их самих вышвырнули. Будь моя воля, я бы с людьми не церемонился. Вот мы с тобой сегодня нашим директорам или, точнее говоря, поделщикам, сотку зеленью вгрузили-ли. За что? За преданность и верность, что ли? Они нас все равно сольют. Сколько они у нас уже украли и сколько еще из нас высосут? А заплати бандитам за каждого из них тысяч по пять долларов — и нет поделщиков. Волной смыло.

Я невольно оглянулся на охранников, которые не могли не слышать его слов.

— Это не смешно! — шикнул я на него.

— А я не шучу! — нарочно поднял он голос. — Ты сам подумай: какая экономия! Новый «Лэнд Ровер» можно купить и опять расколошматить! Черт, сколько же еще тащиться?! Дай передохнем. Надо было и вправду послать за лифтером.

Он качнулся и обхватил меня за плечи. Я поддержал его, думая, что он хочет опереться, но у него на уме было иное. Он приблизил свою голову к моей и зашептал мне прямо в лицо, обдавая перегаром.

— Признайся честно, тебе охота... свалить? — слово «свалить» он произнес как-то особенно. — Охота?

— Куда свалить? — удивился я, почему-то тоже понизив голос. — За границу?

— Да не за границу! Туда! Сам знаешь, куда! — он медленно провел ногтем большого пальца по моему горлу, словно перерезая его. — Охота? Только не ври!

Меня обожгло изнутри. Я замер на месте. Как сумел он догадаться о моем неотвязном ночном кошмаре?

— Ты о чем? — пробормотал я, все еще не уверенный, что правильно его понял.

— Да говори же! — перебил он нетерпеливо.

От растерянности я не успел соврать.

— Охота, — против своей воли сказал я очень тихо.

— Сильно?

— Иногда очень сильно.

— А мне-то как охота! — вырвалось у него с чувством. — Иной раз всю ночь места себе не

нахожу. Аж под ложечкой сосет. Напиваюсь, чтобы заснуть.

Простота, с которой он говорил об этом, меня поразила. Я никогда не решился бы завести разговор на эту тему с посторонним и никак не мог прийти в себя.

— Почему же ты не сваливаешь? — шепотом спросил я. — Чего тянешь?

— Чего тяну? — переспросил он. — А я и сам не знаю. Видать, не все еще попробовал, мало мне!

Я вскинул глаза и споткнулся о его остановившийся полусумасшедший взгляд. Снизу послышались голоса девушек и их быстрые шаги.

— Мальчишки, вы где? — кричала белобрыся, прыгая через ступеньки. — Мы вас потеряли!

Виктор встряхнулся, отпустил меня и отодвинулся в сторону.

— Будешь ее? — спросил он своим обычным, будничным тоном.

— Нет, спасибо, — замотал я головой, еще под впечатлением нашего дикого диалога. — Как-нибудь в другой раз.

— А вот и мы! — жизнерадостно крикнула белобрыся, запыхавшись. — Что ж ты лифт не починишь в своем подъезде? Богатый же человек.

— Тут изменения в программе, — сообщил ей Виктор. — Сексодром сломался. Большая и чистая любовь на сегодня отменяется. Придется тебе домой ехать.

— Почему домой? — оторопела она. — Че я там делать буду?

— Телевизор поглядишь, — посоветовал ей Виктор. — Помоешься заодно. Ни разу не пробовала в душе мыться? Попробуй, а вдруг понравится. Короче, дома много полезного можно сделать.

— Да не хочу я домой! — вскинулась она. — А Юлька, что, останется, что ли?!

— Я одна не останусь, — испуганно промычала Юлька.

— Значит, обе гуляйте, — заключил Виктор. — А мы с Андрюхой спать пойдем.

— А как мы среди ночи до дома добираться будем? — возмущенно воскликнула белобрыся.
— Мы в поселке Энтузиастов живем!

— Охрана вас отвезет, — пожал плечами Виктор.

— Да у них же машины сломаны!

— Значит, такси поймаете, — он потерял интерес к разговору и, повернувшись, тронулся вверх.

— Денег хоть дай на такси! — вслед ему крикнула белобрыся.

Он сунул руку в карман, достал несколько смятых банкнот и на ходу швырнул их за спину. Они разлетелись по заплеванному полу. Присев на корточки, белобрыся принялась их собирать. Неповоротливая Юля ей помогала.

— Посвети сюда фонариком! — тщетно взывала белобрыся к начальнику охраны. — Ты че, оглох?! Дайте кто-нибудь зажигалку. Не видно же ни фига! Юльк, вон еще! А это что,

доллары, что ли?

Ей никто не отвечал.

— Сам не знает, че хочет, черт пьяный! — ругалась белобрысая. — В натуре, двинутый. На фиг нас с собой приволок? Лучше бы мы в клубе остались. Гнет, блин, из себя крутого. А сам набрал охраны и прячется за чужой спиной, только и может, что над девчонками измываться. Всего, блин, боится.

Виктор продолжал неспешно подниматься по ступеням, не обращая внимания на ее брань и жалобы. И вдруг при последних словах он остановился между этажами.

— А ты, значит, не боишься? — с любопытством спросил он сверху.

— А чего мне бояться? — раздраженно бросила она, не уловив опасности.

Виктор хмыкнул и размашисто затопал вниз, шатаясь от стены к перилам. Охрана расступилась перед ним. Белобрысая, наконец, поняла, что совершила ошибку и что лучше было не ввязываться в пререкания. Она осеклась, но было поздно.

— Ничего не боишься? — Виктор вплотную приблизился к ней с широкой глумливой улыбкой.
— Точно? Вот молодец! Давай с тобой вниз прыгнем.

— Куда прыгнем? — опешила она.

— Да из окошка, — Виктор предлагал это с такой легкостью, словно речь шла о прыжках через скакалку или другой невинной детской забаве. — На улицу. Раз — и готово!

Не вставая с корточек, она взглянула на него снизу вверх и, со страху потеряв равновесие, села на пол.

— Ты че, вообще, что ли, ненормальный? — пробормотала она.

— Давай, давай, ты же смелая! — поторопил ее Виктор.

Схватив ее за жидкие волосы, он рывком поднял белобрысую на ноги и развернул к подоконнику.

— Залезай, я пока окно открою. Четвертый этаж, тут делать нечего.

— Пятый, — опасливо поправил начальник охраны, еще не решаясь вмешаться.

Я тоже как-то не верил в то, что Виктор сиганет вниз, полагая, что он просто хочет проучить малолетку. Однако на всякий случай я придвинулся ближе.

— Подумаешь, пятый, — фыркнул Виктор. — Фигня сущая. Если повезет, только ноги переломаем. Черт, да помогите же мне с этим окном! Оно тут гвоздями заколочено, что ли?

Одной рукой он по-прежнему держал белобрысую за волосы, другой немилосердно дергал ветхую оконную раму. Рама не поддавалась, с нее сыпалась облупившаяся краска. Белобрысая пробовала вырваться, но Виктор ее не выпускал. Толстая Юля прижалась к стене, рот ее был приоткрыт.

— Ты че? — испуганно тараторила белобрысая. — Пусти! Ай, больно же! Ты че взбеленился? Че я тебе сделала?

— Вышибайте окно! — потеряв терпение, скомандовал Виктор охране. — Живо!

Начальник охраны обернулся на меня.

— Не вздумай, — воскликнул я.

— Отстань, дурак! — кричала белобрысая, пытаюсь разжать руку Виктора. — Помогите же! Че вы все, блин, встали как вкопанные?! На помощь!

— Не ори, я с тобой, — смеялся Виктор. — Вместе сдохнем! Боишься, крыса? А так — боишься?

Он оскалился и размахнулся для удара. Она заверещала, как заяц, и, зажмурившись, втянула голову в плечи. Юля тоже заорала, хотя и с некоторым опозданием. Фонарик подпрыгнул в руке начальника охраны и на секунду выхватил из темноты искаженное ужасом лицо белобрысой и ухмылку бьющего Виктора.

— Стой! — крикнул я, рванувшись вперед.

Виктор ударил со всей силы, но не белобрысую, а в окно, рядом с ее лицом. Его кулак прошиб стекло в обеих рамах и вылетел наружу. Если бы начальник охраны не обхватил его в последнюю минуту, Виктор мог, потеряв равновесие, вывалиться на улицу. Осколки со звоном посыпались на пол и на асфальт во дворе.

— А так боишься? — повторил Виктор и ударил в соседнюю раму. И снова раздался звон стекла.

— Виктор Эдуардович! — ахнул начальник охраны, крепче прижимая его к себе. — Да вы успокойтесь!

— Прекратите это безобразие! — раздался дребезжащий старческий голос за нашей спиной. Видно, кто-то из соседей Виктора взывал к нам из-за запертой двери. — Я немедленно вызываю милицию!

— Пшли к черту, бараны! — привычно огрызнулся Виктор. — Сейчас оболью бензином да подожгу!

Он посмотрел на свой изрезанный осколками, окровавленный кулак с впившимся мелким стеклом.

— Испугалась, дура, — с беззлой насмешкой проговорил он, отпуская белобрысую. — А чего, спрашивается? Я же пошутил.

Белобрысая приоткрыла глаза, увидела прямо перед собой окровавленную руку, взвизгнула и шарахнулась в сторону.

— Псих! — выкрикивала она, кубарем скатываясь по ступенькам. — Дурак больной!

Толстая Юля, косолапя, побежала за ней.

Виктор стоял, криво улыбаясь, потряхивая изувеченной кистью, из которой хлестала кровь.

— Как вы, Виктор Эдуардович? — спрашивал начальник охраны, не выпуская его из объятий.

— Нормально, — пожал плечами Виктор.

Ничего нормального, между тем, не было. Судя по обилию крови, он стеклом перерезал себе вену и нуждался в срочной медицинской помощи. Выглядела его рука пугающе.

— Надо перетянуть ему запястье, — бросил я охране, хватая Виктора за плечо. — Быстрее,

ребята.

Виктор отмахнулся, перемазав меня кровью. Охранники тут же окружили его. Виктор слабо отбивался.

— Отстаньте, идиоты, — хрипел Виктор, вырываясь. — Я спать хочу.

Галстуком мы туго перевязали ему предплечье, а носовыми платками замотали рану. Когда с этим было покончено, мы совместными усилиями повели Виктора вниз, к выходу, чтобы отвезти в больницу. Он шел, спотыкаясь, и почти не сопротивлялся, лишь невнятно ворчал себе под нос ругательства. Мне показалось, что он как-то сразу устал и обмяк.

— Выпить дайте, — попросил он, когда мы усаживали его в машину.

Спиртного больше не было, и кто-то из охранников бегом кинулся в ларек за углом, работавший круглосуточно.

— Предупреждал я вас, что хуже будет, — улучив минутку, вновь упрекнул меня начальник охраны. — Надо было браслеты на него одевать.

— Не знаю, — ответил я, глядя на затихавшего Виктора.

Но в глубине души я был убежден, что с наручниками вышло бы еще хуже.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Настоящее массовое мероприятие, согласно русскому миропониманию, должно начинаться торжественно и чопорно, длинными речами или даже церковной службой. А заканчиваться беспорядочно и весело, например дракой или загулом со случайными женщинами. Поэтому самые значимые русские праздники, такие как Пасха, свадьба, День милиции или похороны близкого родственника, обычно состоят из двух частей: официальной, куда зовут всех, и неофициальной, на которую допускаются лишь избранные. Ибо скучать в зале можно с кем попало, зато похабничать и драться лучше со своими.

Официальная часть девятидневных поминок по Владику прошла в каком-то кафе днем во вторник. Туда меня никто не звал, и ее я благополучно пропустил. А вот на вечеринку, которую устраивал по этому поводу Пономарь у себя дома, мы с Виктором поехали, поскольку Пономарь пригласил нас обоих, таинственно намекнув, что успел повидаться с Лихачевым и сообщит кое-что важное. Виктор, впрочем, считал, что никаких серьезных переговоров у Пономаря еще не было, поскольку Лихачев к ним пока не расположен. Просто Пономарь где-нибудь случайно поймал генерала, перекинулся с ним парой ничего не значащих слов и теперь намерен травить нам всякую ерунду, набивая себе цену.

Виктор вообще был в этот вечер немногословен, мрачен и почти что трезв. Я отлично понимал причины его дурного настроения. Во-первых, весь его зимний транспорт находился в ремонте, и мы добирались на джипе, который он позаимствовал у Анжелики. Во-вторых, вышибая окна в воскресенье, он повредил сухожилие, которое пришлось сшивать, и теперь, по мнению врачей, его кисть могла частично утратить подвижность. Он то и дело косился на свою забинтованную руку и шевелил пальцами.

О неутешительном медицинском прогнозе я знал от охраны Виктора, ему самому я старался не задавать лишних вопросов. Кстати, я тоже полагал, что из сложившейся ситуации Пономарь попытается выжать максимум выгоды для себя, а в успех его миссии с Лихачевым

я вообще верил слабо.

Компания, собравшаяся у Пономаря, как легко догадаться, состояла в основном из дам. Негромко играла музыка: что-то эстрадное, любовное, тягучее, вполне соответствующее духу поминок. В глубине гостиной, на диване, молча курили Диана и Настя. Печальная Настя была в темной вязаной кофте, ужасно не шедшей к ее детскому, простодушному лицу в веснушках. От слез ее глаза покраснели, а нос распух. Зато Диана сегодня выглядела безупречно. На ней была узкая серая юбка и обтягивающий стальной свитер с высоким горлом. Холодный тон придавал ее красоте отрешенность и недоступность. Впрочем, в этой обдуманной элегантности было что-то бездушное. Если бы речь шла о моих поминках, то я бы предпочел чуть больше небрежности.

Диана скользнула по мне дерзким ярким взглядом, обожгла усмешкой и, едва кивнув, отвернулась. Настя, напротив, встрепенулась и подалась мне навстречу. Ее влажные глаза на миг просияли.

Кроме них здесь было с полдюжины девушек, длинноногих и ярко покрашенных, частью из нашего театра, частью приبلудных, но все в коротких черных юбках и черных колготках. Расположившись за празднично накрытым столом, они хихикали и шушукались. Судя по их позам и бросаемым украдкой взглядам, они были готовы к любым проявлениям скорби, как групповым, так и индивидуальным.

Однако Пономарю сейчас было не до них. Отойдя в угол, он свистящим шепотом спорил о чем-то с Боней. Боня возбужденно сверкала очками и пытался его убедить, а Пономарь с сердитым видом мотал головой, не соглашаясь. К их разговору прислушивался толстый добродушный увалень с русыми волосами и сонными прозрачными глазами, прозванный в насмешку за свою медлительность Леха-Метеор. После ухода Плохиша в большую политику Пономарь нуждался в подручном и пробовал на эту вакантную должность то одного, то другого из своих людей. Леха-Метеор работал в бригаде Пономаря водителем, был предан ему по-собачьи, но умом не блистал, и Пономарь с его возвышением тянул, хотя и держал подле себя.

Метеор явно не понимал ни предмета их спора, ни того, как это Боня осмеливается возражать Пономарю. Он переживал за хозяина, и, подавляя желание вмешаться, часто вздыхал, сложив татуированные руки на тяжелом круглом животе.

— Слыхали новость? — крикнул нам Боня. — Генерал сбежал!

Мы с Виктором так и застыли в дверях.

— Как сбежал?

— Куда сбежал?

— Вечно ты людей с толку сбиваешь! — недовольно проворчал Пономарь Боне. — Они же про Лихачева думают! А ты им про другого генерала.

— При чем тут Лихачев? — в свою очередь удивился Боня. — На хрен он кому нужен? Я про этого Раздолбае-ва! Ну, кто у нас в «Золотой ниве» был...

— А этот-то куда подевался? — спросил Виктор. — Зачем ему бежать? Со страху, что ли?

— То-то и оно! — подхватил Боня. — Весь город на ушах стоит! Все его ищут: и менты, и бандиты. Со вчерашнего дня тырится!

— Что ты гонишь?! — поморщился Пономарь. — Вчера он не прятался, а на допросе в прокуратуре парился. Вечно ты лепишь все подряд. Композитор, блин, Тихон Хренников.

— Это не я композитор, а генерал! — защищался Боня. — А я за свои слова отвечаю. Раздолбаев же сам московский, а у нас в гостинице жил, — принялся объяснять он нам. — Владик ему люксовый номер снимал в «Утесе». Охранники его туда вчера с допроса привезли и по домам разъехались. Утром ждут его, ждут, а его все нет. Они поднялись к нему на этаж, стучат, никто не открывает. Они к администратору, открыли номер, а там пусто. Генерала и след простыл. Куда он свалил — неизвестно. Как сбежал, когда — никто не заметил. Вещи его на месте. В гостинице все в непонятках. Он не выписывался. Никому ничего не говорил.

С минуту Виктор размышлял.

— Ты думаешь, это он всех кинул? — спросил он Боню.

— А кто же?! — воскликнул Боня. — Я, что ли? Он, конечно. Горемыкин. Сколько же народу он обул — чума! Я с самого начала подозревал, что это он Владика грохнул и бабки хапнул!

— Что ж ты молчал тогда? — ядовито возразил Пономарь. — Сейчас-то ты что угодно скажешь!

— А я и не молчал! — нахально заявил Боня. — Я всю дорогу всем доказывал, что это он, даже Андрею плешь проел, просто меня никто не слушал. Подписи чьи на платежках были? Владика и Горемыкина! Бухгалтерии кто приказы отдавал? Владик и Горемыкин! Ключи от сейфа, документы у кого? Да тут, что ни возьми, ко всему доступ имели лишь два человека. Значит, либо один, либо другой. Владик — в гробу, кто остается? Тут, небось, даже Метеор дотумкает.

Метеор был недосыгаем для Бониного сарказма. Он вопросительно посмотрел на Пономаря и неуверенно усмехнулся.

— Могу, конечно, — промямлил он. — Если надо.

Пономарь махнул рукой, показывая, что не надо. Виктор растерянно потер лоб.

— А ведь Боня прав, — пробормотал он. — Логично объясняет. И как это мы этого генерала проворонили?

Боня расцвел.

— Само собой, я прав! — не удержавшись, поддакнул он, торжествуя.

— Да замолчи ты! — прикрикнул на него Пономарь с досадой. — Там все не так просто, — он замялся, словно не знал, как продолжить. По его лицу было ясно, что обсуждать все подробности данной темы он не хочет. — Там другие люди тоже могли вмешаться.

— Какие другие люди?! — горячился Боня. — Откуда там другие люди?! От сырости, что ли? С другими людьми делиться надо, а он скорее удавится, чем рубль кому-нибудь отдаст. Я как рассуждаю? Раздолбаев всю жизнь в органах, у него есть нужные связи. Он заранее все рассчитал, выписал, допустим, из чужого региона двоих парней, которые в «горячих точках» служили, кинул им по паре косарей, а они за такие деньги кого хочешь, замочат. Они же сейчас зубы на полку кладут, а кроме как стрелять, ничего не умеют. Вот черт перекрученный! — снова взорвался Боня. — Всех вокруг пальца обвел. Солдафона тупорылого из себя корчил, грудь колесом выкатывал, люди и купились! Менты с него даже подписку о невыезде не брали. А он хитрее всех оказался!

— Надо что-то предпринимать, — забеспокоился Виктор, поворачиваясь к Пономарю. — Давай мы своих ребят подключим. А то он так и вправду смоеется.

Получив союзника в лице Виктора, Боня сделался неудержим.

— Мы его вперед ментов достать должны! Пусть колется, где бабки! Да я из него личными руками душу вытрясу! — обычно добродушное лицо Бони приняло кровожадное выражение.

— Как-то не похоже, что это он придумал, — пробормотал я, вспоминая осанистого самодовольного мужчину с ясным взглядом.

— На кого не похоже?! — поразился Боня. — На Раз-долбаева? Да аферюга вылитый!

— А ты не аферюга, что ли? — хмуро обрезал его Пономарь.

— Но я же своих не кидаю! — оскорбился Боня. — А у этого вообще ничего святого! Мать родную продаст! — усы у Бони прыгали так возмущенно, словно сам он был непреклонным борцом за нравственные идеалы. — Ведь Владик ему, как себе, верил! А он Владiku — девять граммов в черепушку, а сам — с телками на Кайманы!

— Сань, — теребил Пономаря Виктор, — кончай мычать. Скажи честно, что ты по этому поводу думаешь? Горемыкин или нет?

Пономарь кашлянул, покосился на сидевших за столом девушек и понизил голос.

— Я думаю, что он в этом деле пешка, — отрывисто произнес он. — И что найдут его скоро. В крайнем случае, по весне, как снег сойдет. Только не на Кайманах, а где-нибудь здесь, неподалеку, под Уральском. В придорожном лесочке, ветками прикрытого.

— Ты хочешь сказать, что его уже тоже глушанули? — медленно переспросил Виктор, обдумывая его слова.

Вместо ответа Пономарь многозначительно хмыкнул.

— А я не согласен, — уперся Боня. — По моему мнению...

Но узнать мнение Бони нам помешал Метеор, выведенный из себя его манерой противоречить Пономарю, которого Метеор считал непререкаемым авторитетом.

— Ты меньше базарь, — строго посоветовал он Боне. — Сказано тебе, в лесу, значит, там и ищи!

Его вмешательство застигло Боню врасплох. Он на мгновение растерялся.

— Откуда он вообще взялся, этот генерал? — поинтересовался я.

— Это лучше у Федоровича спросить, — обиженно фыркнул Боня.

— У кого? — взвился Пономарь. — У меня?! А я-то тут при чем?!

— А разве не ты его подогнал? — простодушно удивился Боня.

Виктор бросил на Пономаря пронзительный взгляд. Тот покраснел.

— Ты что, рехнулся?! — в ярости крикнул он Боне. — Да я его два раза в жизни видел!

Видя реакцию Пономаря и не зная, чем ему помочь, Метеор двинулся по направлению к Боне. Тот сразу сбавил тон.

— Да я, в натуре, не в обиду, — забормотал он. — Мне кто-то ляпнул, что он твой человек, я и спросил без задней мысли.

— Кто тебе ляпнул? — распалялся Пономарь. — Кто? Да за такие слова знаешь, что делают?

— Да я уж не помню, — совсем смешался Боня. — За что купил, за то и продаю.

— Ты че, барыга, в натуре, чтоб продавать? — свирепо осведомился Метеор.

Все это время Виктор не сводил с Пономаря прищуренных глаз.

— Так ты назначал Горемыкина или нет? — в упор спросил он.

Пономарь был красный, как рак.

— Что ты Боню слушаешь! Мне его Владик привел года два назад. Где он его откопал, я понятия не имею. Владик хотел поставить его президентом в «Золотой Ниве», чисто для понта, чтоб все солидно выглядело. Рулить там он все равно сам собирался. Просил проверить, нет ли за этим Горемыкиным каких хвостов, правда ли, что он из ФСБ, все такое. — Пономарь остановился, перевел дыхание и заговорил тише: — Ну, я попросил кое-кого в Москве, они пробили по своим каналам, подтвердили, что он действительно генерал, имеет награды, служил. Правда, не в ФСБ, а в таможне, но это один черт, потому что за ним стоят большие люди из ФСБ. — Пономарь явно хотел прибавить что-то еще, но осекся и замолчал.

— Ну, договаривай! — настаивал Виктор. — Чего ты темнишь?

— Ты что, не понимаешь? — взглянул на него Пономарь.

— Не понимаю!

Пономарь шагнул к нам и наклонился с высоты своего роста, чтобы мы слышали его лучше.

— Так, может, фээсбэшники его не просто крыли? — зашептал он. — Может, они его как раз под кидняк сюда и внедрили? И всю операцию тоже они продумали. Это же по их части. Генералу пообещали, что вывезут его за кордон под чужим паспортом, он и повелся. А потом взяли, да и убрали его.

— Почему ты думаешь, что убрали? — возразил я. — Может быть, действительно вывезли?

— А зачем он им? Он свое дело сделал, лишний свидетель никому не нужен. Короче, я чую, что до правды мы не докопаемся. Нас туда близко не подпустят, а будем напролом переть — рядом с Владиком и Горемыкиным в землю ляжем.

Но Виктор не желал отступить.

— ФСБ или нет, но кто-то же их свел, — гнул он свою линию. — Этого Владика и Горемыкина. Кто?

— Я-то при чем?! — вновь вспылил Пономарь. — Я с этой «Золотой нивой» больше всех хлебнул! И на деньги попал, и с Бабаем зарубился.

— А вот это зря, — опасливо заметил Боня. — С Бабаем даже Ильич не связывается. Он же сначала стреляет, потом разбирается.

— А что мне было делать? Смотреть, как он Владика хакает? Он его порвать хотел. Сначала прикрутить, под крышу загнать, а после раздербанить. Я и встрял на свою голову, мне мальчишку жалко стало.

— Бабай сегодня на поминки приезжал, — вспомнил Боня. — Тебя искал. Ты как раз только-только уехал.

— Да говорили мне, — отмахнулся Пономарь.

— Чего хотел? — полюбопытствовал Виктор.

— Даже знать не желаю! — неприязненно буркнул Пономарь. — Я этого наркомана отороженного на дух не выношу. Две извилины в башке, и те от героина высохли. Пошли лучше по делам поговорим.

Он шагнул к выходу, мы с Виктором последовали за ним. Метеор в нерешительности потоптался на месте и тронулся за нами.

— Ты-то куда?! — прикрикнул на него Пономарь. — Здесь оставайся. А лучше к пацанам во двор выйди, проверь посты. А то вдруг там слежка какая или еще что.

— Да ты не волнуйся, Федорович, — успокоил его Метеор. — Нервы береги. Если что, мы этого Бабая в асфальт закатаем. Главное — это здоровье.

Пономарь, обернувшись, глянул в его добродушное глуповатое лицо.

— Умник ты, мать твою, — в сердцах бросил Пономарь и вышел.

Боня бочком приблизился ко мне.

— Я, наверное, не буду вас дожидаться, — прошептал он. — Домой поеду. А то Пономарь, похоже, скоро кусаться начнет.

2

Пономарь и впрямь был весь на нервах. Вообще-то он крайне редко обнаруживал свои эмоции при посторонних, но сегодня был на себя не похож. То ли вражда с Бабаем не давала ему покоя, то ли было еще что-то, чего я не знал. Зато Виктор напустил на себя скучающий вид и шел за Пономарем вразвалку, тихонько насвистывая. Впрочем, если о причинах несдержанности Пономаря я мог лишь гадать, то, по крайней мере, с Виктором мне все было понятно. Демонстрируя свое безразличие к предстоящему разговору, он заранее сбивал цену, к тому же дразнил Пономаря, давая выход своему дурному настроению.

Через кухню мы проследовали в просторную комнату с красивым камином, гобеленовыми обоями и изящной ампириной мебелью. Стилевое единство несколько нарушалось длинной барной стойкой с кранами для пива и приспособлениями для приготовления коктейлей. Должно быть, Пономарь нашел замысел декораторов, оформлявших эту комнату, слишком пресным, и самостоятельно внес живописный штрих, напоминавший о тех далеких годах, когда он, трудясь барменом, разбавлял пиво стиральным порошком, а вместо шампанского лил в коктейли перебродившее столовое вино.

— Что у тебя с рукой? — спросил Пономарь у Виктора.

Виктор бросил на меня быстрый предупреждающий взгляд.

— Порезал, — небрежно проговорил он и в свою очередь поинтересовался: — Сань, у тебя-то все в порядке? Ничего не стряслось?

Пономарь уже усаживался в кресло, но при этих словах дернулся.

— Нет! — выпалил он. — А что должно было случиться? Почему ты спрашиваешь?

— Да выглядишь ты как-то неважно, — лениво пояснил Виктор. — Я уж подумал, не из-за нас ли так переживаешь.

Пономарь не заметил иронию в его словах.

— Спал мало, — скороговоркой ответил он. — Вчера двух телок взял, до утра с ними кувыркался.

Он схватил бутылку красного вина и стал открывать ее затейливым штопором. Однако делал это столь торопливо и с таким напором, что ухитрился загнать штопор в пробку под неправильным углом. Пробка крошилась и не шла. Пономарь бранился.

— Я за этот штопор восемьсот долларов отдал! — яростно шипел он. — В Париже покупал, в специальном магазине, где вина дорогие продают. А он, блин, вообще какой-то левый. Я в следующий раз специально в этот магазин приеду, директору в зад его воткну. Пусть знает, сука, как нормальных людей за лохов держать.

— Давай я попробую, — предложил я, забирая бутылку из его плясавших пальцев.

Пока я открывал бутылку, Пономарь шагнул к окну, и, отодвинув тяжелую, в золоте, портьеру, выглянул наружу.

— Кого ты так боишься? — все с той же насмешкой осведомился Виктор.

Пономарь поспешно отпрянул от окна.

— Никого я не боюсь! С чего мне бояться? Вы будете про Лихачева слушать или нет?

— Будем, конечно, — миролюбиво отозвался Виктор. Доведя Пономаря до нужной кондиции, он успокоился.

Я разлил вино в бокалы. Пономарь схватил свой, а Виктор бокал отодвинул, прошелся вдоль стойки, подозрительно понюхал несколько бутылок, наконец, выбрав одну, с виски, плеснул немного в стакан и уселся на диване.

— Короче, уломал я Лихачева, — с нескрываемой гордостью сообщил Пономарь. — Согласился он нам помогать.

Виктор, который в это время пил виски мелкими глотками, даже поперхнулся.

— Да он нам уже помог, — пробормотал он, кашляя. — Спасибо ему, конечно. Можно теперь нас в покое оставить? Вот просто взять и не трогать?

Пономарь пропустил эту реплику без ответа.

— Лихачев все на Храповицкого валит, считает, что это тот во всем виноват, — продолжал Пономарь. — Зарвался, беспредельничал, в грош никого не ставил, Лихачева хотел с должности снять — в общем все в таком роде. Он мне часа два свои обиды высказывал.

— Ясное дело, мы во всем неправы, — проворчал Виктор. — Вот если бы Храповицкий его и вправду с должности снял, то был бы Лихачев во всем виноват.

— Что он предлагает? — спросил я.

Пономарь моргнул.

— Условный срок, — ответил он коротко.

— Условный срок?! Это исключено!

— Почему исключено? — сразу нахохлился Пономарь, задетый тем, что я столь низко оценил выдающийся итог его дипломатической деятельности. — А ты чего хотел, чтоб Лихачев Храповицкому медаль на грудь повесил?

— Условный срок — это крест на карьере! Для Храповицкого смысл жизни в постоянном движении наверх.

— Сейчас не о карьере нужно думать, а о том, как на свободу вырваться! — с горячностью возразил Пономарь. — На зоне знаешь, какая карьера ему светит?

— Условный срок — это плохо, — произнес Виктор, морщась, как от зубной боли. — Давай попробуем что-нибудь еще.

— Что, например?

— Ну, хотя бы деятельное раскаяние, — предложил Виктор с явным знанием предмета. — Допустим, Храповицкий в чем-то признается, возвратит государству миллиона полтора, Лихачеву мы башляем отдельно, и дело закрывается.

— Если Храповицкий на это согласится, — вставил я.

— А почему он может на это не согласиться? — теперь уже на меня воззрился Виктор.

— Деятельное раскаяние — это не реабилитирующая статья, — пояснил я. — Почти та же судимость.

— А вот и не та же! — воскликнул Пономарь.

— Ты опять о карьере, что ли? — пренебрежительно откликнулся Виктор. Он часто демонстрировал презрение к честолюбивым устремлениям Храповицкого. Возможно, потому, что собственное мясницкое прошлое тяжкими гирями висело на его ногах. — Кто сегодня на эту ерунду внимание обращает? В Кремль скоро вообще без судимостей пускать не будут. Там на каждого деятеля по десять уголовных дел заводилось. Да это обычная история: поймали человека, он отмазался и дальше бабки пилит, судьбы Родины решает.

— Все равно пятно на репутации, — упрямылся я.

— Да кому она нужна, твоя репутация? Что ты к ней прицепился? Бабки — вот репутация! На нас с Саней раза три дела закрывали по нереабилитирующим обстоятельствам, ну и что? Не последние мы люди в губернии, даже такие высокоморальные граждане, как ты, на нас работают.

— А если ничего не нарушать, денег не наживешь, — поддержал Виктора Пономарь. — Кто не рискует, тот на заводе пашет. К тому же эти статьи можно себе на пользу вывернуть: дескать, преследовался властями на политической почве.

Продолжать этот спор было бессмысленно, поскольку относительно некоторых понятий мы придерживались различных позиций. Репутацию я не относил к разряду предметов одноразового употребления, а нажива не являлась целью моей деятельности.

Виктор истолковал мое молчание как признание поражения в споре.

— Ну, так что насчет деятельного раскаяния? — вернул он Пономаря к теме обсуждения.

— Боюсь, не прокатит, — с сомнением проговорил Пономарь. — Как-то не очень реально.

— Что значит «нереально»? — недоверчиво переспросил Виктор. — За деньги — нереально?

Виктор был убежден, что за деньги в России покупается все. И я должен с сожалением признать, что в этом он часто оказывался прав.

— Кстати, сколько Лихачев хочет за свою помощь?

— Пятерочку, — произнес Пономарь как-то застенчиво.

— Пять лимонов за условный срок? — переспросил Виктор, не веря своим ушам. — А он не офонарел?

Пономарь порозовел.

— Смотри с чем сравнивать, — заметил он с легкой обидой. — Если с его зарплатой, то это много. А если с тем, чего вы можете лишиться, то это нормальная цена.

— А деньги сразу отдавать или потом? — уточнил Виктор.

— Половину — авансом, остальное — по завершении дела. Ах, да! — спохватился Пономарь. — У Лихачева есть еще одно условие. Все вопросы вы должны решать только с ним. Москву сюда не вмешивать! Это он велел вам отдельно передать. Если вы попытаетесь выйти на его начальство, он сразу прекращает переговоры.

Я невольно подобрался.

— Это уже похоже на ультиматум, — сказал я. — Лихачев лишает нас возможности защищаться.

— Он говорит, чем больше людей будет в курсе этих переговоров, тем больше уйдет денег и тем труднее будет все закрыть, — пояснил Пономарь.

Про себя я отметил, что, излагая требования Лихачева, Пономарь больше склонялся на его сторону, то есть действовал, скорее, как его, а не наш союзник.

Виктор закурил.

— Не по душе мне условный срок, — пробормотал он, крутя в пальцах сигарету. — Я бы в этом пункте с Лихачевым еще поторговался. Предложи ему кого-нибудь из наших директоров. Даже двух, если нужно. Скажи, что мы все понимаем, кто-то должен отвечать. Есть кандидатуры. Мы готовы пожертвовать двумя нашими лучшими сотрудниками. Пахомычем, например, и Валерой Корки-ным. От сердца их оторвем, — Виктор повернулся ко мне, ища одобрения. — Нормальная идея?

— Главное, чтобы она им самим понравилась, — ответил я.

— Брось, — отмахнулся Виктор. — Эти не согласятся — мы других найдем. Мало ли нуждающихся? Вгрузим людям денег, и пусть они все берут на себя, а Лихачев на них условные срока вешает. На работе они у нас останутся, героями заделаются, еще и разбогатеют.

— Попробовать, конечно, можно, — неуверенно проговорил Пономарь. — Но вряд ли мы этим Храповицкого отмажем. Все понимают, что главный человек — это он. Скандал-то на всю страну вышел. Лихачев говорит, даже Ельцину докладывали. Если Лихачев замнет, ему только на пенсию уходить.

— Ну, и пусть уходит, — кивнул Виктор. — А чего за должность держаться? С пятью миллионами-то ему и на пенсии будет неплохо. Во всяком случае о бесплатном проезде на транспорте хлопотать не придется.

— Сделаю заход, — пообещал Пономарь. — Вреда от этого не будет. Может, даже он и поведется. Виноватить кого-то все равно надо.

— Ты его и по цене подвигай, — наставлял Виктор. — А то он больно круто заряжает. Ему пятерку отдай, потом налоги со штрафами на пятерку накапают. Итого уже десятка. Что-нибудь еще по дороге обязательно выплывет. Я имею в виду, в прокуратуру придется занести, в суды, губернатору, Поливайкину. И вот уже минимум пятнашка. Мы так быстро разоримся.

— Чего ты жмешься? — упрекнул его Пономарь. — Если вы в таком деле пятнашкой откупитесь, то в церковь сходите да свечки поставьте.

— Подождите, — вмешался я. — Давайте подытожим предложения Лихачева. Получается, что мы отдаем ему два с половиной миллиона долларов и прекращаем всякую активность. То есть мы должны замереть и безропотно ожидать, пока он выполнит свои обязательства. Я правильно излагаю? — я посмотрел на Пономаря.

— Ну в целом да, — признал он. — А чего ты так в штыки это воспринимаешь?

— Это западня, — проговорил я убежденно. — Он втягивает нас в бесплодные торги и связывает нам руки. Если мы на это согласимся, то окажемся в его власти целиком и полностью, причем тогда, когда нам дорога каждая минута. Через пару недель он соберет против нас такие улики, что Москва уже не поможет. Тогда один Лихачев будет решать, к каким срокам нас приговаривать.

— С него тоже можно гарантии взять, — запротестовал Пономарь, довольно, впрочем, вяло.

— Какие ты с него гарантии потребуешь? — наседал я. — Расписку кровью?

— Пока он дело не закроет, ни копейки не получит! — пригрозил Виктор. — Это наша главная страховка.

— То, что не дадим ему мы, он получит с Гоздан-кера, — сказал я. — Хотя не думаю, что в этом деле для него деньги — главное.

— А что же еще? — не согласился Пономарь. — Бабки срубить и Храповицкого по носу нащелкать. Ради этого все и затевалось.

Я молча, гримасой выразил свое несогласие.

— Ты думаешь, он обманет? — пытливо посмотрел на меня Виктор.

— Уверен, что обманет, — кивнул я. — Спорить могу.

— А ты сам-то что предлагаешь? — теряя терпение, огрызнулся Пономарь. — Послать его подальше?

— Я считаю, что если он не изменит условий, то нет смысла продолжать переговоры. По сути, он требует от нас капитуляции.

— А кто нам мешает согласиться для вида, а самим втихаря делать, что хотим? — хитро прищурился Виктор.

— Я, например, буду здесь встречаться с Лихачевым, а Андрей в это время рванет в Москву? Андрей сейчас у нас не работает. Кто ему прикажет? Какой с него спрос?

— Так не пойдет, — категорически отрезал Пономарь. — Если Андрей начнет в Москве дергать больших людей, Лихачев сразу узнает. И крайним окажусь я. Нет, это плохой вариант. Если я ему за вас ручаюсь, значит, уже я отвечаю, вы не должны меня подставлять.

В комнате повисло молчание. Каждый искал выход из положения сообразно своим представлениям. Виктор допил виски и налил еще.

— Как-то боязно под его предложениями подписываться, — с тяжелым вздохом признал он. — Все равно что в прорубь нырнуть. С другой стороны, сейчас все так плохо, что хуже вроде бы и не бывает...

— Если мы сдадимся, будет хуже, — заверил я.

— Мое мнение, что решать надо здесь, в Уральске, — продолжал рассуждать Виктор. — Договориться с Лихачевым важнее, чем с Москвой. А то вдруг он начнет тут массовые аресты? Люди потекут. Мы будем в столицу мешками возить капусту, а он вагонами слать новые материалы. Да еще подстроит что-нибудь! Вот и гадай, чья возьмет? Между прочим, когда он обещает Храповицкого отпустить?

— Он сказал, что тянуть не будет, — с готовностью ответил Пономарь. Он явно был заинтересован в сделке с Лихачевым. — Как только вы даете слово и платите ему аванс, Володя будет на свободе.

— Вот как? — заметил Виктор. — Что ж, это уже лучше.

— А Храповицкий тоже становится участником этой сделки? — поинтересовался я. — Я имею в виду, он тоже обязан выполнять лихачевские инструкции?

— Само собой, — подтвердил Пономарь. — Вы за него гарантируете.

— Если он выпускает Храповицкого, то нам уже становится легче, — повторил Виктор.

— Но ведь дело против нас он не закрывает, — попробовал остудить его я. — Значит, он по-прежнему сохраняет за собой возможность нас кинуть. У него на руках все козыри. Для него эта война — глубоко личная. Он слишком ненавидит Храповицкого, да и нас всех.

— Хватит привередничать, — остановил меня Виктор. Похоже, он принял решение: — Я тоже от этого варианта не в восторге, но жрать будем, что дают, а не что желаем, иначе вообще на бобах окажемся. Надо же трезво смотреть на вещи.

Призыв смотреть на вещи трезво в устах Виктора прозвучал несколько вызывающе. Не утерпев, я встал.

— Я не стану сложа руки наблюдать, как Лихачев точит нож, которым он будет нас резать, — объявил я. — Если вы соглашаетесь на его требования, значит, я отделяюсь и действую по своему усмотрению.

— Вот это номер! — вскинулся Пономарь. — А зачем же я тогда вообще в эту возню с Лихачевым втравился, если у вас каждый за себя решает?

Лицо у Виктора сделалось недобрим.

— Пока еще я здесь команду! — с нажимом произнес он.

— Не мной, — напомнил я.

Он полоснул меня косым взглядом, сделал несколько коротких злых затяжек и раздавил сигарету в пепельнице. Он не мог меня заставить подчиняться, он понимал это и бесился. Ему нужно было на ком-то сорваться.

— Кстати, Сань, а ты с Владика за крышу получал? — неожиданно спросил он как бы между

прочим. — Ты же столько раз за него впрягался. Чай, не даром?

Пономарь вспыхнул и издал протестующее восклицание.

— Только не ври, — предостерег Виктор. — Все равно потом выплывет.

Пономарь исподлобья глянул на него и оцетинился.

— Какая тебе разница? — огрызнулся он. — Это не твое дело!

— А чье, если не мое? — возразил Виктор. — Деньги-то там мои застряли!

В дверь легко постучали.

3

— Не помешаю? — Диана стояла на пороге, переводя вопросительный взгляд с одного лица на другое.

— Проходи, — отозвался Пономарь, вскакивая. — Выпьешь чего-нибудь? Шампанского хочешь?

Ее появление разряжало накалявшуюся атмосферу и было как нельзя более кстати. Кажется, даже Виктор обрадовался, ибо вряд ли он собирался ссориться с Пономарем по-настоящему.

Диана отказалась от шампанского и опустилась на небольшой диванчик сбоку от стола. Я невольно скользнул глазами по узкой изящной коленке, показавшейся из-под длинной юбки. В черных туфлях с круглыми носами на высоком каблуке ее ступни и лодыжки казались совсем миниатюрными, почти игрушечными.

— Мне нужно посоветоваться, — проговорила Диана в явном затруднении.

— Давай, конечно, — галантно подбодрил ее Пономарь, всегда готовый взять под покровительство одинокую красивую девушку, даже двух.

Она машинально придвинула к себе пустой бокал и принялась водить пальцем по его краю.

— Дело в том, что мы прожили с Владиславом два года, — Диана тщательно подбирала слова, то и дело останавливаясь. — Вместе. Я хотела спросить... Одним словом... — она смешалась и закончила еле слышной скороговоркой: — В общем, могу ли я рассчитывать на долю в его наследстве?

Пономарь оторопел.

— На что рассчитывать? — переспросил он.

— Я понимаю, сегодня не самый подходящий день, — поспешно добавила она.

— Ты насчет поминок, что ли? — развязно хмыкнул Виктор. — Да брось, фигня все это. Делюга прежде всего. Ты мне только вот что скажи: вы официально были женаты или так?

В отличие от меня он рассматривал ее, не стесняясь, с ног до головы. Ее раскосые глаза сверкнули.

— Какое значение имеет штамп в паспорте?

— Для меня лично никакого, — признал Виктор. — А для закона большая разница,

официальная ты жена или просто сожительница.

Дело, разумеется, было не в законе, а в том, что Виктор, любивший унижать людей, не мог пройти мимо столь редкой возможности. Диана понимала, что он нарочно ее цепляет, и мужественно не замечала его грубости.

Пономарь наконец пришел в себя.

— Диана, ты о чем? — возмущенно подал он голос. — Какое наследство? Долги его, что ли? Пожалуйста, принимай на себя и выплачивай! С меня только начни!

Она непокорно вскинула подбородок.

— Я не верю в эти сказки про долги, — звонко парировала она. — Я знаю, какие деньги крутились в фирме. Они не могли улетучиться в одну секунду. Где-то они по-прежнему существуют!

— Сколько там крутилось, мы тоже знаем! — раздраженно отозвался Виктор. — Мы туда капусту и вгружали. А вот куда твой Владик их засунул — это самый главный вопрос!

— Не надо валить на Владислава! — перебила она горячо. — Вам отлично известно, что он не крал этих денег. Он мог присвоить какую-то небольшую часть, но это не объясняет, куда пропало все остальное.

— Ты его выгораживаешь или впрямь думаешь, что он не при чем? — Виктор помотрел на нее с искренним любопытством.

— Он не виноват! — запальчиво заявила Диана. — Фирму ограбили без него, а на него свалили! У Владика была психология жертвы. В случае опасности он начинал паниковать и метаться. Его подставили, все было заранее подстроено. Кто-то с самого начала выбрал его на роль козла отпущения. Уж мне-то известно, на что он был способен, а на что никогда бы не решился. Он был очень самолюбивым человеком, ранимым, слабым и совсем не разбирался в людях. То вдруг всех подряд подозревал, то готов был всю душу открыть первому встречному. Я его тысячу раз предостерегала против генерала. А уж сколько раз мы из-за этого Бони ссорились — не сосчитать! Да у Бони на физиономии написано, что он мошенник! А вы?! Вы-то почему молчали? — с упреком бросила она Пономарю и Виктору. — Вы же опытные люди, видели, кто его окружает! Как вы могли таким аферистам свои деньги доверить?

Возможно, ее слова были не самой лестной эпитафией дорогому покойнику, но звучали они довольно убедительно, во всяком случае для меня, наблюдавшего Владика в разных ситуациях. Пономарь сложил руки на груди и нахмурился. Виктор по-прежнему смотрел на нее с насмешливым интересом, впрочем, я бы не взялся утверждать, что это был интерес к тому, что она говорила, а не к ней самой.

— Кого же ты подозреваешь? — спросил он снисходительно.

— У меня нет никаких доказательств, — произнесла Диана негромко и отдельно. — А голословными обвинениями я бросаться не хочу.

Мне почудилось, что она чего-то не договаривает. Виктор был слегка разочарован.

— Тогда от нас-то ты чего хочешь? — пожал он плечами. — Или ты ждешь, что мы из своих денег тебе помогать станем?!

Диана помолчала, играя с пустым бокалом.

— Я не претендую на многое, — настойчиво проговорила она, вкладывая в свои слова какой-то особый смысл.

Пономарь изумленно уставился на нее. Я тоже был озадачен, не понимая, куда она клонит. В лице Виктора мелькнула догадка.

— Пстой! — недоверчиво воскликнул он. — Ты решила, что это мы его замочили?! Так, да? Сань, ты въезжаешь?!

Пономарь еще больше вытаращил глаза.

— Она с нас хотела за свое молчание получить! — продолжал Виктор. — Верно, красавица? Вот это подход! Учись бизнес делать, Андрюха!

Диана переменилась в лице и резко поднялась с дивана.

— Я не подозревала вас в его убийстве, — враждебно сказала она, ни на кого не глядя. — Иначе я вообще не стала бы с вами общаться. Но я думала, что вы в курсе финансовой стороны вопроса. Я и сейчас так думаю.

Виктор развеселился.

— То есть глушанули твоего Владика не мы, а бабки стащили мы. Тоже неплохо. А если мы откажемся тебе платить, ты эти свои догадки ментам расскажешь?

— Я, пожалуй, пойду, — холодно проговорила она, не отвечая Виктору.

Виктор тоже поднялся, ухмыляясь.

— Да погоди, куда ты бежишь? Мы же так ни до чего и не договорились. Как ты дальше жить-то собираешься?

— Не ваше дело! — отрезала она.

— Почему не мое? — хитро подмигнул ей Виктор. — А вдруг и я на что схожусь?

Теперь уже она медленно осмотрела его с ног до головы, словно оценивая. Стараясь сохранить шутливость, Виктор под ее взглядом приосанился.

— Наглый, жадный, лживый, — начала перечислять она. — Я ничего не забыла?

Виктор был уязвлен.

— Ты о ком, детка? — свысока осведомился он.

— Не догадываешься? — вкрадчиво удивилась она, тоже переходя на «ты». — Значит, ты еще и глупый!

И, не обернувшись на нас с Пономарем, она выплыла из комнаты.

— Вот сучка! — выругался Виктор, не в силах скрыть досаду. — Нарвется когда-нибудь!

— А чего ты от нее хотел? — вступился Пономарь. — Девчонка она видная, цену себе знает. А ты хамишь ей напропалую и думаешь, что ей понравится?

— Нужна она мне!

— Не нужна, так не лезь, — рассудительно заметил Пономарь, и, поднявшись, подошел к

висевшему на стене овальному зеркалу.

Он повернулся перед зеркалом в профиль, расправил плечи, немного втянул живот и погладил розовую лысину.

— Мне, что ли, попробовать? — задумчиво проговорил он. — Жизнь-то ей все равно устраивать надо.

— Федорыч! — крикнул Метеор, просовывая в комнату потное взволнованное лицо. — Там это, мальчика чужого поймали!

Пономарь одним прыжком метнулся к двери.

— Кого поймали? Где? — набросился он на Метеора.

— Да возле птичника, — выдохнул Метеор. — Видать, подложить что хотел. Может, бомбу, а может, яд какой. Пацаны его сейчас там пытаются.

— Убью! — зарычал Пономарь и бросился на улицу. Метеор кинулся за ним.

— Какая еще бомба! — в сердцах проворчал Виктор. Он все еще не отошел. — Пойдем, посмотрим, что там за ерунда у них происходит. Чует мое сердце, тут что-то не чисто. Пятнадцать лет Пономаря знаю, ни разу не видел, чтобы он так боялся. Что он натворил? Во что влип?

4

Участок, прилегавший к дому Пономаря, был огромным и простирался от проселочной дороги до местной речки. Храповицкий мне как-то рассказывал, что собственно Пономарю принадлежало здесь не больше шести соток. А пару гектаров он, никого не спросив, беззастенчиво прирезал, пользуясь отсутствием закона в деревне и безропотностью аборигенов. Всю территорию Пономарь обнес высоким кирпичным забором с колючей проволокой, но поскольку строился он до того, как произвел дерзкую земельную экспроприацию, то его дом очутился вплотную к воротам. А уже дальше начинались живописные холмы, покрытые лесом и отлого сбегавшие к воде.

Не довольствуясь естественной красотой деревенских пейзажей, Пономарь осуществил кое-какие улучшения, например поставил крытую беседку в виде теремка, громоздкую и бесполезную, велел выкопать открытый бассейн и даже построил фонтан. Фонтан, как вскоре выяснилось, слишком дорого обходился в эксплуатации, и Пономарь его отключил. Уличный бассейн в нашем климате тоже оказался без особой надобности, к тому же никто не знал, как его чистить. В настоящее время и фонтан, и бассейн были заполнены бурой дождевой водой с плавающими в ней листьями.

Подобно многим новым русским, Пономарь питал слабость к экзотической живности и регулярно обзаводился зверьем, редким в нашей глуши. Так, в разное время у него обитали крокодил, удав, леопардиха Любаша и чета бешеных страусов. Крокодил, впрочем, сдох еще прошлой зимой. Удав регулярно обжирался кроликами, которых пономаревская братва отнимала для него у местных жителей, и впадал в спячку. Вместе со свирепой Лю-башей его отдали гастролировавшему цирку. А бешеные страусы прижились. Летом охрана выпускала их из клеток, и они, как оглашенные, носились по всему участку. Чтоб им не было скучно, Пономарь докупил к ним еще и павлинов, но те прививались плохо и беспрерывно орали, видимо, возмущались.

Павлины и страусы жили возле реки, в утепленном деревянном сарае, который охрана Пономаря называла между собой птичником и курятником. Сейчас возле этого птичника

сгрудилась вся пономаревская бригада, и оттуда доносились пронзительные всхлипы павлинов. Издали мы не могли толком разобрать, что там происходит, виднелись лишь черные кожаные куртки да бритые затылки. Парни топтались на месте, словно водили хоровод. Пономарь бежал к ним в развевающейся белой рубашке, на ходу что-то выкрикивая и перезаряжая карабин. Он так торопился, что не надел пальто, хотя от реки дул ледяной ветер и температура держалась около шести градусов, не больше. Замешкавшийся Метеор, не поспевая за начальником, торопливо ковылял к курятнику.

— Эй, братан! — окликнул его Виктор. — Пстой! Дело есть.

Метеор оглянулся на нас и сбавил ход.

— Вы там часом Пономарю ничего не подмешиваете? — подозрительно спросил у него Виктор, понижая голос.

Метеор опешил.

— Как это подмешиваем? — растерялся он. — Зачем? Куда?

— Да хотя бы в чай, — предположил Виктор. — Травку какую-нибудь, а?

— Он не пьет чай! — испуганно запротестовал Метеор. — Только виски или, на худой конец, коньяк.

— А почему же у него трясучка такая? — не отставал Виктор. — Гляди, он прямо дикий стал!

Метеор боязливо покосился в сторону своего хозяина и засопел, не зная, может ли он обсуждать столь деликатную тему с посторонним. Виктор угадал ход его мыслей.

— Мы ведь с ним не чужие люди, — заговорил он в иной, доверительной интонации. — С детства корешим-ся. Так что ты, если что-то неладное заметил, лучше меня сразу предупреди. Мы вместе с тобой что-нибудь придумаем. А то, не дай бог, что с ним случится, я с тебя лично спрошу!

Метеор засопел громче.

— Ну, выкладывай, — мягко нажимал на него Виктор.

Метеор еще раз стрельнул глазами в сторону Пономаря и убедился, что тот далеко.

— Боюсь я за него! — прошептал он. — За Федорыча-то. Прямо на измене я весь.

— Чего ты боишься?

— А я и сам без понятия, — признал Метеор с тяжелым вздохом. — Какой-то он стал, в натуре, долбанутый. Не поймешь, че хочет, как будто кукушка у него заедает. Вот хотя бы вчера ночью, на речке рыбаки с лодки острой рыбу били, так он выскочил из дома, с ружьем, в одном халате, и давай по ним палить. В натуре, беда! Часа два ночи, прикинь, темень, хоть глаз выколи, только на реке фонарики рыбацкие. И вот Федорыч по ним садит из карабина. Бах, блин, бах! Те верещат: «Караул, долбить-копать, помогите!» Один со страху в воду нырнул в чем был! Пацаны наши переполошились, не знают, че делать, как Федорыча унимать! А он носится в халате по берегу и орет. Слева, орет, заходи, слева, рыжего держи, рыжего! А где там рыжий? Ладно, не убили никого, — прибавил он с облегчением.

— Пьяный, что ли, был? Пономарь-то? — догадался Виктор.

— А то какой же! — Метеор явно полагал подобный вопрос неуместным. — Конечно, пьяный.

А так бы они живыми не ушли. Это им, считай, повезло, что он в хлам был. Он вообще-то стрелок глухой.

— Да может, трезвый он бы и стрелять не стал? — заметил Виктор.

По озадаченному лицу Метеора было видно, что подобное соображение не приходило ему в голову. Некоторое время он его обдумывал, затем хитро усмехнулся.

— Да нет, — проговорил он снисходительно. — Он трезвым никак быть не мог. Он уж, считай, неделю не просыхает. Зачем же он вчера трезвым будет? С тех пор как этого Владика разменяли, Федорыч каждый день на рогах. Мы только успеваем за бутылками в город летать. И гонки у него тоже каждый день.

— Какие гонки?

— Известно, какие, — пожал плечами Метеор. — Что пасут его. Убить хотят. Обложили, дескать, как волка. Все его продали. Пацанам велел по десять человек круглосуточно его охранять. Сам тоже со стволом не расстается. Даже, допустим, он спит, пьяный, а пацаны должны по участку ходить и следить, как бы кто не прокрался. Они уж измучились все. Тоже жалко их.

— Да кто на него напасть-то должен? — воскликнул Виктор, теряя терпение. — Кого он ждет?

— Не говорит, — развел руками Метеор. — Молчит, как рыба об лед. Я думал, может, вы знаете?

Он с надеждой посмотрел на Виктора, но тот отрицательно замотал головой. Метеор снова вздохнул.

— Вот и гадай, то ли крыша у него съехала, то ли правда кто-то его завалить вздумал, — заключил он мрачно.

Тем временем мы подошли к птичнику. Наконец мы увидели пленника, который произвел такой переполох и которого Пономарь собирался казнить своими руками.

— Вот тебе раз! — вырвалось у Виктора.

А я от неожиданности едва не споткнулся.

5

Вместо матерого бандита нашим глазам предстал худенький деревенский мальчишка лет десяти-одиннадцати, совсем ребенок, одетый в грязный ватник с чужого плеча и высокие резиновые сапоги. Он беспомощно трепыхался в руках братвы и часто дышал открытым ртом. Его грубые штаны, так же как и ватник, были совершенно мокрыми, и с одежды на землю стекала вода. В толпе дюжих злых охранников парнишка смотрелся пойманным птенцом.

Взбешенный Пономарь стоял перед ним, широко расставив ноги и сжимая в руках ружье.

— Говори, кто тебя послал? — выкрикивал он, наклоняясь вперед. — Говори или я тебя прямо здесь утоплю!

Парализованный ужасом мальчонка молча хватал ртом воздух, не сводя обезумевших голубых глаз с пономаревского ружья.

— Что ты хотел подсунуть? — орал Пономарь. — Взрывчатку?

Мальчишка вместо ответа слабо пискнул. Мне показалось, что если бы охрана не держала его за шиворот, он бы вообще свалился замертво.

— Саша, очнись, — вмешался я. — Какая взрывчатка? Ты посмотри, его колотит! Его в тепло нужно отнести и горячим чаем напоить.

— Да, Саня, серьезного шпиона вы поймали, — с ленивой усмешкой поддержал меня Виктор. — Не иначе как ЦРУ к тебе такого монстра заслало. Дай-ка мне твою дуру, — он забрал ружье у Пономаря и передал его Метеору. — Подержи пока, а то еще пальнет ненароком.

Тот бережно, двумя руками, принял ружье хозяина.

— Да не тяните вы его воротник! — прикрикнул Виктор на пономаревскую охрану. — Задушите его совсем, бугаи здоровые! Дайте, я сам с ним поговорю.

Охранники встряхнули мальчишку и отпустили. Коленки у того подгибались. Виктор сел перед ним на корточки так, чтобы его бледное лицо с красными губами приходилось напротив мальчишкиного — перепуганного и перемазанного слезами и грязью. Не в силах выдержать взгляда Виктора, парнишка низко наклонил голову с торчавшим на макушке непокорным соломенным хохолком.

— Сколько двоек-то в табели? — вдруг спросил Виктор.

Мальчишка никак не ожидал такого вопроса. Он приподнял голову, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Че? — переспросил он, видимо, решив, что ослышался.

— Че, че! — передразнил Виктор. — Русский язык понимаешь? Двоек сколько, я спрашиваю?

— Нету, — неуверенно протянул парнишка. — Мамка за двойки ругается!

— А зовут тебя как?

— Степка.

— А мокрый ты почему, Степка?

На лице мальчишки снова появился страх. Он попятился и плотно сжал губы.

— Да он, поди, речкой сюда пробирался, — ответил кто-то из парней. — Через забор-то не пролезешь, там колючка. Вот он и шел по воде вброд, ему там по грудь будет.

— Так, что ли? — обратился к парнишке Виктор.

Но тот опять опустил голову и замолчал. Меня поразило, что он не плакал.

— Вот партизан, мать твою! — хмыкнул Виктор. — Спорить могу, он здесь что-то стырить хотел. Вот только что? Ну-ка, обыщите его!

Охранники немедленно стащили с мальчонки мокрый ватник и вывернули карманы наружу. Потом взялись за старый заштопанный свитер. Парнишка не сопротивлялся, только стучал зубами — не то от холода, не то от страха. Под свитером оказалась толстая майка с длинными рукавами, тоже мокрая снизу.

— Эту рвань с него тоже снимать? — спросил один из охранников.

— С ума сошел? — не выдержал я. — Вы его догола, что ли, хотите на таком ветру раздеть?

Саша, прекращай все это немедленно! Или я...

Я не успел договорить. Виктор, не поднимаясь с корточек, протянул руку и задрал мальчишке майку. Мы увидели впалый живот с торчавшим пупком, проглядывавшие ребра и длинное павлинье перо, бережно засунутое в штаны.

— Вот оно что! — засмеялся Виктор, выдергивая перо из штанов парнишки. — Выходит, весь базар из-за этой ерунды!

Перо было ярко-синим, переливающимся, с золотой зеленью и круглым темным глазком. Мальчонка дернулся, пытаясь защитить свою драгоценную добычу.

— Гаденыш! — взвился Пономарь. — То-то я смотрю, у павлинов хвосты драные! Значит, это ты их ощипал?!

Со зверской гримасой он двинулся на мальчонку. Тот отшатнулся и зажмурился, готовясь к верной гибели.

— Это не я! — пролепетал он. — Я тут вообще первый раз!

— Они, небось, всей деревней твоих павлинов дерба-нят, — сочувственно заметил Виктор. — А ты чего хотел? Им что павлин, что жар-птица. Выдернешь перо, и желание исполнится.

Пономарь длинно выругался.

— А вы, блин, куда смотрите! — набросился он на охрану. — Сколько раз спрашивал, почему павлины орут? А вы: брачный период, брачный период! Дураки, мать вашу! Какой брачный период, если у них всю шерсть ощипали?!

Охрана виновато переминалась.

— Тупицы, блин! — бранился Пономарь. — А этих лохов деревенских я в собачьи будки на цепь посажу. Пусть гавкают, если ничего другого не умеют! Никакой, сука, культуры. Что за народ!

Он сплюнул на землю, махнул рукой и зашагал к дому.

— А с мальцом-то че делать? — крикнул Метеор вслед Пономарю.

— Пинка ему дай! — велел Пономарь.

— А с пером?

— В зад его себе воткни! — посоветовал Пономарь, не оборачиваясь. — Может, хвост у тебя вырастет!

Раздосадованный Метеор повернулся к парнишке.

— Из-за тебя все! — бросил он сердито.

Тот в ответ покаянно шмыгнул носом. Виктор покрутил перо в руках, делая вид, что любит его. Мальчишка зачарованно следил за ним. Виктор усмехнулся и протянул перо мальчугану.

— Забирай, дуралей, — сказал он.

Тот, не веря своему счастью, схватил перо обеими руками и тут же сунул его за пазуху.

— Еще раз поймаю, уши оборву, — пообещал Метеор, награждая его подзатыльником.

Парнишка уже понял, что гроза прошла стороной, но на всякий случай притворно ойкнул и пригибаясь пустился наутек, не разбирая дороги.

Когда мы с Виктором вернулись в дом, Пономарь уже разливал вино девушкам. Он все еще ворчал, но уже по инерции. Бони не было видно, он и впрямь уехал, пока мы разговаривали о Лихачеве да допрашивали лазутчика.

— Ну что, за Владика? — провозгласил Пономарь, поднимаясь. — Пусть, как говорится, земля ему будет пухом.

Все сразу придали лицам скорбное выражение. Пономарь поднес вино к губам.

— Саш, а ты сказал, чтобы бассейн набрали? — вдруг спохватилась одна из девушек.

Пономарь едва не подавился.

— Да подожди ты с бассейном! — зашипел он на нее. — Давайте сначала с чем-то одним разберемся, а потом уж танцы устраивать будем! Человека надо помянуть, — он вновь поскучнел и, держа бокал, по-гусарски отставил локоть.

— Федорыч! — смущенно позвал его от двери Метеор. — Тут, похоже, опять фигня вышла...

— Достал! — в отчаянии заорал Пономарь. — Ну, что там еще?!

— Там это, — запинаясь, пробормотал Метеор, — Бабай со своей бригадой приехал. Тебя требует.

Лицо Пономаря вытянулось. Рука с нетронутым вином машинально опустилась вниз. Ножка бокала в наступившей тишине ударилась о стол.

— Выпить спокойно не дадут, — произнес Пономарь упавшим голосом.

Мы с Виктором переглянулись. Только Бабая здесь и не хватало.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

В комнате сразу сделалось неуютно, словно кто-то вдруг настежь распахнул окно.

— Пойду узнаю, зачем приехал, — сказал Пономарь, но как-то не очень решительно, будто надеялся, что мы его отговорим.

— На черта он тебе нужен, этот отморозок? — подал голос Виктор. — Много ему чести будет! Послать, что ли, некого? Пусть вон Метеор выйдет да спросит, чего ему надо.

Пономарь явно не испытывал ни малейшего желания лично объясняться с Бабаем, совет Виктора звучал для него соблазнительно. Борясь с искушением, он сосредоточенно крутил бриллиантовое кольцо на пальце. Наконец повернул его камнем внутрь и вздохнул, переборов искушение.

— Нет, — твердо сказал он. — Так не получится. Он на весь город хай поднимет, что я загасился. Всю жизнь потом не отмажешься. Сам пойду.

— Саша, не ходи! — вдруг вскрикнула какая-то девушка. — Он же бандит!

Пономарь лишь презрительно фыркнул и двинулся к выходу.

— Свою голову дурню не приставишь, — бросил ему вслед Виктор.

Возможно, Пономарь и стал бы привлекательнее, если бы Виктору все же удалось присобачить ему свою голову, но безопаснее Пономарю от этого не сделалось бы, это уж точно. Я отлично помнил перестрелку, которую Виктор однажды зачем-то затеял с Бабаем в ночном клубе. Тогда лишь чудом все остались живы и здоровы, не считая, впрочем, Пахома Пахомыча, который, действуя в соответствии с инструкциями Виктора, схлопотал в челюсть от какого-то бандита и бегал потом по врачам.

Я оглянулся на Пономаря, увидел его ссутулившуюся спину, словно просящую о помощи, и, прежде чем сообразил, что делаю, тронулся к выходу.

— Ты-то куда? — окликнул меня Виктор.

— Покурю на крыльце, — сказал я. — А то душно.

— Еще один свихнулся, — прокомментировал Виктор. — Не иначе, как минеральной воды опился.

Уже на улице, в темноте, Пономарь забрал у Метеора свой карабин и протянул мне.

— Возьмешь?

Я отрицательно помотал головой.

— Может, вправду вернешься? — предложил Пономарь неуверенно. — Охота тебе в чужую разборку вступать?

— Не охота, — согласился я, ежась на холодном ветру.

— Да вдруг обойдется? — заметил Пономарь, но убежденности в его голосе не было.

Он собрался и сделал решительное лицо.

— Отворяй! — коротко приказал он охране, и тяжелые металлические двери распахнулись перед нами.

Бабай ожидал нас возле массивного черного «Мерседеса», сунув руки в карманы кожаной куртки, свободно висевшей на его узких плечах. С ним было человек шесть, не больше. Кроме «Мерседеса», виднелся еще старенький «БМВ» несерьезного бежевого цвета.

Пономарь, держа ружье как рогатину, шагнул вперед. Я шел рядом, а за нами стеной стояла растревоженная охрана. При виде нашей толпы ни один мускул не дрогнул на испитом лице Бабая, оно сохраняло безжизненную невозмутимость. Он поочередно протянул нам вялую, влажную руку.

— Богато живешь, — процедил Бабай не то с одобрением, не то с иронией, кивком указывая на дом Пономаря. — Только вот берданку зачем зацепил, не пойму?

Шугаешься меня, что ли? Так не надо, я ж тебя не съем. Только обгрызу маленько.

Братва за его плечом загоготала. Пономарь нахмурился и порывисто обернулся к Метеору, чтобы отдать ему ружье. Но в последнюю минуту вдруг передумал, вероятно, не из страха, а из упрямства.

— Что надо? — грубо спросил он.

Бабай неторопливо достал из кармана жевательную резинку, содрал с нее обертку, сунул в рот и зачавкал.

— Гасишься от меня, — продолжал Бабай, словно не слыша вопроса. — Я на поминки сегодня приехал перетереть по одной теме, так ты, говорят, как только услышал, сразу выломился. В натуре, на лыжи встал.

Щуплый Бабай едва доходил Пономарю до плеча, но разговаривал с ним свысока, ерничая и нарочно его заводя. В криминальном мире он был признанным авторитетом, а Пономарь — дилетантом-любителем. Бригада Пономаря состояла преимущественно из спортсменов и насчитывала человек пятьдесят. Бабай предпочитал брать к себе уголовников и мог легко мобилизовать сотни три. Пономаревские не отличались свирепостью. Им случалось калечить людей, взрывать машины, жечь дома и офисы, но убийств за ними не числилось. За братвой Бабая тянулся длинный кровавый след.

Пономарь при всей своей вспыльчивости понимал, что войны с Бабаем лучше избегать и сдерживался изо всех сил.

— Что надо? — повторил он.

— Как че? — удивился Бабай. — Сам знаешь, че! Пятьсот косарей зеленью.

У Пономаря отвисла челюсть.

— Какие пятьсот косарей?!

— Которые мы твоему барыге вгрузили, — терпеливо объяснил Бабай. — В «Золотую ниву». У нас его расписка есть. Хочешь, покажу?

— На хрен она мне сдалась? — враждебно отозвался Пономарь.

— Так, на всякий случай. У нас все по-честному. Расписочка при мне, между прочим, — он вытащил из кармана какую-то мятую бумагу и в темноте сунул ее Пономарю. — Сам почитай.

Пономарь не двинулся с места и не проявил к бумаге никакого интереса.

— А при чем тут я? — осведомился он.

Бабай понимающе усмехнулся. В его улыбке было что-то змеиное и опасное.

— А кто его крыл, жмура-то? Когда нефтянщики своим красючкам смотр устраивали, я туда подъехал и начал этого коммерса за наши бабки пробивать. В прошлое воскресенье это было. А ты давай за него мазу тянуть. Так? Или нет? — он вскинул на Пономаря хитрые глаза.

— Ну, допустим, — нехотя согласился Пономарь. — И что дальше?

— А дальше вы подписались все вернуть на следующей неделе! — объявил Бабай, радуясь, что припер его к стене.

— Я не подписывался! — запротестовал Пономарь.

— Ну, как не подписывался! — с укором возразил Бабай. — Ты че, в натуре, вообще, что ли, в несознанку пошел?! Барыга твой обещал, ты рядом стоял, молчал, не спорил, считай, оба подписались.

— Его убили той же ночью! — нетерпеливо проговорил Пономарь.

— А я за что тры? — кивнул Бабай. — Его уработали, а ты остался. Выходит, ты нам должен. Так? — он обернулся к своим. Те одобрительно загудели. Зато за нашей спиной прокатился ропот. Парни Пономаря были возмущены наглостью Бабая.

Бабай посмотрел на обескураженного Пономаря и утешительно прибавил:

— Да тебе такие деньги отдать — тьфу! Ты даже не заметишь. Добра-то у тебя вон сколько.

— Ты мое добро не считай, — угрожающе отрезал Пономарь.

— Не буду, — уступил Бабай. — Я тебя вообще не напрягаю по срокам. Ты сам скажи, когда отдашь: сегодня или завтра?

Эту излюбленную бандитскую присказку мне не раз приходилось слышать. Показная доброжелательность Бабая никого не обманывала. Добродушия в нем было не больше, чем в пивке. Меньше всего на свете я хотел бы в эту минуту оказаться на месте Пономаря.

Согласно бандитским понятиям претензии Бабая были не лишены почвы. Пономарь крыл Владика, значит, брал на себя определенные обязательства, в том числе и финансового характера. Конечно, убийство коммерсанта относилось к разряду форс-мажорных обстоятельств, от которых в первую очередь страдала его крыша, лишавшаяся дойной коровы. По правилам приличия Бабаю следовало бы для начала выразить Пономарю сочувствие и предложить свою помощь по поиску виновных и их наказанию. А он вместо этого с ходу «грузил» Пономаря «до талого», то есть дерзко и безжалостно.

Возможно, он вел бы себя иначе, окажись на месте Пономаря кто-то другой, например братья Чижики. Разница заключалась в том, что Бабай не считал Пономаря бандитом и ровней. Для него, сидельца и блатного, тот был всего лишь «коммерсом», изображавшим из себя крутого.

Загнанный в угол Пономарь смотрел на Бабая с ненавистью, не зная, на что решиться. Отказ означал войну, в которой у Пономаря не было шансов. Согласие было равносильно медленной и мучительной смерти. Как только Пономарь заплатил бы Бабаю хоть десять копеек, с ним было бы покончено навсегда. На него тут же накинись бы все городские бригады и рвали бы в клочья, пока не обглодали до костей.

— Ну, и как ты мне ответишь? — со скрытым торжеством поинтересовался Бабай, дожимая Пономаря.

— А вот как! — злобно выкрикнул Пономарь и, вскинув ружье, дважды выстрелил прямо над ухом Бабая. Тот невольно пригнулся. В деревенской ночной тишине выстрелы прогремели гулко и раскатисто.

— Усвоил?! — рявкнул Пономарь на Бабая сверху вниз. — Хорошо запомнил или повторить?!

Бабай поспешно выпрямился, показывая, что он ничуть не напуган, но момент был упущен. Пономарь заставил его кланяться себе и получил какое-то шаткое преимущество. Гордо вскинув голову, он, не оглядываясь, двинулся к дому. Бабай, чавкая резинкой, проводил его долгим взглядом прищуренных глаз, пока охрана Пономаря не захлопнула ворота.

2

Когда мы вошли, девушки бросились к нам.

— Он уехал, да? Что он хотел? — встревожено наперебой спрашивали они. — Все обошлось?

— В кого палили-то? — небрежно поинтересовался Виктор, поднимаясь.

— Ворон гоняли, — не глядя на него, буркнул Пономарь, подрагивающей рукой наливая себе вина.

В стену дома вдруг что-то звонко ударилось, словно расколотили бутылку. Мы удивленно переглянулись, но тут раздался еще один удар, и в комнату через разбитое окно влетел снаряд, который я поначалу принял за гранату. Он упал на пол, в шаге от дивана, где сидела Настя. Полыхнуло пламя, и занялся ковер. Я замер в ожидании взрыва.

— Ложись! — крикнул Виктор, бросаясь на пол.

Девушки завизжали и кинулись врассыпную, приседая и прикрывая головы. Огонь, стремительно пробежав по ковру, лизнул занавески и взметнулся вверх. Пономарь метнулся к выходу, но наткнулся на неповоротливого Метеора, который тупо торчал перед спасительной дверью, загораживая проход. Они одновременно вскрикнули и выругались.

Началась паника. Все, давясь и толкаясь, рвались прочь из охваченной пламенем комнаты, и лишь Настя оставалась неподвижной. В полном одиночестве она сидела на диване, смотрела на меня, и на ее лице бродила смущенная и какая-то виноватая улыбка. Она словно не знала, что нужно делать, и ей было неловко передо мной за свою недогадливость. Я помню, как поразило меня в этот лихорадочный миг отсутствие в ней инстинкта самосохранения. Я рванулся к ней, схватил за руку и поволок в сторону. Уже пролетело несколько секунд, но взрыва все не раздавалось. Нас не разнесло в клочья, мы были целы и невредимы. Я бросил взгляд на снаряд, и тут меня озарило.

— Это не граната! — заорал я с облегчением. — Бутылка с бензином!

Мой голос утонул в женском визге, но Пономарь услышал его и обернулся.

— Точно бутылка! — ахнул он. — Они туда бензин налили и фитиль подожгли!

— В натуре, козлы! — приходя в себя, возмутился Метеор. — Не могли даже бомбу путевую шваркнуть!

— Туши огонь, умник! — гаркнул на него Пономарь.

Огонь между тем уже бушевал во всю. Горели кресла,

диваны и подушки, пылали ковры под нами. Пономарь принялся срывать шторы и переворачивать мебель. Мы с Метеором и Виктором присоединились к нему. Примчалась охрана, часть ее бросилась нам помогать, другие побежали за водой.

Теперь все, галдя и натываясь друг на друга, гасили пожар. Ворвалась охрана с резиновым шлангом. Струя воды ударила по огню. Некоторое время он, шипя, сопротивлялся, но совместными усилиями все же был смят и побежден.

Пономарь был вне себя. Красный, исцарапанный, измазанный копотью, с обгоревшими бровями, он метался по безнадежно обезображенной комнате, хватаясь за останки дорогой утвари.

— Законопачу! — бушевал он. — Урою гадов! Мне мебель на заказ в Италии делали! Да этот Бабай долбаный в жизни столько бабок не видел, сколько я за нее отдал. Догнать их! Все по машинам, быстро!

Он первым вылетел во двор, и охрана со всех ног ринулась за ним. Поддавшись всеобщему возбуждению, я тоже выскочил.

— Две машины за мной по старой дороге! — командовал Пономарь. — Я наперерез пойду. Остальные за Бабаем по шоссе!

— Давай скорее! — бросил он мне, прыгая за руль своего джипа.

Я машинально вскочил с другой стороны. Он тронулся, и, когда мы выезжали, я увидел в зеркале заднего обзора Виктора и стоявшую рядом с ним Настю. Что-то укололо меня в этой картинке, но я не успел понять, что именно. Я все еще плохо соображал после пожара и шока.

3

Так называемая старая дорога была, в сущности, узкой колеей, засыпанной щебенкой. Срезая путь, она выходила на трассу значительно ближе к Уральску, чем деревенское шоссе, делавшее плавную петлю. Однако ею давно никто не пользовался, ее не ремонтировали, и она с каждым годом приходила в негодность. Если бы нам навстречу попала корова, не говоря уже о машине, мы бы не разъехались. На наше счастье, дорога была пустынна. Стояла глубокая черная ночь: ни коров, ни машин.

Пономарь, сжав зубы, немилосердно давил на газ, жесткий «Форд Эксплорер» прыгал по ухабам, в темноте нас швыряло из стороны в сторону, а за нами скакали огни фар охраны.

— Ты почему здесь? — вдруг отрывисто и раздраженно спросил Пономарь.

— Как почему? — удивился я, стараясь совладать с тряской. — Ты же сам меня позвал!

— Позвал! — передразнил Пономарь. — Мало ли куда я тебя позвал! У тебя что, своей головы нет? А если бы я тебя позвал без парашюта прыгнуть?

— Да ты, собственно, так и сделал, — буркнул я, тоже начиная сердиться.

— Зря ты это! И я ваньку сваял, а уж ты — тем более. Тебе отсюда смываться надо.

— Мне это уже Лихачев говорил.

— Правильно, между прочим, говорил!

— Разве ты не поехал бы со мной в такой же ситуации?

Пономарь искоса бросил на меня недоверчивый взгляд.

— Ты серьезно или придуряешься?

— Конечно, серьезно.

— Никогда! — убежденно помотал головой Пономарь. — Никто бы из нас не поехал. Ни я, ни Храповицкий. Про Виктора или Плохиша я уж вообще не говорю.

— Но ведь ты же помогаешь Храповицкому, — возразил я.

— Я ему за бабки помогаю! — опять ожесточаясь, воскликнул Пономарь. — За большие бабки, понял? Я Витьке пятерку объявил, из них двушка — моя. Лихачева-то я на трешку уболтал, вот так!

Я осекся и на время замолчал. Пономарь совсем разозлился.

— Не ожидал? — вскипел он. — А я, по-твоему, должен бесплатно стараться? Много они мне просто так помогали? От всех совместных дел меня отжали! Понты передо мной колотили!

Плохиш-то тогда всю правду им вылепил. Да они друг друга за рубль продадут, не то что меня. Виктор, кстати, сразу догадался. Мы с ним друг друга насквозь видим.

— Почему же он об этом не сказал?

— А толку! Доказательств нет, а я все равно не признаюсь. Я тебе об этом говорю, потому что сейчас это никакого значения не имеет. Сейчас все никакого значения не имеет. Мы, может, сегодня вообще не вернемся! То ли мы убьем, то ли нас убьют, — он замолчал и стиснул зубы.

В темноте на безлюдной дороге слова Пономаря прозвучали зловеще. С минуту я следил за фарами, прыгавшими по рытвинам и канавам. Позади в багажнике что-то противно скрипело.

— Ты пользуешься тем, что Виктор заплатит любую сумму, лишь бы вытащить Храповицкого?
— наконец неодобрительно проговорил я.

Пономарь усмехнулся.

— Заплатить-то он заплатит. А вот насчет того, чтобы Храповицкого вытащить, — он хмыкнул, не отрываясь от дороги. — Не знаю... Не уверен...

— Как это? — не поверил я. — Виктор бросит Храповицкого?!

— А на черта он нужен, Храповицкий твой? — огрызнулся Пономарь. — Одно дело с Лихачевым договариваться, чтобы бизнес сохранить. На это Виктор капусты не пожалеет. А другое дело — Храповицкого на свободу выпускать. Зачем? Чтоб он опять командовал, а Виктор где-то сбоку бегал? Дяденька, дай порулить?

— Виктор не сможет так поступить! — пробормотал я, убеждая не то его, не то себя.

— А кто ему помешает? — возразил Пономарь. — Ты, что ли?

Джип колесом зацепил размытую землю на обочине, и нас потащило в кювет. Пономарь коротко ругнулся и, подавшись вперед, принялся выкручивать руль. После нескольких отчаянных маневров ему удалось вернуть машину на дорогу. Он облегченно перевел дыхание и взглянул на меня.

— Очухайся ты наконец, — проговорил он другим, более мягким тоном. — У тебя же башка светлая, я за ум тебя всегда уважал да еще за характер. Не видишь, что ли, какая между нами мясорубка пошла? Никто не знает, чем все закончится. Сейчас каждый за себя, ты один за других лезешь!

— Почему ты сказал «между нами»? — насторожился я. — Мы же не против друг друга воюем!

— А против кого?! Кто, по-твоему, Сырцова взорвал? Ведь с этого же вся война началась! А теперь уже не остановишь.

— Ты имеешь в виду Виктора?

— Дался тебе Виктор! Забудь ты про него. Это он теперь, как Храповицкого засадили, свой шанс почуял и гнет из себя живодера, нравится ему пионеров пугать. Всех он убил, всех взорвал! А сам тут не при делах. Ни ухом, ни рылом. Там совсем другие люди работали, не дилетанты. Развели нас, как лохов: и Храповицкого, и Виктора, и меня, и тебя. Да не надо тебе этого знать! — снова вспылал он. — Замнем эту тему!

Мы взлетели на горку, нырнули вниз и через встречную полосу выскочили на трассу. Следом,

стукаясь днищем о гравий, появились машины охраны.

Пономарь сбросил скорость и продолжал ехать в сторону города, вертя головой по сторонам.

— Ну, где он? — нетерпеливо спрашивал он. — Куда делся? Неужели упустили?

Признаюсь, я всей душой надеялся, что Бабаю удалось ускользнуть и мы вернемся восвояси живыми и без крови на руках. Я полез за сигаретами, но спохватился, что Пономарь не курит.

— Так значит, Виктор был прав. Ты все-таки брал с Владика за крышу? — почему-то вспомнил я.

— Не брал я с него! — заорал Пономарь. — Не брал! Там по-другому все строилось! Ты не поймешь.

Позади нас на трассе показались быстро приближавшиеся огни фар.

— Бабай! — торжествующе прошипел Пономарь. — Попался, сука. Иди сюда!

Открыв окно, он крикнул охране:

— Разворачивай тачки! Перегораживай дорогу!

Охрана Пономаря, выключив фары, быстро поставила свои машины поперек дороги, так что джип Пономарь оказался позади. Пономарь выскочил из кабины, достал пистолет, снял с предохранителя и присел за передним автомобилем, положив руку на капот и готовясь к стрельбе. Его парни последовали его примеру. Наверное, некоторые из них, как и я, никогда прежде не принимали участие в таких стычках. Затаив дыхание, они сидели на корточках, со стволами в руках, не сводя глаз с дороги. В темноте я смутно различал их лица, но чувствовал, что они на пределе. Ветер между тем стих, пошел мелкий морозящий дождь.

Я вдруг спохватился, что у меня нет оружия. Борясь с подбирающимся страхом, я похлопал себя по карманам, закурил и оперся на бампер. Пономарь бросил на меня сердитый взгляд.

— Дергай отсюда! — прошипел он. — Бери мой джип и сваливай!

— Я не уеду, — упрямо проговорил я. — Я, Саша, одного в жизни боюсь: что стану на вас похожим.

— Ну, и дурак!

— Хуже, если бы по вашим понятиям я был умным, — возразил я и тоже присел на корточки.

4

Летевшие на нас бандиты заметили кордон и, поняв, что им не прорваться, резко затормозили. На скользкой дороге тяжелый «Мерседес» занесло и швырнуло от обочины к обочине, крутанув вокруг оси. Бежевый «БМВ», вильнув в сторону, чудом избежал столкновения и остановился посреди шоссе в растерянности.

И тут вдали вновь заплясали лучи фар. На трех машинах мчалось наше подкрепление, преследовавшее бандитов. Обратный путь Бабаю был отрезан. Он увидел, что окружен.

Похоже, Бабай до последней минуты не допускал, что Пономарь осмелится поднять руку на него, главного уральского авторитета, которого чтит и тюрьма, и воля. Собственно, в это никто не верил, включая, может быть, самого Пономаря. Бабай приоткрыл дверь «Мерседеса» и чуть высунул голову.

— Эй, Пономарь! — возмущенно крикнул он. — Ты че, блин, совсем охерел?

Пономарь молча выстрелил. Пуля с отвратительным визгом чиркнула по крылу автомобиля и высекла искры. Следом раздалось еще несколько выстрелов, но Бабай уже захлопнул дверь и исчез в салоне. Его машины сорвались с места, подались вбок, скатились по пригорку с дороги и медленно двинулись вниз к черному лесу, застревая в рытвинах и задевая кусты. Когда до деревьев оставалось несколько метров, Бабай и его люди повыскакивали наружу и, под прикрытием автомобилей, пригибаясь, побежали в чащу. Они не отстреливались, хотя мне показалось, что на них болтались стволы. Бабай всегда возил с собой ворох оружия или, как выражались бандиты, ездил груженным под завязку.

Оба наших отряда открыли по врагам беспорядочную пальбу. Били с двух сторон из пистолетов и автоматических ружей, однако без особого вреда, попадая все больше по машинам и кустам. В ночном лесу, среди деревьев, смутные силуэты бандитов таяли и терялись у нас на глазах.

Видя, что бандиты уходят, Пономарь взревел и ринулся за ними. Вся наша толпа, разогретая азартом погони, с тяжелым топотом, обгоняя его, устремилась вперед. Враги уходили молча и собранно, как волки. Мы преследовали их, как стая собак: шумно и бестолково. Они были опытнее и расчетливее, но нас было гораздо больше.

Я бежал вместе со всеми, не различая дороги, спотыкаясь о коряги, скользя по кочкам и продираясь сквозь кусты. Кровь колотилась в моих висках, мокрые ветки хлестали по лицу. Я слышал свое шумное дыхание, хотя от грохота выстрелов у меня порой закладывало уши.

Мы вломились в чащу, и тут нас встретил шквал огня. Залегшие бандиты Бабая молотили по нам из автоматов.

— Падай, пацаны! — крикнул Пономарь и первым рухнул вниз.

Его люди посыпались на землю. Я тоже с разбегу нырнул, по инерции еще чуть проехал на животе по покатоному склону и больно ударился головой о корень дерева. Случайная пуля впиалась в ствол где-то надо мной. Мелкие отколовшиеся щепки просыпались мне на затылок. Я ткнулся лицом в землю, почувствовал разгоряченной щекой холодную влажную листву и вдохнул ее прелый запах.

Первая волна страха, агрессии и возбуждения схлынула, я вдруг осознал, что в кашемировом пальто за семь тысяч долларов, в вечернем костюме и рубашке с белоснежными манжетами беспомощно валяюсь на грязной земле, в чужом ночном лесу, посреди чужой бандитской перестрелки и стискиваю челюсти, чтобы не стучали зубы. Мне стало стыдно и почему-то смешно — должно быть, сдавали нервы.

Пальба продолжалась, но уже реже, с перерывами. Я услышал хруст и громкое сопение рядом. Повернувшись, я увидел Метеора, который, скорчившись, лежал поблизости, сжимая пистолет.

— Долбить-копать! — прошептал он удрученно. — В натуре, как на войне...

Бандитов от нас отделяло метров двадцать. Невидимые во враждебной темноте, они выжидали, когда мы двинемся вперед, чтобы перестрелять нас из засады. Пономаревские, опасаясь, не решались продолжать атаку. Перестрелка постепенно затихала. Теперь противники лишь изредка обменивались одиночными выстрелами. Шарахали наугад и на шорохи.

Мучительное ожидание становилось невыносимым. Окопавшийся неподалеку Пономарь присел, прячась за толстым деревом, и перезарядил пистолет. Его измазанное землей

светлое пальто белело смутным молочным пятном.

— Федорыч! — шепотом окликнул его Метеор. — Слышь, ты пальто скинь! Видать же тебя.

Пономарь лишь махнул рукой, то ли не расслышав, то ли не придав словам Метеора значения.

— Ты лучше мой лепень набрось! — настаивал Метеор.

Он приподнялся, сунул пистолет за ремень брюк, стащил с плеч черную грубую куртку и, кряхтя, вприсядку двинулся к Пономарю.

— Ляг, дурила! — зашипел на него Пономарь. — Куда лезешь, мать твою!

Грохнул выстрел, за ним другой и третий. Метеор дернулся, екнул, словно его ударили в солнечное сплетение и, все еще держа куртку, ничком повалился вниз.

— Леха! — оторопело окликнул его Пономарь. — Леха, ты че?

Метеор не отвечал.

— Леха! — снова позвал Пономарь.

Метеор не подавал признаков жизни. Пономарь быстро подполз к нему и тряхнул за плечо. Тот не шелохнулся. Пономарь рывком повернул ему голову. Я увидел застывший профиль и черную струйку, тянущуюся от уголка рта по подбородку.

— Гляди, кровь, — ошеломленно пробормотал мне Пономарь. — Они Леху убили!

Я не смог ничего ответить. Я был потрясен не меньше него.

Пономарь обернулся в сторону бандитов.

— Бабай, мразь! — рявкнул он. — Ты мне лично за Метеора ответишь!

Кто-то дал по нему автоматную очередь. Он метнулся за дерево, пару раз пальнул, не целясь, наклонил голову, как бык, зарычал и ринулся вперед.

— Сдохни, сука! — ревел Пономарь, стреляя и перебегая от дерева к дереву. — Бей их, тварей!

Тут же вновь вспыхнула перестрелка. Глядя, как лезет напролом обезумевший Пономарь, один за другим стали подниматься и остальные. Я тоже вскочил, выставив перед собой сжатые в кулаки руки, как в ближнем бою.

Канонада усиливалась. Пригибаясь и петляя, мы обходили бандитов с флангов, зажимая их в тиски. Видя опасность, они ожесточенно отстреливались. Теперь все гремело и полыхало вокруг. Автоматные очереди срывали ветки с деревьев.

— Ствол! — не выдержав, заорал я на бегу неизвестно кому. — Мать вашу, дайте же ствол!

Ответом мне была пальба, злая матерная брань да треск сучьев. Никому не было до меня дела. Я что-то кричал, лез вперед, падал, заставлял себя вставать и опять бежал, ныряя и уклоняясь от пуль, как от ударов.

И вдруг оборонявшийся бабаевский стан пришел в движение. Взметнулась тень, за ней другая: не выдержав нашего яростного наскока, враги отступали.

— Кранты тварям! — торжествовал Пономарь. — Живыми не отпускайте!

Впрочем, его уже никто не слушал. Исход схватки был предрешен. Наши наступали и били, куда попало, бандиты спешно и разрозненно откатывались в лес. Так продолжалось несколько минут, затем опять наступила короткая пауза: обе бригады перезаряжали стволы.

И тут раздался чей-то охрипший голос.

— Стойте, пацаны! Да погодите же, елки! Вы че, блин, оглохли все?!

В этом странном призыве звучащем, вероятно, уже не впервые, было нечто необычное. Мы остановились.

— Бабая, кажись, убили! — уже тише донеслось из чащи. — Слышь, пацаны?! Бабая убили!

И сразу все замерло, будто оборвалось. Никто не стрелял. Затем среди бандитов началась осторожная возня. Наши с оружием наготове наблюдали за ней из своих укрытий. Некоторое время висело молчание, наконец один из по-номаревских не вытерпел.

— Ну че там?! — крикнул он срывающимся от волнения голосом. — Че вы, блин, затихарились? В натуре, что ли завалили?

— В натуре, — мрачно и укоризненно отозвались с той стороны. — Пряма в грудь, на хрен.

5

По лесу прокатился вздох. Те, кто лежал, поднялись и начали распрямляться. Одни отряхивались, другие разминали ноги, но никто уже не прятался. Братва потянулась смотреть на убитого Бабая, лежавшего в кустах. Как-то не верилось, что его, всего лишь минуту назад державшего в страхе весь город, теперь уже нет и никогда больше не будет.

Столпившись вокруг его тела, недавние враги перебрасывались короткими репликами, хотя голоса все еще звучали настороженно и приглушенно. Защелкали зажигалки, многие закурили. Я тоже достал сигареты, обнаружил, что они совсем смялись, расправил одну, вдохнул дым и почему-то закашлялся.

Пономарь, ссутулившись, сидел на земле, прислонившись спиной к дереву, и тер руками лицо.

— Федорыч! — подбежал к нему высокий охранник с густыми черными усами. — У нас тут, оказывается, еще двоих зацепило.

— Кого? — устало спросил Пономарь из-под ладоней.

— Рыбу и Сяву.

— Сильно?

— Сяве в руку попали, насквозь прошло. А с Рыбой, похоже, серьезно. Пуля в ногу осталась. Кость, видать, раздробило. Того и гляди — вытряхнется, надо в больницу везти.

— Отвезем, — пообещал Пономарь не двигаясь. — Тащите их к машинам.

Один из бандитов, приземистый крепыш с перебитым боксерским носом, подошел к Пономарю и остановился, хмуро глядя на него сверху вниз.

— Слышь, — неуверенно начал он. — Че делать-то будем? Два трупа на руках. Мусора трясти начнут. Не отцепятся, блин. Всех позакрывают.

В том, что он спрашивал совета у Пономаря, было скрытое признание пономаревского превосходства, нового для обоих.

— А ты раньше о чем думал? — непримиримо отозвался Пономарь. Он, кажется, все еще не отошел от атаки, ненависти и убийств. — Спихватился, етит!

— Я-то при чем? — буркнул боксер. — Чай, другой человек командовал. Теперь рвать надо из Уральска, пока не повязали.

— Куда рвать-то? — вскинулся усатый. — У нас половина пацанов в ЧОПе числятся. У них стволы законные, они за каждый патрон отчитываться должны.

— Да отбрешетесь, куда вы денетесь, — успокоил бандит с долей презрения. — ЧОП-то, поди, ваш собственный.

Наличие законного оружия являлось свидетельством дружбы с правоохранительными органами и не вызывало у него уважения.

— А толку, что собственный? — сердито возразил усатый. — Отчитываться-то перед ментами надо!

— А может, по утрянке сюда вернуться да гильзы собрать? — предложил кто-то из пономаревских. — А мусорам задвинем туфту, типа, на стрельбах были. Директор ЧОПа все подтвердит.

— Ты в уме, нет? — осадил его усатый. — Какие стрельбы? Двое на глушняк, двое ранены. Ты еще скажи, что Метеора мы сами завалили, по ошибке. Слышь, впотьмах за кабана приняли. На зиму салом запастись хотели.

Кто-то хохотнул. Пономарь, наконец, встряхнулся и поднялся на ноги.

— Короче, так, — отрывисто заговорил он. — Те, у кого левые стволы, сваливают и гасятся. Те, кто числятся в охране, выдергивают начальника ЧОПа и едут с ним в ментовку, там все вместе пишут объяснительку. Суть такая. На вас напали, кто — не знаете. Подожгли мой дом. Вы погнались за ними, но никого не поймали. Ясно или нет?

Он обвел взглядом своих бойцов. Те, сгрудившись вокруг него, сосредоточенно кивали, стараясь запомнить.

— Только пускай директор ЧОПа сначала позвонит знакомым ментам, чтобы они вас уже ждали в отделении, — наставлял Пономарь. — И показания раз десять повторите, а то запутаетесь к черту. Метеора и Сяву с Рыбой везите в больницу. Где их подстрелили — никто не помнит. Это место никому не показывайте. Ясно? Пять человек я забираю с собой.

— А ты куда? — поинтересовался усатый.

— Не твое дело, — отрезал Пономарь.

— А если менты про тебя будут спрашивать?

— Про меня молчите! Говорите, что меня с вами не было.

— Федорыч, — подал голос кто-то из его охраны. — А зачем они на твой дом напали, если тебя там не было?

— Все равно мусора дознаются, что ты с нами всю дорогу был, — поддержал его усатый. — Соседи че-ни-будь ляпнут, гильзы от твоего пистолета найдут...

— С мусорами я сам решать вопрос буду, — оборвал Пономарь. — Делайте, что вам велят.

— А нам как отмазываться? — спросил бандит с перебитым носом.

— А это уж ваша забота, — жестко ответил Пономарь. — Меня не колышет.

— Нормально ты делаешь, — угрюмо хмыкнул бандит, не удовлетворенный столь недружелюбной позицией в разрешении общей проблемы.

В это время братва пронесла мимо тело Бабая, неловко держа его за руки и за ноги, как тушу подстреленного зверя. Парни старались быть бережными и двигались медленно, но иногда поскользывались, и голова их предводителя, болтавшаяся из стороны в сторону, ударялась затылком о пни и коряги. Охранники Пономаря молча уступали им дорогу. Пономарь посмотрел вслед процессии, и глаза его сузились.

— Метеора, гад, убил! — сквозь зубы процедил он.

— А ты его в обратку убил, — напомнил ему боксер.

— Мало ему! — мстительно выдохнул Пономарь.

— Куда уж больше! — осуждающе возразил бандит и, не глядя на Пономаря, присоединился к своим.

Пономарь продолжил инструктировать охрану, но я уже не стал слушать дальше. Меня охватила апатия. Отделившись от них, я на негнущихся ногах побрел прочь. Подташнивало, и болела голова.

Машины Пономаря стояли на дороге так, как их и бросили, только теперь к ним еще добавились и три моих автомобиля, возле которых нервно переминались мои телохранители во главе с Гошей. Когда я показался из леса, Гоша метнулся ко мне и, подав руку, помог вскарабкаться наверх, на дорогу. Даже в темноте я видел, как он бледен.

— Как вы? — тревожно спрашивал он. — Не зацепило?

Перепаханный грязью, в царапинах и ссадинах, я, должно быть, и впрямь выглядел пугающе.

— Я в порядке, — успокоил его я. — А ты здесь как очутился?

— Да мы подождали немного и за вами тронулись, — сбивчиво проговорил он, избегая смотреть мне в глаза. Возможно, ему было стыдно за то, что в минуту опасности никого из моей охраны не оказалось рядом. — Перестрелку услышали, хотели к вам бежать, да тут уж все и закончилось.

Он оглянулся на братву, которая запихивала в «Мерседес» тело Бабая. Труп положили на заднее сиденье, но ноги, свесившись, остались снаружи. Тогда один из бандитов зашел с другой стороны и рывком подтащил тело за шиворот.

— Замочили кого-то? — переходя на шепот, осведомился Гоша.

— Бабая, — ответил я.

— Бабая убили?! — ошеломленно повторил Гоша. — Вот это да!

— И еще Метеора.

Гоша остолбенел.

— Поехали, — поторопил я его, открывая дверь своего джипа.

Он очнулся и взъерошил волосы.

— Может, я поведу? — предложил он автоматически.

— Веди, — согласился я, огибая машину.

В салоне я откинулся на сиденье и прикрыл глаза.

— Крапивин сразу после вас отбыл, — сообщил Гоша, трогаясь с места. — Диану домой повез и Настю.

Я кивнул, показывая, что принял его слова к сведению. Я не хотел и не мог разговаривать. В моей голове все еще гремели выстрелы и проносились картинки недавней схватки.

— Кто это? — вдруг подал голос Гоша.

— Где? — спросил я, возвращаясь к действительности.

Вдоль темной дороги навстречу нам брела одинокая

понурая женская фигура в знакомом клетчатом пальто. Увидев приближающиеся фары, она метнулась в сторону.

— Настя! — поразился я. — Тормози!

— Опять беда! — пробормотал Гоша. — То одно, то другое. Когда же этому конец будет?

6

Когда мы умчались в погоню за Бабаем, Виктор остался единственным мужчиной в стайке перепуганных и причитавших девушек. Одна даже всхлипывала: ей было жалко себя и пономаревскую мебель. Взяв инициативу в свои руки, Виктор переправил дам из обгоревшей комнаты в малую гостиную, с шутками и прибаутками заставил выпить вина и, откопав где-то кассету с музыкальными клипами, включил им телевизор. После второго бокала девушки несколько ожили и принялись обсуждать подробности происшедшего, по множеству раз вспоминая одно и то же.

Раздраженная Диана и потерянная Настя сидели поодаль на кушетке.

— Надо было сюда на своей машине добираться, — негромко, с досадой выговаривала Диана Насте, словно именно Настя убедила Диану поступить иначе. — Как мы теперь назад поедem? Здесь, наверное, и такси не вызовешь. Глушь такая...

— Ты не хочешь подождать, пока они вернуться? — робко осведомилась Настя.

— Мы на всю ночь здесь застрять можем! — сердито возразила Диана.

— Хотите, я вас подброшу? — предложил Виктор, прислушивавшийся к их диалогу. — Я сейчас как раз домой поеду.

Диана вместо ответа бросила на него уничижительный взгляд.

— Ну, извини, что не угодил, — добродушно пожал плечами Виктор. — Хотел, как лучше.

В его лице и манерах сквозило что-то покаянное, хотя и не без шутовства. Диана заколебалась. Ночная поездка в обществе нетрезвого и неуважительного к ней Виктора ее не

прельщала, но иных перспектив попасть в город как-то не предвиделось. В конце концов, Диана переломила себя, встала и выжала пару невнятных фраз, которые при желании можно было принять за благодарность.

— Может быть, я останусь? — попросилась Настя. Она явно не хотела ехать.

— Не говори ерунды, — оборвала ее Диана. — Мы едем вместе.

Виктор небрежно поинтересовался у остальных, не желает ли кто к ним присоединиться, но девушки дружно отказались. После всего пережитого им казалось обидным возвращаться домой без денег. Они все-таки не теряли надежду дождаться Пономаря и компенсировать свои страдания.

Диана, Настя и Виктор расположились в джипе на заднем сиденье, причем Настя оказалась посередине. Возглавлявший охрану Виктора хохол занял кресло рядом с водителем, и они тронулись. Еще две машины, набитые охраной, следовали за ними. Как только кортеж отъехал от пономаревских владений, Виктор начал проявлять признаки беспокойства. Он возился в своем углу, просил водителя переключать радиостанции и несколько раз прикладывался к бутылке с коньяком, предлагая присоединиться то Диане, то Насте. Обе упорно отказывались.

— Скучно, — объявил, наконец, Виктор. — Вы бы, девчонки, хоть анекдот рассказали!

Его пожелание не встретило должного отклика. Диана сидела, демонстративно отвернувшись к окну, Настя натянуто улыбалась, избегая, однако, встречаться с ним взглядом. Она заметно побаивалась Виктора. Виктор бесцеремонно взял ее за подбородок и повернул к себе.

— Чего жмешься-то? Я же не кусаюсь.

— Я не знаю анекдотов, — поспешно ответила Настя, вырываясь.

— Беда с вами! — посетовал Виктор. — Я-то надеялся, что хоть вы меня развеселите, а вы как в рот воды набрали...

— Клоунов найми, — холодно посоветовала Диана, не поворачивая головы.

— А может, забуримся куда-нибудь? — продолжал Виктор, не замечая ее колкости. — В ночной клуб, например?

Видимо, эта мысль прображивала в нем с самого начала, он лишь не знал, как подступиться. Диана молча передернула плечами.

— Стреляют, Виктор Эдуардыч! — вмешался начальник охраны. — Слышите?

— Точно! — восторженно воскликнул Виктор, прислушиваясь. — Где это? В лесу, что ли?

— Ну да! Во лупят! Смотрите, пономаревские тачки поперек дороги стоят, а никого нет! Куда ж весь народ подевался, с ним же толпа целая выломилась? Хоть бы одного человека оставили, а то прям бери, да уезжай. А вон и бабаевский «Мерседес», видите? Вот дела! Они внизу его кинули. В кювет, что ли, свалились? Что ж там творится, мать честная?!

Начальник охраны возбудился и даже приоткрыл окно, чтобы лучше слышать. В машину ворвались звуки яростной канонады, доносившейся из черного, сурового леса. Водитель тоже сгорал от любопытства. Он сбавил скорость, и все подались вперед, рассматривая черные деревья и брошенные машины.

— Лихо они там развлекаются, — заметил Виктор как-то свысока, словно считал эту

перестрелку детской забавой.

— Вовсю садят, — подтвердил охранник. — Из «кала-шей», похоже!

— Ладно! — недоверчиво отозвался Виктор. — Автоматы-то у них откуда?

— Трудно достать, что ли? Точно вам говорю, из «ка-лашей». Я шесть лет по горячим точкам мотался.

Звуки выстрелов то учащались, сливаясь в единый грохот, то замирали. Настя разволновалась.

— Давайте остановимся, — взмолилась она.

— Зачем? — фыркнул Виктор. — Тоже пострелять охота?

— Но ведь их же могут убить! — возразила Настя, преодолевая природную нерешительность.

— А вдруг им сейчас нужна наша помощь?

— Как-нибудь без тебя разберутся, — заверил ее Виктор.

Водитель обогнул кордон из автомобилей и прибавил газу.

— Надежный ты парень, — саркастически заметила Диана Виктору после паузы. — С таким только в разведку ходить.

Виктор поморщился.

— Что-то ты меня совсем зашпыняла, — пожаловался он. — И такой я, и сякой. Я же не припоминаю тебе, как в ту ночь, когда твоего сожителя грохнули, ты с двумя мужиками мутиться уехала. С Храповицким да с Андрюхой Решетовым. Подружка твоя, кстати, с ним осталась, а ты упрыгала. Не забыла?

Она вспыхнула и не ответила.

— Кстати, чем там у вас с Андрюхой закончилось, а? — продолжал Виктор как ни в чем не бывало. — Между нами, девочками? Я никому не расскажу, честное слово. Дала ему разок на заднем сиденье?

Диана развернулась и, перегнувшись через Настю, влепила ему звучную пощечину. Виктор охнул, но успел ухватить ее за руку, прежде чем она ее отдернула.

— А вот драться не надо, — с укоризной заговорил он, выкручивая ей запястье. — Зачем хулиганишь? Если мы все тут драться начнем, что же получится?

— Пусти, — пробормотала она, пытаясь освободиться.

Он сжал ее кисть еще сильнее.

— Так дала или нет? — вкрадчиво повторил он.

Она молчала, кусая губы. По ее лицу было видно, что ей очень больно.

— Да отпустите же ее! — воскликнула Настя, тщетно стараясь разжать ему пальцы. — Вы сейчас ей руку сломаете!

Виктор только усмехнулся, не ослабляя хватки. Диана терпела из последних сил, но не плакала и не кричала.

— Что же вы сидите! — набросилась Настя на начальника охраны. — Скажите ему, чтобы он перестал!

Но тот, встретившись с ней в зеркале взглядом, потупился и втянул голову в плечи. Впереди показалась развилка: узкая дорога отделялась от шоссе. Виктор вдруг выпустил Диану, и та со стоном откинулась назад, растирая запястье.

— Прими-ка вправо, — коротко приказал водителю Виктор.

Тот привычно подчинился, не задавая лишних вопросов.

— Нам же в город надо! — тревожно воскликнула Настя.

— Успеем, — небрежно отозвался Виктор. — Куда торопиться? Где-нибудь там притормози, в кусточках.

Водитель остановился метрах в ста от шоссе, в непроглядной темени.

— Ну, вот и приехали, — бодро проговорил Виктор. — Хорошее местечко, правда? Живописное. Главное, что комаров нет. Люблю природу. А вы?

Ему никто не ответил. Парализованная ужасом Настя молчала и жалась к Диане. Та незаметно погладила ее по руке, ободряя.

— Сделай-ка музыку погромче! — эта команда Виктора опять адресовалась водителю.

Тот покрутил ручку радио, прибавляя звук. Музыка, впрочем, не было. Шла какая-то идиотская ночная викторина.

— Покурите-ка, ребята на улице, — велел Виктор водителю и охраннику.

Те, стараясь не оборачиваться, открыли двери, понуро выбрались из машины и отошли в сторону, растворившись в темноте. Виктор еще хлебнул из бутылки. Сейчас он уже не выглядел ни покаянным, ни добродушным. В его пьяной глумливой манере появилась угроза.

— Ну что, девчонки, — развязно сказал он, вытирая губы. — Может, сексом займемся? А чего просто так тут торчать?

Настя сидела ни жива, ни мертва. В отличие от нее Диана уже давно осознала опасность положения, в котором они с Настей оказались. Она попробовала разрядить ситуацию.

— Послушай, — примирительно заговорила она, обращаясь к Виктору. — Ну, пошутил ты, и хватит. Ты же в город хотел, в ночной клуб.

— А я передумал, — весело объявил Виктор. — Мне и здесь неплохо. Вы, девчонки, кстати, лесбиянни-чать не пробовали? Зря! Мне кажется, вам понравится.

— Поехали в клуб, — вновь принялась уговаривать Виктора Диана, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. — Здесь неподходящее место для развлечений.

— Не нравится — не пей, — легко отозвался Виктор. — Хочешь домой — иди, пожалуйста, кто тебя держит. Мы и без тебя не соскучимся. Верно говорю? — толкнул он Настю.

И, прежде чем та успела ответить, он крепко обнял ее за шею, притянул к себе и впился ей в губы. Настя сдавленно вскрикнула, отпихивая его и пряча лицо. Он полез к ней под пальто. Настя выгнулась дугой, молотя кулаками по его плечам.

— Не трогай ее! — крикнула Диана низким, отчаянным голосом.

Услышав незнакомую интонацию, Виктор медленно отстранился и взглянул на нее с любопытством. Диана смотрела на него с бессильной ненавистью. Потом она тихо проговорила:

— Отпусти девочку.

Он хмыкнул и ничего не ответил.

— Отпусти девочку, — повторила она.

Настя молча глотала слезы.

— Я прошу тебя, — выдавила из себя Диана.

— Ладно, — наконец разрешил Виктор. — Пусть уходит. Раз ты так уверена, что за двоих справишься.

— Иди отсюда! — приказала Диана Насте.

— Я не пойду, — пролепетала Настя.

— Иди! — крикнула Диана, и та кубарем скатилась с сиденья.

Охрана на улице посторонилась, давая ей дорогу. Настя бросилась бежать назад, туда, где слышалась перестрелка. Она бежала, спотыкаясь, вдоль дороги, пока не выдохлась и не перешла на шаг. Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем мы наткнулись на нее.

7

В сбивчивом рассказе Насти я не все разобрал: она постоянно путалась, к тому же меня трясло от бешенства. Но главное я уловил. Я жаждал немедленной расправы над Виктором, и ярость меня захлестывала так, что временами я едва понимал, где нахожусь.

Мы бросились на поиски Дианы и Виктора. Следуя указаниям Насти, мы свернули на ближайшем повороте, но, проплутав с километр, обнаружили, что ошиблись дорогой. Мы вернулись на трассу, прошли еще немного и вновь свернули. На сей раз мы нашли нужное место, но слишком поздно. Виднелись следы шин, земля вокруг была утоптана и усеяна окурками, валялась даже пустая бутылка из-под коньяка. Однако ни одной машины здесь уже не было. Некоторое время мы бродили по ночному перелеску, на все голоса окликая Диану, но безуспешно. Отчаявшись, я велел гнать в город к холостяцкому жилищу Виктора.

Оставив Настю в кабине, я взлетел на десятый этаж без единой остановки. Моя охрана, тяжело дыша и не поспевая за мной, бежала следом. Я со всей силой вдавил кнопку звонка, и лестничную площадку огласили переливы веселой мелодии. Некоторое время в квартире царила тишина, потом послышались неверные шаркающие шаги.

— Чего надо? — раздался пьяный и неласковый голос Виктора.

— Открывай! — зарычал я.

Несколько секунд он не отвечал. Я позвонил еще, чтобы он не заснул. Однако он не думал спать. Он размышлял.

— Щас прям! — наконец скептически отозвался он из-за двери. — Разбежался. Жди. Тебе открой, а ты здесь мордобою устроишь. Знаю я тебя! Нет уж, дружок, там постой.

— Где Диана?!

— Диана? — переспросил, зевая или притворяясь, что зевает. — Откуда я знаю? Домой, поди, поехала, а может, и подорвалась куда-нибудь. Девка-то она шепутная, неймется ей в ночь глухую. Я ей машину дал, а уж куда она собирается, не поинтересовался. Я человек деликатный, не то что ты.

Он издевался надо мной. Не выдержав, я забарабанил в дверь. Она была металлическая, звук получался глухим; я довольно быстро отбил себе кулаки и ноги.

— Зря ты колотишься, — заметил Виктор. — И не пьешь, кстати, тоже зря. Вот если бы ты выпивал, ты бы спокойнее был, да и люди тебя больше бы любили. Хочешь, я тебе налью? У меня коньячок хороший есть, «Ричард Хеннесси».

— Наливай, — согласился я в надежде, что он откроет дверь.

Виктор расхохотался.

— Гляди-ка, что любовь с людьми делает! — радовался он. — Даже выпивать начал. А то все трезвенником прикидывался. Очень хитро! Думаешь, я тебя впущу, да? Даже не мечтай. Ты на улицу топай, а я тебе бутылку на веревке спущу. Найду веревку подлинней и через окно тебе переправлю. А ты выпьешь, потом опять сюда поднимешься, мы еще пообщаемся. Так и будем выпивать с тобой до утра да лясы точить: вверх — вниз, вверх — вниз.

— Подонок! — задохнулся я. — Насильник!

— С какого это перепоя я насильник? — возмутился Виктор. — Кого я насиловал? Тебя, что ли? Если ты про эту телку, то у нас с ней все произошло по взаимному согласию. У меня куча свидетелей имеется: охрана, водители. Собачка какая-то мимо пробежала, Жучкой кличут, не знаю, правда, пойдет она показания давать или нет.

Он подождал, пока я выплеснул новый заряд брани.

— Да, — злорадно протянул он. — Обидно тебе, конечно. Вы с Храповицким петушине бое из-за нее устраивали, носы друг другу разбивали. А я все по-мирному решил. Сунул ей десятку баксов, и сразу у нас любовь приключилась. Знаешь, как стонала? Спасу нет! Аж колхозники из деревни прибежали, думали, воздушную тревогу врубили, война началась. А это между нами страсть такая была, африканская.

— Ты врешь! — прохрипел я. — Ты всегда врешь!

— Зачем мне врать? Деньги-то — ого-го, какие! Да за десять тысяч долларов я бы сам кому хочешь дал. Только мне не предлагают, — он вздохнул. — Кстати, может, ты мне протекцию устроишь? У тебя же полно девок знакомых. Вот бы и сосватал. Или даже объявление тисни в газете. Интеллигентный молодой мужчина, это, значит, буду я, полюбит девушку от шестнадцати до пятидесяти лет за умеренное вознаграждение. В скобках: десять тысяч долларов. Платить можно в рублях, по курсу.

В таком роде. Ты запоминаешь? И фотографию помести. Мою. А хочешь, свою.

Не в силах терпеть этот бред, я вновь замолотил в дверь.

— Открывай! — кричал я. — Или я замок отстрелю!

— Стреляй! — равнодушно отозвался Виктор. — Дверь все равно пуленепробиваемая.

Я опять зашелся в проклятьях.

— И ругаться матом на меня не надо, — продолжал он. — Мне это совсем не нравится. Вот

обижусь на тебя и улечу куда-нибудь в Лондон. Что ты здесь один будешь делать? Без бабок, без связей? Кому ты нужен? Как ты станешь Храповицкого вызволять без меня, а?

— Ты не хочешь его вызволять! — выпалил я. — Не собираешься!

— Конечно, не хочу, — согласился Виктор. — А зачем? Сидит он себе сейчас в камере тихонько, как мышка. Ему сухарик принесут, он сухарик погрызет. А вытаскишь его, даже спасибо не скажет. Сразу начнет значимость свою показывать. Не хочу.

Его циничная откровенность была для меня ушатом ледяной воды. Я невольно понизил голос.

— Ты предал его! — громким шепотом произнес я. — Ты всех предал!

— Ничего подобного, — возразил Виктор. — Геройски держу оборону! Стою, блин, насмерть! Хотя мне охота упасть, — он саркастически хмыкнул. — Ты же меня спросил: хочу ли я его вытаскивать? Я тебе честно ответил: нет, не хочу. Но буду. Потому как выбора у меня нет. Если его там оставить, можно весь бизнес потерять, а это еще хуже, чем свободный Храповицкий, даже в паре с тобой. Так что дедка за репку, а ты, стало быть, за дедку. Привыкай, брат, выполнять мои приказы. А иначе и Храповицкому навредишь, да и сам сядешь.

— Я не верю тебе!

— А ты проверь, — легко отозвался он.

Возможности проверить его слова не существовало. Он знал это.

— А раз других вариантов у тебя нет, значит, терпи, — поучительно проговорил Виктор после паузы. — Потому что только двое нас осталось: ты да я. И нет у нас никого роднее друг друга. Понял? И знаешь что? — спохватился он, и в голосе его зазвучали новые капризные нотки. — Шел бы ты домой. Надоело мне твои оскорбления выслушивать. Спать я хочу. А то заявился без приглашения, разорался не по делу под моей дверью. Грубит мне. Что соседи обо мне подумают? Я человек уважаемый, мне скандалы ни к чему. Ступай, ступай. А то я милицию вызову.

Я услышал звук удаляющихся шагов. Пару раз я еще стукнул по двери, вдавил звонок, но, не дождавшись ответа, бросил. В одном он был прав: рассчитывать сейчас я мог только на него. От этого пьяного, злого, ненадежного человека зависела судьба Храповицкого, да и моя собственная.

Под сочувственными взглядами охраны я отошел в сторону, сел на ступеньки и обхватил голову руками.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Высокопоставленные столичные чиновники, отправляясь в глубинку, полагают, что дарят ей

праздник, подтверждение чему видят в радушных застольях и щедрых подношениях. На самом деле начальственные нашествия на провинцию сродни стихийным бедствиям, то есть аборигены, как правило, выживают, но иные по три дня лечатся водкой. Тут, впрочем, все зависит от того, кто именно приезжает.

Девятого ноября, в четверг, к нам прибывал президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин, лично. За всю историю губернии главное лицо государства впервые удостоивало ее визитом. Область неистово готовилась к встрече, ажиотаж царил невообразимый.

С конца октября начали лихорадочно красить облезлые фасады и латать разбитые дороги. Дымящийся асфальт засыпали прямо в лужи или на мокрый снег. Работы велись, разумеется, днем, и в городе тут же образовались чудовищные заторы. Количество аварий резко возросло, озверевшие гаишники удвоили поборы. В официальных учреждениях шло одно совещание за другим: строчили отчетные доклады и предложения. В преддверии великого события никто не желал заниматься рутинной, и мелкая услуга, за которую обычно брали коньяком и конфетами, взлетела в цене до тысячи долларов.

Хотя президент прилетал лишь на один день и намеревался ограничить свое пребывание Нижне-Уральском, а еще точнее — расположенным в Нижне-Уральске крупнейшим в стране автомобильным заводом, сокрушительным улучшениям на всякий случай были подвергнуты все города губернии, включая захолустный Черноглинск. Придорожные кафе и ларьки, расположенные на трассе по маршруту следования, получили предписание закрыться. Жителям Центрального и Автозаводского районов Нижне-Уральска было рекомендовано не выходить без надобности на улицу, не выгуливать животных, соблюдать чистоту и при себе иметь паспорт. Неделю охорашиваемая губерния стонала, проклиная президента.

Официально визит Ельцина не был приурочен к какому-то событию и носил, выражаясь протокольным языком, рабочий характер. Но подоплека у него имелась.

Некоторое время назад один из заместителей генерального директора автозавода, отвечавший за сбыт готовой продукции, вдруг пожелал получить ученую степень. Не будучи в состоянии самостоятельно связать и двух слов, он нанял для написания и защиты кандидатской диссертации молодого пробивного доктора наук по фамилии Березовский. В стране уже бушевала буржуазная революция, Березовский целеустремленно искал способы разбогатеть и, встретив недалекого, самоуверенного провинциала, в чьем ведении находилась продажа самой популярной в стране автомобильной марки, понял, что попал на золотую жилу.

К заводу Березовский присосался, как пиявка. Написанная им диссертация была посвящена усовершенствованию заводской системы доставки и сбыта, или, выражаясь научным языком, логистики. В память об этом выдающемся труде новоиспеченный кандидат наук и его ученый наставник назвали свою первую совместную фирму «Лого-кар». Третьим партнером в «Логокаре» вскоре стал сам генеральный директор, Разбашев, которого заместитель познакомил с Березовским и на которого Березовский произвел неотразимое впечатление.

Усовершенствованная логистика заключалась в том, что теперь заводские автомобили отгружались «Логокару» в неограниченном количестве на самых льготных условиях. Из мелкого общества с ограниченной ответственностью он стремительно превратился в главного заводского дилера с оборотами в сотни миллионов долларов. Фирма обросла недвижимостью в Москве и за границей и теперь уже не только продавала отечественные автомобили по стране, но и ввозила сюда иномарки. Впрочем, она занималась всем: от нефти до паленой водки.

Надо признать, что завод грабили и до Березовского. Но в богатую криминальную историю

автогиганта выдающийся логист вписал две новые главы. Одна из них называлась «резкспорт», другая — «народный автомобиль».

Схема резкспорта была по тем временам свежа и не лишена изобретательности. Она заключалась в том, что крупные партии машин в улучшенной комплектации отпускались без предоплаты «Логокару» для продажи на экспорт. Через некоторое время выяснялось, что сбыта за рубежом они не нашли. Автомобили возвращались в Россию, и цены на них для «Логокара», якобы несшего транспортные издержки, падали вдвое. Поскольку пределов страны машины, разумеется, не покидали, то Березовский продавал их на месте с огромной прибылью.

В отличие от резкспорта «народный автомобиль» был обычной финансовой пирамидой. Березовский и Разбашев регистрировали предприятие, которое от имени завода распространяло среди населения страны ценные бумаги, дающие право на приобретение готовящейся к выпуску новой модели автомобиля за полцены. Центральные каналы телевидения непрерывно гнали рекламу народного автомобиля. Акции предприятия пользовались спросом.

Через некоторое время, собрав с обывателей около сотни миллионов долларов, акционеры объявили, что денег для производства новой модели недостаточно и что выпуск придется отложить.

Все это, как легко догадаться, не способствовало росту производства и улучшению жизни заводских рабочих, тем более что прочие заместители Разбашева старались не отставать от лидеров и изо всех сил наращивали темпы личного обогащения. На заводе зрело глухое недовольство, которое время от времени выплескивалось в митинги и забастовки. Генеральная прокуратура, подогретая шумом в прессе и деньгами конкурентов Березовского, начала расследование некоторых уж слишком откровенных операций.

В качестве ответного хода Березовский и Разбашев под предлогом развития отечественного автомобилестроения разработали целую программу государственной поддержки завода, целью которой было получение безвозвратных бюджетных денег. В случае успеха Березовский и Разбашев помимо мощной финансовой подпитки обретали и косвенную защиту от назойливого внимания правоохранительных органов. Эту программу они и надеялись подписать после президентского визита, который организовал Березовский, используя свои связи в президентской администрации и президентской семье, членом которой его называли.

Президента, разумеется, не посвящали в тонкости финансовых махинаций. Ему деликатно объяснили, что накануне предстоящих выборов он должен чаще ездить по стране, являя себя народу и опровергая слухи о своей смертельной болезни и старческом бессилии. Появление на заводе в качестве спасителя гибнущего автогиганта давало президенту хорошие шансы на победу в Уральской области, где из-за большой концентрации промышленных предприятий традиционно были сильны коммунисты. Ельцин летел бить коммунистов и спасти гордость российского автопрома.

2

Если после объяснения с Лихачевым мое пребывание в Уральске стало очень опасным, то после перестрелки в лесу оно превратилось в самоубийственное безумие или в безумное самоубийство — право, не знаю, что глупее. Арестовать меня могли каждую минуту. Я кожей ощущал угрозу, но бежать не мог. Точнее, я собирался это сделать, но чуть позже, после президентского визита, который давал мне последнюю возможность прорваться к кому-то из первых лиц области, чего до сих пор у меня никак не получалось. Короче, я решил еще раз рискнуть.

Президент ожидался в одиннадцать. Я приехал в аэропорт в десять тридцать. Стоянка у VIP-зала была заполнена автомобилями с административными номерами. Милиционеры сверяли фамилии чиновников со списком. Я даже не стал там притормаживать, а сразу двинулся к общему входу в аэропорт.

Особо важный зал, расположенный в отдельном крыле, соединялся с основным зданием служебным ходом, о котором кроме сотрудников аэропорта мало кто знал. Я обнаружил его случайно, когда из-за задержки рейса маялся в аэропорту бездельем и заглядывал во все двери подряд. Через второй этаж, невзрачным коридором мы с Гошей практически беспрепятственно пробрались в холл VIP-зала, где уже собралось все губернское чиновничество. Нам, правда, попался по дороге один из заместителей Ковригина, но мы приветствовали его столь сердечно, что он не решился спросить нас о том, что мы здесь делаем.

Народу было не продохнуть, настроение царило оживленное и праздничное. Что обывателю — смерть, то бюрократу — радость. Чиновники ждали падишаха, волнуясь как жены в гареме. Военные сверкали золотом парадных мундиров, штатские сплошь были в костюмах. Кресел катастрофически не хватало, люди гудели и перемещались. На мое появление никто не обратил внимания.

Возле банкетки царила особая суета. У входа толпились несколько полковников и руководителей областных департаментов. На их лицах было выражение сопричастности происходящему за дверями таинству. Это означало, что губернатор с особо близкими персонами уже внутри.

На выездных мероприятиях субординация соблюдается не так строго, как в кабинетах и приемных. Губернатор обычно сам решает, кого взять с собой, а кого оставить, и чаще всего происходит это экспромтом. Поэтому я напрямик направился к банкетке, надеясь, что никто не станет проверять, приглашал меня Лисецкий или нет. Мой расчет оправдался, меня не остановили.

Приоткрыв дверь, я увидел, что в помещение набилось человек сорок, не меньше. В центре стола восседали Лисецкий и генеральный директор автозавода Разбашев, оба в элегантных, дорогих темно-синих костюмах и ярких галстуках. Разбашев был статным русоволосым мужчиной средних лет, с высокомерным лицом, тяжелым взглядом и решительным подбородком.

О взаимной неприязни директора с губернатором по области ходили легенды. Рассказывали, как порой, сталкиваясь нос к носу в депутатском зале Шереметьево, они прятались в туалете, лишь бы не здороваться.

Разбашев, возглавляя одно из крупнейших производственных объединений страны, считал себя выдающимся руководителем, хозяйственником и человеком дела, а Лисецкого — болтуном, интриганом и фанфароном. В Уральск Разбашев не ездил, губернаторские приглашения игнорировал, политикой не интересовался, в свой бизнес Лисецкого не пускал. Автогигант давал в областной бюджет до тридцати процентов налогов, и Разбашев полагал, что за такие деньги Лисецкий может и потерпеть.

Лисецкий, разумеется, терпел, но скрежетал зубами при одном упоминании Нижне-Уральска. Как и все представители новой русской знати, Лисецкий был исключительно завистлив. Мысль о том, как много ворует Разбашев, сводила его с ума. За глаза он называл Разбашева хамом и жлобом. В глубине души он был бы рад, если бы Ельцин разбашевскую программу зарубил, однако способствовать этому Лисецкий не мог, все из-за тех же налоговых поступлений.

В сегодняшнем мероприятии Разбашеву доставалась ведущая партия, тогда как губернатор

отходил на второй план. Понятно, что их чувства по этому поводу были диаметрально противоположными. Сидя вплотную друг к другу, они упорно смотрели в разные стороны, отдаленно напоминая двуглавого орла с российского герба.

Бедняга Силкин, мэр Нижне-Уральска, зависел от них обоих и до смерти боялся испортить отношения с любым. Он нервно ерзал подле Разбашева, заглядывал через него в глаза Лисецкому и угодливо улыбался то одному, то другому.

По правую руку от губернатора располагался не кто иной, как сияющий Плохиш. Его я никак не ожидал здесь увидеть, будучи уверен, что он давно находится за пределами России. Заметив мое изумление, Плохиш мне игриво подмигнул.

Мой ночной кошмар, генерал Лихачев, демонстративно сидел в углу, подальше от губернатора. Закинув ногу на ногу, он бросал иронично-вызывающие взгляды на других силовиков: начальника областного УВД Поли-вайкина и начальника ФСБ Зайцева. Увидев меня, он покачал головой, будто удивляясь моей дерзости, и отвернулся. Был тут и Ефим Гозданкер, который мокрыми губами что-то шептал на ухо прокурору области.

Стол был накрыт, но поскольку угощение предназначалось для высокого гостя, то к еде никто не притрагивался, за исключением губернатора. Он ел оливки, а косточки выкладывал на тарелку перед Плохишом. Кстати, вице-губернатор по сельскому хозяйству, необхватный Семен Калюжный тоже, кажется, что-то торопливо жевал, низко склонив голову над тарелкой. Судя по той скорости, с которой двигались его уши в такт работающим челюстям, он ужасно боялся попасть под губернаторский гнев. Но сдержаться все равно не мог.

— Жаль, конечно, что Борис Николаевич к нам одним днем прилетает, — сетовал Поливайкин. — За один день ничего не увидишь! Остался хотя бы на выходные, мы бы охоту ему организовали, в баньке бы его попарили.

— Ему, с больным сердцем только в бане и париться! — саркастически отозвался Разбашев.

— А мы бы аккуратненько, не во вред, — осклабился Поливайкин. — У нас в заказнике банька есть срубовая — чудо. И егерь там один так веничком березовым обмахивает — дух захватывает! Прямо мурашки по коже! Я к нему министра нашего возил, тот больной весь прилетел, простуженный. Так мы его живо на ноги тут поставили. Эвкалиптом поддавали, все хвори как рукой сняло! Он на радостях аж ружье егерю подарил. В Москву с собой его звал, да тот отказался.

— Борису Николаевичу у нас не до бани будет, — подал голос Щетинский. — Он к нам по особому вопросу прибывает. Тут государственная задача одна есть... — он многозначительно замолчал.

— Это какая же? — надменно поднял бровь Разбашев.

Разбашев, ощущая себя хозяином сегодняшнего торжества, полагал, что никто не может быть осведомлен о ходе мероприятия лучше, чем он.

— Да видишь, он хочет нашему Егору Яковлевичу должность вице-преьера предложить, — таинственно понижая голос, поделился Щетинский.

— Да ну! — поразился Поливайкин, приоткрыв рот и сверкнув золотыми зубами. — А это хорошо или плохо?

Остальные тоже вытянули шеи, прислушиваясь к словам Щетинского.

— Надо же ему перед выборами правительство укреплять, — авторитетно пояснил Щетинский. — Там ведь из регионов нет никого. А голосовать не Москва будет, а Россия!

Борис Николаевич — известный политик. Чует нужный момент! — Щетинский погрозил пальцем невидимым врагам.

— Правда, что ли, Егор Яковлевич? — в сомнении повернулся Поливайкин к Лисецкому.

— Не знаю, не знаю, — загадочно посмеивался Лисецкий и делал томные глаза. — Я сплетен не слушаю, а официально мне никто ничего не предлагал.

На самом деле этот сенсационный слух среди губернского бомонда Лисецкий распустил лично. Суть заключалась в том, что Ельцин, якобы напуганный возможным участием уральского губернатора в президентских выборах, предлагает ему дружбу и высокую должность. Не далее как вчера Лисецкий под большим секретом поведал эту историю Щетинскому. Тот, разумеется, не поверил, но виду не подал и вот сегодня подыгрывал губернатору, рассказывая эту фантастическую версию уже от своего имени.

— Чего только не наплетут, — презрительно пробормотал Разбашев. — Делать людям нечего, только сказки выдумывать.

Лисецкий обиженно поджал губы. Силкин напряженно заморгал.

Воспользовавшись тем, что все внимание было приковано к первым лицам, я начал осторожно протискиваться в сторону прокурора. До прокурора я, впрочем, не добрался, Лисецкий меня заметил.

— А тебя кто сюда звал? — осведомился он громко и грубо. Он злился на Разбашева и искал, на кого выплеснуть раздражение.

Все головы вмиг повернулись в мою сторону.

— Как он здесь оказался? — продолжал губернатор, обращаясь к присутствующим. Они молчали.

— Я не знаю, — залепетал Ковригин, ощущая себя виновником происшедшего. — Я велел, чтобы его в VIP-зал вообще не пускали.

— Но он же здесь! — сердито возразил губернатор.

Под пристальными взглядами окружающих я почувствовал, что заливаюсь краской.

— Извините, если своим приходом я доставил вам неудобство, — проговорил я, стараясь говорить весело.

Лисецкий рассвирепел еще больше.

— При чем тут неудобство? — оборвал он меня. — Это официальное мероприятие, на нем присутствуют лишь официальные лица, а не кто попало!

Я мимоходом взглянул на официальное лицо Плохиша. У него хватило совести отвести глаза. Зато все остальные тарацились на меня, как на диковинного зверя. Меня бросило в жар.

— Я хотел с вами повидаться по важному вопросу, — предпринял я последнее, отчаянное усилие.

— На прием запишись, — отрезал Лисецкий. — У меня для встреч с гражданами приемные дни существуют. Первый четверг каждого месяца. А здесь тебе нечего делать.

Я готов был швырнуть чем-нибудь в его холеную недовольную физиономию. В другое время я бы не стерпел. Но в другое время он и не стал бы так распоясываться.

Стиснув зубы, я молча вышел из банкетки. Щеки мои пылали, в висках громко стучало. Должно быть, полковники подслушивали, потому что они молча расступились, давая мне дорогу. Один из них осуждающе покачал головой.

Я пробрался в глубь зала, стыдясь поднять взгляд, и едва не наткнулся на Боню, который стоял с директором кабельного завода, невысоким хитрым толстячком, и что-то ему втолковывал.

— Ну, и где он? — негодовал Боня. — Где реальный сектор экономики? Нету его. Лежит, в натуре, на боку и не хрюкает. Никому до него и дела нет.

— Это верно, — грустно поддакивал директор. — В прежние годы эти вопросы на государственном уровне решались. А сейчас — спасайся, кто может! Такие махины, как автозавод, еще выкручиваются. Чуть что — начинают Москву социальной напряженностью пугать. Дескать, у нас десятки тысяч сотрудников, если их на улицу вышвырнуть, то революция начнется! Глядишь, им что-то из Кремля и подкинут. А нам, бедным, куда бежать? Кому жаловаться? Хочу сегодня на совещании выступить. Может, Борис Николаевич и услышит меня. Хоть маленько политику переменит.

— Переменит, как же! — хмыкнул Боня. — Ты вообще не о том думаешь!

— Как это не о том?!

— А вот так! Вот, к примеру, тебе кто крышу делал? Бабай?

Директор испуганно отступил назад и воровато оглянулся по сторонам. Руководители государственных предприятий чурались бандитов, как прокаженных, и, хотя дань им платили, свой позор всячески скрывали.

— Ничего подобного! — воскликнул он.

— Да брось! — напирал на него Боня. — Я же знаю.

— Ну, не то чтобы крышевал он нас, — нехотя признал директор. — А так... Был у нас с ним уговор... Чисто по-человечески.

— Выходит, ты сейчас без крыши остался! — энергично перебил Боня. — Тебе срочно что-то предпринимать надо. А то бандиты, слышь, тебя порвут.

— Я про этих бандитов больше слышать не хочу! — замахал руками директор. — Кровососы! Я лучше с милицией договорюсь. У меня там вроде связи неплохие.

— С ума сошел! — ахнул Боня. — И тем, и другим платить будешь. Я тебе помочь хочу. Давай я переговорю с кем надо, устрою тебе встречу с серьезными людьми. Близкие наши. ФСБ, — это слово Боня выдохнул прямо в ухо директору. — Догнал? Прикроют тебя и много не возьмут. Так, чисто символически.

Директор слишком поздно сообразил, чем обусловлен интерес Бони к реальному сектору экономики, и, похоже, уже был не рад, что позволил втянуть себя в эту беседу.

— Давай потом как-нибудь обсудим, — промямлил он, озираясь вокруг в поисках отступления.

— Короче, я тебя найду! — пообещал ему Боня и тут заметил меня. Глаза его округлились.

— Ты?! — поразился он. — Здесь?! Вот это номер! Я-то думал, ты уже давно в теплых странах кантуешься, по чужому паспорту!

— Зачем мне чужой паспорт? — пробормотал я.

— Ни фиги себе! Он еще спрашивает! Вы с Пономарем Бабая грохнули и думаете, никто не заметил, да?

— Тише! — взмолился я. — Тут же кругом одна милиция.

— Да они и так все знают, — отмахнулся Боня, впрочем, чуть сбавляя обороты. — У них в каждой бригаде по стукачу. Им весь расклад уже наутро доложили, можешь не сомневаться. Весь город только об этом и говорит. Мне вообще кто-то насвистел, что облава на тебя была. Операцию «перехват» объявляли.

— Что за бред?! Какая облава?

— Ну да! — увлеченно продолжал Боня, не слушая меня. — Карасик вообще божился, что он своими глазами ордер на тебя видел. Помнишь Карасика?

Никакого Карасика я, конечно, не помнил, да и вряд ли когда-либо знал. Но непоколебимая уверенность Бони меня смутила. Я почувствовал в груди неприятный холодок.

— Пономарь-то вчера ночью улетел, — добивал меня Боня. — У него двоих пацанов сразу закрыли. Он и не стал дожидаться, пока его самого повяжут. Да, брат, вляпались вы прямо по уши! Менты — это еще полбеды. А вот что ты с Чижиками делать будешь? Они же Пономарю войну за Бабая объявили. Да! А как ты думал? Ты себя на их место поставь. Если вы с Пономарем начнете всех блатных без разбору валить, что получится?

Я не хотел ставить себя на место Чижиков. Мне и на своем было несладко.

— Да ладно, не расстраивайся, — утешил меня Боня. — Отчалишь куда-нибудь на Кипр, отсидишься годика два. А там, глядишь, и уляжется. Главное — не тяни. Здесь-то ты что делаешь?

— Я собирался с губернатором переговорить по поводу Храповицкого, — признался я.

— Не будет он с тобой об этом говорить! — убежденно ответил Боня. — Зачем ему в эти разборки впрягаться? Кто ему Храповицкий? Сват, брат, друг? Лох сладкий. Подоил — и до свидания. Посадят Храповицкого, другой на его место найдется. Он вон уже Ефима Гоздан-кера откуда-то откопал. Целый год того не было видно, а сегодня гляжу — в одной машине прибыли. И Плохиш тут же, возле них вьется. Ну, с Плохишом-то все понятно: были вы в силе, он вам шестерил, теперь Ефим опять в гору попер, он к нему прибьется. Но Ефим-то каков! Сколько раз Лисецкий его чморил, ноги об него вытирал! А только свистнул, и тот враз примчался. Это при том, что у него на днях единственного сына убили.

— Да уж, с его деньгами можно было проявить и больше достоинства, — машинально согласился я, думая о своем.

— А с другой стороны, если бы он достоинство проявлял, откуда бы у него бабки брались? — философски заметил Боня. — Тут уж либо одно, либо другое. Кто бы его к губернатору пустил, с достоинством-то? Стоял бы здесь с нами и понтовался.

Я окинул взглядом нарядную толпу и подумал, что желающих понтоваться без денег в нашем с Боней обществе тут нашлось бы совсем немного.

3

Президент опоздал примерно на час. От усердия губернатор со свитой вышел на улицу заранее, за ними повалила вся толпа, в результате мы долго ждали под мелким

секущим дождем. Я уже не рвался в первые ряды, а скромно стоял рядом с Боней в хвосте. Справа от нас, возле телекамер хлопотали промокшие местные репортеры.

Первым приземлился так называемый передовой борт, то есть дополнительный самолет для свиты и приглашенных. Из него кубарем скатились вниз столичные журналисты и тут же принялись устанавливать камеры, перебрасываясь короткими репликами и не обращая на нас никакого внимания.

Президентский самолет величественно вырулил на ближнюю полосу и остановился рядом с ковровой дорожкой. Подкатили трап, дверь открылась, чиновники, привстали на цыпочки и замерли. Некоторое время трап пустовал, затем наверху показалась приземистая фигура.

— Борис Николаевич! — вырвалось у кого-то.

Но это был не Борис Николаевич. Вместо президента Российской Федерации на трапе стоял пухлый молодой человек армянской наружности и оглядывал нас любопытными живыми глазами, словно проверяя, все ли в сборе. Он был в черном костюме и блестящих лаковых туфлях. Ни статью, ни внешностью он даже отдаленно не напоминал Ельцина. Никто не понимал, откуда он взялся. Народ смущенно зашептался.

— Артурчик! — вдруг заорал Боня что было сил. — Привет, дружище!

Услышав свое имя, молодой человек вздрогнул от неожиданности и попятился. Все сначала обернулись на нас с Боней, а затем снова уставились на трап, но он уже пустовал. Молодой армянин исчез.

— Близкий наш! — громко похвастался Боня, обращаясь ко мне, но так, чтобы остальные тоже слышали. — У Калошина помощником работает. Они, видишь, хотели сначала Гаврика прислать, а потом на Артурчика переиграли. Знать, кто-то сегодня по шапке получит, помяни мое слово. Артурчик — он, блин, свирепый.

Я не заметил особой свирепости в пухлом Артурчике, но возможно, я чего-то не доглядел. Чиновники вокруг нас уважительно затихли. Боня в их глазах сразу вырос на голову.

Наконец из самолета, приветственно махая рукой и криво улыбаясь, появился Ельцин в расстегнутом темно-сером пальто. Это был большой, обрюзгший мужчина с отечным, широким лицом и седыми, все еще густыми волосами. Брови у него отсутствовали, что придавало его круглому лицу несколько бабье выражение. Почти заплывшие карие глаза смотрели настороженно, а губы как-то непроизвольно подергивались, выдавая капризность и непостоянство характера. За последний год он перенес несколько сердечных приступов, двигался медленно и тяжело, и в его неуклюжей повадке было что-то медвежье.

Держась за поручень и грузно приседая, президент начал спускаться по трапу. Позади него осторожно продвигался огромный телохранитель, держа над Ельциным наклоненный зонт, что выглядело довольно глупо, поскольку дул ветер и зонт от дождя все равно не спасал. Толпа качнулась вперед, словно желая обнять президента.

— Ну, шта? — зычно крикнул сверху Ельцин, произнося почему-то «шта» вместо «што». — Как вы тут?

Правильного ответа на этот вопрос никто не знал, но все на всякий случай бодро улыбались. Девушки из нашего театра, в национальных русских кокошниках, сапожках и коротких юбках грациозно поднесли президенту хлеб и соль. Наш холдинг продолжал соблюдать все прежние договоренности с областной администрацией, несмотря на то что Храповицкий сидел за решеткой. Впрочем, взнос на подарки президенту Лисецкий предусмотрительно получил с нас заранее.

Кстати, положенная по обычаю рюмка водки на сей раз отсутствовала. Лисецкому накануне визита пришлось прослушать в кремлевской администрации специальную инструкцию от Калошина, категорически запрещающего предлагать президенту спиртное. Тема алкоголизма Ельцина была в стране одной из самых обсуждаемых. Особенно много слухов о его неводержанности ходило в провинции.

Ельцин, морщась, оглядел расписной поднос, разломил каравай, но есть не стал. Чиновники, между прочим в глубине души тоже не одобряли нарушение старинных традиций, считая, что ничего хорошего трезвость президента не предвещает. Русский человек свято верит, что, начальник, напиваясь, становится добрее.

С Ельциным прилетело человек пятнадцать, не считая, конечно, журналистов и охраны. Министра промышленности я видел в телевизионных сюжетах, остальные были мне незнакомы. Возглавляемая Ельциным делегация неспешно двинулась вдоль шеренги чиновников, пожимая им руки. Рядом с президентом торопливо шагал Лисецкий, забегая вперед и представляя присутствующих. От волнения его голос слегка вибрировал. С другой стороны от Ельцина пристроился Разбашев, потеснив министра и оробевшего Силкина.

Ельцин уже заканчивал обход, когда на взлетном поле появился Кулаков, в широкой кожаной куртке, из-под которой виднелась темная водолазка с оттянутым воротом. Вообще-то Кулаков опаздывал всегда и одевался, как ему нравилось, это было частью его фрондерства, но мне казалось, что на встрече с президентом все-таки можно было прийти вовремя.

— А вот и мэр Уральска Борис Михайлович Кулаков, — проговорил Лисецкий и, не удержавшись, сделал выговор: — Что ж ты опаздываешь, Борис Михайлович?

Кулаков что-то буркнул и шагнул навстречу Ельцину. Тот остановился и нахмурился.

— Мэр Уральска, говоришь? — переспросил он, протягивая руку Кулакову и критически его оглядывая. Для своей должности Кулаков и впрямь выглядел одиозно.

Лисецкий, тонко чувствовавший начальственную интонацию, тут же состроил ироническую гримасу.

— Это ты, что ли, меня везде ругаешь? — в упор спросил Ельцин Кулакова.

От этого внезапного выпада Кулаков растерялся. Он был значительно ниже Ельцина, что лишь подчеркивало его подчиненное положение.

— Почему же ругаю? — задиристо встопорщил он усы. — Я свое мнение высказываю.

Эта фраза прозвучала как признание.

— Меня ругаешь, а город запустил?! — перебил Ельцин. — Грязь кругом такая, что не проедешь!

Он встряхнул руку Кулакова так, словно хотел ее оторвать и, не слушая ответа, двинулся дальше. По рядам чиновников прокатился испуганный вздох.

— Во дает дед! — восхищенно прошептал мне Боня. — И откуда только он все знает?

От угощения в банкетном зале Ельцин решительно отказался, и Лисецкий, опередив Разбашева, повел президента к своему «Мерседесу». На лице директора автозавода мелькнула досада. Он, не отставая от президента, начал что-то ему говорить, но вдруг Лисецкий осуществил на редкость коварный маневр. Открыв перед Ельциным дверь автомобиля и вежливо пропустив его вперед, губернатор поспешно прыгнул следом, громко крикнув Силкину:

— Анатолий Викторович, давай скорее к нам! Тебя одного ждем! — и захлопнул дверь.

Разбашев опешил. У всех на глазах Лисецкий давал ему понять, что он здесь лишний. Директор по инерции потянулся к передней двери, но тут его потеснил Силкин.

— Извините, пожалуйста, — отчаянно труся и избегая смотреть в глаза Разбашеву, пролепетал он. — Но это мое место.

Разбашев стиснул зубы и еле слышно выругался. Силкин юркнул в машину.

— Ты гляди, Анатолий Викторович, не зевай, — приветствовал его с заднего сиденья довольный Лисецкий. — Свое никому не уступай, а то оглянуться не успеешь, как всего лишишься. Тебя народ выбрал, а его власть назначила. Чуешь разницу? — и он бросил взгляд на Ельцина, ожидая одобрения.

Но Ельцин лишь загадочно сопел, глядя перед собой неподвижным взглядом.

Толпа торопливо рассаживалась по машинам и автобусам. Я спохватился, что мне нужно было срочно к кому-нибудь пристроиться, в противном случае я рисковал отбиться от стада. Мимо как раз проходил Кулаков.

— Можно мне с вами? — быстро спросил я.

— Нет! — коротко отрезал он и прибавил шаг.

Я едва не поскользнулся на ровном месте. Такой оплеухи я никак не ожидал от человека, который еще недавно называл меня другом и предлагал работать вместе. Наверное, сегодня проходил премьерный показ комедии пинков и затрещин, о чем меня не поставили в известность. Я метнулся назад в поисках Бони. Они с Артурчиком как раз загружались в Бонин «Мерседес» с мигалками. Не дожидаясь приглашения, я плюхнулся рядом с водителем и лишь после этого спросил:

— Ничего, если я к вам присоединюсь?

В глубине души я опасался, что мне откажет и Боня. Но Боня оставался вне политики.

— Садись, конечно, — разрешил он. — Веселее будет.

4

Я точно знаю, какой русский не любит быстрой езды. Тот, который стоит на автобусной остановке под дождем, в то время как мимо него, разбрызгивая грязь, лихо проносится чиновничий кортеж. В сопровождении завывающих сиренами и сверкающих огнями милицейских машин мы летели по трассе так, что не замечали ухабов под колесами. Гаишники с наслаждением рывкали в громкоговорители на случайных автомобилистов, требуя, чтобы те немедленно прижались к обочине.

Сидя рядом с водителем, я неприметно наблюдал за Артурчиком. Ему было лет тридцать, может быть, даже меньше. Прилетел он без пальто, в одном пиджаке, что выдавало человека, не привыкшего думать о погоде и передвигавшегося исключительно служебным транспортом. Вполне миролюбиво развалившись сзади, он озабоченно ощупывал себя в районе талии, по-прежнему не обнаруживая природной свирепости, как, впрочем, и самой талии. Через некоторое время он открыл в потолке зеркало с подсветкой и тщательно оглядел свое миловидное румяное лицо с полными щеками, даже высунул язык.

— Ну, как тут похудеешь в таких поездках? — посетовал он. — Не успеешь в самолет сесть — уже обед несут. Только приземлишься — банкет. Ешь, ешь, уже дышать не можешь, а тебя

все равно угощают! Такие вот у нас в регионах гостеприимные люди, не то что в Москве. Да еще норовят что-нибудь тебе с собой всучить. Чисто перекусить в дороге. Икры ведро или балыка ящик. А в самолете уже опять ужин ждет. Я даже весы дома спрятал, чтобы не расстраиваться.

У него была своеобразная манера выражаться. Внешне он сохранял полную серьезность, но интонацией давал понять собеседнику, что посмеивается над тем, что говорит. Вкрадчивый восточный акцент лишь подчеркивал эту двусмысленность.

— А ты не ешь, — посоветовал Боня, воспринимая его жалобы без всякого юмора. — Тебя же никто не заставляет!

Артурчик посмотрел на него с упреком.

— Как не заставляют? — с достоинством возразил он. — С ножом к горлу пристают. Все заставляют, к кому в гости ни прилети. Вот сегодня ты меня будешь заставлять. Ведь будешь, правда? А то я обижусь и назад улечу, честное слово. Я мягкий человек, не могу друзей обижать. Мне мама в детстве запрещала. Ведь они для меня готовят, стараются. Что они обо мне подумают? Что я из Москвы приехал и их едой брезгую, да? «Не ешь»! Ты бы еще посоветовал мне в спортивный зал бегать!

— А что?! — подхватил Боня. — Хорошая идея! Я, правда, сам не пробовал.

— А я пробовал, — печально отозвался Артурчик. — Ничего хорошего. За месяц на два килограмма поправился. Там в кафе такие пирожки вкусные готовят, ах! А какие официантки приятные, ты бы видел! Я же не могу женщинам отказывать, как ты считаешь?

Боня потискал свое солидное брюшко и безнадежно махнул рукой.

— Я на эту тему даже не переживаю, — лицемерно сообщил он. — Правильно ты говоришь, тут деваться некуда. У нас все серьезные дела в ресторанах да в банях решаются. Кругом засада. Если большим бизнесом занимаешься — значит, либо пьешь, либо ешь, либо с телками зависаешь. Или вообще все вместе. Не знаю, как Андрюха ухитряется худым оставаться, — с осуждением прибавил он в мою сторону.

— Просто у меня серьезных дел нет, — отозвался я. — Пустяки одни. Вот и сижу с утра до вечера в кабинете: злой и голодный.

Артурчик посмотрел на меня с любопытством.

— Выйду на пенсию — тоже похудею, — пообещал он.

— Слушай, — вспомнил Боня. — Ты видел, как дед сегодня на Кулакова набросился? Кто его натравил, как ты думаешь?

— На какого Кулакова? — рассеянно спросил Артурчик.

— Ну, на мэра нашего, который позже всех пришел. Ведь не сам же дед догадался, что Кулаков его везде критикует. Кто-то, выходит, донес. Спецслужбы, что ли?

— Ай, какие ты слова нехорошие говоришь! — укоризненно покачал головой Артурчик. — Спецслужбы не доносят. Они информируют. Выполняют свой долг. Ты бы тоже мог, между прочим, проявить гражданскую ответственность и поставить нас в известность. Дескать, такой-то мэр обзывает нашего дорогого президента плохими словами. Но вообще-то здесь и так все ясно. Сейчас, кого ни возьми, все нашего несчастного Бориса Николаевича ругают! Он, бедный, трудится круглосуточно, не щадит себя ради людей, а они его в ответ поливают, заметь, совершенно несправедливо. И газеты критикуют, и телевидение, и народ в очередях,

и политики требуют в отставку уходить. Хоть бы кто доброе слово сказал, даже обидно! Лисецкий ваш за глаза его поносит, Разбашев — тоже. И этот, другой мэр, из Нижне-Уральска, вылетела из головы его фамилия, с крысиной мордочкой, перепуганный такой, тоже туда же. Все на него свои грехи вешают. А ты, кстати, дорогой друг, часом его не ругаешь, а? — вдруг спросил Артурчик.

Боня вытаращил глаза.

— Да на хрен он мне нужен! — выпалил он. — В гробу я его видел!

— Ну вот, — вздохнул Артурчик. — Одни мы с тобой Бориса Николаевича и поддерживаем. А на остальных никакой надежды. Борис Николаевич очень по этому поводу переживает. Он терпит, терпит эту клевету, потом прилетает, например, в вашу губернию, и с ходу — раз кому-то в зубы! Одному врезал — другим неповадно. Всем сразу понятно, кто в доме хозяин.

— Ты хочешь сказать, что Кулаков просто под руку подвернулся? — недоверчиво уточнил Боня. — Что Ельцин понятия не имел, как тот его песочит на каждом углу? Просто на пушку Кулака взял?

— Не совсем так, дорогой друг, не совсем так, — усмехаясь, протянул Артурчик. — Борис Николаевич только с виду неповоротлив. А глаз у него — снайперский и чутье, как у собаки. Он смотрит — идет незнакомый человек. Вразвалку, между прочим, идет, не торопится. На встречу с президентом опоздал. Галстук не одел. Значит, не уважает. Кто таков? Мэр города Уральска Кулаков! Ну, получай, Кулаков!

— А про то, что дороги в Уральске плохие, как он дознался? — не унимался Боня. — Он же у нас не был никогда.

— Да они же везде плохие! Ты думаешь, в Екатеринбурге лучше или, там, в Самаре? В Москве еще можно на нормальной машине прокатиться. А в регионах только на тракторах и ездить. Да тут дело-то не в дорогах, дорогой друг, и даже не в этом Кулакове. Что Кулаков? Мешок мешком, как и все мэры. Кого-то надо было выпороть для острастки. Не с губернатора же начинать! Как-то недипломатично. Хозяин все же.

— Можно было и с губернатора! — не согласился Боня. — Также мне — фраер тухлый! Дед его в свое время на область назначил, а тот вместо благодарности против него же и попер.

— Совсем от рук отбился, — признал Артурчик все с той же двусмысленной интонацией. — Надо, конечно, ему укорот давать. А нельзя! Демократия. Приходится терпеть. Обниматься, целоваться. Кулакова бить, чтобы Лисецкий боялся.

Боня ненадолго задумался, переваривая эту новую порцию информации.

— А дед в курсе, что Лисецкий под него подкоп ведет? — продолжил он выведывать политические тайны.

Артурчик улыбнулся.

— Докладывать ему, я полагаю, докладывали, и не раз. А вот что он по этому поводу думает, никто не ведает. Ведь Борис Николаевич — великий человек. А великого человека понять нельзя. Он, может, и сам себя до конца не понимает. Вот, например, возьмет он да на ровном месте такое мудрое заявление порой сделает, что все рты раскроют. Враги и рады стараться: тут же поднимают крик, дескать, разве трезвый человек подобное брякнет?! А мы потом целую неделю терпеливо объясняем, что трезвый человек и не такое брякнет, особенно когда выпьет: что слова президента намеренно исказили; он имел в виду совсем другое. А иногда наоборот. Задумает что-нибудь Борис Николаевич и молчит. Виду не показывает.

— А почему Березовский не прилетел? — перескочил на другую тему Боня, которому не терпелось вытянуть из Артурчика как можно больше секретов.

Артурчик деликатно кашлянул.

— Он был в составе делегации, но вчера вечером передумал. Решил не будоражить без надобности общественное мнение. Говорят, его здесь не очень любят.

— Ненавидят! — с готовностью подтвердил Боня. — Он ведь собрался автозавод захватить!

Артурчик состроил возмущенную мину.

— Что значит, «захватить»? — осуждающе возразил он. — Как можно так говорить про достойного бизнесмена, флагмана российской промышленности? Уважаемый Борис Абрамович, не покладая рук, печется о развитии нашей экономики, а ты...

— Что ты мне горбатого клеишь! — прервал его Боня. — Печется он, как же! Сколько он уже миллиардов притырил, а все ему мало! Он же с Разбашевым снюхался, слышал? На пару орудуют. Караул, в натуре! Если Борис Николаевич не заберет завод под зятя, худо будет, точно говорю.

— Под какого зятя? — поднял брови Артурчик. — Впервые слышу о такой идее.

— Да брось ты меня лечить! — поморщился Боня. — Нашелся, блин, терапевт! Мы хоть и в глухомани живем, а кое-что и до нас доходит. Все знают, что Борис Николаевич обещал завод своему зятю отдать.

— Ну почему вы здесь такие недобрые! — в преувеличенном отчаянии пробормотал Артурчик. — Борис Николаевич радеет за всю огромную страну, а ты обвиняешь его в попытке присвоить какой-то завод. Вот зачем он, по-твоему, сюда прилетел?

— Зачем? — ехидно переспросил Боня. — Сперва ты скажи.

— Узнать народные нужды, помочь людям...

— Иди ты! Сказочник! Да если бы не выборы, он про нас бы и не вспомнил! Скажи уж как есть: по промышленности область была на третьем месте в стране, а теперь государственные предприятия растащили да по кускам распродали, зарплату платить нечем, коммунисты народ агитируют, к забастовкам призывают, а тут еще и Лисецкий измену готовит. Вот он и примчался.

— Нет, я не могу выносить этот чудовищный цинизм! — патетически воскликнул Артурчик. — Ничего святого! Может быть, ты и в демократические реформы не веришь?!

— Клал я на ваши реформы! — убежденно ответил Боня. — Что при коммунистах мне ничего не доставалось, что сейчас. В Кремле мои близкие сидят, а навариться не дают! Ни ты, ни Гаврик, мать его.

— Наваривайся, — покладисто разрешил Артурчик. — Кто же против? Только думай не только собственном кармане, а об общем благе.

Боня истолковал его слова как призыв делиться и на секунду замолчал, размышляя над возможными источниками совместного обогащения.

— Кстати! — спохватился он. — Ты мне не хочешь помочь, так хоть человеку помоги! — он указал на меня подбородком. — Беда же у него.

Артурчик сразу насторожился.

— Я всегда рад помочь друзьям, — проговорил он вежливо. — И друзьям моих друзей. К сожалению, мои возможности очень ограничены.

— Да брось прибедняться, — прервал его Боня. — Тебе такой вопрос решить — раз плюнуть. Короче, так. Шефа у него налоговая полиция закрыла вроде как за неуплату налогов. А по сути, бабки хотят стрясти. Надо что-то предпринимать.

— А как у шефа фамилия? — поинтересовался Артурчик.

— Храповицкий, — ответил за меня Боня. — Он нефтью занимался. Его Вихров хотел еще на газ назначить, и тут как раз его повязали...

— Не слышал, — медленно ответил Артурчик, но я почему-то не сомневался, что он говорил неправду.

— Да какая разница, слышал ты или не слышал! Ты главное — человека с кичи выдерни, Храповицкого-то ихнего. А они уж там занесут, сколько нужно. С деньгами у них все нормально, ты не волнуйся, — и Боня подмигнул нам обоим.

Последняя фраза заметно покорибила Артурчика. Он явно считал, что отжимание потерпевшего есть процесс тонкий и деликатный. Он поморщился.

— Ты думаешь, что если я в администрации президента работаю, то могу по своему усмотрению людей сажать? — саркастически посмотрел он на Боню.

— Не надо никого сажать, — заверил его Боня. — Надо оттуда вытаскивать.

— Нет, это не мой уровень, — решительно покачал головой Артурчик. — С такими вопросами надо на моего руководителя выходить.

— Выходили уже, — заметил я. — Храповицкий к нему приезжал. Тот обещал помочь.

— Вот как? — поднял брови Артурчик, стрельнув в меня живыми черными глазами. — Обещал помочь и не помог?

— Как видите, — пожал я плечами.

— Странно, — протянул Артурчик задумчиво. — Не похоже на него. Обычно он свое слово держит. Значит, что-то помешало. Что-то очень серьезное.

— Может, денег мало занес? — предположил Боня. — Пожадничал? Бывало с ним такое, а? — последний вопрос был адресован, скорее, мне как специалисту по привычкам Храповицкого.

— Да нет, — медленно ответил Артурчик вместо меня. — Думаю, дело не в этом. Что ж, если так, то вам лучше кого-нибудь в прокуратуре найти. Они любят за подобные проблемы браться. Это их хлеб.

— Косумову, может быть, позвонить? — вспомнил я, посмотрев на Боню.

Но мое предложение почему-то не вызвало в нем энтузиазма.

— В прокуратуре берут много, — вздохнул Боня, довольно неожиданно проявляя заботу о чужих деньгах.

— Ты думаешь, у нас меньше? — хмыкнул Артурчик. — У нас и берут много, и результат не

гарантируют.

Мне показалось, что последней фразой он мне на что-то намекал. Возможно, на визит Храповицкого к Калошину. Боня нахмурился.

— Да он что-то не отвечает на мои звонки, — пробормотал он нерешительно. — Косумов-то. Обиделся, что ли? Какая кошка между нами пробежала, ума не приложу...

5

Кортеж въехал в Нижне-Уральск и, извиваясь змеей, свернул на одну из центральных улиц. Машина с президентом шла впереди. Лисецкий, сидя рядом с Ельциным, без умолку хвастал успехами области.

— Куда направляемся? — прерывая его, осведомился Ельцин. Болтовня губернатора его утомляла.

— Сначала во Дворец бракосочетаний, — напомнил Силкин, поворачиваясь к нему с переднего сиденья и от усердия как-то боком привставая. — А потом уж на завод. Все по графику.

— Зачем во Дворец? — исподлобья посмотрел на него Ельцин.

— То есть в каком смысле? — растерялся Силкин. — Новобрачных поздравить, с людьми пообщаться.

— С людьми надо на улицах общаться, — ворчливо возразил Ельцин. — А то устраивают, понимаешь, показуху...

Силкин втянул голову в плечи, словно его хлопнули по затылку. С показухой Ельцин как в воду глядел. Появление президента в загсе было творческой задумкой ниже-уральской мэрии, которая целый месяц готовила ее, как театральную премьеру. Идея принадлежала заместительнице Силкина по социальным вопросам Татьяне Сту-коловой, руководившей некогда его избирательным штабом и отвечавшей за массовые мероприятия.

Предполагалось, что по дороге на завод Ельцин как бы невзначай заглянет в местный Дворец бракосочетаний, как раз только что отстроенный. С его введением в эксплуатацию нарочно тянули, приурочивая к визиту президента. По сценарию Ельцин должен был вместе с Силкиным под объективами телекамер перерезать ленточку и поздравить первую регистрирующуюся в новом здании молодую семью.

В Кремле к этому умильному сюжету отнеслись кисло: с точки зрения продвинутых столичных политтех-нологов, он был в духе приторных советских постановок. Но Лисецкий, вечно враждовавший по мелочи с президентской администрацией, местную затею отстоял, напирая на то, что она ненавязчиво вовлекает в предвыборную орбиту молодежь, как правило, индифферентную к политике.

Найти подходящую пару было совсем непросто. Хотелось, чтобы в молодоженах было что-то необычное, запоминающееся, например, чтобы они были студентами единственного в городе института, еще лучше — если бы оба вдруг оказались отличниками. Но с этим было туго. Успехи в учебе демонстрировали в основном девушки, которые относились друг к другу ревностно и совместной жизни не вели.

Один отличник мужского пола в институте, правда, нашелся. Это был высокий худосочный очкарик, выпускник радиотехнического факультета. Жил он с мамой, а встречался с энергичной второкурсницей, толстушкой и хохотушкой. Скорой женитьбы у студентов в планах не было, и потому Татьяна Стуколова убеждала пару лично. Молодых людей слегка

попугали, надавили на совесть, пообещали двухкомнатную квартиру в новом доме и гарантировали очкарику красный диплом, после чего они сдались.

В загс их пригнали загодя, в сопровождении родственников и друзей по институту, а также ректора и двух деканов, на чьих факультетах учились новобрачные. Чтобы затея не выглядела искусственно, добавили еще несколько пар, вполне заурядных, переброшенных в новый Дворец из других ЗАГСов города. Квартал предусмотрительно оцепили милицией и привезли автобусами несколько сот муниципальных служащих с воздушными шарами и транспарантами, выразившими горячую поддержку политике президента.

И вот все эти народные массы уже несколько часов томились под дождем, а Ельцин вдруг изъяслял запоздалое сомнение в необходимости там появляться. Силкин расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и ослабил галстук. Ему становилось душно. Открыто противоречить президенту он не решался, но просто так отступить от грандиозной затеи не мог.

— Во Дворец все же надо бы заехать, — настойчиво пробормотал он. — Это очень важное мероприятие.

— Для кого важное? — спросил президент. Его одутловатое широкое лицо приняло недовольное выражение.

— Ваша администрация требовала, — неожиданно вставил Лисецкий. Воспользовавшись моментом, он, вместо того чтобы поддержать Силкина, спешил наябедничать президенту на неудовлетворительную работу его аппарата. — Юрий Мефодиевич Калошин график утверждал. Больно уж ему хотелось, чтобы вас по телевизору среди невест показали.

— Вот Калошина пусть и показывают, — решил Ельцин. — Все невесты, поди, разом разбегутся, как только его увидят.

Лисецкий так и залился смехом.

— А мы на завод поедем! — заключил Ельцин. — Нас там ждут.

У Силкина потемнело в глазах.

— Может быть, все-таки заглянем в ЗАГС?! — взмолился он. — Там тоже ждут. Им ведь обещали.

— На завод! — непреклонно ответил Ельцин. — Надо всегда с главного начинать.

Силкин был убит. Зато Лисецкий после реплики президента в адрес Калошина развеселился.

— Давай-ка в новый город, — все еще посмеиваясь, бросил он водителю, и тот послушно принялся притормаживать, сигналив другим автомобилям, чтобы привлечь их внимание. Кортёж развернулся, но проехать успел совсем немного.

— Стой! — скомандовал Ельцин, глядя в окно. — Это что у вас тут такое?

— Это площадь Революции, — машинально ответил расстроенный Силкин.

— Да это не площадь, а барахолка какая-то! — возразил Ельцин.

— Ну да, — виновато признал Силкин. — Торгаши ее оккупировали. Мы их хотим убрать отсюда, в другое место перевести, а они ни в какую. Скандалят, митинги у мэрии устраивают, в газеты жалуются.

— Свободный рынок, что ж ты хочешь, — притворно развел руками Лисецкий.

Ельцин взглянул на него подозрительно и нахмурился.

— Ну-ка, давай выйдем, посмотрим, чем они недовольны, — предложил он и первым полез из машины. Подскочившие телохранители уже помогли ему выбраться.

— Да что ж на них смотреть-то?! — недоуменно пробормотал Силкин.

Лисецкий, быстрее него реагиовавший на смену начальственного настроения, уже выпрыгнул наружу.

Площадь Революции располагалась в центре города, неподалеку от Дворца бракосочетаний. Ее главным украшением был памятник герою гражданской войны Василию Чапаеву, в папаше, на лошади. Бронзовый герой размахивал шашкой и что-то кричал, наверное, ругался; во всяком случае выражение лица у него было весьма зверским. В советское время сюда приезжали новобрачные прямо из ЗАГСа: они возлагали цветы под копыта чапаевской лошади и в любую погоду фотографировались на фоне устрашающего монумента. Однако сейчас молодоженам приходилось обходиться без этого поэтического ритуала. Памятник оказался вне пределов их досягаемости.

В результате новой буржуазной революции, разрушившей прежнюю государственную систему, тысячи людей в Нижне-Уральске, как по всей России, остались без работы и средств к существованию. Многие из них занялись уличной торговлей, поскольку в стране образовался острый товарный дефицит. Силкин на заре своего правления городом неосторожно разрешил использовать под эти цели площадь Революции.

Популярное место мгновенно обросло палатками и ларьками и превратилось в блошинный рынок, который в российской провинции упорно называют «вшивым». Здесь в любую погоду стояли десятки людей, продавая все подряд: колбасу, джинсы, лампочки, водку, дешевые сигареты, ношенные шерстяные носки, гайки и шурупы. Спohватившийся Силкин предпринимал отчаянные усилия по переселению торговцев на окраины города. Но было поздно. Окопавшись, те игнорировали постановления мэрии, не подчинялись милиции и готовы были лечь костьми, но не покидать обжитое бойкое место.

К ним и направилась президентская рать, во главе которой по лужам, под мелким дождем уверенно шагал Ельцин. Охрана с двух сторон расчищала ему дорогу. Заметив внушительную процессию, да еще в сопровождении милиции и телекамер, обитатели рынка переполошились и пришли в ужас, решив, что их сейчас будут показательно разгонять. Народ заметался и заголосил. Продавцы бросились прятать незаконный товар в узлы и мешки, покупатели подались прочь, опасаясь попасть под дубинки ОМОНа.

И вдруг кто-то узнал президента.

— Ельцин! — изумленно прокатилось по рядам. — Гляди, Ельцин приехал!

Люди оторопели, не веря своим глазам. Перед ними действительно был президент страны. Ельцин, словно не замечая всеобщего замешательства, остановился возле невысокой худой женщины лет сорока, с издерганным усталым лицом, в ношенной болоньевой куртке. Перед ней на табурете были разложены вязаные шапочки, прикрытые сверху от дождя целлофаном.

— Как торговля? — поинтересовался Ельцин, разглядывая шапочки.

Женщина, покраснев от волнения, пробормотала в ответ что-то невразумительное и зачем-то стащила с головы капюшон.

— Да какая ж торговля в будние-то дни? — откликнулась ее соседка, попроще и побойчее. — Так уж, стоим для порядка, авось, кто забредет. Денег-то у народа нету. И рады бы купить, да не на что. А тут еще сегодня все автобусы отменили по случаю вашего приезда, — она спохватилась, что сболтнула лишнего, и в преувеличенном испуге зажала себе рот обеими руками.

Ельцин бросил на нее тяжелый взгляд, но ничего не ответил.

— Вы раньше чем занимались? — спросил он женщину, торговавшую шапочками.

— Я инженером-проектировщиком была, — еще больше краснея и понижая голос, призналась она.

Президент насупился.

— Это неправильно, — проговорил он отдельно, с нажимом, словно кого-то обвиняя. — Нехорошо, что вам сейчас здесь стоять приходится.

— Время такое, Борис Николаевич, — неуверенно пожала она плечами, видимо, не в первый раз произнося эту утешительную фразу. — Другим-то еще хуже. Вон там, дальше, Марина Степановна стоит, туалетную бумагу продает, так она раньше в Ленинграде в филармонии на скрипке играла. А как на пенсию вышла, жить стало не на что. У себя в городе-то стесняется на улице торговать, вот и перебралась сюда, к родственникам.

— Торговать не воровать! — снова встряла ее соседка, на сей раз с обидой за профессию. Возможно, она работала продавщицей и до революции.

— Все равно неправильно! — подтвердил свою прежнюю оценку Ельцин и обернулся на свиту. Чиновники согласно закивали. Они, кстати, и не торговали на улицах. Ельцин с силой сжал губы.

Вокруг них уже сгрудилась толпа, жадно ловившая обрывки их разговора. Видя сочувственное настроение Ельцина, обитатели рынка приободрились и старались протиснуться к нему поближе. Охране пришлось упереться и взять президента в кольцо.

— Борис Николаевич! — воскликнула одна из женщин из-за плеча дюжего телохранителя. — А вы велите им, чтобы они нам тепло дали. А то ноябрь на дворе, а батареи дома холодные. Прежде, бывало, каждый год пятнадцатого октября отопление включали. Климат-то у нас сами видите, какой. Чай, не юга. В варежках по квартирам ходим!

Народ возбужденно зашумел: женщина затронула наиболее болезненное. Ельцин вновь оглянулся на местных чиновников. Выражение неудовольствия в его лице усилилось.

— Это какой дом? — осведомился он.

— Четырнадцатый, — торопливо ответила женщина. — По улице Коммунаров, значит, будет.

— Да у нас во всех домах такая же история! — понеслось с разных сторон. — Считай, нигде еще батареи не включали!

— Да что ж вы к президенту со всякой ерундой лезете! — не удержавшись, набросился на толпу один из заместителей Силкина. — Борис Николаевич к нам на один день приехал. Это ж для города — радость великая, а вы только о себе и думаете! Заладили одно и то же! Вынь им тепло да положь! Обождите немного, небось, не вымерзнете. Мы на Коммунаров плановый ремонт заканчиваем, стояки меняем.

Ельцин уставился на него так, что тот сразу осекся.

— Ты кто? — поинтересовался Ельцин. Про себя я отметил, что официальным лицам он часто «тыкал», тогда как женщину с шапочками называл на «вы».

— Ласточкин Сергей Юрьевич, заместитель главы города по строительству! — отрапортовал чиновник.

— Уволен, Ласточкин! — объявил ему Ельцин.

— Что? — не понял Ласточкин.

— Уволен! — смачно повторил Ельцин, и, взглянув на Силкина, прибавил: — Он у тебя что, глухой, что ли?

Толпа ахнула, потрясенная. У незадачливого Ласточкина подкосились ноги. Свита едва заметно качнулась.

— Борис Николаевич! — заикаясь, пролепетал Силкин. — Да он вообще не по этой части. Он за другое отвечает.

— Вот и ответил! — с мрачным удовлетворением заметил Ельцин. — А то народ для него, понимаешь, ерунда. Высоко летаешь, Ласточкин, пора приземляться.

Полуобморочный Ласточкин попятился. Никто его не поддержал, чиновники расступились, словно он был зараженным.

— Так их, Борис Николаевич! — распалившись, крикнул какой-то старичок, похоже, не очень трезвый. — Дави их, тараканов, мать твою!

Толпа одобрительно захохотала. Ельцин, тоже повеселев после экзекуции, лукаво поднял одну бровь и скосил на невоздержанного старика глаз. Поддержка толпы заметно бодрила президента, ему не хотелось от нее уходить.

— А батареи им сегодня же включи, — велел он Силкину.

Силкин с готовностью затряс головой, хотя лучше других понимал, что сделать это совершенно невозможно, ибо проблема зависела отнюдь не от нерадивости его заместителей, а от запутанных финансовых отношений между различными организациями и ведомствами, повлиять на которые он, Силкин, не мог.

— Ну, вот и договорились, — миролюбиво подытожил Ельцин. — Давно бы так.

Толпа взорвалась восторженными криками. Ельцин двинулся дальше, поминутно останавливаясь и заговаривая с людьми. Его со всех сторон окликали по имени, тянули руки, желая дотронуться или хотя бы поймать его взгляд.

— Спокойнее, товарищи! — хрипели охранники, которые совместно с милицией из последних сил сдерживали натиск бушующих масс. — Да полегче же, блин, куда прешь!

На наших глазах происходило неизбывное русское чудо. Как бы плох ни был правитель, каждый раз, когда он идет в народ, жгучая ненависть к нему неизменно оборачивается обожанием.

Люди на площади считали Ельцина главным виновником своих исковерканных судеб, алкоголиком и предателем Родины. Еще недавно они проклинали его и требовали отправить за решетку вместе со всей его бесстыдной семьей и ненасытной челядью. Но стоило ему лишь появиться среди них, сказать ласковое слово, высечь кого-то за чинимые им обиды, как сразу были позабыты и боль, и кровь, и слезы. Они вновь верили ему и любили его.

Впрочем, их ненависть не исчезла и не растворилась: она переместилась на его окружение. Это не Ельцин, а его опричники грабили Россию и скрывали от него правду. Это их следовало казнить без пощады. А сам Ельцин из смертельного врага русским волшебством превращался в единственного народного заступника. В эту минуту он был толпе ближе отца и матери.

Толпа на площади Революции стремительно распухала.

— Бо-рис! Бо-рис! — скандировали уже тысячи голосов, называя его, как в те времена, когда он, гонимый коммунистической властью, на уличных митингах звал людей на борьбу за свободу и колбасу.

Татьяна Стуколова с трудом пробилась к Силкину.

— Что с молодоженами-то делать? — на ухо ему прокричала она.

— Отменяй, — с досадой махнул он рукой. — Видишь, не до них.

— А наших работников тоже убирать? — Татьяна все еще не могла смириться. — Может, сюда их перебросить? Для массовости...

— Дура, что ли? — разозлился Силкин. — Глаза протри! Какая массовость! Тут яблоку упасть негде!

— Ведь так старались! — не удержалась Татьяна. — Столько сил угробили!

Силкин только заскрипел зубами.

Ельцин между тем продолжал двигаться живым коридором, улыбаясь и пожимая руки.

— Борис Николаевич! — зывали к нему. — Скажите им, чтобы цены больше не повышали!

— На рельсы лягу! — решительно мотал головой Ельцин. — Не допущу инфляции!

Ельцин купался в их любви. Наверное, в это мгновение он действительно ощущал себя былинным героем и готов был жертвовать ради счастья людей всем, даже жизнью, только, разумеется, чужой. Кстати, в отличие от своих кремлевских сподвижников он не боялся толпы, поскольку сам был из нее. Поднявшись к вершинам власти, он не утратил природных инстинктов и верил, что лучше всех знает народ и его нужды.

Он терпел бесчисленную армию бюрократов, поскольку не мог без нее обходиться, но в глубине души не доверял никому из своих соратников, считая их обманщиками и казнокрадами. Он и сам обманывал, когда был на их месте. Непрестанно твердя о демократии, он бессознательно стремился к диктатуре, ни на секунду не выпускал из своих рук полноту власти и не собирался этого делать.

Он понимал, что русский народ простит ему любую, самую тяжелую ошибку, даже войну, но только не слабость и мягкотелость. В Ельцине и не было мягкотелости. Она была в Горбачеве, которого восторженно встречали на Западе и которого, как муху, смели в России. Своим простонародным нутром Ельцин брезгливо презирал его вместе со всей страной.

На пути Ельцина стояла толстая, неопрятная и нетрезвая тетка с красным, грубым, обветренным лицом, из тех, кто вечно ошивается возле рынков. Она держала за руку упитанную русоволосую девочку лет шести, по виду довольно бестолковую, которая с увлечением сосала леденец на палочке. Ельцин остановился и шагнул к ним.

— Тебя как зовут? — спросил он у девочки.

От неожиданности девочка вцепилась в мокрое от дождя материнское пальто и зарылась лицом в его складках. Леденец выпал на грязную землю.

— Ну вот, — огорчился Ельцин. — Конфетку обронили!

— А это мы поправим! — заверил его Поливайкин. — Махом!

Грозно зыркнув по сторонам, он подскочил к обомлевшей продавщице кондитерских изделий, стоявшей неподалеку, и схватил самую большую коробку конфет. В следующую секунду он, радостно скаля золотые зубы, уже протягивал трофей президенту. Ельцин отдал коробку девочке. Та опасливо стрельнула в него глазами и, прячась за мать, нерешительно приняла коробку.

— Только гляди, сразу все не ешь, — шутливо погрозил ей пальцем Ельцин.

— «Спасибо» надо говорить! — подсказал девочке Лисецкий. — Что ж вы ее не учите, — упрекнул он тетку.

Но та не слышала его. Она смотрела на Ельцина с невыразимым хмельным восторгом, и на ее глаза наворачивались слезы.

— Борис Николаевич! — воскликнула она, задыхаясь от избытка чувств. — Борис Николаевич! Родной ты наш! Спасибо тебе за все!

Прежде чем охрана сумела ее остановить, она шагнула вперед и, схватив распухшую, изувеченную руку президента, несколько раз торопливо поцеловала ее. Толпа взорвалась восхищенными криками.

В машину Ельцин вернулся другим человеком: посвежевшим и полным задора.

— А теперь можно и в ЗАГС, — озорно подмигнул он Силкину.

— В ЗАГС? — не поверил своим ушам Силкин. — Когда? Сейчас?

— Ты же сам просил, — удивился Ельцин. Перед нудным официальным визитом на завод ему хотелось еще немного побыть с людьми. Он не надышался.

— Давай, давай, — поторопил он. — Посмотрим на невест.

— Может, и себе кого-нибудь приглядим, — поддакнул Лисецкий, вновь предательски оставляя Силкина на произвол судьбы.

Машина тронулась. Силкин, чувствуя, что все пропало, ледяными руками схватился за телефон и, низко пригнувшись, набрал Татьяну.

— Мы едем во Дворец! — объявил он срывающимся голосом.

— Куда? — оторопело переспросила она.

— В ЗАГС! — рявкнул Силкин.

— Да мы же вроде как уже всех распустили.

Силкин, не разгибаясь, оглянулся на раздумянившегося президента. Тот испытывал прилив энергии. Глаза его блестели, он даже похлопал Силкина по плечу. Силкин с трудом улыбнулся в ответ.

— А ты собери! — зловеще прошипел он Татьяне.

Между тем в ЗАГСе бушевали страсти.

В общей сложности свадебных кортежей было одиннадцать. Всем без исключения зачем-то назначили явиться к девяти утра, что они и исполнили, практически без опозданий, если не считать одной четы, где невеста была на последнем месяце беременности. Парадный вход во Дворец был опечатан игривой розовой ленточкой, и в ожидании высоких гостей внутрь никого не пускали. Молодожены со своими гостями изнывали снаружи, прячась от дождя в машинах.

Про замысел с президентом знал лишь узкий круг участников, хотя какие-то смутные слухи, конечно же, просочились. Сотрудники ЗАГСа то и дело выбегали к студенческой паре, проверяя, все ли у них в порядке, и делились новостями из мэрии. Собственно, новость была одна. Президент задерживался. Других известий пока не поступало.

Видя повышенное внимание к одной группе, остальные стали коситься на нее с ревнивым недоброжелательством. Впрочем, никаких других предпочтений студентам не оказывали, ждали они наравне с другими, и собравшиеся понемногу успокоились.

Первые два часа пролетели относительно легко. Мужчины выбегали курить, дамы выходили из машин подышать воздухом и переживали, что прически от влажности испортятся. Постепенно все перезнакомились, принялись под шумок открывать шампанское, рассказывать друг другу анекдоты и обмениваться шутками в основном на свадебные темы.

Однако время шло, а ничего не происходило. К половине двенадцатого женщины возроптали и потребовали у работников ЗАГСа ответить прямо, сколько еще те собираются держать на улице ни в чем не повинных женихов и невест, и на каком основании. Удовлетворительных объяснений они не получили, сотрудники лишь твердили, что они сами люди подневольные и делают то, что им велят. Эти переговоры привели, по крайней мере, к одному положительному результату: измученных ожиданием гостей начали пускать в туалет, правда, с черного хода и под конвоем гардеробщицы.

К началу первого обстановка резко накалилась. Особенно возмущалась группа с беременной невестой. Родственники и друзья уже куда-то звонили с жалобами, взывали к стоявшей в оцеплении милиции, грозили судом, бандитской мезью и преждевременными родами. Устрашенные последней перспективой, работники ЗАГСа, после долгих консультаций все-таки решились сделать исключение. Беременную пару зарегистрировали, но не в главном зале, а в кабинете директрисы, дабы сохранить в неприкосновенности основные помещения.

Как только счастливцы отбыли, скандалы стали вспыхивать то там, то здесь, как фейерверки. Люди томились уже около четырех часов и больше терпеть не желали. Они рвались на волю. У всех были заказаны банкеты, на которые съезжались приглашенные, у трех пар было назначено венчание в церкви.

Сотрудники ЗАГСа металась между группами, уговаривая, умоляя, обещая. Но их не слушали. Дело явно шло к скандалу. И тут раздался спасительный крик: «Едут! Едут!» Все бросились охорашиваться и приводить себя в порядок. Милиционеры подтянулись, работники ЗАГСа, сладко улыбаясь, выстроились у входа в шеренгу, муниципальная массовка заколыхалась, расправила транспаранты и приветственно замахала шариками.

Кортеж остановился в квартале от дворца, так что его можно было видеть, потом, без всяких видимых причин, внезапно развернулся и тронулся обратно. Народ ахнул. Все были потрясены и разочарованы. Работники ЗАГСа чуть не плакали, милиционеры пожимали плечами и посмеивались. Никто ничего не понимал.

После этого страшного провала молодоженов и их родственников было не удержать. Они жаждали законных бракосочетаний, и немедленно. Женщины голосили, отцы невест, объединившись, готовились захватить загс штурмом. Видя, что процесс вышел из-под контроля и принимает опасный оборот, сотрудники сдались. Двери Дворца распахнулись, музыка заиграла, пары одна за другой торжественно вплывали в главный зал, где объявлялись мужем и женой.

Но главных виновников торжества, студентов, все же под разными предлогами придерживали.

Около двух часов дня субтильная матушка жениха неудержимо разрыдалась. Она работала техническим переводчиком с французского, всю жизнь получала гроши, воспитывала сына одна, без отца, и очень им гордилась. Невесту она, само собой, недолюбливала, полагая, что ее мальчик достоин лучшего. На этот скоропалительный мезальянс она согласилась лишь потому, что ректор института дал ей честное слово, что это поможет карьере ее сына. Она поверила, и, как оказалось, совершенно зря. Никакой карьерой тут и не пахло, все оказалось сплошным обманом и издевательством.

Отец невесты, приземистый здоровяк, отставной прапорщик и бывший чемпион Уральского военного округа по вольной борьбе, между прочим, тоже был на взводе. Манерную мать жениха он на дух не переваривал, а своего тщедушного очкастого зятя, тонувшего во взятом напрокат смокинге, в глубине души за мужика не считал. Он бы с радостью плюнул на все да уехал домой, но там уже сгорала от нетерпения шумная толпа деревенской родни, которую он назвал со всей области на свадьбу старшей дочери.

Честь семьи он уронить не мог, а потому, сорвав ненавистный галстук с бычьей шеи, ворвался в кабинет директрисы и сообщил, что с Ельциным или без Ельцина, но если молодоженов сию же секунду не распишут, то всем немедленно настанет конец. При одном взгляде на его пылающую квадратную физиономию становилось понятно, что конец действительно близок и он будет ужасен.

Директриса кинулась звонить Татьяне Стуколовой, просить совета. Та раздраженно ответила, что ей все это надоело, что она крутится как белка в колесе, а никто даже спасибо ей не скажет, что директриса может поступать, как ей заблагорассудится, поскольку Борис Николаевич все равно в ЗАГС не успевает.

Все сразу вздохнули с облегчением. Матушка жениха перестала рыдать и подкрасила губы, повеселевшая невеста кокетливо расправила фату, а ее папаша ободряюще хлопнул худосочного зятя по плечу так, что тот присел. Пожалуй, лишь ректор был расстроен. Он надеялся, что после того, как его вуз прогремит на всю страну, будет увеличено содержание.

Студентов с помпой расписали, должным образом окольцевали, поздравили и сфотографировали. Ректор подарил им картину местного художника и пожелал счастья в личной жизни. Директриса ЗАГСа извинилась за причиненные неудобства и выпила со всеми шампанского. Все обнялись и расцеловались. Счастливый папаша наскоро тяпнул с деканами водки и умчался в кафе руководить подготовкой к банкету, а остальные задержались по просьбе фотографов, чтобы сделать еще несколько постановочных снимков внутри Дворца и, как водится, на улице.

Вот тут-то и позвонила Татьяна Стуколова и радостно поведала, что Борис Николаевич все-таки приедет, прямо вот-вот, буквально через минутку. В ответ ей смущенно сообщили, что все уже благополучно закончилось, студенты отбыли, но в наличии имеются другие пары, тоже, кстати, на вид неплохие, которые изъявляют полную готовность быть поздравленными официальными лицами. О других парах Татьяна слышать не желала и, придя в неопишемую ярость, потребовала от директрисы загса вернуть всех на место и привести несчастных

молодоженов в прежнее, добрачное состояние.

Сотрудники ЗАГСа бросились в погоню за новобрачными и настигли компанию уже возле машин. Просьба повторить церемонию студентов обескуражила. Возмущенная до глубины души невеста заявила что «пережени-ваться» она ни за что не станет, поскольку хуже этой приметы нет ничего. Ее пытались уговаривать, но характером она выдалась в папашу-борца, то есть чем сильнее на нее давили, тем больше она багровела и сердилась. Ректор, которому уже дважды звонила взвинченная Татьяна, попробовал пугнуть невесту тем, что, если она будет и дальше артачиться, мэрия оставит чету без обещанной квартиры. Тогда новобрачная со слезами на глазах выкрикнула, что пусть мэрия подавится своей квартирой, а замуж она выходила по любви, а не по расчету, правда, Павлик? (Павликом, соответственно, звали мужа.) При этих словах матушка Павлика опять разрыдалась и примкнув к невесте, взяла ее под руку в знак полной женской солидарности.

Теряя терпение, ректор прикрикнул на них, чтобы прекратили истерику, но тут раздухарившийся Павлик расправил узкие плечи и потребовал от него вести себя прилично. Деканы перемигнулись, а взбешенный ректор назвал жениха сосунком. На что жених, вернее, теперь уже муж Павлик, сообщил, что считает ниже своего достоинства продолжать дискуссию в таком тоне и вместе со своими дамами гордо двинулся прочь. Но уехать им не дали.

В дело резко вмешался наряд милиции, присланный Татьяной от имени Президента Российской Федерации. Павлика схватили с двух сторон и, зажав в тиски, поволокли назад, в ЗАГС. Весил Павлик легче бумаги и достойного отпора оказать не мог, но извивался, как уж. Новобрачная с криком вцепилась в милиционеров. Матушка же жениха в слезах бросилась звонить отцу невесты. Тот не успел отъехать далеко и, сорвавшись с полдороги, появился как раз тогда, когда жениха подтаскивали к парадному входу, а новобрачная оглашала улицу призывами о помощи.

Увидев схватку молодых с милицейским отрядом, папаша впервые в жизни испытал к новообетенному родственнику прилив симпатии. С криком «держишь, сынок!», он бросился на подмогу. Капитан милиции был незамедлительно отправлен в партер и, кажется, даже травмирован. Папаша успел завалить еще одного милиционера, прежде чем на него обрушился град ударов. Павлик, кстати, тоже изловчился и кого-то укусил. Один их деканов неожиданно примкнул к мятежникам, получил дубинкой по голове и был захвачен в плен.

Татьяна, отделившись от нашей делегации, вырвалась вперед и руководила действиями милиционеров лично, азартно выкрикивая команды. Несмотря на отчаянное сопротивление бывший борец был сломлен превосходящими силами стражей порядка. И его, и брыкливого жениха, и взбунтовавшегося декана затащили в ЗАГС и затолкали в туалет. Туда же засунули и женщин.

7

Все эта боевая операция завершилась буквально за минуту до того, как Ельцин высадился возле дворца и был бурно встречен муниципальной массовой. Ничего не подозревая, президент все-таки разрезал ленточку, поблагодарил перед камерами Силкина и Лисецкого за их вклад в разрешение демографического кризиса в стране, после чего делегацию спешно переправили на второй этаж. Боня, Артурчик и я замыкали шествие и потому стали невольными свидетелями того, как разгоряченные сражением милиционеры совещались с Татьяной о том, что предпринимать дальше. Вдоль стен жалась женихи и невесты, чья очередь еще не подошла. Они были потрясены.

Тонким чутьем царедворца Артурчик сразу уловил что-то неладное. Оставив нас, он приблизился к Татьяне и мягко попросил ее объяснить, что происходит. Запинаясь, Татьяна

принялась сбивчиво ему рассказывать. Кажется, до нее лишь в эту минуту дошло, что в пылу служебного рвения она хватила через край.

Положение и впрямь сложилось на редкость непростое. Президент, толпа чиновников и журналистов с телекамерами ожидали наверху, а как заставить оскорбленных новобрачных повторно расписаться, никто не знал. Воинственная энергия Татьяны улетучивалась. Хватая Артурчика за руки, она путалась, загнанно озиралась по сторонам и хлопала глазами.

Не теряя времени, Артурчик нырнул в мужской туалет, откуда доносилось злобное мужское рычание и жалобное женское всхлипывание, и извлек на свет всю свадебную процессию, растерзанную и помятую. Мужчины были в кровоподтеках и ссадинах. У папаши был почти оторван рукав пиджака, у жениха разбиты очки. Наряды зареванных женщин тоже находились в беспорядке. Особенно жалко выглядела фата невесты, а на длинном подоле ее розового платья отпечатались следы чьих-то ботинок.

Артурчик округлил сливовые глаза с таким возмущением, словно ему никогда в жизни не приходилось видеть ничего подобного.

— Какой кошмар! — воскликнул он, проникновенно прижимая руки к груди и на всякий случай отступая за спины милиционеров. — Это же настоящая диверсия!

При этих словах Татьяна затрепетала. Обращаясь ко всей компании, Артурчик рассыпался в извинениях, обещая жестоко покарать тех, кто бездумно испортил праздник столь достойным людям, оскорбив тем самым не кого иного, как президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина, который прибыл сюда только затем, чтобы лично поздравить молодоженов. Разделяя их справедливый гнев, Артурчик не решался просить их о повторении священного обряда. Он лишь опасался, что их отказ поставит под угрозу судьбу демократических реформ в стране и большое сердце президента может не вынести такого удара.

Пока он нес эту высокопарную ахинею, отец невесты следил за ним с той извечной подозрительностью, с которой русский человек смотрит на лицо кавказской национальности. Но мать жениха, не чаявшая вырваться на волю, не выдержала.

— Ну, пожалуйста, — проговорила она дрожащим голосом. — Ну, давайте сделаем, как нас просят! Сколько же можно здесь мучиться!

Бывший борец крякнул и почесал в затылке.

— Как поступим, дочка? — спросил он невесту. — Уважим президента или ну их всех, как говорится, подальше?

— У тебя, в натуре, совсем борзомер зашкалил, — встрял в разговор Боня. — Тебя лично Ельцин просит, а ты атанду мечешь.

Его панибратское вмешательство решило исход переговоров. Отказываться дальше было как-то неловко. Мужчинам наскоро припудрили синяки, разорванную фату выбросили совсем, и Артурчик попросил Боню одолжить на время пиджак отцу невесты. Под марш Мендельсона мы поднялись наверх по широкой мраморной лестнице. Свита президента, улыбаясь, выстроилась полукругом.

Защелкали объективы фотокамер, телевизионные операторы начали съемку. Процедуру бракосочетания вела лично директриса Дворца, освежая официальную церемонию декламацией стихов про любовь. Когда молодые повторно обменивались кольцами, чувствительная мать жениха опять прослезилась.

Ельцин шагнул к ней и положил руку ей на плечо. Ему вдруг захотелось сказать ей что-то задушевное и простое. Беда была в том, что он давно никому не говорил простых, задушевных слов, отвык от них, и они никак не вспоминались. На ум лезли лишь заученные фразы о молодежи и будущем России. Все смотрели на президента и ждали.

— Жалко все же детей, — неожиданно произнес Ельцин прыгающим голосом. — Вот они растут, женятся, а для нас они все равно маленькие.

И он двумя пальцами неуклюже показал, какими маленькими остаются у нас дети, не больше рыбок в аквариуме.

Матушка жениха приникла к его груди. Даже суровый отец невесты был заметно растроган. Ельцин встал между ними и, обняв обоих, дал знак фотографам делать снимки. Бывший борец едва доходил до плеча президенту, но гордо выпячивал грудь и бережно держал Ельцина за талию.

— Вы, Борис Николаевич, у нас заместо Чапая! — сияя, сообщил он.

— Почему Чапая? — спросил Ельцин.

— Ну, как же! Раньше на фоне Чапаева фотографировались, а теперь с вами.

— Это он памятник имеет в виду, который на площади Революции, — пустился в объяснения Лисецкий. — Мы только что к нему подходили.

— Памятник? — озадаченно переспросил Ельцин. — Какой памятник? А я и не заметил.

Он приблизился к окну, выходившему на площадь. Рынок уже вернулся к своей обыденной жизни.

— Гляди-ка, — продолжал удивляться Ельцин. — И впрямь Чапаев! Он что, здесь родился?

— Он здесь утонул, — ответил Силкин. — На другом берегу Урала. Отсюда не видно. То есть точное место не известно, но полагают, что под Нижне-Уральском. Города, правда, тогда еще не было, но деревушка стояла.

Ельцин оживился.

— А давайте съездим, посмотрим! — вдруг предложил он. — Я в детстве фильм про Чапаева восемь раз ходил смотреть. Все надеялся, а вдруг он выплывет? А тут такая возможность подвернулась!

— То есть как «съездим»? — растерялся Лисецкий. — Там же река.

— А ты организуй нам транспорт какой-нибудь, — не унимался Ельцин. — Есть же у вас корабль, а?

— Есть, конечно! — поспешно ответил Лисецкий.

— Но у нас по графику посещение автозавода, — напомнил Разбашев. — А потом ужин с руководством.

— А вот на теплоходе и поужинаем! — решил Ельцин. — Пока экскурсия по заводу будет, пускай там накроют.

— А вы не простудитесь на воде? — подал голос Силкин, у которого от обрушившихся на него неожиданностей голова шла кругом. — Ноябрь все-таки. Холодно.

Ельцин глянул на него сверху вниз.

— Ты за мое здоровье не беспокойся, — недовольно бросил он ему. — За него и так все кому не лень переживают.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Поездка на завод была в тот день, пожалуй, единственным мероприятием, прошедшим хотя и с опозданием, но в соответствии с заранее подготовленным сценарием. Сначала президента провели вдоль знаменитого конвейера, демонстрируя ему гордость отечественных технологий, устаревших на Западе еще лет двадцать назад. Отвлекать рабочих во время сборки автомобилей категорически возбранялось, поэтому президент ни с кем в разговоры не вступал, рук не жал, хотя с любопытством останавливался то тут, то там. Сборщики косились на него, широко улыбались и перемигивались.

Потом Ельцина проводили в экспериментальный цех, где показали новую модель малолитражки, ярко-алую, как дешевая губная помада.

— А это наш сюрприз автолюбителям! — самодовольно объявил Разбашев. — Цена у нее будет даже ниже, чем у импортных аналогов. А качество ничуть не хуже. Можете сами убедиться.

Ельцин залез в малолитражку, проехал метров пятьдесят, аккуратно сдал задом, под аплодисменты присутствующих выбрался наружу и похвалил цвет машины. Видимо, хвалить какие-то иные качества данного транспортного средства у него не хватило совести.

— Когда вы ее в серийное производство запустите? — спросил он.

— Надеемся, в будущем году, — ответил Разбашев, не моргнув глазом. — Если, конечно, государство нам немного поможет.

Ельцин сдержанно кивнул, показывая, что принял его слова к сведению.

Вообще-то всем присутствующим было отлично известно, что помогать заводу с запуском малолитражки вряд ли стоило. И не только потому, что выделенные деньги будут украдены еще до того, как поступят на счета автогиганта. Эту модель безуспешно внедряли лет уже пять, а сейчас это стало совершенно бессмысленным, поскольку азиатские и европейские машины данного класса были, вопреки заверениям Разбашева, и комфортнее, и гораздо дешевле. Единственная польза от стареющей новинки заключалась в том, что ее можно было продемонстрировать начальству.

— Надо бы и мне прокатиться! — спохватился Лисецкий, видя, что Ельцин в целом воспринял продукт местного творчества положительно.

Он сел в машину и лихо тронулся с места. Злопамятный Разбашев подождал, пока Лисецкий отъедет подальше, и почтительно тронул Ельцина за рукав.

— Конференция у нас будет проходить в другом здании, — проговорил он.

Президент послушно двинулся к выходу, за ним потянулась вся свита. Лисецкий, увлеченный вождением, слишком поздно спохватился, что остался один. Вместо того чтобы развернуться или сдать назад, как это сделал Ельцин, он, засуетившись, поспешно затормозил, выскочил наружу и бросился в погоню. Ельцина и Разбашева губернатор настиг уже у дверей цеха.

— Я смотрю, вы про спорт не забываете, — ядовито заметил Разбашев запыхавшемуся губернатору.

Журналистов в конференц-зал не пустили: обсуждаемые вопросы не предназначались для прессы. Ельцин, Разбашев, Лисецкий, Силкин и министр промышленности прошли за стол президиума, на сцене. Остальные в свободном порядке рассаживались внизу, вперемежку с администрацией завода, приглашенной на встречу. Наша троица расположилась на галерке.

Первым на трибуну поднялся Разбашев. Из его доклада следовало, что положение завода в настоящее время — катастрофическое. На предприятии висел колоссальный долг перед государством, погасить который в обозримом будущем было не реально. Завод не мог расплатиться с поставщиками комплектующих деталей, энергетики грозили ему отключением электричества, задержки по зарплате нарастали. Короче, автогигант задыхался.

Суммы Разбашев называл такие, что даже Боня, выдавший виды, недоуменно крутил головой. С трудом верилось, что предприятие, выпускавшее около семидесяти процентов продаваемых в России автомобилей, могло из года в год приносить одни убытки.

Разбашев, до предела сгустив краски, закончил предложением списать с завода задолженность по налогам в полном объеме и еще инвестировать два миллиарда долларов из государственного бюджета в реконструкцию производства.

Боня подскочил от возмущения.

— Ни фиги себе! — горячо зашептал он. — Вот конченный! А он случайно не хочет, чтобы английская королева ему голая на столе танцевала? Завод, выходит, его собственность, а деньги на него должно государство давать?!

Автозавод действительно был одним из первых крупных предприятий страны, подвергшихся приватизации. Контрольный пакет акций был тут же приобретен администрацией, которая через подставные фирмы продолжала скупать у рабочих их ваучеры. Главным акционером, то есть владельцем, был Разбашев. Правда, в последнее время, когда обстановка на заводе резко ухудшилась, поползли настойчивые слухи о возможности возвращения завода государству или, по крайней мере, поиска более эффективного собственника. Но разговоры шли, а все оставалось по-прежнему.

Признаюсь, мне, как и Боне, пожелания Разбашева показались нескромными, что отнюдь не помешало ему закончить речь под энергичные аплодисменты своих подчиненных. Его место на трибуне занял Силкин, который минут десять надрывно твердил, что завод является градообразующим предприятием Нижне-Уральска, и его упадок означает гибель для города с миллионным населением.

Выступления других ораторов не добавили ничего нового. Смысл звучащих речей, если очистить их от сложных экономических выкладок и эмоций, сводился к двум простым словам: дайте денег. Думаю, эту просьбу в России вполне можно рисовать на транспарантах вместо пышных приветствий начальству, ибо это единственное, что от начальства ожидается.

Некоторое разнообразие, правда, внес губернатор, высказавшийся в том смысле, что помогать заводу, конечно, необходимо, но лучше делать это не напрямую, а через областную администрацию. Никто даже не улыбнулся.

В том, что касалось бедственного положения завода и его долгов, докладчики, увы, говорили чистую правду. Флагман российского автомобилестроения действительно стремительно летел в пропасть банкротства. Однако о главной причине кризиса никто не обмолвился и словом, хотя она была простой, как огурец. Завод грабили все кому не лень. Он был похож на урожайное поле, пожираемое голодной саранчой.

Каждый из директоров, которых насчитывался не один десяток, немилосердно раздувал штат своего департамента, набивая его родственниками, друзьями и любовницами. Несметный управленческий аппарат сидел в отдельных зданиях, получал высокие оклады и премии, обеспечивался транспортом, охраной и средствами связи. Содержание такой армии бездельников существенно увеличивало накладные расходы и стоимость автомобилей.

У каждого из заводских начальников имелись собственные фирмы по продаже заводской продукции, оформленные либо на детей, либо на жен, либо на любовниц. Эти фирмы получали машины с огромными дисконтами, а продавали уже без дисконтов. Зачастую дети и любовницы действительно брались руководить деятельностью предприятий. Как правило, это заканчивалось крахом, а перед заводом образовывались невозвратные долги.

На заводе давно хозяйничали бандиты, и ни один автомобиль не отгружался без оплаты установленной пошлины. Бандиты ловко пользовались жадностью заводского начальства и их родственников. За взятки и откаты огромные партии тачек отпускались фирмам-однодневкам, которые после этого бесследно исчезали.

Я следил за Ельциным, пытаюсь по его лицу угадать, о чем он думает. Он хмурился, надувался, гримасничал, но кивал. Со стороны казалось, будто он ломает себя, соглашаясь по необходимости, через силу. Когда объявили его имя, он подошел к трибуне и, навалившись на нее, медленно оглядел зал. Присутствующие затаили дыхание в ожидании приговора. От решения президента, известного своей непредсказуемостью, зависела их судьба.

— Завод мы не оставим, — медленно и твердо проговорил Ельцин. Зал с облегчением выдохнул. — Не оставим, — повторил президент, болезненно кривясь. — Он нам нужен. — Ельцин сжал губы, помолчал и поправился: — Он нужен всей России.

Раздался шквал аплодисментов. Заводские генералы не скрывали своего ликования. Торжествующий Разбашев бросился обниматься с Лисецким.

— А дед представляет, сколько у Разбашева домов за границей?! — с досадой вырвалось у Бони. — Или сколько у него бабок в Швейцарии?

Чувствовалось, что чужое везение наполняет его горькой обидой.

— Ты же сам говорил, что он все знает, — напомнил ему Артурчик. Бонина реакция его забавляла.

— Эх, — безнадежно махнул рукой Боня. — Все они одним миром мазаны. Деду сейчас главное переизбраться, Разбашеву с Березовским — еще пару арбузов спереть напоследок, пока деда не погнажи. А что через год с заводом будет или со страной, им всем по барабану.

— Что касается Бориса Николаевича, то ты не прав, — заступился за президента Артурчик. — Он очень за страну переживает, хотя, конечно, по-своему. Просто в России даже экстрасенсы на год вперед боятся загадывать.

2

Не знаю, как с точки зрения большой политики, но во всех прочих отношениях прогулка на катере по Уралу в ноябре была исключительно дурацкой затеей. Представьте промозглый сумеречный осенний вечер, пять градусов тепла, мрачное небо в тяжелых тучах, мелкий дождь и неприветливую мутную реку. Порывистый пронизывающий ветер гнал грязные свинцовые волны с седыми гребнями.

Искать место, где доблестно утонул герой революции, нам предстояло на принадлежавшем

заводу теплоходе, переделанном в современную прогулочную яхту. Здесь была одна большая каюта для банкетов, в которой кроме столов имелась зеркальная сцена с прожекторами по краям и мощная аппаратура для концертов. Еще несколько кают поменьше предназначались, видимо, для персонального отдыха начальников с секретаршами во время выездных совещаний.

На банкет пускали не всех, а лишь тех, кто согласно заранее утвержденному списку должен был ужинать с президентом. Таких набралось человек тридцать, что составляло примерно треть от общего числа собравшихся здесь. Остальным предстояло мучиться голодом снаружи. Прессу на теплоход предусмотрительно не взяли.

Понимая, что моя фамилия в числе избранных не значилась, я замялся, решая в какую из одноместных кают сподручнее нырнуть, ибо оставаться под дождем на мокрой палубе было невыносимо. Артурчик заметил мое замешательство, взял меня под руку и покровительственно направил к банкетному залу, куда уже вошли президент, губернатор и другие официальные лица.

— Со мной, — коротко бросил он стоявшему в дверях пожилому помощнику Лисецкого, и тот после некоторого колебания отступил, пропуская меня и Боню, который важно вышагивал рядом.

— Слышь, совсем нюх потеряли, — проворчал Боня как будто про себя. — Нормальных людей от лохов уже не отличают. На пенсию надо вовремя выходить.

Помощник, который был на несколько лет моложе Бони, проглотил обиду, но проводил Боню неприязненным взглядом, запоминая. Между прочим, он был не единственным, кто взирал на моего товарища без нежности. В толпе отверженных, или, как выражался Боня, лохов, я заметил директора, которого Боня обрабатывал в аэропорту, пытаясь загнать под крышу. Вид у того был глубоко несчастный. На конференции слова ему не дали, и, простившись с надеждами на государственную поддержку, он обреченно, с тоской смотрел вслед Боне, примирясь с ним как с неизбежным злом.

Стол был накрыт по-русски: осетрина, жареный поросенок, икра, соленья и очень много водки. Лисецкий и Разбашев расположились с двух сторон от президента, во главе стола. Силкина на сей раз отправили подальше, туда, где сидел хмурый Кулаков и вечно гонимые мэры малых городов. Поскольку визит плавно перешел из официальной части в неформальную, с Силкиным можно было уже не церемониться.

— Что вы будете пить: вино, коньяк или водку? — низко склоняясь к президенту, почтительно спросил официант в белом смокинге.

— Ты что, не знаешь, что Борис Николаевич не пьет? — зашипел на него Лисецкий.

— Кто тебе сказал? — сердито уставился на губернатора Ельцин.

Лисецкий смутился. Ссылаться на главу президентской администрации он не решился.

— Лей всего понемногу, — посоветовал Ельцин официанту. Недовольно оглядевшись вокруг, он увидел, что все опустили глаза и делают вид, будто ничего не слышали, и прибавил уже примирительно: — А я воду буду минеральную. Только без газа.

Разбашева после конференции распирало от радости. Самодовольно улыбаясь, он свысока поглядывал на остальных и поминутно обращался к президенту, то ли желая показать свою к нему близость, то ли не зная, как выразить ему признательность. Не дожидаясь, пока ему предоставят слово, он произнес первый тост, напыщенный, льстивый и длинный. Все с шумом вскочили и выпили стоя. Пользуясь своей отдаленностью, я остался сидеть не столько

из фрондерства, сколько потому, что узкое пространство между столом и привинченным к полу стулом не позволяло выпрямиться. Толстякам вроде Величко и Калюжного и вовсе приходилось сгибаться пополам, что, впрочем, их ничуть не смущало. В этих неприличных позах они и оставались большую часть времени, поскольку длинные здравицы следовали одна за другой. Сам Ельцин, кстати, не вставал, лишь сопел, делая вид, что собирается приподняться.

Лисецкий вскоре перехватил инициативу у Разбаше-ва и, взяв на себя роль тамады, назначал тостующих. Чиновники пожирали Ельцина преданными взглядами и нетерпеливо дожидались своей очереди. Обед с президентом — вершина фантазии провинциального карьериста. Все понимали, что еще раз такого везения в их жизни не будет.

Ельцин слушал рассеянно, думая о чем-то своем. После очередного славословия он машинально чокался рюмкой водки, потом отставлял ее в сторону и делал глоток минеральной воды. Что-то не давало ему покоя, это было заметно.

— А ты что молчишь? — неожиданно обратился он к Силкину, прерывая кого-то из ораторов.

Силкин немедленно вскочил. Вообще-то он уже говорил одним из первых, но Ельцин то ли забыл, то ли захотел внести разнообразие.

— Я присоединяюсь к предыдущим товарищам, — пробормотал Силкин. Ничего умнее он не успел придумать.

— Тогда я сам скажу, — объявил Ельцин громко.

Все тут же смолкли. Держа нетронутую рюмку водки,

президент, кряхтя, втянул живот и все-таки поднялся.

— Я не буду ни к кому присоединяться, — внушительно начал Ельцин своим прыгающим голосом. — И выпить я хочу не за себя. А за Россию, — он выдержал долгую паузу. — За то, чтобы в России меньше воровали!

Последнюю фразу он произнес с сильным нажимом, почти что злобно. На долю секунды в каюте воцарилась мертвенная тишина. Чиновники отлично поняли, что он имел в виду именно их, но не знали, как расценить его слова: то ли как скрытый упрек, то ли как угрозу.

— Ура! — первым выкрикнул Лисецкий.

— Ура! — с облегчением подхватили остальные.

Ельцин с раздражением обвел взглядом сияющие лица.

На них была готовность бороться с воровством в России всю оставшуюся жизнь. Президент угрюмо крякнул и залпом опрокинул рюмку водки.

Артурчик непроизвольно дернулся. Остальные тоже заметили смену курса и напряглись. Подобная реакция разозлила Ельцина еще больше. Он опустился на свое место и, обернувшись, выглянул в иллюминатор.

— Долго еще плыть? — хмуро поинтересовался он.

— Минут, я думаю, сорок, — ответил Разбашев.

— В карты, что ли, перекинуться? — вслух произнес Ельцин. — А то скучно как-то.

— В карты? — удивленно переспросил Лисецкий. — Вы имеете в виду в преферанс?

— Зачем в преферанс? — поморщился Ельцин. — Если уж играть, то только в подкидного дурака!

Лисецкий посмотрел на него, не понимая, разыгрывает его президент или говорит серьезно.

— Ну, подкидной дурак, конечно, попроще будет, — осторожно заметил он.

— Не скажи! Подкидной дурак — это такая игра особенная, — Ельцин сощурился и покрутил в воздухе рукой, подыскивая нужное слово. — Очень хитрая игра. А главное то, что дураки в нее обязательно проигрывают.

— Я тоже подкидного люблю! — подал голос Поливайкин. — Там надо карты запоминать — память тренирует. Вечером, бывает, вызову двух замов и еще помощника. Запремся у меня в кабинете, и давай резаться двое на двое.

— И часто ты так тренируешься? — со скрытым сарказмом спросил Лисецкий.

— Да, считай, каждый день! — простодушно ответил Поливайкин. В следующую секунду он уже спохватился.

— Конечно, только после работы, — прибавил он торопливо. Другие генералы, отвернувшись, прятали насмешливые улыбки.

— Где вот только карты найти? — вздохнул Ельцин, с надеждой оглядывая присутствующих.

— Это найдем, не сомневайтесь, — успокоил его Поливайкин. — Было бы желание. Как говорится, была бы шея, а хомут найдется.

На мгновение у меня мелькнуло подозрение, что Поливайкин носил колоду с собой.

— Ну, тащи, — оживился Ельцин. — Двое на двое и сядем. Ты со мной. А Лисецкий вон пускай Разбашева берет в напарники.

Пришпоренный перспективой стать партнером президента, Поливайкин пулей выскочил из каюты.

3

Засаленную колоду карт отыскивали у команды. Конец стола, где сидел президент, расчистили от еды и напитков. Игроки расселись парами, остальные, встав со своих мест, сгрудились вокруг них.

— По народному обычаю надо выпить, — сообщил Ельцин. — А то карта не пойдет. Только по-быстрому, без речей.

Видя, что президенту не терпится начать, все выпили наспех, не закусывая.

— Ну, кто сдавать будет? — поинтересовался Ельцин, потирая ладони.

— Давайте я, — предложил Разбашев.

Холеными пальцами с маникюром он взял потрепанные карты и не очень умело принялся их тасовать. Опытный преферансист Лисецкий с долей презрения следил за его манипуляциями.

— Меси лучше, — подначивал Разбашева Поливайкин, оглядываясь при этом на Ельцина и проверяя, нравится ли ему такой задиристый тон. — Как говорится, кто не умеет работать головой, работает руками.

Разбашев гневно сверкнул глазами на начальника УВД, но тот и бровью не повел. Еще десять минут назад он, конечно, ни за что не позволил бы себе подобную реплику в адрес директора автозавода. Но теперь, когда он играл на руку с президентом, он мог творить что угодно. Разумеется, если президент позволял. Президент пока позволял, одобрительно кивая.

— На что играем-то, Борис Николаевич? — фамильярно подмигивая, продолжал Поливайкин.

— Как на что? — притворно удивился Ельцин, подмигивая в ответ. — Кто останется, тот под стол лезет.

Колода едва не выпала из рук Разбашева. С лица Лисецкого слетела улыбка.

— Зачем под стол? — изменившимся голосом осведомился Разбашев. — Это... как-то ни к чему, — он не находил слов и запинался.

— А иначе нельзя! — с воодушевлением возразил Ельцин. — Мы проиграем — значит, мы полезем. Вы проиграете — уж не обессудьте! А ты как думал? Обычай такой!

Разбашев с Лисецким побледнели и переглянулись. Представить себе президента лезущим под стол было невозможно. Следовательно, его проигрыш был абсолютно исключен. Это понимали все: от враз обнаглевшего Поли-вайкина до пожилого губернаторского помощника, переживавшего за Лисецкого и беспомощно топтавшегося рядом. Ловушка захлопнулась.

Губернатору и директору автозавода предстояло публично пережить незабываемый позор, причем обеспечить его себе они были обязаны самостоятельно, приложив к этому все старания. Разбашев дрожащими руками закончил сдачу.

— У меня козырная шестерка, — тихо сообщил Лисецкий. Он был подавлен: — Мы ходим.

— Почему это вы? — тут же заспорил Поливайкин. — Вы сдавали, значит, нам ходить.

— Пусть начинают, — остудил его Ельцин. — Им же хуже будет.

Последнюю фразу он мог и опустить. То, что Лисецкому с Разбашевым лучше уже не станет, было и так понятно.

Лисецкий опасливо зашел к Ельцину с шестерки трэф. Разбашев положил еще шестерку пик. Ельцин засопел и принял.

— Давай еще козырную! — потребовал он у Лисецкого, и тот послушно положил червовую шестерку.

— Это вам на погоны! — угрюмо пообещал президент.

Затем Разбашев вяло атаковал Поливайкина, но начальник УВД без труда отбил. Под Лисецкого он зашел с восьмерки пик, Ельцин добавил. Лисецкий, все еще не пришедший в себя, кое-как покрыл карты и покосился на Ельцина, пытаясь угадать, что тот задумал. Ельцин был увлечен игрой. Он действовал по какой-то своей системе, принимал практически все взятки, что-то считал, шевеля губами, гримасничал и загибал пальцы.

— Ты, главное, козыри копи! — наставлял он Поливайкина.

— А это обязательно, — соглашался тот, бессовестно жульничая и заглядывая в карты то Разбашеву, то Лисецкому.

— Не любим, значит, мы бубну! — вслух сообщал он свои наблюдения Ельцину, подкладывая Лисецкому бубнового валета. — Ох и не любим!

Впрочем, Лисецкий и Разбашев и без того поддавались изо всех сил. Они принимали там, где могли отбиться, ходили не с парных карт и совершали множество других нелепых ошибок. Привлеченные слухом о необычной забаве, в нашу каюту потихоньку набились и те, кого оставили на палубе. Вместе с официантами они жались вдоль стен, вытягивая шеи. Сейчас на них никто не обращал внимания. Все, как замороженные, следили за игрой.

— Вот уж мы их научим! — подбадривал Поливайкина раскрасневшийся Ельцин. — А то, понимаешь, строят из себя. Понимаешь! — От возбуждения он выражался невнятно.

Игра приближалась к финалу. Поливайкин раскрылся, выложил перед Лисецким последнюю даму и выскочил, как мне показалось, с некоторым сожалением.

— Вы как сидите? Нормально? — осведомился он у Ельцина.

— За меня не бойся, — успокоил его Ельцин. — Ты за них бойся.

Поливайкин хохотнул, предвкушая потеху. Разбашев вопросительно взглянул на Лисецкого, тот незаметно пожал плечами и неуверенно покрыл даму козырем. Теперь ход перешел к нему. Он начал с десятков, Разбашев осторожно добавлял, но Ельцин успешно отразил все их атаки, кажется, впервые за время игры. На руках у него оставалось четыре карты.

— А теперь смотрите сюда! — требовательно провозгласил президент.

Он заставил сначала Разбашева принять козырного короля, а затем сунул Лисецкому козырного туза. Тот, нахохлившись, молча принял. Растягивая удовольствие, президент поднял было рюмку, но передумал и отодвинул ее в сторону.

Лисецкий обреченно ждал. Ельцин набрал в легкие воздуха и, выдохнув, лихо шлепнул на стол две оставшиеся карты. Это оказались те самые шестерки, с которых началась игра.

— Видали?! — торжествуя спросил президент.

По каюте прокатился шепот восхищения. Подобное окончание игры считается у любителей подкидного дурака особенно эффектным и исключительно постыдным для проигравшего. Взяв карты в обе руки, Ельцин с размахом хлопнул одной по плечу Лисецкого, а другой — по плечу Разбашева.

— На погоны, как и обещал! — ликуя, объявил он.

Лисецкий натужно рассмеялся. Разбашев тоже попробовал улыбнуться, но у него не получилось.

— А теперь под стол! — скомандовал Ельцин почти ласково.

— Может, что-нибудь другое? — хрипло взмолился Разбашев. На его обычно высокомерном лице была написана растерянность. Он взмок. Решительный подбородок дрожал.

— Лезь, я кому сказал! — повысил голос Ельцин и топнул ногой. — Проиграли — под стол!

— Полезли, Игорь Вадимович, — конфузливо подбодрил его Лисецкий, избегая смотреть по сторонам. — Все по правилам — ничего не поделаешь!

Мне показалось, что он и сам был в панике, но старался сделать вид, что ему все нипочем. Опустившись на пол, он задрал белую скатерть и полез под стол первым, все с той же кривой

улыбкой на губах. Разбашев с остекленевшими глазами, ничего не видя, на четвереньках последовал за ним. Большинство из тех, кто были здесь, готовы были провалиться на месте. Из крупных чиновников веселился один лишь Поливайкин да еще, пожалуй, Лихачев наблюдал за происходящим с каким-то мстительным удовольствием. Официанты и вовсе старались не дышать и не подавали признаков жизни. Несколько человек, не выдержав накала, выскользнули назад, на палубу.

Ельцин, склонившись вниз, приподнял скатерть и заглянул под стол, где сидели губернатор и директор завода.

— А теперь кукарекать! — приказал он, распаляясь.

— Зачем кукарекать? — придушенным голосом из-под стола запротестовал Разбашев. — Мы не договаривались!

— Кукарекать! — неумолимо рявкнул Ельцин. И еще раз по слогам: — Ку-ка-ре-каты!

Лисецкий тоненько кукарекнул, неестественно и жалобно. Потом кукарекнул и Разбашев.

— Вот это другое дело! — скрепил Ельцин. — Так-то оно лучше будет.

Откинувшись на стуле, он обвел присутствующих тяжелым взглядом без улыбки и остановился на Силкине.

— А ты за кого болел? — в упор спросил у него Ельцин.

— За вас! — выпалил тот. На лбу у него выступила испарина.

— Гляди у меня! — погрозил ему Ельцин. — А то тоже под стол полезешь.

Силкин отчаянно заморгал. Я заметил, как сидевший рядом с Силкиным Кулаков низко опустил голову. Зато Боня смотрел во все глаза, стараясь ничего не упустить.

— За победу Бориса Николаевича! — гаркнул Поливайкин, вскакивая. — До дна!

Все схватили бокалы и вытянулись в струнку. Ельцин с важностью кивнул, словно речь шла не о карточных поддавках, а о стратегическом сражении, в котором он одержал верх. Прежде чем взять свою рюмку, он вновь наклонился вниз, придерживая рукой скатерть.

— Ну, вылезайте, что ли, — разрешил он Разбашеву и Лисецкому уже почти добродушно. — Не всю же жизнь вам там сидеть.

Пунцовые от стыда, они появились на свет, отряхиваясь.

4

Среди российских чиновников бытует странное убеждение, что произнося речь в честь начальства, следует заботиться не о ее содержании, а о ее протяженности. Они полагают, что чем дольше они поют дифирамбы, тем вернее запомнят их усердие. В результате панегирики становятся бессмысленными и бесконечными.

Застолье продолжалось. Теперь все ораторы в свои однообразные оды вплетали хвалу великой победе президента. Разбашев сидел, сгорбившись, ни на кого не глядя, даже чокался иногда не в такт. Лисецкий же, наоборот, стал как-то придиричив и цеплялся к каждому выступавшему, то перебивая, то добавляя без всякой надобности. Он будто давал понять, что несмотря ни что остается здесь главным.

Ельцин пил и пьянел. Его широкое, безбровое лицо как-то глупело и застывало, временами

на нем появлялась бессмысленная улыбка. Он тянул слова, а когда молчал, становился похож на языческого идола, вырезанного из красного дерева.

Артурчик не находил себе покоя. Похоже, он искренне переживал за Ельцина, нервничал и едва слушал Боню, который время от времени брался комментировать происходящее.

— Что он делает?! — бормотал Артурчик после каждой опрокинутой президентом рюмки. — Ему же совсем нельзя. У него же сердце!

Несколько раз я пытался встретиться глазами с Кулаковым, но безуспешно. Он отводил взгляд. Соблазн записать его в предатели, расплеваться с ним раз и навсегда был велик — обида на ближнего всегда сладка. Но я пересилил себя и, улучив минуту, подошел к его столу.

— Покурим, Борис Михайлович? — предложил я.

Подобное приглашение к серьезному разговору было

в его духе. Он посмотрел на меня недружелюбно, но уклоняться не стал. Поднявшись, он вразвалку прокосо-лапил к выходу.

На палубе, я сразу продрог до костей. Ледяной ветер усилился, и поднятый воротник пальто не спасал от его порывов. На улице уже совсем стемнело, вода и беспроглядное небо казались черными и сливались. Мы спрятались на корме и долго по очереди прикуривали от пляшущего огонька зажигалки. Кулаков пока не произнес ни слова, предоставляя мне начать объяснение.

— В наших отношениях что-то изменилось? — спросил я, затягиваясь.

— А ты газеты читаешь?! — огрызнулся он.

— Нет, не читаю, — признался я.

— Ну да, — усмехнулся он. — Зачем тебе их читать, ты их пишешь.

— Борис Михайлович, вы же знаете, что я давно не занимаюсь прессой. В последнее время я вообще как-то выпал из общественной жизни.

— Тогда телевизор включи или радио в машине послушай! — посоветовал он. — С утра до вечера все только и долдонят обо мне да о Сырцове. Сколько миллионов нашли в его сейфах, как он их нажил и какое отношение имеет к покушению на него мэр Уральска Кулаков! Про Храповицкого, представь себе, молчат. Не интересно им про Храповицкого. А про меня круглосуточно вещают. Ну, нет у нашей прессы других тем! И других дел тоже нету. Да ладно бы только у прессы! А то ведь и областная прокуратура только нами и занимается. У меня в администрации вся работа парализована. Одна выемка документов за другой. Я прокурору уже три письма отослал. Дескать, вы направьте нам запрос, мы любые бумаги сами вам доставим, зачем же людей страшить и переполох устраивать. Ни ответа, ни привет. Встречается со мной — глаза прячет. Оно и понятно, он чужую волю выполняет. По сценарию не нужно, чтобы мы добровольно привозили документы. Надо, чтобы доблестные следователи героически врывались в кабинеты к пожилым теткам, пугали их до смерти и переворачивали все вверх дном. И чтобы все это обязательно снимали на камеру. А вечером, в новостях, всем показывали, как подлые городские чиновники трясутся при виде сотрудников правоохранительных органов. Так, конечно, эффектнее получается. А сам я вместо того, чтобы городским хозяйством заниматься, с допросов не вылезаю. То в одну инстанцию дергают, то в другую! И везде меня журналисты караулят. Им, видать, повестки раньше меня вручают.

— Но вас же не подозревают в причастности к этому взрыву? — недоверчиво начал я, но он меня перебил.

— Да какая разница, подозревают они или нет?! Главное, что они весь город в этом убедили. Сейчас любая бабка на рынке знает, что в мэрии Уральска орудует шайка оголтелых преступников, главарем которой является мэр города собственной персоной. И не поделив награбленное со своим заместителем, мэр пытался его прикончить. Во как! — от злости он рубил короткой рукой воздух в такт своим словам, и огонек сигареты плясал в темноте. — Жене телефон оборвали, мол, правда ли, что меня уже арестовали? Она, бедная, на улицу показаться боится. Про себя уж не говорю. Хоть хватай тулуп, да беги из города! А Лисецкий, который всю эту свистопляску затеял, только посмеивается да руки потирает. И еще всю эту бредятину, им же самим придуманную, в Москву шлет. Прямым ходом в администрацию президента. Дескать, глядите, с чем нам тут разгребаться приходится! Какие уж тут президентские выборы, если местный мэр — настоящий бандюга! Миллионы ы в сундуках держит да своих замов взрывает! Ты думаешь, почему Ельцин на меня в аэропорту окрысился? Да все поэтому!

Он с ожесточением швырнул окурок в воду и замолчал. Я не знал, что сказать. Признаюсь, я понятия не имел, что все зашло так далеко. Какие-то отголоски до меня, разумеется, долетали, но, закрутившись в водовороте наших проблем, я не воспринимал этот скандал всерьез, эгоистически полагая, что это пустяки по сравнению с нашими трудностями.

— Я ведь к губернаторским выборам готовился, — тяжело вздохнул он. — Потягаться с Лисецким собирался. И поддержка у меня была серьезная. А сейчас какое мне губернаторство? На своем бы месте усидеть! Все друзья по кустам попрятались. Вчера с одним приятелем Лисецкого беседовал, строго конфиденциально, конечно. Так он меня открытым текстом предупредил: дескать, уходи добровольно, по-хорошему, иначе уголовной статьей все закончится. Схватишь срок на пару с Храповицким — мало не покажется!

— Это, наверное, Гозданкер был, — догадался я. — Он же, помнится, одним из первых на вашу сторону перевернулся, правда? А теперь получается, что поспешил Ефим окрас менять: Лисецкий — на коне, президента встречает, а вас бьют. Гозданкеру срочно выслуживаться надо, смывать позор измены. Лисецкий ведь ох какой злопамятный. А если Гозданкер уболтает вас насчет отставки, запугает там или как-то иначе дожмет, то губернатор его разом и простит. А может, даже и какой-нибудь свинокомплекс подарит. В деревне Грязнулино, например. А что? Ефиму в хозяйстве все сгодится.

Мой тон ему не понравился.

— Не в Гозданкере дело, — с досадой возразил он. — А в том, что меня сейчас действительно травят. Это не смешно. И вешать на себя еще и ваши грехи я, знаешь ли, не собираюсь. Поэтому не хочу, чтобы журналисты меня с кем-то из вас рядом видели.

— А без журналистов? — поинтересовался я. — Без журналистов с вами можно встречаться? Под покровом ночи.

Честно говоря, я не собирался встречаться с ним под покровом ночи. Я хотел понять, окончательно он рвет со мной или оставляет лазейку.

Он ответил не сразу.

— И без журналистов не хочу, — после паузы выговорил он. — Не хочу и все тут!

— Ясно, — пожал я плечами. — Спасибо за откровенность.

— У тебя был выбор! — раздраженно бросил он. — Я предлагал тебе ко мне на работу

перейти. Предлагал или нет?

— Предлагали, — подтвердил я.

— Чего ж ты теперь рожи недовольные корчишь?!

— Извините, — сказал я. — Непроизвольно получается. Рожа, видать, у меня такая, недовольная.

Он хмыкнул, повернулся и двинулся от меня к освещенной каюте, откуда доносился веселый шум голосов. Но навстречу ему уже с шумом валила толпа во главе с президентом. Мы, наконец, прибыли к заветному месту.

5

Ельцина порядком развезло, и Лисецкий бережно вел его под руку. Поливайкин на правах партнера страховал президента с другой стороны.

— Вот здесь он и утонул, — сказал Силкин, указывая в темноту.

— Кто утонул? — вяло любопытствовал Ельцин, медленно поворачиваясь в его сторону всем корпусом. Похоже, он благополучно забыл о цели нашей поездки.

— Чапаев, — робея, напомнил Силкин. — Василий Иванович.

— А, — коротко отозвался Ельцин. — Понял!

Поддерживаемый с двух сторон, он покачиваясь стоял

у самого борта, так что на него попадали брызги воды, доносимые ветром. Остальные теснились за его спиной, вглядываясь в темноту. Перед нами тянулась унылая безлюдная полоса земли, на которой смутно различались холмы и голые деревья. Было страшно неуютно и хотелось назад, в город, в жизнь, в тепло. Ельцин поежился на ветру, трезвея.

— Как же он утонул? — спросил он Силкина.

— Достоверно не известно, — волнуясь, принялся рассказывать Силкин. — Свидетельства очевидцев в советское время десятки раз переписывались, так что до правды теперь не докопаешься. Есть, конечно, книжка Фурманова, да еще этот самый фильм. Однако, между нами говоря, и то, и другое — художественный вымысел. Местные историки пытались что-то выяснить, но как-то все выходит противоречиво, — Силкин виновато развел руками. — Картина складывается примерно такая. Чапаев ночевал в деревне, на том берегу, с небольшим отрядом. Его основные силы базировались дальше, вон там. Белые напали внезапно, под утро. Всех его людей перебили почти сразу. Он бросился в реку и поплыл. И где-то здесь его подстрелили.

Некоторое время Ельцин сосредоточенно созерцал унылый пейзаж.

— А речка-то не больно широкая, — с некоторым разочарованием заметил он. — Полкилометра и то не будет.

— Это только кажется, — патриотично возразил Поливайкин. — На воде всегда расстояние скрадывается. Да еще темень, хоть глаз выколи. Тут метров шестьсот, не меньше.

— Если б его не ранили, он бы переплыл, как нечего делать! — гнул свое президент.

— Ну, был он ранен или нет, никто точно не знает, — проговорил Лисецкий, понижая голос. — Тело-то ведь не нашли, да и вряд ли искали. Может, это потом режиссеры фильма

выдумали, для красоты.

— Раненый он был! — категорично повторил Ельцин. — Я кино видел.

— Ну да, раненый, — послушно согласился Силкин. — Но вот до этого места он доплыл. А здесь его вторая пуля нашла. Или уже сил не хватило.

Все помолчали, отдавая дань памяти погибшему герою революции. Вдруг Силкин хихикнул и покрутил головой.

— У нас тут один краевед есть, — заговорил он уже другим тоном, интимным. — Отсидел при советской власти за убеждения, старенький уже. Книжки пишет по истории нашей области. Так он вообще уверяет, что у Чапаева в селе бабенка была, молодуха. Солдатка вдовая. И он к ней в ту ночь и отправился чуть ли не в одиночку, с небольшой охраной, — Силкин вновь прыснул. — А братья ее, недовольные тем, что он их сестру бесчестит, взяли да и выдали его белым. А когда те его накрыли, он пьяный был в драбадан.

— Вранье! — отрубил Ельцин. — У нас любят про выдающихся людей всякую пакость придумывать. Вон про меня тоже болтают, что я пью, — он сердито надулся. — Да если бы я пил, как бы я страной управлял?

— Я и сам не верю, — торопливо закивал Силкин, заглядывая снизу вверх в лицо президенту. — Так просто привел эти домыслы для объективности.

— Ну что, назад поплывем? — с надеждой осведомился Лисецкий. Он заметно замерз.

— Погоди, — осадил его Ельцин. — А песню спеть?!

Он выпрямился, отставил ногу и затянул:

— Из-за острова, на стрежень, на простор речной волны...

Пел он громко, и это было, пожалуй, единственным достоинством его исполнения. Все тут же присоединились к нему. Песня вообще-то была о Волге и Стеньке Разине и не имела ни малейшего отношения к Уралу и Чапаеву, но чиновники старательно вторили. Пели Силкин, Лисецкий и Разбашев. Даже Боня, не знавший слов, что-то мычал. Хор получался довольно нестройным. Ельцин принялся дирижировать, но, не обладая ни слухом, ни должным навыком, синхронизировать пение не мог. Тянули вразнобой: кто в лес, кто по дрова.

И тут из задних рядов вперед пробилась Татьяна Сту-колова и, встав рядом с президентом, повела звучным, уверенным сопрано. Ельцин, не прерываясь, с благодарностью обнял ее. Она, смеясь, запела еще лучше и склонила голову ему на плечо.

Была она в короткой серой меховой шубе и ярком павловопосадском шалевом платке, накинутом на плечи. Гордая президентской лаской и всеобщим вниманием, она чуть покачивалась в такт мелодии и игриво поводила плечами. Ее глаза блестели, грубоватое лицо с сильным макияжем помолодело и похорошело, сделавшись почти красивым. В дородной фигуре появилась девичья легкость.

Воодушевляясь все больше, Ельцин тоже взялся приседать и притоптывать с медвежьей ловкостью. Чиновники начали хлопать в такт его движениям. Когда исполнялся куплет про то, как веселый и хмельной Стенька Разин справлял новую свадьбу с молодой княжной, президент, разошедшись, ударил себя кулаком в грудь, а затем показал на Татьяну. Он явно отождествлял себя с народным героем-разбойником, а Татьяну с его спутницей.

То, что произошло дальше, невозможно было предсказать. При словах «и за борт ее бросает в набежавшую волну» Ельцин, войдя в образ, подтянул Татьяну к себе, словно подхватывая

на руки, а затем толкнул вперед. На беду, он сделал это чересчур азартно и сильно. Послушная ему, она качнулась, оступилась на скользкой палубе и, не удержав равновесия, полетела за борт. Раздался глухой всплеск, и темноту прорезал истошный женский визг.

Песня сразу оборвалась. Все в ужасе бросились к борту и свесились вниз.

— Стой?! — взревел Ельцин, вероятно, еще не осознав, что произошло. — Куда?!

— Таня, ты как? — зывал Силкин. — Жива?

— С вами-то ничего не случилось? — обнял Ельцина Поливайкин.

— А-а-а! — заходилась отчаянным криком Татьяна. — Помогите!

Она барахталась в черной воде изо всех сил, но стремительно намокавшая шуба неумолимо тянула ее ко дну. Видно было, что она еле удерживается.

— Спасайте женщину! — командовал Разбашев неизвестно кому.

— Скорее! — горячился Ельцин, вырываясь из объятий Поливайкина. — Что ж вы стоите! Прыгайте же к ней кто-нибудь!

Чиновники метались вдоль борта, сбивая друг друга с ног.

— Быстрее! Быстрее! — кричали они друг на друга. Однако выполнять команду президента и прыгать в ледяную реку никто не собирался.

— Караул! — надрывалась из воды Татьяна. — Тону!

— Да где тут капитан?! — вдруг капризно воскликнул Лисецкий. — Чего он ждет?! Человек же за бортом!

Ельцин окончательно рассвирепел.

— Я сам ее спасу! — объявил он, неуклюже стаскивая с себя пальто.

Поливайкин, Лисецкий и Разбашев вцепились в него и повисли на нем, как бультерьеры.

— Даже думать не моги, Борис Николаевич! — воскликнул Поливайкин. — Ты нам здесь нужен!

— Калюжного! — вспомнил Лисецкий. — Калюжного к ней кидайте!

— Нет! — в ужасе заверещал Калюжный, пускаясь наутек с поразительной для его комплекции живостью. — Мне нельзя! У меня сахарный диабет!

— Помогите же хоть кто-нибудь! — доносился до нас слабеющий голос Татьяны. — Не могу больше.

Она уже захлебывалась, ее сносило течением. Артурчик решительно сбросил пиджак.

— Господи, ну почему всегда я?! — воскликнул он с тоской. — Я ведь даже плавать не умею.

— Ты что, в натуре прыгать собрался? — оторопел Боня.

— А что мне еще остается? — едва не плача, парировал Артурчик. — Если никто больше и с места не сдвинется?

— Хочешь, я с тобой прыгну? — импульсивно предложил я.

— Конечно, хочу! — не колеблясь, ответил Артурчик. — Он еще спрашивает!

— Тогда по счету три, — проговорил я, тоже срывая верхнюю одежду и швыряя ее Боне. — Давай, живо. Раз, — я сделал шаг к борту, до смерти боясь, что сейчас передумаю. — Два. Три. Пошел! Мать твою!

Я сам не знаю, как прыгнул. Но я прыгнул, зажмурившись, все еще крича матерные ругательства. В ледяную обжигающую воду я вошел камнем. Она накрыла меня с головой, затем я вынырнул, выплюнул ее изо рта и взвыл. Было не то что холодно — смертельно. Кажется, у меня сразу застучали зубы. Я принялся яростно молотить по воде руками и ногами. Ноги, впрочем, тут же отяжелели: я забыл скинуть туфли.

— Прости, друг! — услышал я голос сверху и только тут заметил, что никакого Артурчика рядом со мной не было. В последнюю секунду он все-таки остался.

Я прохрипел пару нелестных эпитетов в его адрес.

— Прости, ради бога! — проникновенно кричал он, молитвенно складывая руки. — Я хотел. Я, честное слово, хотел. У меня не получилось...

— Хоть один смелый нашелся! — донесся до меня одобрительный отзыв Ельцина. — Давай, к ней гребь!

— Вон она! Вон там! — со всех сторон кричали мне чиновники, указывая с палубы руками. — Плыви быстрее!

Татьяна, булькая, маячила в нескольких метрах от меня, как огромный поплавок: то уходя под воду, то опять показываясь на поверхности. Силы ее таяли. Не переставая материться, я сделал в ее сторону пару гребков.

— Лови! — крикнул мне Боня, швыряя спасательный круг из прессованного пенопласта. Я еле успел увернуться, иначе меня бы пришибло. Перелетев через мою голову, круг плюхнулся в воду между мной и Татьяной, обдав меня фонтаном брызг. Я подтолкнул его к Татьяне, и она вцепилась в него обеими руками.

— Мамочка родная! — проскулила она, поднимая ко мне мокрое, жалкое лицо. — Да что ж это такое?!

Она задыхалась, плакала и едва двигалась.

— Все в порядке, — твердил я, пристраиваясь рядом и тоже хватаясь за круг. — Еще минутку потерпите, ладно?

Должно быть, капитан отыскался, потому что теплоход начал останавливаться и неспешно разворачиваться.

Кто-то из матросов кинул нам веревку, но не попал, вытащил ее и кинул вновь. С третьего раза я ухитрился ее поймать.

Когда мы поднимались на борт, мокрая одежда прилипла к телу, и я вновь взвыл. Татьяна, близкая к обмороку, тряслась и рыдала не переставая. Президент, губернатор и все остальные бросились к ней.

— Врача сюда! — гремел Ельцин. — Есть тут врачи?

Татьяну поволокли прочь. Оставшись один, я ступил

на палубу и, наверное, упал бы, если бы меня не подхватили Боня и Артурчик. Вода лила с меня ручьем. Я дрожал от холода и еле передвигался. Они помогли мне добраться до одной из кают, раздеться и, усадив в кресло, завернули в какое-то одеяло.

— Ты, главное, водки выпей, водки! — советовал Боня, зачем-то растирая мне уши.

Я лишь слабо отмахивался и мычал не в силах ответить.

— Друг, ну прости, — сокрушался Артурчик, поправляя мне с разных сторон одеяло. — Ну, хочешь, я тоже прыгну? В другой раз. Честно! Ну что мне сделать, чтобы ты простил?

Я посмотрел в его искреннее, несчастное лицо.

— Устрой мне встречу с Калошиным, — с неожиданным для себя практицизмом попросил я.

— С Калошиным?! — пробормотал он, застигнутый врасплох. — Но это невозможно.

— Спасибо, — ответил я коротко. — Я почему-то не сомневался, что ты откажешь.

— Пойми, меня же после этого выгонят с работы!

Я молча отвернулся от него и закрыл глаза, стараясь преодолеть озноб.

— Ну, хорошо, — сдался он. — Устрою.

— Когда? — в боксе, меня учили, что, зацепившись, нельзя отпускать.

Он на секунду задумался.

— Во вторник. Ты сможешь прилететь в Москву во вторник?

— Уже лечу, — ответил я без колебаний.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

— Тебе лечиться надо, — сочувственно выговаривала мне Лариса. — Ты хрипишь, чихаешь, гундосишь. На себя не похож.

— Видели бы вы меня три дня назад, вообще бы не узнали, — возразил я сиплым, непослушным голосом.

То, что наблюдали сейчас Лариса и Данила, и впрямь было значительно улучшенным вариантом. Все выходные я с высокой температурой провалялся в постели, глотая пачками разноцветные пилюли, которые присылала мне с охраной мой бывший секретарь Марина. Собственно, поскольку я уже не работал в холдинге, Марина не являлась моей подчиненной и вовсе не обязана была заботиться о моем здоровье. Я позвонил ей по старой памяти, не зная, к кому еще обратиться.

Как и подавляющее большинство мужчин, я ненавижу посещать больницы, а вызов врача на дом представляется мне и вовсе неприличным. Поэтому за медицинскими консультациями я обращаюсь к знакомым женщинам и честно выполняю их предписания, чем дарю им праздник. Ибо, по моим наблюдениям, врачевание окружающих является такой же женской страстью, как и походы по магазинам.

В понедельник вечером, немного оклемавшись, я заскочил к Ларисе и Даниле проведать их и попрощаться перед вылетом в Москву. Новостей о Храповицком не было ни у них, ни у меня, если не считать того, что в СИЗО Ларисе отказали в свидании с мужем, зато Лисецкий удостоил ее телефонным разговором, заверив, что «компетентные органы во всем разберутся», а он, Лисецкий, со своей стороны будет «держат этот вопрос на контроле».

Когда Лариса рассказывала мне об этом, то, несмотря на ее усилия, казалось, она вот-вот расплачется, и я был рад, что разговор переключился на мое здоровье. Вообще я отметил про себя, что за неделю пребывания в Уральске Лариса осунулась, потускнела и сделалась заметно нервознее. Мы сидели на кухне, пили чай, и ее руки непрерывно двигались: она то сворачивала в трубочку бумажные салфетки, то принималась вновь их машинально разглаживать.

— Я тебе лечебный отвар приготовлю, — спохватилась она. — Мне мама в свое время рецепт давала. За три дня всю твою хворь как рукой снимет.

Она встала с места, нашла на полке записную книжку и принялась ее листать.

— Через три дня ее и без отвара снимет, — проворчал я. — Не на всю же жизнь я таким останусь.

— Неизвестно, — критически оглядывая меня, возразил Данила, по-юношески чуждый сострадания. — Можете вообще загнуться. Похоже, у вас воспаление легких уже началось. Где это вас так просифонило?

— В Урале искупался.

— Ничего себе! Зачем же вы туда полезли, на спор, что ли? А сколько там градусов?

— Повыше нуля, — ответил я, содрогаясь от воспоминания.

— Все-таки у тебя лошадиное здоровье! — покачала головой Лариса.

— Не скажи! — запротестовал я. — Если бы лошадь курила так же много, она бы давно сдохла.

— Опять что-нибудь с женщинами связанное? — предположила Лариса с осуждением.

— Ну да, — подтвердил я. — Романтическое приключение. Хотел произвести впечатление на девушку.

— Как-то сложно у вас все это происходит, — неодобрительно отозвался Данила. — А нельзя было просто пригласить ее в клуб, на дискотеку?

— Ты бы еще предложил пивом ее угостить, — укоризненно ответил я. Для меня противоположный пол делится на женщин и на тех, кто пьет пиво. Есть еще, правда, те, кто пьет пиво с соленой рыбой, но этих я даже не знаю, к кому отнести.

— А что? — пожал плечами прозаичный Данила. — Пиво — это нормально. Экономично. Лучше, чем в Урале барахтаться. Ну, если вы такой эстет, то заказали бы ей джин с тоником.

— Можно было подарок сделать, — подсказала Лариса. — Какой-нибудь оригинальный.

— Папа говорит, что из всех оригинальных подарков девушки больше всего любят деньги, — заметил Данила.

— Цветам они тоже радуются, — отозвался я. — Хотя деньгам, надо признать, больше.

— Может, хватит про деньги? — довольно резко отозвалась Лариса, не поддерживая нашего тона. — Как будто это самое главное в отношениях!

Данила быстро взглянул на меня и едва заметно пожал плечами, показывая, что ничего не может поделать с раздражительностью матери.

— А что, по-твоему, для женщин главнее? — с любопытством спросил он ее. — Секс, что ли?

— При чем тут секс? — Лариса была шокирована его цинизмом. — Я имела в виду любовь!

Данила изобразил на лице недоумение.

— Мам, а любовь — это как? Без секса, что ли? Или без денег?

— Перестань говорить пошлости! То, что ваше поколение признает только материальные ценности, еще не значит, что ничего другого на свете не существует.

— Да полно чего существует хорошего, — миролюбиво согласился Данила. — Главное, чтоб денег на все хватило.

— Чушь! — возмутилась Лариса. Она видела, что он ее дразнит, но все равно горячилась.

— Ну, хорошо, — не отставал Данила. — Назови хоть одну нематериальную ценность. Про любовь ты уже сказала.

Лариса запнулась, не сразу найдя с ответом.

— Чувство собственного достоинства, например!

Данила подумал и состроил гримасу. Он явно не воспринимал сентенции матери всерьез.

— Если денег нет, то откуда это все возьмется? — поинтересовался он. — Любовь, морковь, собственное достоинство там всякое?

— Прекрати немедленно! — воскликнула Лариса. Его снисходительная интонация выводила ее из себя. — Где ты только этого нахватался?

Вообще-то и она, и я — мы оба понимали, где именно Данила этого нахватался.

— Не все в мире покупается и продается! — убеждала нас Лариса. — Если у кого-то много денег, то это еще не повод, чтобы унижать других. Тем более членов своей семьи! — добавила она без всякой связи.

В ее словах звучало привычное раздражение. Она явно не раз спорила на эту тему и с мужем, и с сыном, которые всегда держались заодно. Данила слегка надулся. Видимо, он счел, что сейчас, когда Храповицкий находится в тюрьме и не может ей возразить, продолжать полемику некорректно.

— И в чем же ты видишь унижение? — спросил он с долей вызова.

Лариса покраснела.

— Жить в гареме, например! — выпалила она после мгновенного колебания.

Я схватился за горло и надсадно закашлялся.

— Кажется, правда воспаление легких, — прохрипел я, имитируя удушье. — Какая-то горечь во рту.

Мои конвульсии Данила оставил без внимания. Он нарочно с шумом допил чай, видя, что Ларису коробит от издаваемых им звуков, и с подчеркнутой неспешностью слез с высокого табурета.

— Ну, эту шарманку я уже слышал, — сообщил он. — Пойду телевизор посмотрю, может, хоть там что-нибудь умное скажут.

Лариса вспыхнула, но сдержалась. Данила вразвалку протопал в гостиную. Я подождал, пока из гостиной донесутся звуки какого-то фильма, и повернулся к Ларисе.

— Ты уверена, что эту тему нужно обсуждать в его присутствии?

— А ты думаешь, он не знает? — запальчиво возразила она. — Ошибаешься!

— Дело не в том, знает он или нет. А в том, что он любит вас обоих. Ему же неприятно и больно.

— А мне не больно?! — вскинулась она. — Вы так трогательно заботитесь друг о друге, что плакать хочется. А обо мне кто-нибудь подумал?

Я промолчал в ответ на этот риторический вопрос. Лариса вытряхнула из пачки ментоловую сигарету, закурила и разогнала рукой дым.

— Она мне свою ночную рубашку оставила, — вдруг проговорила она дрогнувшим голосом. — Нарочно засунула в шкаф, среди моих вещей, домработница и не заметила. Чего она этим добивается, может быть, ты мне объяснишь?

Разумеется, я не мог ей объяснить, чего добивается Олеся, рассовывая где попало свои ночнушки. Лично я так не делаю.

— Ты о ком говоришь? — спросил я, изображая недоумение.

— О девушке, с которой он здесь живет! — воскликнула она сердито. — Олеся, кажется, ее зовут? Или уже Олесю прогнали и другую заселили? Я давно в них запуталась. Сначала была Марина, потом Ольга, потом эта Олеся. Сейчас уже новые, наверное, появились, помоложе. Да я не желаю этого знать! Не нужно мне этого! Не хочу! Почему нельзя оставить меня в покое?! Мало того что какие-нибудь доброжелатели обязательно подвернутся и все тебе выложат, так еще сами гадючки ужалить норвят. То свое грязное белье подбросят, то еще что-нибудь придумают. Марина мне позавчера звонила, представляешь? Предлагала встретиться и поговорить. О чем мне с ней говорить, скажи? Она что, воображает, что мы с ней сядем, обнимемся и зарыдаем? Поведаем друг другу, как он нас на восемнадцатилетних девчонок променял? Сколько я в свое время из-за нее слез выплакала, бог ты мой! А сейчас вон и ее, бедняжку, в отставку отправили!

Мне было до ужаса неловко. Я взмок и испытывал сильнейшее желание снять пиджак, но боялся лишний раз пошевелиться. Лариса отвернулась, промокнула мокрые глаза бумажной салфеткой, налила себе еще чаю, но пить не стала.

— Мой отец был секретарем обкома, он людей из партии за аморалку вышибал, — проговорила она уже другим тоном. — Ты помнишь, что это означало — быть исключенным из партии за аморальное поведение?! Гражданская смерть. Ни работы, ни денег, ни друзей. Хуже прокаженного. Помню, у нас в институте пожилой профессор ушел от жены к юной лаборантке. Студенты его обожали, а его на партсобрании лишили ученых степеней и запретили преподавать. Он грузчиком пошел работать, в его-то годы! Я к отцу: «Как же так?! Вмешайся, заступись!» Знаешь, что мне папа ответил? «Этот ваш хваленый профессор предал семью. Он не умеет владеть собой, значит, не имеет права учить молодежь. Наше

общество не нуждается в таких учителях». Вот такое я получила воспитание! А теперь я должна делать вид, что понятия не имею о существовании в жизни моего мужа дюжины других женщин, — она замолчала и, опустив голову, стиснула виски.

— Я не могу так больше, не могу! — вдруг шепотом воскликнула она с острой тоской. — Я заставляю себя терпеть, даже в церковь иногда хожу, но у меня не хватает сил!

Она действительно очень страдала.

— Зачем ты себя растравляешь? — пробормотал я, не зная, как ей помочь. — Какое значение все это имеет сейчас?

— Да потому что все из-за этого! — твердила она. — И тюрьма, и позор, и остальные проблемы! Не из-за любовниц, конечно, а из-за вседозволенности.

— Что ты имеешь в виду?

— Что его вообще не должны были посадить! Кого угодно, только не его. Ведь он всегда был образцом осторожности! Никогда не лез на рожон. Я с восемнадцати лет их с Виктором знаю, когда они еще мальчишками были, чуть старше Данилы. Они и тогда, в юности, хотели жить лучше, чем другие. Умели устраиваться. Я, например, на сессиях зубрила учебники, а они находили лаборантку, дарили ей бутылку шампанского и коробку конфет, и та подкладывала им нужные билеты. И еще смеялись надо мной, душой старомодной. Они и фарцовкой подрабатывали, и летом калымили, и много чего придумывали такого, за что в те времена по головке не гладили. Но только Виктор всегда был, как бы это сказать, норовистым, что ли? Не очень его любили. Самолюбие, наверно, в нем играло, не знаю. Он вечно к людям цеплялся, ему нужно было свое превосходство доказать. Хамил часто однокурсникам, да и преподавателям, мог драку затеять, особенно по пьянке, в неприятные истории влипал. Его даже из комсомола как-то собирались исключать, еле замяли тогда. А вот Володя никогда не попадался. Никогда! Хотя они с Виктором закадычными друзьями были, повсюду вместе. Но Володя умел сглаживать углы, чувствовал меру, вовремя отходил в сторону. У него в пограничных ситуациях всегда срабатывала интуиция. Ведь Володя — подлинный карьерист, в хорошем смысле, это его особый талант от природы. Он умеет терпеть, умеет молчать, умеет угождать, ладить с начальством, причем без всяких усилий. Ему даже нравится, для него это как игра. Я помню, когда мы поженились, он к моему папе бегал советоваться по каждому вопросу. Я злилась страшно. Мне казалось, что это унижительно — такая несамостоятельность! А Володя только посмеивался, дескать, трудно, что ли? Зато папа нарадоваться не мог, какой у него зять, по службе его продвигал. И все в Володиной жизни происходило именно так, по той же схеме. Его обожали руководители, уважали подчиненные. Он карьеру делал шутя, будто танцевал. И вдруг такой жуткий скандал. Арест! У меня в голове это не укладывается. Как? Почему? Я лишь одно объяснение вижу: вам слишком долго все сходило с рук и вы поверили в свою безнаказанность. Стали вести себя так, как будто вам все дозволено. Даже у Володи что-то сместилось. Он утратил чувство опасности. Не знаю, кому он там перешел дорогу, кого обидел. Я уже давно ничего не понимаю в этой вашей действительности, — она прерывисто вздохнула.

— Я домой хочу! — прибавила она в отчаянии, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

— Домой? Но ты же и так дома!

— Назад, в Лондон! — скороговоркой воспаленно зашептала она. — У меня там еще один сын, ему шесть лет, я с ним по пять раз в день разговариваю по телефону, он там остался с моей мамой. Очень скучает, плачет, спрашивает, почему все его бросили. Даниле тоже надо срочно возвращаться в школу, иначе он потом не наверстает. Мне все ясно там. Вот дети, вот дом, вот полиция, вот я. Все для всех одинаково. Я знаю, для кого я живу и по каким законам. Там никого не оскорбляют, не травят, не сажают в тюрьму. Я прилетела сюда, потому что

хотела быть полезной. Я готова отдать за Володю жизнь. Я всегда была готова, и сейчас ничего не переменялось, несмотря на то, что все переменялось. Но только женщина должна чувствовать, что в ней нуждаются. А я здесь никому не нужна. Меня либо не замечают, либо кусают. Я как в осаде. Мне душно и страшно.

Она смотрела на меня с такой мольбой и надеждой, будто именно я давал разрешения на выезд. Я даже растерялся.

— Езжай, разумеется, — поспешно закивал я. — Я тоже считаю, что так будет лучше.

Она украдкой оглянулась в сторону гостиной и замотала головой.

— Он не поедет! — выдохнула она, и на ее глаза вновь навернулись слезы. — Пока отец в тюрьме, он ни за что не поедет. А я не смогу оставить его одного. Это какой-то замкнутый круг!

— Подожди, — проговорил я, видя, что она вот-вот разрыдается. — Давай с ним поговорим.

— Бесплезно! Он и слушать не станет.

— Он очень рассудительный парень. В нем здравого смысла больше, чем в нас с тобой, вместе взятых.

— И упрямства тоже больше. Уж я-то знаю.

— Давай попробуем.

Не дожидаясь новых возражений, я прошел в гостиную, где Данила развалился на диване, задрав длинные ноги на кресло.

— Надо посоветоваться, — сказал я, еще до конца не зная, о чем я буду с ним советовать.

Не выразив никакого удивления моей потребностью в его совете, Данила молча поднялся и вернулся за мной на кухню. Одна идея у меня, впрочем, была. Я и в самом деле хотел обсудить ее, правда не с ним, а с Ларисой. Но так получалось даже лучше.

— В ближайшее время мне могут понадобиться деньги, — объявил я.

— Деньги? — переспросил Данила, не понимая, почему с этим вопросом я обращаюсь к нему. Лариса тоже смотрела на меня в недоумении.

— Завтра я вылетаю в Москву, — продолжал я. — Надеюсь встретиться кое с кем, кто сумеет нам помочь. Ясно, что никто ради нас бесплатно и пальцем не пошевелит. Учитывая нашу репутацию людей не бедных, суммы наверняка потребуют серьезные, которыми я лично не располагаю.

— Ну, — озадаченно протянул Данила. — А я-то при чем?

— Действительно, — обеспокоено поддержала его Лариса. — Разве Виктор не решает эти вопросы?

— Я еще не говорил ему о своей поездке, — ответил я.

— Как же так? — поразилась Лариса. — Я думала, вы действуете согласованно!

Данила не сводил с меня настороженных глаз.

— Мы с Виктором по-разному смотрим на способы освобождения Володи, — проговорил я

уклончиво. — Он не одобряет переговоров в Москве.

— Почему? — коротко спросил Данила.

— Он считает, что договариваться нужно здесь, на месте, а вмешательство сверху лишь все напортит и усложнит.

— А ты с этим не согласен? — Лариса заглядывала мне в лицо, пытаюсь прочесть то, о чем я предпочитал молчать.

— Я с этим не согласен. По моему мнению, с Лихачевым нам не договориться.

— А разве нельзя действовать и здесь, и там? — поинтересовался Данила. — Было бы надежнее.

У парня была хватка.

— К сожалению, не получается. Лихачев поставил условие, что вмешательство Москвы исключается. Приходится выбирать: либо работать с ним, либо с Москвой.

— Неужели ты думаешь, что Виктор не даст тебе денег для Володиного освобождения? — недоверчиво уставилась на меня Лариса.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Не исключаю. Его можно понять, если посмотреть на ситуацию его глазами. То, что я раздам взятки в Москве, не гарантирует прекращения дела. С его точки зрения, это ненужный риск.

— Давай я с ним поговорю. Он не посмеет отказать мне!

— А вот этого лучше не делать! Твое вмешательство его взбесит. Наши отношения и без того на грани разрыва.

Лариса совсем переполошилась.

— Но ведь так нельзя! — горячо воскликнула она. — Виктор — лучший друг Володи, его партнер. Мы не можем действовать за его спиной!

— Сколько денег понадобится? — перебил ее практичный Данила.

— Понятия не имею. Миллион или два долларов. Возможно, вообще не понадобится. В конце концов, Виктор еще не отказал.

Данила сосредоточенно разглядел густые, как у отца, брови.

— У тебя есть такие деньги? — по-деловому спросил он мать.

Лариса растерянно развела руками.

— Здесь, в России? Не знаю. Нет, наверное. Я, конечно, могу поговорить с управляющим банком...

— Но он тут же доложит Виктору, — закончил я за нее.

— А там? — продолжал Данила. — В Англии. Есть?

— В Англии я, пожалуй, найду.

— А как мы перешлем их сюда? — повернулся ко мне Данила.

— Очень просто. Сбросите на счет фирмы, который я назову по телефону. Это уже техника. Главное, чтобы они были.

Данила помрачнел.

— Выходит, надо уезжать? — вслух произнес он, переводя испытующий взгляд с матери на меня.

Мы не ответили.

— Может, ты поедешь одна?.. — осторожно начал он. — А я бы здесь поторчал еще немного.

— Забудь! — отрезала она, и он замолчал, поняв, что хватил лишнего.

Вновь повисла пауза. Я ждал, не торопя, чтобы не вызвать обратной реакции.

— Нам нужно подумать до завтра, — произнес, наконец, Данила. — Давайте созвонимся в понедельник вечером или даже во вторник, когда вы точно будете знать: нужны вам деньги или нет.

Я незаметно перевел дыхание. Хотя бы одну проблему мне удалось решить: они уезжали. Храповицкий, кстати, никогда не соглашался сразу, даже если решение было очевидным. Для него взять паузу перед приговором являлось нормой поведения серьезного человека. Данила рос серьезным человеком. В отличие от меня.

2

Артурчик назначил мне встречу в ресторане «Море» неподалеку от Старой площади, заверив, что на сегодняшний день это самое модное в Москве заведение, где бывают «все приличные люди». Судя по отсутствию колебаний в выборе, ресторан был исключительно популярным.

Манерная администраторша на входе поинтересовалась нараспев, делал ли я букинг и на чье, простите, имя. Я ответил в той же изысканной московско-кабацкой манере, что, простите, не допер, но, если она поставит меня в вэйтинг-лист, то я готов обождать и в машине. Пусть она только распорядится притаранить вон в тот черный «Мерседес» фрэш оранж и сингл эспрессо.

Она помялась, но проводила меня в зал, где кроме меня и официантов сидело несколько человек, одетых так, что к себе в кабинет я бы их не пустил. Все они громко разговаривали по мобильным телефонам. Должно быть, приличные люди приходили сюда позже. Или они тоже забыли сделать «букинг» и их не пустили. Самого Артурчика, между прочим, нигде не наблюдалось.

Минут двадцать я изучал разные породы рыб и морских гадов, часть из которых в преддверье неминуемой кончины томилась в аквариумах, а другая часть, уже отмучившись, мирно покоилась на льду. Затем, решив не выделяться среди посетителей, я тоже достал телефон и набрал Артурчика, но он не отвечал. Тогда я позвонил Насте по новому мобильному номеру.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вы уже в Москве?

— Нет, — ответила она. — Я немного задержалась. Не смогла найти достойного компаньона своему животному на время отсутствия. В конце недели выезжаю поездом.

— Жаль, — разочарованно проговорил я. — А я собирался пригласить вас в одно модное местечко, куда ходят все приличные люди.

— В оперу? — в ее голосе мне послышалась ирония.

— Приличные люди в Москве не ходят в оперу, — нравоучительно заметил я. — В опере поют, а здесь слышите, как орут?

— А куда они ходят?

— На выставки, где демонстрируются дары моря.

— Если вы про рыб, то лучше моего кота возьмите, он очень этой темой интересуется.

— Честно говоря, мне ужасно надоел ваш кот, он слишком часто вторгается в наши разговоры. С его стороны это наглость. Кстати, о наглецах. Как долго, по-вашему, можно ждать без ущерба для самолюбия?

— Вы кого-то ждете?

— Ага. И этот «кто-то» бессовестно опаздывает.

Мне показалось, что на той стороне трубки возникла какая-то настороженность.

— Даже не знаю, — протянула она. — Тут все зависит от самолюбия. Точнее, от того, кого вы больше любите, себя или человека, которого ждете?

— Уж точно не его, — заявил я без всяких колебаний. — А если этот парень задержится еще минут на десять, я вообще начну его ненавидеть!

— Так у вас деловая встреча? — догадалась она, и в ее голосе мне послышалось облегчение.

— Ну да, разумеется. А вы что подумали?

— Ничего, — поспешно ответила она. — Не имеет значения. Если у вас деловая встреча, то лучше все-таки подождать.

— А по-моему, серьезные люди не опаздывают.

— Опаздывают, — вздохнула она. — Иногда вообще не приходят.

— Странная у вас логика, — сказал я озадаченно.

— У меня вообще ее нет, — подтвердила она.

— Что там с Дианой? Вы видите с ней? Я не могу ее найти. Она поменяла номер?

В нашей беседе опять почувствовалось напряжение.

— Она уехала из города, — через некоторое время сдержанно проговорила Настя.

— Куда?

— Она не сказала. Как я поняла, возвращаться она не собирается. Во всяком случае, в ближайшее время.

Разговор на эту тему явно не клеивался.

— Я только хотел узнать, как у нее дела? — примирительно пробурчал я, гадая о причине Настиной отчужденности. — Может быть, ей нужна какая-то помощь? Я имею в виду — после последних событий.

— Мы с ней не обсуждали последних событий, — сухо откликнулась Настя.

Я понял, что дальше лезть не стоит, и попрощался, выразив надежду на скорую встречу.

В течение следующего часа я успел выкурить около пачки сигарет и дать себе слово, что если мне случится плыть с Артурчиком еще раз на теплоходе, то сначала я брошу в воду его, а уж потом решу, прыгать мне самому или нет. Я бы, конечно, плюнул и ушел, но мне мешала мысль, что, поступив так, я обеспечу Храповицкому несколько лет ожидания в местах гораздо менее комфортных, чем ресторан «Море».

Артурчик опоздал на час с лишним. Он с озабоченным видом плюхнулся на стул, взял меню, рассеянно пробежал его глазами и отбросил в сторону.

— Ну говори, что ты об этом думаешь? — требовательно осведомился он.

— О чем? — уточнил я. — О манере опаздывать?

Он закатил сливовые глаза к потолку и застонал. Его пухлое, миловидное лицо приняло утомленное выражение.

— Я так и знал, что ты начнешь с упреков! — заговорил он без всякого раскаяния. — Ну, извини. Я не прав. Понимаю, что опаздывать — это ужасно. Я, между прочим, почти никогда так не делаю, — в это утверждение верилось с трудом. — Но, во-первых, меня сегодня вызвал руководитель. Не мог же я проигнорировать его вызов! А во-вторых, ты даже не представляешь, какие вы счастливые люди, что не живете в этой сумасшедшей Москве. Вы не знаете, что такое уличные пробки. Совершенно невозможно попасть куда-нибудь вовремя.

— Но я же попал.

Мысль о том, что мы добирались сюда одними и теми же дорогами, как-то не приходила ему в голову. Не найдя с ответом, он подозвал официанта и велел принести для нас что-нибудь легкое, например арбуз, только побыстрее. Должно быть, в своей глуши я безнадежно отстал от моды, потому что впервые видел, как заказывают арбуз в знаменитом рыбном ресторане. Пока обескураженный официант, вероятно, тоже из провинциалов, хлопал глазами, Артурчик вернулся к своему вопросу:

— Так все же, что ты думаешь? Я имею в виду по поводу лета?

— Ты об отдыхе, что ли? — я никак не мог взять в толк, куда он клонит.

— Какой там отдых! Я о выборах президента!

На секунду я подумал, что он меня разыгрывает. Но, судя по выражению его черных глаз, эта абстрактная для меня проблема являлась для него первостепенной.

— Я об этом вообще не думаю, — ответил я честно. — Готов отдать свой голос тому, кто в нем больше всех нуждается.

— Как ты можешь проявлять такое равнодушие! — возмутился он. — Ведь от этого зависит будущее страны! Твое будущее.

— Скорее уж, твое. Я же не работаю в администрации президента. Мое будущее гораздо больше зависит от того, выпустят ли Храповицкого.

— Хорошо, — сдался он. — Тогда отвечай, состоятся, по-твоему, выборы или нет?

— Кто же их запретит?

— Как это, кто? Борис Николаевич, например. Наш надежный гарант демократических

свобод.

— Зачем ему так поступать?

— А зачем ему идти на заведомо проигранные выборы? Рейтинг у него такой, что в лупу не разглядишь. А если победят коммунисты, ты сам понимаешь, что ожидает его, да и всех остальных.

— И как же он их отменит?

— Да это проще простого! Оснований сколько угодно. Что-то вдруг взорвется в самом центре Москвы и унесет драгоценные человеческие жизни. Или произойдет стихийное бедствие, что тоже неприятно. Допустим, извержение вулкана в Петербурге или наводнение в Горном Алтае. Может и вовсе случиться нечто страшное. Например, на президента будет совершено покушение. Борис Николаевич, конечно, чудом избежит гибели, но кто-то все равно пострадает. Например, Чубайс, которому оторвет ногу. Можно даже две. Да. И тут раскроется страшный заговор, имеющий целью свержение законной власти. Спасая демократию, придется срочно вводить режим чрезвычайного положения. На неопределенное время.

— Ты опять дурачишься? Это нереально.

— В России? Да запросто! Раз плюнуть. Тащи сюда Чубайса, я ему и сам ногу оторву! Только держи его крепче, а то убежит. Между нами говоря, все это давно бы уже провернули, просто никак не могут прийти к согласию по поводу дележа новых властных полномочий. А тут еще проклятый Запад требует продолжения либеральных реформ, пугает экономической блокадой и прекращением кредитов. Страшно, конечно. Особенно без кредитов. Как прикажешь увеличивать благосостояние правящих кругов, если не растаскивать кредиты? Поэтому мой свободомыслящий руководитель Юрий Мефоди-евич Калошин склоняется к честным, открытым выборам под полным нашим контролем. А вот узколобые Коржаков и прочие силовики настаивают на отмене. Пусть, дескать, Америка усохнет, куда они все денутся без нашей нефти и газа? А своровать мы и без них найдем, где. Знаем, дескать, места. В общем, единого мнения нет. Борис Николаевич колеблется. Все с утра до вечера спорят до хрипоты. А ты еще спрашиваешь, почему я опаздываю!

— Это как-то связано? Выборы и твое опоздание?

— Конечно! Еще как! Я же переживаю. Порой ухожу в тягостные раздумья и теряю счет времени.

Официант появился с огромным порезанным арбузом. Артурчик попробовал и скривился.

— Какая гадость! — воскликнул он с чувством. — Совсем не сладкий. Второй день на диете, а сил уже больше нет. Предчувствую, что закончу эту пытку, пожирая сегодня ночью гату под одеялом. Ты ел когда-нибудь гату? Неужели нет? Ты с ума сошел! Я, кстати, не смогу назначить тебе прием у моего руководителя.

— Ты закончишь раньше, чем наступит ночь, — мрачно пообещал я. — И без всякой гаты.

— Ну что ты сразу обижаешься! Я же не сказал, что встреча отменяется. Я всего лишь предупредил, что не смогу назначить прием. Это разные вещи. Для приема я должен буду объяснить руководителю, по какому вопросу я направляю тебя к нему и зачем я так поступаю, а я и сам понятия не имею. Поэтому я сделаю лучше. Ты увидишься с ним в непринужденной дружеской обстановке, ненавязчиво вступишь в беседу и обо всем договоришься. Ну, признай, что я неплохо придумал!

— И где же это случится? — подозрительно осведомился я.

— Сегодня «Интеллектуальные системы» празднуют свой юбилей. Им исполняется три года.

— Что за «Интеллектуальные системы»?

— Ты не слышал про «Интеллектуальные системы»? — поразился Артурчик. — И ты еще ругаешь меня за опоздание? Да если бы я знал, что ты так к ним относишься, я бы вообще не приехал. Это же Гарик Саркисян! Ему всего тридцать два года, а он уже один из самых богатых людей в стране. Журнал «Форбс» читаешь? Там про него раз в месяц пишут. Банк «Интеллект», знаешь? Это его собственность. Магазины «Мир мебели» видел? Тоже его. Да он много чем занимается, очень известный человек. Там будут все!

— Все армяне? — спросил я. — Или для русских в программе предусмотрен благотворительный обед?

— Ну почему, когда речь заходит об армянах, сразу начинаются оскорбительные националистические выпады?! — в притворном отчаянии вздохнул Артурчик. — Что плохого тебе лично сделали армяне? Ты знаешь, какую важную роль играют армяне в экономике России?

— Догадываюсь, судя по тому, что творится с нашей экономикой.

— Ну вот опять! А в экономике США они играют еще большую роль, и она процветает! Мой руководитель там, между прочим, тоже будет. Вот он в отличие от тебя к армянам относится без всякого предубеждения.

— Признайся, это ты его туда загнал каким-нибудь обманом. Чтобы придать армянской вечеринке государственный размах. Наверное, наплел Калошину что-нибудь с три короба.

— Какой ты недобрый человек, — защищался Артурчик. — Накануне президентских выборов нам очень важна поддержка большого бизнеса, поэтому мой руководитель счел возможным посетить это важное деловое мероприятие международного масштаба. Справку, конечно, готовил я, не отрицаю. Но я отразил там только правду. Держи, вот приглашение. Торжество будет проходить в доме приемов министерства иностранных дел.

— Приглашение на твое имя, на два лица, — заметил я, крутя открытку в руках. — Может быть, пойдём вместе? Как армяне к армянам. Заодно ты бы меня и представил Калошину. А то как я там до него доберусь?

— К сожалению, я не могу, — ответил Артурчик со скорбным видом. — И рад бы провести вечер в компании доброжелательного человека без расовых предрассудков, но сегодня у меня исключительно важное поручение.

Я посмотрел ему в глаза.

— Ты не хочешь появляться там вместе со мной? — спросил я напрямую.

Он отвел глаза.

— Дорогой друг, ты, пожалуйста, не сердись, но я не думаю, что это хорошая идея, — промямлил он. — Видишь ли, ты ведешь себя, как бы это помягче выразиться, не очень стандартно, что ли...

— Что ты имеешь в виду?

— Ты все-таки рассердился, да? Я всего лишь хотел сказать, что ты держишься не как все. То есть, конечно же, это не преступление. Это даже правильно — вести себя свободно, как хочется. Гордо так. Но, — он вздохнул, — где-нибудь на Западе. Или в Америке. Вот там я бы

только с тобой и появлялся. А у нас нельзя выделяться из толпы. Это воспринимается как вызов. И окружающим обидно, и неприлично.

— И что же я сделал обидного для окружающих?!

— Ну, например, ты взял и прыгнул в речку. Никто не прыгнул, а ты прыгнул. Наплевал людям в душу. Зачем?

— Я хотел спасти тонущую женщину! Ведь ты же меня и подбил! Ты сам собирался прыгнуть!

— Собирался, — признал он и нехотя откусил еще арбуза. — Но не прыгнул. В этом вся разница. Потому что никто не прыгал. В последнюю минуту я осознал, что поступаю неприлично. И исправился.

— Неприлично спасать женщину?!

— Ну да. А что ты так удивляешься? Если все кинутся спасать женщин, кто будет спасать Родину? В конце концов, эта дама сама виновата. Она проявила полное неуважение к коллективу, захотела выделиться. Все пели песню плохо, и Борис Николаевич тоже пел плохо. Значит, так и следовало поступать. А ей, видите ли, понадобилось петь хорошо. Зачем? Это эгоизм! Мало этого. Вопреки всякой субординации, буквально отпихивая локтями других, более заслуженных людей, она заняла место подле президента. Чужое, заметь, место. И ее настигло заслуженное возмездие. И так рано или поздно происходит с каждым, кто, оторвавшись от народа, избирает подобную линию поведения. А я совсем не хочу, чтобы меня настигало заслуженное возмездие. А незаслуженное возмездие — тем более! — он сделал паузу и прибавил уже другим, более будничным тоном: — Кстати, она бы все равно не утонула. Ей бы не позволили. Согласись, это настоящее хамство — взять да и утонуть на официальном мероприятии, на глазах у самого президента. Испортить людям праздник. Борис Николаевич расстроился бы. Терроризм. Там же, между прочим, была охрана. Вот пусть бы они и прыгали. Это их работа — предотвращать подобные диверсии.

Слушая его болтовню, я еще раз заглянул в приглашение.

— Постой! — перебил я, вскакивая. — Там начало в шесть. А сейчас уже восемь!

— Вы что, у себя в регионах действительно приходите к тому времени, которое назначаете? Нет, серьезно? А что вы делаете, пока соберутся все остальные? На этом мероприятии сначала все равно будут официальные поздравления, потом концерт. Раньше девяти тусовка не начнется, будь уверен. Да ты не волнуйся, руководитель тоже опоздает. Мы с ним одновременно выехали: я к тебе, а он — к Гарику.

— Как же мне все-таки к нему подступиться?

— Придумай что-нибудь, — беспечно пожал плечами Артурчик. — Только в живот не бей. Но слишком долго тоже не разгоняйся, имей в виду, в десять он уедет.

3

Я понял, почему ресторан «Море» сегодня пустовал. Этим вечером все приличные люди отправились поздравлять «Интеллектуальные системы» с длительным пребыванием на российском рынке. Здесь были политики, бизнесмены и звезды эстрады, хотя я не уверен, что их сочли бы приличной публикой где-нибудь за пределами страны. Впрочем, кто-то меня уверял, что в Мексике на приемах богатые люди одеваются столь же несуразно, а украшений вешают на себя даже больше. Так или иначе, но среди знаменитостей, не сходявших с телеэкранов, я был, пожалуй, единственным неопознанным объектом. Впрочем, я и находился здесь случайно, по чужому приглашению.

Торжественная часть уже завершилась. Тучные стада гостей либо лениво паслись возле длинных столов с напитками и закусками, либо беспорядочно перемещались по анфиладе празднично украшенных залов. Где-то негромко наигрывал джазовый оркестр; на сцене известный юморист сыпал заранее заготовленными забористыми остротами. Не знаю, как в Мексике, а на светских мероприятиях в России шутки редко бывают хорошего вкуса: наш бомонд не поощряет ненужного эстетства. Юморист, перемежавший сексуальную тему с клозетной, имел успех: раздавались взрывы хохота и аплодисменты. Официанты в белом приветливо улыбались.

Пробираясь сквозь нарядную толпу, я ловил обрывки долетавших до меня разговоров и обдумывал, что сказать Калошину, как вдруг наткнулся на Косумова. В черном костюме, с бокалом в руке, он шаг за шагом отжимал в угол длинноногую платиновую блондинку в белых лаковых сапогах и очень коротком платье из золотых чешуек. Воинственно торчавшие усы и блестящие смоляные глаза прокурора не оставляли сомнений в его готовности перейти к быстрому и решительному штурму. Блондинка, напротив, жаждала долгой галантной осады с постоянным подкупом и капитуляцией где-нибудь в Европе. Она что-то щебетала про Париж.

Косумов двигал бровями и сбивал цену.

— Зачем куда-то далеко ехать? — с наждачным акцентом наседал он. — Надо быть патриотом. Что сейчас в Европе делать, осенью, а? Дождь смотреть? Здесь у нас в Подмоскovie полно шикарных мест. У меня друг ресторан держит, называется «Три барашка». Такой шашлык готовят — пальчики оближешь! Можно прямо отсюда поехать.

— Я не хочу шашлык, — томно пиццала блондинка, переливаясь золотой чешуей, как ящерица. — Я хочу улиток в виноградном соусе. Представьте себе, я ни разу не была во Франции!

Я подошел к ним.

— Не ожидал я от тебя, — с упреком негромко сказал я Косумову. — У тебя вилла в Италии, а ты показать ее девушке не хочешь. А потом еще удивляешься, почему за тебя замуж никто не идет. Ты бы еще порядочных женщин по благу в «Матросскую тишину» приглашал!

Косумов обернулся, узнал меня и расцвел. У нас ничем так нельзя польстить мужчине, как восхитившись в присутствии женщины главным мужским достоинством — величиной его кошелька.

— А, бешеный! — воскликнул он, обнимая меня. — Какими судьбами?

— Ой, у вас правда в Италии вилла? — всплеснула руками блондинка. — Как интересно! Я бы так хотела ее увидеть!

— И еще дом в Майами, — подлил я масла в огонь. — Только у него там сейчас ремонт. Бассейн перестраивают.

Судя по восторженным глазам блондинки, она была готова жить в Майами с Косумовым и без бассейна. Зато лицо Косумова приняло озабоченное выражение.

— Мы на минутку, — бросил он ей и отвел меня на шаг в сторону.

— Что там у вас нового слышно? — спросил он, понижая голос. — Прояснилось что-нибудь?

— Насчет Храповицкого?

— Да какого, к черту, Храповицкого! Насчет «Золотой нивы»! Мне из-за нее теперь хоть пулю в лоб пускай!

Я ведь кучу денег туда вложил, знаешь, да? Мы, конечно, взяли это дело под свой контроль, послали туда группу следователей, «важняков». Они каждый день мне лично докладывают, да только пока один порожняк идет. Буксуют, — он тяжело вздохнул.

Вообще-то я не очень интересовался новостями о «Золотой ниве», но говорить ему об этом считал неразумным. Он был один из немногих, кто мог нам помочь, и мне не хотелось его разочаровывать.

— Грешат на генерала, — пожал я плечами. — Он же исчез при загадочных обстоятельствах.

— Никуда он не исчезал! — нетерпеливо возразил Ко-сумов. — Здесь он, в Москве, дает показания. Сотрудничает со следствием. Это он от вас сбежал, из Уральска! Боялся, что его там пришьют, как этого Владика Гоздан-кера, и на него все повесят.

— Вот как? — поразился я. — А Боня мне рассказывал...

— Я Боне уши отрежу! — вскипел Косумов. — Не говори мне про него! Затянул меня в кидняк, развел, как лоха, а теперь прячется! На мои звонки не отвечает. Гарантии давал, мамой клялся! Владика этого мне сюда привозил! Оба расписки писали, документы на недвижимость показывали, залог обещали. И как я только мог им поверить?! Ведь сколько я таких мошенников на своем веку повидал! И ладно бы сам повелся, а то ведь еще наших ребят подтянул! Заместителя по следствию, представляешь, да?! Я своих четыреста вложил, и он — триста. Сейчас за мной с пистолетом бегают. Как напьется, по ночам звонит. Да еще двое наших ребят по сотке туда засунули. Считай, все вместе на лимон попали, это без процентов!

Теперь мне стало понятным нежелание Бони обращаться к Косумову. Возможно, Боня и не был записным красавцем, но к своим ушам, вероятно, относился бережно, справедливо полагая, что с ними он все-таки выглядел респектабельнее, чем без них.

Юморист тем временем вызвал на сцену владельца «Интеллектуальных систем» Гарика Саркисяна и предоставил ему слово. По ступеням живо взбежал маленький, толстенький смешливый господин в ядовито-изумрудном бархатном пиджаке и полосатой рубашке без галстука. У него было очень неглупое подвижное лицо, крупный нос, нависающий над подбородком, и редкие курчавые волосы.

Он раскланялся с залом, помахал кому-то рукой, вежливо осклабился и заговорил:

— После массового исхода евреев из Советского Союза их место в русской культуре заняли армяне. Так что если теперь вы встречаете подлинного русского интеллигента, то можете не сомневаться, что перед вами — армянин: — он подождал, пока стихнут смех и аплодисменты, и продолжил: — Мы, так сказать, лучшие представители российского бизнеса, отлично понимаем, какая ответственность лежит на наших широких плечах перед двумя нациями, — он озабоченно подвигал широкими, не по росту, подложными плечами.

Чувство юмора не входило в число достоинств Косумова.

— Ну, уж если он лучший представитель российского бизнеса, то кто же тогда худший? — свирепо фыркнул он. — Гитлер, что ли?

— Не любишь ты его? — заметил я полувопросительно.

— А за что его любить? Смотри, какой я худой, — он хлопнул себя по впалому животу. — И какой он толстый. Ест много, ворует много, а делится мало. Мебель они сюда контрабандой везут, налогов не платят, в казино наркотой приторговывают, бабки через свой банк отмывают. Воры в законе у него в доле сидят. Восемь лет ему прямо здесь можно давать, и

пусть еще спасибо скажет!

— Глядите, Маша Кекс! — встрепенулась блондинка, тыча пальцем в проплывавшую мимо эстрадную звезду. — Что это она, опять пластику себе сделала? Ну надо же, каждые полгода под нож ложится! Губищи прямо как мячики теннисные. А грудь-то шестой номер, не меньше. Что люди с собой творят!

— А зад у нее тоже силиконовый? — вскользь поинтересовался Косумов, провожая глазами широкие бедра певички.

— Конечно! — не задумываясь, ответила блондинка.

Косумов потерял к звезде интерес и вернулся к Гарику.

— Это сейчас Гарик немного поутих, — неодобрительно проворчал он. — А в прошлом году у его «систем» война с конкурентами шла — такое творилось! И похищали друг друга, и убивали, и офисы взрывали.

— Вы-то куда смотрите?! — не выдержал я. — Тоже мне, прокуратура!

— А что мы? Нам команды сверху не было.

— А без команды вы уже не работаете?

— Если мы начнем всех преступников без разбору сажать, где тогда окажется весь этот бизнес? — он кивнул на праздничную толпу и мрачно прибавил: — Да и не только бизнес. Не знаю, кто вообще тогда в России на свободе останется! Ты да я, да еще моя бабушка.

Эта реплика сразу вернула меня к нашим проблемам.

— Я, может статья, тоже сяду, — невесело усмехнулся я. — У нас в Уральске небольшие неприятности приключились, не слышал?

Косумов как-то сразу обрадовался.

— Я же предсказывал, что тебе понадобится друг в прокуратуре! — погрозил он мне пальцем. — Залетел, да? Я так и думал! Что ты там натворил? Алименты платить не хочешь?

— На этот раз залетел не совсем я. Налоговая полиция арестовала моего шефа, Владимира Храповицкого. Неужели до тебя ничего не доходило?

— Что-то такое мне рассказывали, — он поскреб подбородок, который от густой, иссиня-черной щетины казался небритым. — Какой-то скандал нехороший. Что-то с нефтью связанное, да? Там еще Вихров каким-то боком проходил, верно?

— Все верно, — подтвердил я.

Он подозвал проходившегося мимо официанта и, взяв с подноса коньяк, осушил его залпом.

— Опасьон! — объявил он решительно.

— Что значит «опасьон»?

— «Опасьон» — по-французски означает «атас», — перевел Косумов. — Не суй свой нос, куда не лезет!

— А куда твой нос лезет? — поинтересовался я, начиная злиться.

— Девушку красивую видишь? — указал он на тянущую коктейль блондинку. — Моя тема. Боню знаешь? Тоже моя тема, всю душу из него вытрясу! «Золотую ниву» слышал? Опять моя тема. А вот где Вихров замешан — там атас. Опасьон! Даже пробовать не буду.

— Как же так? Выходит, какой-то налоговый полицейский в Уральске главнее тебя? Он ничего не боится, а ты, заместитель генерального прокурора, опасаясь вмешаться! Не ожидал я от тебя!

Я надеялся раззадорить его, надавив на самолюбие, но безуспешно. Расставив ноги, он насмешливо уставился на меня в упор.

— Шутишь, да? Или правда веришь, что какой-то налоговый ишак в вашем занюханном Уральске может с перепою посадить в кутузку кого пожелает, да? И все ему до лампочки, так? Да это все равно, что я Гарика Саркисяна захочу арестовать. Соображаешь, что получится? Я ему обвинительное заключение дочитать не успею, как уже полечу куда-нибудь в Дагестан, в аул, районным прокурором. Нет, брат, не проси. Я в такую драку не сунусь. Мне моя голова еще дорога. Она у меня одна, а друзей много. И всем помогать надо.

Я был расстроен и обескуражен.

— К кому же мне обращаться?

— Наверху надо разбираться. За стеной, наверное. Так я думаю.

Я предположил, что он имел в виду кремлевскую стену, отгораживающую правящую верхушку от остальной России, но на всякий случай уточнил:

— Ты говоришь про Калошина?

— Я, кстати, здесь его недавно видела, — внесла свою лепту в нашу беседу блондинка. — Они вместе с Мариком Либерманом тусовались. Ну, который из «Русской нефти».

— С Либерманом? — удивился я. — А вы не путаете?

Калошин, как известно, являлся ставленником Березовского, с которым «Русская нефть» была на ножах. Они воевали за бизнес и за влияние в Кремле. И там, и здесь Березовский пока побеждал, причем не без помощи Калошина. Кстати, самого Березовского что-то не было видно. Вероятно, в отличие от Артурчика и журнала «Форбс», он не находил Гарика Саркисяна достойным своего внимания.

— Ты откуда Либермана знаешь? — ревниво встрепенулся Косумов.

— Встречались мы с ним в разных компаниях, — кокетливо отозвалась блондинка. — Он мне каждый раз предлагает к нему на работу перейти.

— А сейчас ты где работаешь? — спохватился Косумов.

— У Гарика, — ответила блондинка с легким недоумением, словно считала этот факт широко известным. — В отделе по связям с общественностью, — она заметила, как вытянулось у Косумова лицо и поспешила его утешить: — Да вы не волнуйтесь, я ему не передам то, что вы про него говорили.

— Опасьон? — с иронией бросил я Косумову.

— Ну, это мы еще посмотрим! — буркнул он.

Калошина я отыскал в дальнем углу зала, он прятался за спинами других гостей. Блондинка сказала чистую правду: рядом с руководителем президентской администрации стоял не кто иной, как вице-президент «Русской нефти» Марк Либерман. Третьим в их компании был Га-рик Саркисян. Остальные, менее важные персоны, располагались поблизости, однако так, словно этих троих отделяла невидимая запретная черта.

В яркой, жизнерадостной толпе сутулый и деревянный Калошин выглядел как соломенное чучело на карнавале. Он косил темным недоверчивым глазом, говорил тихо, теребил свою козлиную бородку и ничего не ел, словно боялся, что его отравят. Даже костюм сидел на нем кургузо, хотя одевался он наверняка от Бриони, который тогда был в большой кремлевской моде.

Либерман, напротив, чувствовал себя как рыба в воде, излучал обаяние и полную открытость. Он с улыбкой рассказывал что-то забавное Калошину, не забывая время от времени вежливо обращаться к Гарику и доброжелательно раскланиваться с гостями, попадавшими в орбиту его внимания.

Я остановился в нескольких шагах от этой группы, не зная, как подступиться. И тут Гарика Саркисяна с фланга атаковал лидер российской либеральной партии Жери-ховский.

— Вы, бизнесмены, не тех поддерживаете! — громко выкрикнул он вместо приветствия. Все головы сразу повернулись к нему. — Зачем вам Ельцин? Это американская марионетка, отработанный материал. Русский народ не желает больше его терпеть. На следующих президентских выборах все проголосуют за меня, потому что я один являюсь выразителем интересов коренного населения.

Пригласить Жериховского на светское мероприятие было со стороны Гарика не очень осторожно. Главный российский либерал обожал эпатаж и любое свое появление на публике обставлял как эффектный цирковой номер. Гарик же, напротив, будучи до мозга костей коммерсантом, ничего так не боялся, как оказаться в центре скандала. Он нервно взглянул на Калошина, но тот только загадочно улыбался, не вступая с Жериховским в полемику.

Как ни странно, в президентской администрации к экстремисту и оппозиционеру Жериховскому относились благожелательно. Он непрерывно грозил Штатам ядерной войной, что позволяло Кремлю, в свою очередь, пугать Запад возможностью победы Жериховского на президентских выборах. В сложных шахматных разменах с Америкой и борьбе с коммунистами тот был исключительно полезен, тем более что в нужную минуту неизменно продавал свою поддержку Кремлю.

— Русским сейчас невозможно жить в России, на своей исторической родине! — продолжал Жериховский. — Если вы, армяне, строите здесь свой бизнес, то вы обязаны заботиться о русских. Это, кстати, в ваших прямых интересах. Иначе евреи вас съедят. Русские всегда прекрасно ладили с армянами. Русские со всеми национальностями прекрасно ладят. А вот евреи армян терпеть не могут. Потому что между ними конкуренция.

— А я думал, что у меня с Березовским конкуренция, а с Гариком у нас любовь, — улыбаясь, вмешался Ли-берман. — Разве нет?

— Вы оторвались от народа! Оглянитесь вокруг: здесь нет русских! — распаялся Жериховский. — Весь двадцатый век русских упорно отжимают от власти в их собственном государстве. Мы знаем, кому это выгодно. Тем, кто устроил большевистский переворот. А еще раньше переписал Библию. Ведь оттуда выбросили самое главное! Почему, например, написали, что из пустыни евреев вывел Моисей, а не русский Иван?

— А их вывел русский Иван? — переспросил Либер-ман, комично морща нос.

— Вот видите, видите! — закричал Жериховский, словно это не его поймали за руку, а, наоборот, он поймал. — Вы в это не верите! Вы не верите в русский народ!

— Да ведь вы сами, кажется, не совсем из русского народа, — улыбнулся Либерман. — С папой вам, как я слышал, не больно повезло. Подкачал папа — дантистом оказался.

— Я по духу русский! — выпалил Жериховский. — А вы — нет.

— А я — нет, — вздыхая, согласился Либерман. — И чеснок не ем, и помои за окошко не лью, и на Пасху до поросячьего визга не напиваюсь.

— А деньги русские любите! — обличал его Жериховский.

— А деньги всякие люблю, — признавал Либерман. — И русские, и американские. Такая уж у меня космополитическая натура.

Гарик Саркисян дрогнул под натиском либерала.

— Господин Жериховский! — взмолился он. — Ну, зачем вы пугаете моих дорогих гостей и попусту тратите свое красноречие? Тут все равно нет журналистов.

— Могли бы и пригласить! — проворчал Жериховский.

— Тогда бы вы точно не унялись! Вы же разумный человек, давайте заключим соглашение: вы не будете сегодня дебоширить, а я попрошу нашего уважаемого Юрия Мефодиевича, чтобы вас назначили министром иностранных дел.

— Любопытная идея, — усмехаясь, обронил Калошин.

— Обманете! — убежденно заявил Гарику Жериховский, не поддаваясь на уговоры. — И вы обманете, и Юрий Мефодиевич. Русских всегда обманывают. Лучше заплатите за мой телевизионный ролик: это, по крайней мере, будет что-то конкретное!

Гарик с минуту подумал.

— Обсуждаемо, — кивнул он. — А вы готовы поддержать нашего человека на выборах мэра в Пскове?

— Обсуждаемо, — в свою очередь подтвердил Жериховский.

Ощувив себя в родной стихии, Гарик уже совсем по-дружески обнял его за талию и повел на другой конец стола — торговаться. Я решил воспользоваться паузой.

— Здравствуйте, — сказал я Либерману, выдвигаясь вперед.

— Здравствуйте, — отозвался он с веселым недоумением, по-видимому, не узнавая меня.

Калошин скользнул по мне равнодушным взглядом, кивнул и отвернулся.

— Мы недавно встречались, — продолжал я, чувствуя себя глупо, но преодолевая смущение.

В глазах Либермана что-то мелькнуло.

— А ведь точно! — воскликнул он, хлопая себя по лбу. — То-то я смотрю, лицо знакомое. Старую, память стала дырявая. Ну, как дела в славном городе Уральске?

Название нашего города он произнес осторожно, вероятно, не будучи до конца уверенным в

моей географической идентификации.

— Уральск живет воспоминаниями о визите президента, — ответил я с облегчением. Он все-таки меня признал.

— Так вы из Уральска? — повернулся ко мне Калошин. Сейчас, когда своим рукопожатием Либерман подписал мне пропуск в узкий круг избранных, меня можно было и заметить. — Ну, как у вас восприняли приезд Бориса Николаевича? Я думаю, для области это большое событие. Там ведь, кажется, возникли какие-то отклонения от утвержденного графика?

Последнюю фразу он произнес небрежно, но при этом бросил на меня острый взгляд, вероятно, проверяя, был ли я в числе допущенных к президентскому телу.

— Вы имеете в виду прогулку на катере?

— Ну да. Кажется, все дружно отправились искать чью-то могилу?

— Борис Николаевич хотел увидеть, где утонул Чапаев, — пояснил я, не сомневаясь, что ему и так все отлично известно. — Добраться туда можно только по воде.

Калошин прикрыл глаза, удовлетворенный моей осведомленностью. Я сдал зачет и мог оставаться рядом.

— Там любопытная история одна вышла, — снова обратился он к Либерману.

Змеиная улыбка на его губах свидетельствовала о том, что история вышла не просто любопытная, а из ряда вон, что ему она очень нравится и что он готов ею поделиться.

— Да ну? — немедленно откликнулся Либерман. — Какая же, расскажите! Я никому, кроме Гарика, не проболтаюсь.

Но Гарик и без него уже подался вперед и наострил уши. Калошин осмотрелся по сторонам, убедился, что все затаили дыхание, и заговорил еще тише, но не так, чтобы его перестали слышать, а так, чтобы все понимали, что им сейчас поведают государственную тайну.

Надо отметить, что Калошин умело окружал свою фигуру атмосферой загадочности. Он редко появлялся на светских мероприятиях и никогда не давал интервью. Зато каждое произнесенное им слово тут же разносилось по политическим и деловым кругам Москвы и наполнялось особым смыслом.

— За встречу в Уральске отвечали два человека, — не спеша, начал он своим скрипучим голосом. — Лисецкий, губернатор области, и Разбашев, директор автозавода. И вот, оба этих выдающихся деятеля, которые друг друга терпеть не могут, зато нас, темных, непрерывно учат, как проводить реформы, не придумали ничего более подходящего, чем усадить Бориса Николаевича играть с ними в карты. Представляете? То есть во время официального визита первого лица государства у них не нашлось других дел и проблем! Слава Богу, в прессу ничего не просочилось, вот вышел бы конфуз!

— Что ж они там — такие дятлы?! — поразился Гарик. — И область вроде не последняя. Не Чукотка же.

Либерман ничего не сказал, поскольку об этой поездке он был наверняка информирован лучше Гарика. Во всяком случае, источников в нашей губернии у него хватало.

— У них, видно, свое представление о развлечениях, — пожал плечами Калошин. — Большие люди, где уж нам их понять! Причем резались не в какой-нибудь покер или преферанс, а в подкидного дурака. Хотя кто из них дурак, по-моему, и так ясно. Естественно, Борис

Николаевич выиграл. И знаете, что он сделал? — Калошин выдержал эффектную паузу, еще раз оглядел гостей и закончил: — Заставил Лисецкого с Разбашевым лезть под стол!

— Под стол? — раздался недоверчивый шепот.

— Под стол? — пробормотал Гарик.

— Под стол! — повторил Калошин с наслаждением. — На карачках! Одного за другим! — он слегка наклонился вперед и быстро перебрал в воздухе согнутыми руками, изображая передвижение на четвереньках. — Нет, вы только вообразите этих двух светочей бизнеса и политики — под столом! — Калошин хихикнул. — Но и это не все! Они еще и блеяли по-козлиному!

И не в силах сдержать переполнявший его восторг, он сам, смеясь, заблеял. Получилось у него на редкость натурально, словно он всю жизнь только этим и занимался. Его редкая борода тряслась в такт его смеху.

Вообще-то Лисецкий с Разбашевым под столом кукарекали, но ни я, ни Либерман, разумеется, не решились ему противоречить. Остальные и вовсе изображали такое веселье, словно в жизни не слышали ничего забавнее.

— А Лисецкий-то, Лисецкий-то! — потешался Калошин. — Мечтает президентом быть! Уж сидел бы себе под столом да блеял! Козел — он козел и есть! Какой из него президент?!

Между прочим, вряд ли рассказ Калошина явился экспромтом, навеянным моим появлением. Глава президентской администрации, конечно, не считал Лисецкого серьезным противником на предстоящих выборах. Но на всякий случай он отсекал уральского губернатора от возможных источников финансирования, грубо выставляя его на посмешище и давая понять находившимся тут бизнесменам, что связываться с таким человеком или, вернее, с таким козлом, как Лисецкий, означает попусту терять время и деньги.

— Эх, — вздохнул Либерман. — Кто только в России не метит в президенты! Даже я, грешным делом, иногда подумываю. Особенно когда с женой поругаюсь. Пугаю ее, неразумную: дескать, разведусь с тобой, а потом возьму да и выберусь президентом. То-то ты будешь локти кусать!

— Кстати, почему ты жену с собой никогда не берешь? — поинтересовался Гарик Саркисян.

— А ты? — вопросом на вопрос ответил Либерман.

— Мою или твою? — парировал Гарик. — Свою ты мне не доверяешь. А моя опять беременная, — в его голосе прозвучала гордость. — Третьего ждем. Она, кстати, рвалась сюда, да я запретил. Какие ей вечеринки — на последнем-то месяце!

— А моей религия не позволяет, — неожиданно сказал Либерман.

— Она у тебя что, мусульманка?

Либерман наморщил нос.

— Она у меня глубоко русская. Правда, в душе. Как господин Жериховский. Муж, дети, синагога. А тут еще пост.

— Какой пост? — забеспокоился Калошин. — Рождественский вроде бы еще не начинался. У меня сегодня от владыки были, даже словом про пост не обмолвились. Я не то чтобы соблюдаю, но в целом за этим слежу.

Либерман, упомянувший про пост явно ради красного словца, чтобы отшутиться, оказался в затруднении, но ненадолго.

— Предвыборный! — нашелся он. — Из дома выходить нельзя, на посторонних мужчин не смотреть, козлов — под стол!

Все рассмеялись. Скорее всего, жена Либермана в соответствии с новыми русскими традициями проживала где-нибудь вдали от Родины, но распространяться об этом публично он, естественно, не желал.

— Разбашев-то, говорят, в Швейцарии домишко прикупил, — вдруг произнес Калошин, видимо, подумавший о том же, что и я. — Где-то в Альпах. В Штадте, что ли. Уверяют, целый замок. Там школа дорогущая для детей новых русских. Пансион. Выездке их учат, бальным танцам — короче, всему, что в нашей с вами повседневной жизни так необходимо, ну и берут за это соответственно. Так вот он туда своих отпрысков отправил.

— Недвижимость в Швейцарии — дело хорошее, — сдержанно отозвался Либерман, но углубляться в эту тему не стал, чем косвенно подтвердил мою догадку о местопребывании своей половины.

— Еще бы! — хмыкнул Калошин. — Что ж плохого в том, что люди богатеют? Только вот хотелось бы, чтобы не за наш счет.

— Эх, не то беда, что в России воруют, а то беда, что воруют с убытков, — произнес Гарик Саркисян фразу, бывшую в те годы очень популярной.

Либерман предпочел сменить тему.

— Мне еще рассказывали, что в Уральске во время речной прогулки кто-то за борт выпал? — проговорил он, вопросительно глядя на меня. — Правда или выдумывают?

— Чему ж тут удивляться! — подхватил Калошин. — У нас напоить гостя до полусмерти — дело чести. Я уж Лисецкого с Разбашевым и предупреждал, и пугал — как об стену горох! Они думали, что чем больше президент выпьет, тем больше им денег отсыплет. Самое смешное — что Борис Николаевич там капли в рот не брал, а они все так перепились, что одна местная чиновница в речку кувыркнулась!

— Вот это да! — воскликнул Гарик. — Не поездка, а сплошные приключения! Хорошо хоть никто не утонул.

— А мне говорили, там двое сверзились? — снова подал голос Либерман.

— Да нет, — со знанием дела ответил Калошин. — Свалилась одна, а другой сам прыгнул. Помочь хотел.

— Поди, тоже не соображал, — предположил Гарик. — Это ж сколько вылакаты надо, чтобы в ноябре в речку сигануть?

Я прокашлялся.

— Вообще-то я не пью, — сказал я сухо.

— А ты тут при чем? — уставился на меня Либерман. До него, как и до остальных, смысл моих слов дошел не сразу.

Я сердито молчал.

— Так это были вы? — первым догадался Калошин. — Вы за ней прыгнули?!

Другие тоже были поражены.

— Сумасшедший! — ахнул эмоциональный Гарик.

— Тетка-то хотя бы симпатичная была? — интимно осведомился Либерман. Он уже успел прийти в себя.

— Очень! — буркнул я, вспоминая перекошенное лицо Татьяны Стуколовой и ее истошные крики.

— Да какая разница, симпатичная или нет! — не мог успокоиться Гарик. — В проруби на любовь как-то не больно тянет!

— Смотря какая любовь, — возразил Либерман. — У них, говорят, такие страсти кипели, что вода кругом бурлила! Волны ходили, как на картинах Айвазовского.

Все вновь рассмеялись, разумеется, кроме меня.

— Эх, бессовестные вы люди, — хихикая, корил их Калошин. — Человек, можно сказать, геройский поступок совершил, женщину спас, а вы над ним издеваетесь!

— Это еще неизвестно, спасал он ее или что другое с ней делал! — завелся Гарик. Он видел, что всю компанию, включая Калошина, тема речной любви ужасно забавляет, и, не смущаясь моим присутствием, принялся ее развивать: — Орала девка дуром, это факт. А уж что там под водой творилось, кто нам теперь расскажет? Да, попала она в переплет! Защитить себя не может — руки заняты, барахтается из последних сил. Уже захлебывается. А он, так злодейски ухмыляясь, к ней приближается — Гарик показал, как я ухмылялся. Вышло у него отвратительно, не говоря уже о том, что в его интерпретации я приближался стилем по-собачьи. — Она ему: «Караул! Помогите!» А он поднырнул, юбку ей...

С вашего позволения я не стану пересказывать, как, по мнению Гарика, я пользовался беспомощностью Татьяны Стуколовой и в какой последовательности. Расходясь, Гарик в лицах изображал то меня, то Татьяну, добавляя все новые невообразимые подробности, от которых меня то бросало в жар, то мутило. Хохот вокруг стоял гомерический. Я тоже изо всех сил старался улыбаться, но, как легко догадаться, у меня получалось довольно натужно. В глубине души смешной я эту историю не находил.

Наконец, Калошин решил, что с меня достаточно.

— Не обращайтесь на них внимания, — все еще всхлипывая от смеха и вытирая выступившие слезы, заметил он мне почти по-приятельски. — У них одни деньги на уме, вот они и завидуют тем, кто еще на что-то способен. Я, между прочим, в молодости и сам отчаянный был. Да! Не верите? И дрался, и в школе хулиганил. Бедовый! — он выставил кулаки и выпятил впалую грудь, с вызовом глядя на собравшихся, будто приглашая их к единоборству.

Желающих, конечно же, не нашлось.

— А чем вы вообще занимаетесь? — поинтересовался он у меня. — Когда за борт не прыгаете?

Я на секунду замялся, и Либерман ответил за меня:

— Он в нефтяном холдинге работает. Правая рука у Володи Храповицкого. Есть там такой олигарх местный, хороший парень, умница, но налоговая полиция его почему-то невзлюбила. Взяли да и арестовали среди бела дня.

Симпатия мигом слетела с лица Калошина. Он сразу вновь одеревенел и ушел в себя, как в раковину.

— Что ж, он, выходит, совсем налогов не платил, этот ваш олигарх? — колко осведомился Калошин, кося на меня недобрый глазом. — Если полиция на такие крайние меры пошла?

— Налоги тут ни при чем, — возразил я. Его неприязненная реакция меня поразила, я не знал, как его разубедить и оттого начал волноваться. — Это заказное дело. Я как раз хотел обратиться к вам за помощью.

— И правильно сделали, что не обратились, — холодно прервал меня Калошин. — Мы в такие дела не вмешиваемся. Пусть этим правоохранительные органы занимаются. Вы представляете себе, какой бардак в стране начнется, если администрация президента будет еще со всякой уголовщиной разбираться?

В его голосе послышалось раздражение, и чуткий Гарик предостерегающе зашипел на меня из-за его плеча. Либерман тоже подавал мне знаки, призывая к отступлению. Я понимал, что продолжать дискуссию бесполезно, но остановиться не мог.

— Это не обычная уголовщина, — тихо, но настойчиво проговорил я. — вы же знаете. Ведь Храповицкий был в администрации, — я хотел сказать «у вас», но в последнюю секунду успел поправиться: — и ему обещали.

— Ничего я не обещал! — взвизгнул Калошин, выдавая себя с головой. — Вы за кого вообще меня принимаете?! Идите в налоговую полицию и там выясните, кто кому обещал!

Он резко отвернулся, давая понять, что не желает больше меня видеть. Гарик, кажется, готов был на меня наброситься. Его гости, еще минуту назад заливавшиеся беспечным смехом, теперь смотрели на меня как на врага. Кто-то даже поинтересовался свистящим шепотом, почему охрана пускает сюда кого попало. Либерман подхватил меня под руку и потащил в сторону.

5

— Пойдем отсюда, пойдем, — шептал он. — Хватит уже безумствовать. А то видишь, как он расщипел? Того и гляди, покусает!

Я упирался и что-то бормотал, еще не в силах смириться с тем, что все пропало.

— Идем же, упрямый! — уговаривал он. — Давай погуляем, остынем немного. Эх, погубил ты мою блестящую карьеру! Калошин мне этого никогда не простит. Что тебе было не подойти к Гарику? Обнялся бы с ним, расцеловался. Какая тебе разница? А теперь все запомнили, что ты мой лучший друг и худший враг Калошина. Ты хоть понимаешь, что ты натворил? Из-за тебя я президентом не стану. А ведь я уже жене обещал.

— Перестань, — попросил я. Мне было не до шуток.

— Ну, хорошо, хорошо, не буду. Черт с ней, с моей выдающейся карьерой. Пусть человечество плачет. Останусь мелким торгашом, зато галстук таскать не придется. Ты расскажи мне толком, что там у вас стряслось? А то ведь я одними слухами питаюсь.

— Да я сам ничего не знаю! — взорвался я. — Все прячутся от меня, крутятся, виляют! Какой-то замкнутый круг! Прокуратура кивает на администрацию президента, те — на налоговую полицию! Калошин — сам видишь, как взбеленился!

— А Егорушка наш что говорит? Егорушка-то хоть обещает помочь? Ведь они с Володей близкие друзья были. Везде в обнимку появлялись. Партнеры по бизнесу как-никак! Он-то что

думает?

— Откуда мне знать, что он думает? Я сунулся к нему, а он на меня так разорался, будто я томатный соус ему на пиджак пролил. Я уже перестал различать, где друзья, где враги, к кому бежать, с кем договариваться? У меня руки опускаются!

Я и впрямь был в полном отчаянии. Либерман сочувственно покивал.

— Да, — протянул он. — Как говорят у нас в таких случаях, и рад бы занести, да непонятно кому. Брать готовы все, а реально помогать желающих нет. Скверная ситуация. Так что же вы, и заказчика еще не вычислили?

— Заказчика как раз вычислили, — отмахнулся я. — Здесь особого ума не потребовалось. Он и не скрывался. Ефим Гозданкер, да ты, наверное, и сам в курсе.

— Ефимушка? — переспросил Либерман, не отрицая своей осведомленности. — Толстячок наш? Слышал я, как же! Да только разве ж он в одиночку такой воз потянет? Это же как потрудиться надо, чтобы сам Калошин на дыбы вставал! Между нами, кому Ефимушка здесь, в Москве, нужен? Таких, как он, тут пруд пруди. Только успевай их дустом посыпать, чтоб не размножались. Нет, ему кто-то помогал, серьезные, должно быть, люди.

Он проговорил это задумчиво, словно рассуждая вслух. Я высвободил руку и посмотрел на него в упор.

— Я слышал, что он к тебе обращался, — произнес я с нажимом, пытаюсь прочесть в его глазах правду.

Он не стал закипать.

— Обращался, — легко признал Либерман, отвечая мне ясным взглядом. — Несколько раз приезжал, просил свести его кое с кем в налоговой полиции.

— Ты свел?

Либерман рассмеялся.

— Зачем же я буду это делать? Свои контакты глупо кому-то отдавать, в следующий раз без тебя обойдутся. Да и какой мне резон, скажи, в ваши местные дрызги вступать? Себе дороже. Ефимушка, конечно, милый человек, нашим совместным банком в Уральске управляет, ворует в меру, лишнего не берет, с праздниками поздравляет. Но ведь и Храповицкий мне нравится. Умный парень, деловой. Самонадеянный, правда, немного, но по неопытности это случается. Плохого он мне ничего не делал, наоборот, завод у меня хотел купить, цену давал очень даже хорошую. Значит, уважает он меня, желает дружить. Зачем же я такого человека в тюрьму отправлю?

Я слышал иронию в его голосе, он явно потешался над нами и нашими проблемами, представлявшимися ему несерьезными. Но сейчас он был моей соломинкой, последней надеждой, и я цеплялся за него изо всех сил.

— Помоги, Марк, — взмолился я. — Ты же можешь!

Он взглянул в мое убитое лицо и вздохнул.

— Могу, — кивнул он. — Но только давай вместе попытаемся понять, зачем мне это надо? У меня этих регионов знаешь сколько? И везде склоки. Я от них стараюсь подальше держаться, а то увязнешь. Вы ребята молодые, горячие, вы уж там сами разберитесь, за бутылкой, кто из вас прав, а кто виноват. Водочки выпейте, морды друг другу набейте, а после помиритесь и

песню спойте. Только меня не втягивайте!

Разговаривая, мы незаметно перебрались в дальний зал, где почти не было народа. Либерман остановился возле стола в углу, взял бокал красного вина, другой бокал протянул мне, пригубил и сморщился.

— Интересно, откуда Гарик это пойло берет? — проворчал он. — Этикетка на бутылке, между прочим, французская, а на вкус — такая кислятина! Не иначе, как из Армении цистернами привозит и где-нибудь в Подмоскovie разливает. А простодушные россияне теряют веру в европейское качество.

Я машинально крутил бокал. Что-то в его словах и поведении не давало мне покоя. Про себя я отметил, что ни на один из моих вопросов он не дал прямого и внятного ответа, предпочитая отделяться шутками. Но дело было не только в недоговоренности и скрытых намеках, мелькавших то тут, то там. Я чувствовал, что он неспроста возился со мной, неспроста затеял весь этот разговор; он к чему-то меня подталкивал, но я никак не мог определить, куда именно. Он терпеливо следил за мной с лукавым любопытством, чуть сощурился.

И вдруг что-то вспыхнуло и прояснилось в моей голове. Я ясно увидел главное, хотя всех деталей еще не различал.

— Признайся, это ты все подстроил? — спросил я, почти не сомневаясь.

Он склонил голову набок, сморщил нос и чокнулся со мной бокалом.

— Неплохо, — похвалил он. — Только не подстроил. Оркестровал. Как дирижер. Я предпочитаю музыкальную терминологию.

— Но зачем?! Зачем ты это сделал?!

— Хороший вопрос, — улыбнулся он. — Я часто себе его задаю. Зачем мне весь этот бизнес? Эти войны, нервы? Я бью, меня бьют, для чего? Я ведь очень непритязательный человек. Роскошных привычек не имею, маниями не страдаю. Я не коллекционирую картин, не увлекаюсь яхтами, не скупаю бриллианты. Я даже к одежде равнодушен. Куплю себе тридцать одинаковых рубашек, — он небрежно дернул воротник своей неизменной черной рубашки-поло, — мне их на несколько лет хватает. В общем, дело тут совсем не в деньгах: их у меня гораздо больше, чем мне нужно. Дело — в призвании. Кто-то рождается музыкантом, кто-то физиком. А я — бизнесменом. Бизнес для меня — такое же творчество, как для кого-то живопись. Я не зарабатываю деньги — я творю. Впрочем, есть принципиальное отличие бизнеса от науки и искусства. Знаешь, какое? В науке или искусстве ты должен совершать открытия, изобретать что-то новое, чего до тебя еще не было. Обязательно! Без этого ты никто. А в большом бизнесе не нужно ничего радикально нового. Это только мешает, отпугивает. Здесь надо создавать комбинации. Из подручного материала, порою самого дрянного. Но комбинации должны получаться особенные, неожиданные. Скажем, столетиями существовали магазины, и товар в них был отделен от покупателя прилавком. Но вдруг появляется один гениальный бизнесмен и убирает прилавок. И любой человек может подойти и потрогать понравившуюся вещь руками, выбрать себе сам, что хочет. Улавливаешь? Тот же товар, те же продавцы, те же покупатели, те же цены. Но происходит революция, и гений становится миллиардером. Поверь, деньги являются целью лишь для мелких барыг, которые никогда не поднимутся вверх. А в настоящем бизнесе они не цель, а оценка твоих усилий. Нажил миллион — получи в дневник пятерку. Ничего не заработал — садись, двойка. В следующий раз готовься лучше.

— Я не понимаю, какое это имеет отношение...

— А ты послушай, — мягко перебил он. — Послушай, из чего создаются произведения

искусства. Что у нас было в исходных данных? В некоем богом забытом Выдропуж-ске амбициозный градоначальник Егорушка Лисецкий возомнил себя политиком мирового масштаба, от чего и у него самого, и у его окружения сразу непомерно выросли аппетиты. Денег им стало не хватать, а кормушка-то на всех одна, экая, право, неприятность. И вот за близость к Егорушкиному телу, а вернее, к охраняемой им государственной кормушке, сцепились два его фаворита. Знойный бабник Володя Храповицкий, спортсмен-любитель, и рыхлый нелюбитель, а точнее всеобщий нелюбимец, Ефимушка Гозданкер. Володя, конечно, Ефимушку одолел, надавал ему пинков и гнал его с позором от Выдропужска до самой Большой Глушицы. И вот зареванный Ефим, развесив губы, прибегает ко мне, падает в ноги и умоляет меня, человека с тонкой артистической натурой, бросить все свои дела и бегом устроить Володе мелкую гадость. А за это Ефим скажет мне большое человеческое спасибо. Если, конечно, не забудет. Ну и что, ответь, тут интересного? Где простор для творчества? Нету, — он удрученно развел руками.

— Но ты сумел что-то придумать, — подсказал я с ненавистью.

— Еще как сумел! — самодовольно подтвердил он. — Я вдруг понял, что если сюда кое-что добавить и кое с чем соединить, то получится совершенно потрясающая комбинация! Симфония. Черт возьми, мне даже жаль, что я не могу открыть тебе до конца свой замысел. Но, честное слово, как говорил товарищ Сталин, эта штука посильнее «Фауста» Гете. То, что происходит сейчас, — всего лишь увертюра, поверхность айсберга. Когда я завершу, вся ваша Выдропужская волость вздрогнет. И не она одна, а вместе с Большой Глушицей и соседним Муходранском! — он зажмурился и помотал головой, предвкушая. — Комбинации, между прочим, бывают разные. Над иными годами мучаешься. Срачиваешь, выпариваешь, пыхтишь. С тем улаживаешь, с другим. С разных сторон заходишь, а в итоге получаешь такой мизер, что не рад, что ввязался! А здесь другое. Чуть-чуть фантазии — и деньги будем грузить вагонами. Столько светит, что Березовский лопнет от зависти. Вот чем мне эта комбинация дорога. Вдохновением!

Я чувствовал, как меня захлестывает бешенство и бессилье.

— Вдохновение посадить человека в тюрьму?!

— Не ори. Как поется в опере, «тихо-тихо, пьяно-пьяно». Никто не собирается его сажать, кому он нужен? По-твоему, я для чего с тобой сейчас время теряю, все это тебе разжевываю? Для рисовки? Нет, мон шер, я не рисовщик. Я деловой человек. И делаю тебе деловое предложение. Точнее, не тебе, а тому, кто у вас там за Храповицкого остался. Ведь кто-то же остался? Крапивин, Шишкин, Дуркин, Мамкин — мне безразлично. Суть в том, что я готов купить весь Володин бизнес. Впрочем, нет, не весь, а только нефтянку. То, что прямо или косвенно связано с нефтью и горюче-смазочными материалами. Заметь, я мог бы это отнять. Я мог бы у него вообще все отнять, включая те потрясающие часы, в которых он ко мне приезжал. Но я не хочу. Я порядочный бизнесмен. Щедрый. И я желаю честно приобрести его хозяйство за... Черт, за сколько же я хочу его приобрести? — он уставился в потолок и почесал в затылке. — Ты случайно не помнишь, сколько он предлагал мне за мой завод? Десятку? Что-то в этом роде. Так вот, я готов приобрести его бизнес за пятнадцать миллионов долларов.

— Но он же стоит в двадцать раз дороже! — возмущенно воскликнул я.

— Может быть, — кивнул он. — Зато свобода бесценна.

— Какой же ты все-таки, — в ярости начал я, но он опять меня прервал.

— Гениальный? — со смехом договорил он. — Я знаю, знаю. Но все равно приятно, что ты ценишь. Позвони, когда будет что сказать.

Он хлопнул меня по плечу, поставил бокал на стол и отошел прежде, чем я успел его удержать. Некоторое время я стоял в полном оцепенении, кусая губы, потом бросился на поиски Косумова. Тот все еще возился со своей блондинкой.

— Ты почему такой злой? — спросил он у меня. — Опять поспорился с кем-нибудь?

— Душно здесь, — процедил я. — Голова болит.

— Это у тебя акклиматизация, — предположил Косумов. — Я когда к вам в Уральск прилетаю, тоже места себе не нахожу.

— Мне нужно, чтобы ты помог Храповицкому! Это вопрос жизни и смерти. Я заплачу, сколько надо.

— При чем тут деньги! Я же объяснял тебе!

— Не надо больше ничего объяснять. Просто помоги и все! Тебе же сейчас нужны бабки. Пожалуйста.

Он поскреб подбородок и посмотрел на блондинку. Она поощрительно улыбалась ему и перебирала длинными ногами.

— Я не могу так сразу обещать, — проговорил он после паузы. — Мне нужно посмотреть дело, понять, в чем там суть. Давай поговорим завтра.

— Мне приехать к тебе на работу?

— А вот на работу как раз и не надо! Все прослушивается, все записывается. Давай в каком-нибудь нейтральном месте. Только хорошо. Чтобы банька была, шашлык. — Он опять оглянулся на блондинку и понизил голос: — Телки там разные. Организуешь?

— Конечно! — пообещал я, даже близко не представляя, как я это устрою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

— Ты знал, что он перекрутился, знал! — горячо обличал я Артурчика. — Посылая меня на эту армянскую гулянку, ты должен был меня предупредить!

Строго говоря, Артурчик не был мне должен вовсе, но я был так возмущен предательством Калошина, что не мог сдержать обиду и выплескивал ее на курчавую, ни в чем не повинную голову моего нового товарища. Это было на следующий день после праздника в «Интеллектуальных системах», когда мы с Артурчиком мучительно выбирались из пробок в центре города, направляясь на встречу с Косумовым. Рабочий день еще не закончился, но Кутузовский проспект уже был забит транспортом.

— Друг мой, — тщетно пытался урезонить меня Артурчик, осторожно отодвигаясь от меня на заднем сиденье. — Тебе не кажется, что ты слишком нетерпим к людям? Ну, почему мой уважаемый руководитель перекрутился? Потому что он, сломя голову, не убежал с торжественного мероприятия, которое ты уничижительно именуешь армянской гулянкой? И не попытался немедленно вызволить из тюрьмы твоего шефа, чью широко известную фамилию я, прости, ненароком забыл? Ты не допускаешь мысли, что у моего руководителя могли быть другие дела, более важные?

— Не было у него никаких дел! — упорствовал я. — И фамилию ты не забыл, а нарочно меня дразнишь. Калошина главой администрации назначал Березовский, а тот со всеми потрохами продался Либерману, это называется «перекрутился»!

— Ну, вот опять! — застонал Артурчик, картинно закатывая глаза, как он это делал, когда изображал возмущение. — Почему ты во всем видишь только плохое? Кто тебе сказал, что в основе отношений Либермана и моего достойного руководителя лежит корысть?

— Надеюсь, ты не станешь меня убеждать, что Калошин прыгает перед Либерманом бескорыстно? Так сказать, для общефизической подготовки. Много, знаешь ли, кабинетной работы, времени на спортивный зал не хватает, вот он и пользуется каждой минутой, чтобы размяться.

Артурчик с тоской посмотрел в окно на вереницу застрявших машин, убедился, что ближайшие полтора часа нам предстоит провести вместе, и состроил гримасу отчаяния.

— Ну, если на то пошло, это Либерман прыгает перед Калошиным, а не Калошин перед Либерманом, — проговорил он с долей обиды за начальника. — Хотя, окажись на месте Калошина человек менее последовательный, ситуация была бы именно такой, как ты ее описываешь. Ведь «Русская нефть» — это государство в государстве: куча денег, купленные депутаты, купленные чиновники; к тому же, единственная олигархическая структура, имеющая прямое влияние на коммунистов. А кто для нас сейчас страшнее коммунистов? Только атомный взрыв. Ребята из «Русской нефти» это прекрасно понимают и бессовестно нас шантажируют. Они же когда-то сами были комсюками и работать начинали на партийные деньги, а теперь тайно финансируют левых. Каждый раз, когда в Государственной Думе нужно зарубить ту или иную нашу инициативу или провалить закон, они просто дают отмашку — и дело сделано. У них существует скромный бизнес-план: стать монополистами по добыче нефти, и они его последовательно воплощают.

— Но они же и без того лидеры, — покачал я головой.

— А разве ты не замечал, как наши доморощенные капиталисты ненавидят свободный рынок? В этом с ними никакие левые не сравнятся. Была бы их воля, они бы всех конкурентов пересажали, а еще вернее — под расстрел бы пустили. «Русской нефти» для достижения полного господства нужно опередить Березовского и отхватить «Объединенную Сибирскую нефтяную компанию», которую сейчас, под выборы, готовят к залоговому аукциону. Это трудно, не спорю, но вполне реально, особенно если выкрутить нам как следует руки, чем они, собственно, и занимаются.

— Вряд ли Березовский позволит им себя обскакать.

— Вообще-то многоуважаемый Борис Абрамович уже пытался воевать с «Русской нефтью». Ведь ему, как ты понимаешь, тоже позарез нужна монополия. Правда, в отличие от Либермана не на одну нефть, а на все вообще. Это, кстати, его и губит — всеядность. Он ведь Бонапартом себя ощущает, у него повсюду стауэтки Наполеона стоят. Что ж, в одном они точно похожи: остановиться вовремя Борис Абрамович не умеет, вот и приходится ему на всех фронтах сразу воевать. Ты, кстати, помнишь, где Бонапарт свои дни закончил? На острове Святой Елены, в изгнании, мелочно изводимый англичанами! Нет, это не я такой образованный, это Либерман любит повторять, когда о Березовском речь заходит. Только ты уж меня не выдавай! — спохватился он. — А то я тебе всю нашу кухню раскрываю. В общем Борис Абрамович натравил на «Русскую нефть» ФСБ, и те ринулись спасать Россию от Либермана и его шайки. Ничего хорошего из этой затеи не вышло; едва только в «Русской нефти» начались обыски, прокуратура как-то очень кстати откопала зарубежные счета дочерей президента, на которые якобы переводил деньги Борис Абрамович. В Государственной Думе поднялся жуткий вой, и «красные» вывели на улицы народ с

требованием отставки Ельцина. И в довершение к этой свистопляске — бац! Виновника торжества, Бонапарта отечественного бизнеса, Бориса Абрамовича Березовского едва не взорвали в его собственном автомобиле.

— Ты считаешь, это сделала «Русская нефть»?

— Доказательств никаких не нашли, но возможность случайных совпадений никто даже не обсуждал. Чудом спасшийся Борис Абрамович жутко перепугался и закусил удила. Сам знаешь, нет воина храбрее, чем испуганный еврей. Он жаждал крови Либермана любой ценой. Короче, и та и другая сторона уже формировали полки истребителей. Страшно подумать, какой бойней все это могло закончиться, если бы не Калошин. Он титаническими усилиями усадил за стол переговоров всех главных олигархов страны, и в результате они поклялись не убивать друг друга и поддерживать Бориса Николаевича на будущих выборах. Хотя лично я даже не представляю, как моему руководителю это удалось!

Обычно циничный Артурчик говорил на сей раз вполне искренне, однако его восторга по поводу дипломатии Калошина я не разделял.

— Думаю, он пообещал отдать им страну на разграбление, — пожал я плечами. — И, судя по тому, что мы видим вокруг, так и сделал. При всей своей ненасытности акулы сообразили, что можно не вырывать куски изо рта друг у друга, когда им позволяют совершенно безнаказанно отхватить столько, что несколькими поколениями не съесть.

— Но ты же не будешь отрицать, что мир все-таки восстановлен. Причем благодаря Калошину!

— Очень шаткий мир. И восстановлен он, скорее, благодаря тому, что у этой группы поддержки президента появилось срочное занятие: они усиленно растаскивают закрома Родины. Как только закончат, опять сцепятся. Один провинциальный олигарх уверял меня, что это у них в природе. А твой руководитель, я думаю, проявлял такое рвение не потому, что его сильно заботило благо страны, а потому, что он получает комиссионные со всех участников этого процесса.

— По-твоему, получение комиссионных исключает заботу о благе России? — с пафосом возразил Артурчик, возвращаясь к своей привычной двусмысленной манере разговора.

— Отчего же, — хмыкнул я. — Чем больше комиссионные, тем трогательнее забота. А как Березовский относится к калошинским маневрам? Почему-то мне кажется, что его они восхищают меньше, чем тебя.

Артурчик почесал за ухом.

— Совсем не восхищают, — признал он. — Борис Абрамович — вообще очень авторитарный человек. Его раздражает, что страна не желает жить в соответствии с мудрыми указаниями Бориса Абрамовича и что кто-то осмеливается иметь собственное суждение, хотя заранее известно, что правильным является лишь мнение Бориса Абрамовича. Временами он очень сердится на все российское население, но в особенности — на моего руководителя.

— А почему он его не снимет?

Артурчик лукаво улынулся.

— Какой ты категоричный! Снять человека гораздо труднее, чем его назначить. Во-первых, именно Борис Абрамович когда-то горячо рекомендовал Калошина президентской дочери и другим членам семьи. А теперь Юрий Мефодиевич демонстрирует беззаветную преданность президенту, показывая, что интересы первого лица он ценит выше, чем интересы

Березовского. На каком основании Березовский сейчас может потребовать отставки своего недавнего протеже? Не врываться же ему в кабинет Ельцина с криком, что Калашин перекрутился! — он скосил на меня глаза, давая понять, что вести себя подобным образом способен лишь один человек. — Да и где гарантия, что преемник не окажется хуже?

— Выходит, Храповицкий стал случайной жертвой ваших больших склок и интриг? — мрачно подвел итог я.

— Ему не повезло, — подтвердил Артурчик. — Он подвернулся под горячую руку. По-человечески мне его жаль. Хотя согласись, он мог бы держаться скромнее, как та чиновница, которую ты столь мужественно... Молчу! Молчу! — поспешно замахал он руками, прежде чем я успел взорваться. — Вообще, когда пытаешься занять чье-то место, рискуешь нарваться, я тебе об этом уже говорил. Хотя, разумеется, это не повод, чтобы отправлять человека за решетку. Но зря ты бросаешься на меня такие зверские взгляды: в конце концов, лично я стараюсь тебе помочь...

Он действительно старался, поэтому я и попросил его поехать со мной на встречу с Косумовым, которому я не доверял. Вообще-то я уже никому не доверял, в том числе и Артурчику, но он, по крайней мере, ничего не обещал и, в отличие от всех, с кем мне приходилось встречаться в последние дни, не выдвигал никаких финансовых претензий.

За организацию встречи отвечал Дергачев, которого я отыскал вчера поздно вечером. Выслушав условия задачи, он взялся за нее с энтузиазмом и сегодня с гордостью доложил по телефону, что приличное место найдено, термоядерные телки заряжены и поляна уже накрыта. Я сообщил об этом Косумову, и он, не называя точного времени, пообещал приехать, как только освободится.

Мы с Артурчиком тронулись в половине седьмого, но на Рублево-Успенское шоссе выехали только в начале девятого. Московские заторы приводили меня в уныние. Впрочем, последнее время я непрерывно нервничал и раздражался, и дело было отнюдь не в пробках. Мне никак не удавалось почувствовать под собой твердую почву.

— Какую роль ты отводишь мне на этой встрече с прокурором? — полюбопытствовал Артурчик.

Откровенно говоря, я и сам до конца не понимал. Приглашение было следствием моей неуверенности.

— Ты знаешь все кремлевские подворотни. Я надеюсь, что ты при случае предостережешь меня от ошибки.

— Боишься, что обманут? — проницательно посмотрел он на меня.

— Боюсь, — кивнул я.

— Да, — сочувственно пробормотал он. — На карту вы поставили много.

На карте стояло гораздо больше, чем он думал. В случае провала моей московской миссии для Храповицкого все было бы кончено. Да и для меня, пожалуй, тоже. Вряд ли Лихачев простил бы мне и исчезновение директоров, и эту поездку. Артурчик, казалось, угадал направление моих мыслей.

— Все утрясется, мой друг, — ободряюще заметил он. — И не такое улаживали. В России люди идут во власть для того, чтобы ею торговать. Административный ресурс — та же нефть или газ, товар повышенного спроса. У кого-то есть желание его продать, у тебя есть желание купить. Остается лишь свести два конца.

— А вдруг они уже его продали? — пессимистично отозвался я.

— Кого? Твоего Храповицкого? Не исключаю. Но это ровным счетом ничего не значит. Обязательно найдется кто-то еще, кто захочет перепродать его дороже. Это всего лишь вопрос цены. Главное, чтобы у тебя хватило денег.

2

Дом располагался на Николиной горе, уже в те времена вошедшей в моду и стремительно обраставшей поселками и коттеджами. Когда Артурчик, проезжая мимо, небрежно сообщал о том, сколько стоит сотка земли в том или ином месте, я не верил своим ушам. Крутя головой по сторонам, я поражался масштабам вездущего строительства, оторопело прикидывая, в какие суммы это выливается. Артурчик посмеивался над моей провинциальной затхлостью и называл имена высокопоставленных чиновников и крупных бизнесменов, владевших самыми дорогими особняками.

Водитель, присланный Дергачевым, уверенно остановился перед высоким кирпичным забором, скрывавшим двор от нескромных глаз, и энергично посигналил. Про себя я отметил, что ориентировался он без труда — видимо, Дергачев частенько сюда наведывался. Однако чем занимался здесь наш московский директор, я не представлял.

Через некоторое время металлические ворота поползли в стороны, и нашим глазам в обрамлении декоративного приусадебного пейзажа предстал сам Дергачев, в халате, войлочной шляпе и тапочках, веселый и пьяный. На его лице горели красные пятна: видимо, он только что выскочил из бани.

— Долго же вы добирались! — упрекнул он нас, пожимая руки. — Я уж решил не дожидаться, первый заход в парилку без вас сделать. Ты езжай! — велел он водителю. — Раньше двух часов ночи не возвращайся, мы тут надолго!

Дергачев жизнерадостно засеменял к парадному крыльцу, указывая нам дорогу. Трехэтажный дом был, пожалуй, меньше Васиного имения или причудливого замка Виктора, но несравненно элегантнее. Его окружал ухоженный участок с аллеей деревьев, в которой прятались изящные беседки. И участок, и дом были подсвечены разноцветными прожекторами, что придавало им игру-шечно-сказочный вид.

— Ну, как хибара? — шепнул мне Дергачев. — Сойдет за третий сорт?

— Молодец! — похвалил я его. — Просто здорово!

Дергачев расцвел.

— Ты еще внутри не видел, — похвастался он. — Антиквариат, ценные породы дерева! — он зажмурился и замотал головой. — Телки, кстати, тоже полный улет! Через час будут. Фотомодели из одного московского агентства, ноги от ушей. К кому попало не мотаются, только к своим, проверенным клиентам приезжают. Дорогие, правда, сучки, но денег стоят. Твой прокурор обалдеет, помяни мое слово, — Дергачев кивнул в сторону Артурчика, который одобрительно осматривался. — Это он, что ли? Уж больно молодой. А как его фамилия?..

— Да нет, тот еще не приехал, — шепотом ответил я. — Как ты сюда внедрился?

— Приятель ключи оставил. Сам он сейчас за границей с семьей, ну а меня присмотреть попросил по старой дружбе. Я ему сегодня звякнул, предупредил о нашем мальчишнике. Он вообще-то спокойный парень, слова против не скажет, но я уж на всякий случай подстраховался, знаешь, чтобы потом лишних обид не было. Пятерку баксов ему пообещал.

Для него это, сам понимаешь, не деньги, так — знак уважения.

Мои восторги сразу поубавились. Дело в том, что в Москву я приехал, располагая только своими средствами, которых было гораздо меньше, чем хотелось бы. Этим вечером я положил в сумку десять тысяч долларов — почти все, что у меня оставалось. Я не очень представлял, как я сумею покрыть предстоящие расходы, если половина моей наличности была лишь данью внимания, а не деньгами. Кое-что, конечно, еще лежало на кредитных карточках, но не густо.

Дергачев сразу повел нас в баню, находившуюся в пристрое. Особенность современной русской жизни заключается в том, что баня часто заменяет хозяину кабинет и гостиную: здесь он встречает гостей, ведет с ними деловые переговоры или просто по-дружески отдыхает. Поэтому в богатых домах наличие бани обязательно, тогда как библиотеки, как правило, отсутствуют. Исключение делается, лишь если книги представляют собой антикварную ценность, как картины, иконы или столовое серебро. Иначе большая библиотека способна навести посторонних на нежелательные подозрения, что хозяину нечем заняться.

Непритязательный приятель Дергачева был, вне сомнения, респектабельным и очень деловым человеком: принадлежавший ему банный комплекс включал в себя два бассейна в розовом мраморе, бильярдную, комнату для отдыха и небольшой зал с караоке. Я собирался выпить с дороги чаю, но Дергачев мне не дал.

— Потом, потом, — торопил он, не слушая моих возражений. — Тебя сейчас только баня спасет: я еще по голосу услышал, что ты простуженный.

Раздевшись и обернувшись мягкими полотенцами, мы нырнули в парную. Тут стояла невыносимая жара, и сильно пахло эвкалиптом. На верхней полке, наклонив седую голову и отдуваясь, сидел костлявый, очень загорелый мужик лет за шестьдесят, совершенно мокрый от пота.

— Ну, как ты тут, Семеныч? — приветствовал его Дергачев, залезая наверх, в то время как мы с Артурчи-ком малодушно остались внизу. — Живой еще?

— А чего мне сделается? — бодро отозвался Семеныч. — Чай, пупок от пара не развяжется.

В его морщинистом бронзовом лице читалась та замечательная порода, которую еще можно встретить в русской деревне, хотя все реже и реже. У него были серо-голубые глаза, прямой нос и правильной формы череп, к которому сейчас прилипли влажные вьющиеся волосы. Внешнее благообразие, впрочем, нарушалось специфическими татуировками: церковью с куполами, розами и кинжалами — свидетельством того, что немалую часть своей жизни Семеныч провел на иных полках, именуемых в просторечье шконками.

Присутствие в бане неизвестного мне сидельца меня неприятно озадачило. Можете считать меня неисправимым снобом, но уж если с меня берут пять тысяч долларов за вход, то я предпочитаю видеть внутри публику более пристойную, пусть не в смокингах, но хотя бы не в тюремных наколках. Я решил непременно объясниться по этому поводу с Дергачевым, но позже. Семеныч, впрочем, никакой неловкости не испытывал.

— Дергуша, поддай-ка еще, — по-хозяйски велел он, и я с удивлением увидел, как задиристый Дергачев послушно слез с полки, плеснул водой на раскаленные камни, разбрызгал остатки по стенам и вновь шмыгнул наверх. Сейчас, когда он был совсем голым, стало заметно, что, несмотря на худобу, у него намечалось брюшко, а шевелюра редела.

— Хорошая баня, — пробормотал он мне, щурясь от пара.

— Путевая, — подтвердил Семеныч. — Армяне две недели эту печку клали, со своим камнем

приезжали. Генка ее потом на них же и проверял. Сперва натопил, а после загнал их сюда и запер. Говорит, если тяга правильная, то не угорят.

— Не угорели? — с волнением спросил Артурчик.

— Да ни на грамм! — успокоил его Семеныч. — Че им сделается? Старику только с сердцем плохо стало, но и то откачали. А я этим летом прям стосковался по бане!

Считай, семь месяцев в Сан-Тропе проторчал. А там откуда бани? Одни бассейны.

— Где вы проторчали? — переспросил Артурчик, решив, что ослышался.

— Да в Сан-Тропе, где ж еще! Лучше бы к свояку в Астрахань съездил, давно зовет. Арбузов бы поел да порыбачил, — в голосе Семеныча звучало легкое раздражение. — Я Генке так и сказал: в другой раз нипочем не полечу, даже думать забудь!

— Чем же тебе так не понравилось? — спросил Дергачев, незаметным подмигиванием и гримасами приглашая нас с Артурчиком к забаве.

— А че хорошего! Они там по-русски не говорят, а я по-французски ни бум-бум. У меня уши вяли ихнюю херню слушать!

— Почему же тогда все туда рвутся?

— Дураки, вот и рвутся! — убежденно возразил Семеныч. — Мода теперь такая. Куда им скажут, лохам, туда они и рвутся. Своего-то ума нет. Они, может, думают, что это город огромный, круглые сутки там мутеж-гал-деж. А там три улицы да набережная. Деревня самая настоящая, и делать нечего. Мы там еще «Мерседес» напрокат взяли за каким-то хреном. Ну и толку? Так он у нас и простоял без дела, раз пять, может, от силы выезжали. Правда, из-за этого «Мерседеса» Женька туда привезли, водилу нашего. Ну, вот мы с ним там вдвоем и куковали весь сентябрь среди этих обормотов. Мои-то уж в конце августа в Москву улетели и детишек с собой забрали, к школе готовить, а нам с Женьком куда деваться?! За дом-то заранее заплатили, жалко же денег, вот и пришлось кантоваться.

— Что ж, тебе совсем не глянулось? — продолжал заводить его Дергачев.

— Нет, ну так-то в целом, конечно, терпимо, — несколько смягчился Семеныч. — Не «вот те, здрастье, пересылка». И хуже, чай, места видали, грех обижаться. Дом у нас большой был, прям на первой линии. Бассейн тоже хороший, чистый, они там за этим следят, погода отличная, солнце всю дорогу. Я туда еще рассаду взял огуречную.

Пятнадцать кустов привез, а че без дела-то сидеть? Уж больно там огурцы дорогие, двадцать долларов за килограмм. Да и посмотреть не на что. Мелкие, с палец. Сорт такой, все равно что стручок гороховый, и безвкусные, как резину жуешь. Вот мы с Женьком и выращивали огурцы на ихнем участке. Нормальные, кстати, у нас огурцы удались, ядреные. Я потом жалел, что помидоры не сажал.

— Как же вы пятнадцать кустов провезли через границу? — полюбопытствовал Артурчик.

— Так мы же charterом летали, — ответил Семеныч. — А ты думал? На поезде, что ли? Они ж эти виллы свои почти что пустыми сдают. Мебель-то еще есть, а вот посуду, простыни, там, наволочки — это все с собой тащи. Даже бумагу туалетную, и то не положат. Народ там очень скарредный, спасу нет. Вроде не бедные люди, хаты себе такие отгрохали, а за доллар удавятся. Ну, вот и прикинь, сколько всякого скарба переть приходится. Мы charterный самолет брали. Сорок тысяч заплатили, туда и обратно.

— Дорого, — покачал головой Дергачев.

— Смотря с чем сравнивать, — возразил Семеныч. — За «Мерседес» двадцать отдали, на хрен бы он был нужен! Биксы тоже по триста зеленых за час ломают, а сами все — русские или хохлушки. Им на Тверской зверьки по полтиннику еле дают.

Мы с Артурчиком то и дело недоуменно переглядывались. Видя, какое впечатление производят на нас рассказы Семеныча, Дергачев лишь загадочно посмеивался. Впрочем, оставаться в парилке я уже не мог. Я выбежал наружу, и Артурчик с видимым облегчением последовал моему примеру. Секундой позже показался и Дергачев. Он, как и полагается, с душераздирающим криком отважно кувыркнулся в лягушатник с ледяной водой, выскочил, как ошпаренный, и побежал согреться водкой. Мы с Артурчиком, не сговариваясь, прыгнули в большой бассейн, где вода была градусов тридцать.

— Почему женщины сюда не падают? — посетовал Артурчик, с удовольствием плескаясь. — Я бы их каждый день спасал. Ну вот скажи честно, как человек с опытом, разве здесь хуже? Зачем ты только в Урал нырял?

— Молчи, убью, — отозвался я.

Минут через пять из парной появился и Семеныч. Он солидно прошествовал к ледяному бассейну, перекрестился, охнул и бухнулся в него «солдатиком», поджав ноги. Затем появился на поверхности, с удовольствием фыркая и рыча.

Когда, накинув халаты, мы расположились на шезлонгах, Дергачев вновь взялся подтрунивать над стариком.

— Семеныч, ты сколько телок сегодня возьмешь? — спрашивал он. — Нам-то хватит или еще звать?

— Погляжу еще, кого ты привезешь, — ворчливо отвечал Семеныч. — Если как в прошлый раз шалавы, то они и даром не нужны, лучше уж Ленку-полотерку кликнем, кто нам паркет натирает. А коли центровые приедут, то я не возражаю. Может, кого и оприходую.

Я поднялся и отправился в комнату отдыха, где был накрыт чайный стол. Здесь меня и настиг Дергачев.

— Ты разговаривал с Виктором насчет телевидения? — нетерпеливо бросил он, прежде чем я успел спросить его о провередливом Семеныче.

— Виктор не хочет поднимать шума и привлекать к нам лишнего внимания, — сказал я.

Разумеется, я не обсуждал с Виктором предложение Дергачева, будучи абсолютно уверенным, что ответ последует отрицательный. Впрочем, наши взгляды на данный предмет полностью совпадали.

— Вот пенек неотесанный! — с досадой буркнул Дергачев, опускаясь в кресло и доставая сигарету из лежавшей на столе пачки. — Все они такие. Наворовать наворовали, а ничего в этой жизни не поняли.

Он затаился и в задумчивости выпустил струю дыма мне в лицо.

— Нет, — безнадежно проговорил он. — Если в человеке нет культуры, то ему никакие деньги не помогут.

Я не стал выяснять, повысит ли Дергачев свое мнение о культурном уровне Виктора, если тот все же позволит себя облапошить.

— Ладно, — продолжал он, подавляя разочарование. — Черт с ними. Не хотят — не надо, им

же хуже. Есть еще одна тема, еще интереснее, чем телевидение. Как я понимаю, им нужно срочно выводить из России деньги. У меня есть каналы, очень надежные.

— Они занимаются этим на протяжении многих лет, — напомнил я. — Так что у них тоже есть.

— Есть, — неохотно признал он. — Только вы все там сейчас под колпаком: прослушка, наружка, прочая дребедень. Неспроста же секретные телефоны ввели. А уж за их деньгами тем более следят! Так что им по своим каналам теперь ни сбросить, ни принять! Это во-первых. А во-вторых, и в главных, на их каналах ты лично ничего не заработаешь. А на моих заработаешь. И очень даже недурно.

— Сколько?

Он предостерегающе поднял палец.

— Тут зависит от сумм и от сроков. Я думаю, что вся эта уголовная история надолго, и раньше, чем через год, от них не отвяжутся. Вообще-то чем дольше она будет тянуться, тем выгоднее для нас с тобой. Потому что мы сможем спокойно покрутить бабки на разных депозитах. Можно вообще в акции вложить или в ценные бумаги — да полно всяких интересных проектов. Мне то одно предлагают, то другое. У меня есть связи в банках: и в Израиле, и в Швейцарии, и в Штатах.

— А если тебя на этом поймают?

— Кто? Виктор с Васей? У них ума не хватит. Тем более что Вася вообще за бугор сбежал, я же ему отсюда билеты и заказывал. Да как они это сделают? Ну, допустим, деньги вовремя не поступили на их счет. Мы скажем, обычная задержка, где-то неправильно оформили документы, бабки вернулись в один из банков, придется посылать еще раз. Отвремся. Ты пойми, речь идет о серьезном бизнесе! Если мы замораживаем деньги на год, то гарантированно получаем десять процентов! Минимум! А если поработаем на рынке ценных бумаг, то и двадцать! Причем без всякого риска. Представь, что такое двадцать процентов с десятки! По миллиону на душу! А если ты сумеешь выжать из Виктора двадцатку, то мы получим все четыре. Плохо ли? В конце концов, пусть они нас потом выгоняют! Да мы сами уйдем!

— Заманчивой вариант, — подтвердил я.

— Слушай дальше, — оживился он. — Здесь, в Москве, существует имущество, которое сейчас числится на их фирмах. Здание, которое я им покупал под представительство. Машины, техника. Тут в сумме лимонов на семь-восемь зеленю потянет. Все это могут арестовать уже завтра. Я готов под свои гарантии аккуратно переоформить собственность. Очень быстро. Но, поскольку мне придется рисковать, я хочу, чтобы мне за это заплатили. Десять процентов с общей стоимости. Половина — твоя.

Я никогда особенно не любил Дергачева, но в последнее время общение с ним давалось мне с большим трудом.

— Хорошо, я все усвоил, — кивнул я. — Постараюсь.

— Только ты лучше старайся, — проговорил он обидчиво. — Не как в прошлый раз.

От соблазна поставить его на место меня избавил телефонный звонок. Дергачев ответил и просиял.

— Телки приехали, — объявил он, вскакивая. — Пойду открывать.

Фотомодельных телок было семь или восемь — целое стадо. Судя по их раскраске, нарядам и манерам, все они были тертые профессионалки со стажем и приводами в милицию. Предводительствовала ими грудастая крашенная блондинка далеко за тридцать. Между ней и Дергачевым тут же завязался оживленный диалог, выдававший давнее знакомство. Блондинка сетовала на то, что ее малолетняя дочь отбилась от рук, грубит и пропускает школу, а Дергачев ей сердечно сочувствовал и оглаживал по заду.

Часть девушек, не дожидаясь приглашения, разделась и отправилась в парную, другие принялись за еду в комнате отдыха. Худенькая азиатка в кожаных коротких шортах присела на шезлонг Артурчика и взялась с ним заигрывать. Некоторое время Артурчик терпел, но когда она полезла к нему под халат, «смотреть, что там растет», он поднялся.

— Как насчет бильярда? — предложил он мне.

Мы перешли в бильярдную. Артурчик, игравший очень прилично, успел обставить меня раза четыре подряд, прежде чем позвонил Косумов с сообщением, что он уже близко и вот-вот будет.

Я отправился за Дергачевым, и тут выяснилось, что он пропал вместе с грудастой блондинкой. Я дважды безуспешно обежал весь банный комплекс, но они как сквозь землю провалились, никого не предупредив. Искать их по дому я не стал, чтобы не терять драгоценного времени. Вместо этого я кинулся к Семенычу, который уже удобно устроился перед телевизором на диване в комнате отдыха. Включив звук на полную мощность, он смотрел футбол, а возле него, на ковре, сложив ноги калачиком, терпеливо расположилась азиатка. Моя просьба открыть ворота не встретила у старика сочувствия.

— Сам справишься! — буркнул Семеныч, не убавляя звука. — Че мы всей кодлой наружу потащимся? Вон ключи лежат, ниче там сложного нет. Слева нажмешь — открыть, справа — закрыть, и вся любовь. У нас даже Лен-ка-полотерка научилась.

— Тут целых четыре кнопки, — возразил я, крутя брелок в руках.

— Другие не трогай, — предостерег Семеныч. — А то сигнализация сработает.

— Я с тобой пойду, — вызвался Артурчик. — У моих родителей такая же система.

Мы не стали переодеваться и по примеру Дергачева выскочили из дома в халатах и сланцах. Впрочем, я, опасаясь вновь подхватить простуду, накинул поверх халата пальто. Ночной холод почувствовался сразу. Подпрыгивая, чтобы не замерзнуть, Артурчик нажал нужную кнопку, металлические створки разъехались, и мы шагнули за ворота, дабы Косумов, не знавший дороги, смог нас увидеть издали. Вокруг стояла тишина, изредка нарушаемая собачьим лаем. Автомобилей не было; в верхних этажах соседних домов, тоже обнесенных высокими заборами, горел свет.

— Ты знаешь, чего я больше всего не люблю в проститутках? — понижая голос, начал Артурчик.

Я так и не успел узнать, чего он в них не любит. За нашей спиной вдруг раздался такой ужасающий визг, что сразу заложило уши. Мы оба вздрогнули и обернулись. На наших глазах железные двери неумолимо закрывались. Только тут до меня дошло, что это была сирена.

— Стой! — заорал я, бросаясь назад. Но было поздно. Створки ворот наглухо сомкнулись, а мы остались снаружи. Сирена продолжала завывать.

— Ты что наделал?! — накинулся я на Артурчика. — Открой их опять! Выключи немедленно

этот кошмар!

— Сейчас, сейчас! — в панике бормотал он, нажимая все кнопки подряд. — Она сама как-то врубилась. Клянусь, я ничего не трогал. Черт, тут что-то заело!

Душераздирающие звуки по-прежнему сотрясали округу.

— Ну, сделай же хоть что-нибудь! — в отчаянии орал я, тщетно стараясь перекрыть сирену.

— Не могу! — чуть не плача кричал в ответ Артурчик. — Она вообще не реагирует, жми — не жми!

Я остервенело выругался.

— Ничего, — попытался ободрить меня Артурчик. — Сейчас милиция приедет!

— Твою мать! Этого только не хватало! Что мы скажем?!

— Они откроют нам дверь, а твой приятель покажет им документы

— Какие документы? Это же не его дом!

— То есть как не его? — оторопел Артурчик. — А чей же?

— Откуда я знаю?! Он взял ключи у какого-то своего друга. О, черт! Неужели этот проклятый идиот ничего не слышит?! У меня сейчас барабанные перепонки лопнут!

— Но этот друг твоего приятеля, он же может каким-то образом подтвердить, что это его дом и что он нас сюда впустил? — теперь уже переполошился Артурчик.

— Этот друг находится за границей!

Мы оба замолчали. Сирена все так же пронзительно верещала, словно издеваясь над нами. На дороге показались огни фар. Я обернулся на Артурчика и увидел, что несмотря на холод он взмок. Меня тоже бросило в жар: к нам подъезжала милицейская машина. Про себя я невольно поразился быстроте, с которой примчалась милиция, вероятно, на Рублевке от нее требовали особой расторопности. Сливовые глаза Артурчика были совсем круглыми и черными.

— Скажи им, что я с тобой, — попросил я, собрав остатки сарказма. — В Уральске у тебя это ловко получалось.

— Мне кажется, они меня не послушают, — удрученно пробормотал Артурчик. — У меня же нет с собой удостоверения! Ужас. Ты сам подумай: сотрудник администрации президента, незаконно проникший в чужое жилище! В компании проститутки и какого-то уголовного старика! Мне конец!

— Чепуха. Главное — чтобы денег хватило, — напомнил я ему его недавнюю сентенцию, но в иные минуты мы не восприимчивы к философии.

Машина остановилась возле нас. Из нее вылезли двое стражей закона, а третий остался за рулем. Милиционеры вежливо поздоровались.

— Что тут стряслось? — спросили они, с любопытством оглядывая нас и пряча усмешки. Держались они без агрессии, обычно свойственной сотрудникам правоохранительных органов, даже, пожалуй, благожелательно. Но Артурчик под их взглядами все равно нервно задвигался и втянул живот.

— Да вот вышли товарища встречать, и сигнализация почему-то сработала, — пояснил я, стараясь говорить, как можно небрежнее.

— Бывает, — согласился один из милиционеров. — Вы ее хотя бы сейчас выключите, а то уже всю округу разбудили. Все-таки поздно, людям завтра на работу.

— Не могу, — виновато признался Артурчик. — Не получается.

— А кто из вас хозяин?

— Он там, — промычал Артурчик, указывая куда-то за спину.

— Его здесь нет, — поправил я, сохраняя неопределенность.

— Понятно, — протянул милиционер. Его интонация едва уловимо поменялась. В ней появилась подозрительность. — Значит, документов у вас никаких нет и назад вы попасть не можете?

— Ну да, — подтвердил я и постарался улыбнуться. — Глупая история.

— Очень, — подтвердил он без улыбки.

— Дайте-ка мне ключи, — попросил второй милиционер. — Я попробую.

Артурчик протянул ему ключи. В эту минуту на дороге показался джип. Он начал было притормаживать, но, поравнявшись с нами, снова прибавил скорость, проехал мимо и остановился метрах в тридцати.

— Это, что ли, ваш товарищ? — поинтересовался милиционер.

— Возможно, — уклончиво ответил я. — Отсюда же не видно.

В душе я был уверен, что это Косумов, который, увидев нас в халатах, беседующих с милиционерами под аккомпанемент сирены, решил в последнюю минуту проявить осторожность. Джип стоял, но из него никто не выходил.

— Ну, что будем делать? — спросил первый милиционер.

— Не знаю, — пожал плечами другой. — Сходи проверь, кто приехал.

И вдруг сигнализация замолчала. Все облегченно перевели дыхание. Наступившая тишина казалась благодатью.

— Ну, вот, — удовлетворенно прокомментировал милиционер-умелец. — Тут все просто.

Я бросил на Артурчика убийственный взгляд, но он и без того был уничтожен. Милиционер, между тем, подошел к джипу и осторожно постучал в пассажирскую дверь. Дверь не открылась, но окошко немного опустилось.

— Что нужно? — раздался голос со знакомым жестким акцентом.

— Можно взглянуть на ваши документы? — спросил милиционер.

— Взглянуть можно, — холодно ответил Косумов и протянул ему служебное удостоверение.

Милиционер отодвинулся в сторону, чтобы на удостоверение упал свет соседнего фонаря, прочитал, тут же уважительно вернул документ и козырнул.

— Это ваш дом, товарищ заместитель генерального прокурора? — бойко спросил он. Наверное, он обрадовался, что теперь ответственность ложится на Косумова как старшего по званию.

— Нет, — отрезал Косумов. — Я просто мимо еду. В гости. А чем дело?

— Да вот, мы приехали по вызову и застали этих граждан, — доложил милиционер. — Говорят, вышли из дома, а назад попасть не могут. Документов при себе не имеют.

Косумов высунув голову, пристально оглядел нас с Артурчиком. Мое дружеское подмигивание он проигнорировал.

— Из бани? — осведомился он строго.

— Из бани, — подтвердили мы с Артурчиком хором.

— Зачем людям в бане документы? — спросил он у милиционера.

Милиционер смутился.

— Ну, как же, — пробормотал он. — Паспорт-то всегда нужно с собой носить. А вдруг проверка? А вы их случайно не знаете? — в его голосе звучала надежда.

— Я не могу всех знать, — высокомерно возразил Косумов. Он все еще осторожничал.

— Мы по инструкции обязаны осмотреть жилище и убедиться, что все в порядке, — не очень уверенно проговорил второй милиционер.

— Пойдем осмотрим, — недовольно разрешил Косумов, наконец вылезая из машины.

Милиционер, у которого были наши ключи, нажал кнопку, и створки разъехались с такой легкостью, словно только того и ждали. Я опять обернулся к Артурчику, но он лишь покаянно развел руками.

Все вместе мы вошли в дом и двинулись по коридорам. Милиционеры глазели по сторонам, не скрывая любопытства с налетом зависти. Лицо Косумова сохраняло суровое, отстраненное выражение, он по-прежнему не подавал вида, что знаком со мной.

С проклятым Дергачевым мы столкнулись возле лестницы. Совершенно голый и умиротворенный, он лениво спускался вниз, обнимая блондинку, тоже голую. Та шла с бокалом в руке, вихляясь и прижимаясь к нему. Косумов крикнул. Милиционеры оторопели. Завидев милицию, Дергачев молча повернулся и пустился бежать наверх.

— Пардон! — охнула блондинка. — Я мигом, — и она кинулась за ним вдогонку, трясая пышной грудью.

— Куда? Стой! — закричал я вне себя. — Где документы на дом?

— У Семеныча! — бросил Дергачев, прыгая через ступеньки.

— Это кто был? — поинтересовался один из милиционеров.

— Это мой заместитель по технике безопасности, — сквозь зубы ответил я, и, не сдержавшись, прибавил пару ругательств.

Мы добрались до мраморного зала с бассейнами. Привезенная блондинкой команда, освоившись, развлекалась, как могла: кто плавал, кто танцевал под гремевшую музыку, кто просто звонил по телефону. Но одно роднило всех: одетых среди них не было. Точнее, были

две — в ажурных чулках.

Милиционеры оторопели. Проститутки при виде людей в форме тоже испуганно замерли. Некоторое время все созерцали друг друга, не произнося ни слова, в гробовом молчании. Наконец, один из милиционеров облизнул пересохшие губы.

— Весело у вас тут, — проямлил он мне.

— Может, у девушек документы проверить? — предложил другой.

— Слушай, зачем женщин обижать, а? — вмешался Косумов. — Что они тебе плохого сделали? Они отдыхают, тебя не трогают.

Спорить с прокурором милиционер не решился. Семе-ныча мы нашли там же, где оставили: в комнате отдыха. Он увлеченно смотрел футбол, ничего не слыша и не замечая вокруг. Азиатка взметнулась с ковра и забилась в угол, Семеныч повернул голову и сразу же подобрался. Его глаза враждебно сузились.

— Гляди-ка, кто к нам пришел! — неприязненно удивился он. — Вас-то сюда кто вызывал?

— Документики предъявите, гражданин, — едко ответил милиционер, безошибочно распознавая в нем классового врага.

— Нигде от цветных покою нету, — пробормотал Семеныч. — Мне их, видать, в гроб положат, по бокам. Врываються, как к себе домой, шмонают. Че хотят, делают.

Он нехотя поднялся.

— Щас принесу, — пообещал он, но один из милиционеров тронулся за ним, видимо, на всякий случай.

Через некоторое время оба вернулись. Милиционер держал в руке паспорт Семеныча, который и протянул Ко-сумову. Косумов небрежно пролистал документ и передал второму милиционеру. Тот внимательно его изучил.

— Вы тут прописаны, что ли? — недоверчиво уточнил он.

— Ты лучше гляди, — надменно посоветовал ему Семеныч. — Там сзади еще одна бумага засунута.

Милиционер достал из-за обложки паспорта сложенный лист и развернул.

— Так, — протянул он. — Это у нас что? Свидетельство о праве собственности?

Семеныч не отвечал и упорно смотрел в телевизор, демонстрируя своим видом, что подобные вопросы считает глупыми и не намерен терять время, отвечая на них.

— Так это ваш дом, что ли? — продолжал поражаться милиционер — Вы хозяин?

— А то кто же? — все-таки не утерпел Семеныч. — Фраер залетный, что ли?

Все уставились на Семеныча со смешанным выражением изумления и почтительности.

— А это, получается, ваши гости? — эту фразу милиционер пробормотал уже по инерции.

— Получается, что мои, — подтвердил Семеныч. — Отдыхаем мы тут. После работы.

Милиционеры еще помялись на месте. Улучив минуту, я шмыгнул к своему пиджаку, достал

из кармана сто долларов и незаметно сунул в руку одному из стражей порядка. Тот с опаской покосился на Косумова, но прокурор был целиком поглощен разглядыванием девушек.

— Ну, мы тогда пойдем, — громко объявил милиционер, интонацией давая понять своему товарищу, что вопрос исчерпан и сомнения в нашей благонадежности развеяны. — Счастливого вам отдыха. Вы с нами, товарищ заместитель генерального прокурора?

— Нет, — ответил Косумов, не оборачиваясь. — Вы там идите сами, а я еще немного побуду. Мне тут кое-что проверить надо.

4

Едва милиция отбыла, тут же появился неунывающий Дергачев, уже в халате. Держался он непринужденно, даже нахально, будто ничего и не произошло. В отличие от него блондинка, успевшая прикрыть полотенцем свои выдающиеся формы, смотрела виновато. Я не стал устраивать ему разнос при посторонних, ограничившись тем, что сухо представил его Косумову.

Смекнув что к чему и спеша исправиться, блондинка тут же взяла прокурора в оборот. Под ее руководством девицы окружили Косумова, со смехом раздели и увлекли в бассейн. Вскоре оттуда доносился плеск, женский хохот и гортанные мужские восклицания. Артурчик, вероятно, решил, что с его стороны будет вполне благоразумно не приближаться ко мне некоторое время. Насвистывая под нос, ни на кого не глядя, он вдоль стенки ретировался в парную. Азиатка, по-кошачьи крадучись, последовала за ним.

От всего происшедшего у меня пересохло во рту, поэтому я сел за чайный стол напротив Семеныча.

— Так это и вправду твой дом? — спросил я, наливая себе и ему чаю.

Семеныч убавил звук телевизора и состроил хитрую мину.

— По документам мой, а так, конечно, Генкин, — охотно пояснил он. — Генка, зять мой, на меня его купил. Чтоб если, значит, его загребут, то имущество уже не конфискуют. Понял мысль? Да нынче все так делают: кто на тещу оформляет, кто на родню дальнюю. Не охота же, чтоб государству доставалось.

— Не все же конфискации боятся, — улыбнулся я.

— Дураки не боятся! — фыркнул он, разгрызая кусок сахара крепкими белыми зубами. — Им-то чего бояться? А умный, он всегда с оглядкой на тюрьму живет.

— Чем же Генка у тебя занимается? — любопытствовал я.

— Да кто ж его знает? — зевнул Семеныч и отхлебнул из чашки. — Я в чужие дела не суюсь. У нас в Воронеже бандит был. А здесь, может, масть поменял, бизнесменом заделался, я уж не спрашиваю. Строит что-то, так я слышал. Но дела у него, видать, хорошо идут, он вообще фартовый, да и котелок варит. У него кроме этого дома еще квартира в центре огромная, на Лильку он купил ее, на дочь мою. На Кипре тоже дом, только там теперь не живет никто, продавать, наверно, будем. Генка вон и во Франции приценивается, все не решит, где брать: то ли в Ницце, то ли в Сан-Тропе. И там ему нравится, и здесь. А я ему свое долдоню: на эти деньги, что там просят, в Сочах можно целую деревню купить, прям на море. А что? Климат не хуже, а к дому ближе, и жить там летом куда дешевле будет. Да разве вы сейчас что-нибудь умное слушаете?! У вас одно в голове: где спереть и кому втереть. Эх, — махнул он рукой. — А может, так и правильно. Я и сам, бывало, давал жару! Чего только не творил! — он скосил глаза на свои татуировки. — Через то и чалился.

— Нравится тебе в столице?

Семеныч поставил чашку на стол.

— Неа! — поморщился он. — Не привился я в ней, видать, уже годы не те, чтоб обвыкаться. Генка с Лилькой — те не нарадуются, про Воронеж уже слышать не хотят, дыра для них. А я — ну ни в какую! Не живется мне тут. Слышь, до смешного доходит: захочешь, например, пива разливного выпить, ну, вот из банки, а в округе — ни одной пивнухи; либо Женька в город посылай, либо сам ехай. Ломает меня. На Рублевке с тоски загинаешься среди полотерок. По три в день убираться приходят, да еще садовник, короче, нет покоя. А в центр выберешься, еще хуже. Народу вроде полно, а никого не знаешь. И базар у них там какой-то вечно левый. Я в прошлом месяце кипешнулся маленько. Нырнул в город, просто прошвырнуться со скуки, так с одним козлом прям на улице закусился. В лоб ему дал — двенадцать часов в обезьяннике отсидел, пока меня Генка не выкупил. Они меня после всей семьей песочили, мол, ты че, дед, совсем из ума выжил?! Сидел бы лучше дома, чем всяких чертей гонять! А я, что ль, виноват? Он сам нарвался. Короче, как говорится, живу лучше всех, никто не завидует.

— Скучаешь по дому? — продолжал спрашивать я.

— Есть такое дело! — отозвался он с чувством. — Вся жизнь моя в Воронеже прошла, не считая лагерей. Родня там у меня, кореша. Да чего сравнивать?! Там зайдешь в гаражи, вмажешь с пацанами, козла в домино забьешь. Ты всех знаешь, тебя все знают. С тем рос, с тем сидел. Потом к подруге зарулишь. А че ты так смотришь? — задиристо осведомился он, заметив в моих глазах удивление, которое я не сумел скрыть. — Тебе можно, а мне нельзя, что ли? Путевая, между прочим, чувиха, звоню ей иногда отсюда, приветы передаю. На двадцать лет меня моложе, продавщицей в магазине работает. С душой дает, не то что биксы здешние. У них в глазах одни доллары.

— Чего же ты не вернешься? — спросил я с симпатией.

Вероятно, я наступил на болезную мозоль. Он даже приподнялся и опять сел.

— А как?! — воскликнул он. — Один, что ли? Баба моя нипочем внуков не бросит, даже не заикайся. Дура, что с нее взять. Да и я к ним, похоже, прикипел. Они ж на нас всю дорогу, с самого рождения, на ней да на мне. Родителей и не признают. Только «баба» да «деда», такого нет, чтоб «мамка» иль «папка». А как ты хочешь? Генка вечно на работе пропадает, сюда ночевать раз в неделю приезжает, а то все в командировках, а может, по баням гуляет. Лилька тоже дома не сидит, магазин какой-то открыла, Генка ей денег дал. А детям присмотр нужен, а то, слышь, отправятся за дедом, ленинским путем: по тюрьмам да лагерям. Старший потрох в этом году в школу пошел. А сейчас у него каникулы, так они подхватились и опять куда-то в Италию полетели. А я уперся. Дай, говорю, чуток от этой неруси раскумарюсь. В натуре, надоели черти нерусские.

— Отдохнул?

— Два дня ничего. А после опять я заскучал. Может, и зря не поехал? Женька-то они с собой взяли. Вот и нету у меня никакой компании. Ладно, хоть Дергуша вспомнил, вас привез. Какое-никакое, а развлечение.

— А Дергачева ты откуда знаешь? — Я был рад сменить тему, чтобы не множить печали узника роскоши.

— Так он внука моего старшего к школе готовил. Че-то с ним учил такое, я уж не знаю. Мы с Дергушей на другой теме завязались. Когда я один остаюсь, он меня нет-нет, да и навестит. Мы с ним в баньке попаримся, выпьем. Ну и шмары опять же. Куда ж без них? — Семеныч

задумчиво погладил выступающий кадык и доверительно проговорил: — Хотя я этих шмар, которых он привозит, не больно жалую. Гуттаперчивые, я их называю. За бабки что хошь сделают, да ты сам не хуже меня знаешь.

— А Генка знает об этих визитах?

— А его-то какое дело? — несколько обидчиво возразил Семеныч. — Кого хочу, того и приглашаю. Я ему не докладываюсь.

В мраморный зал я вышел с готовностью утопить Дер-гачева в ледяном лягушатнике. Зато он бросился мне навстречу, светясь доброжелательностью.

— Все отлично! — радостно доложил он. — Прокурор твой на телок запал, глаза разбегаются, не знает, кого хватать.

— Пойдем, рассчитаемся, — сказал я, сдерживаясь.

— Вообще-то не к спеху, — успокоил он меня. — Можно и позже, а впрочем, как скажешь. Я всех расходов еще не сводил, точную цифру назвать пока не могу. Думаю, в районе десятки. Плюс-минус косарь.

— Скорее, плюс, чем минус? — предположил я, по опыту зная, что эта обманчивая формула почему-то не подразумевает уменьшения, а только увеличение.

— Ну да, пожалуй, — засмеялся он, совсем по-свойски.

Я взял из раздевалки сумку, и мы прошли в бильярдную. Я достал деньги, отсчитал три тысячи долларов и протянул Дергачеву.

— Это что? — спросил он с веселым недоумением. — Аванс?

— Это все, — пояснил я ласково. — Здесь гонорар телкам, которых возьмет Косумов, и премия тебе за хлопоты. Я что-то забыл?

Он вытаращил глаза и открыл рот, готовый взорваться возмущенной тирадой.

— Может быть, узнаем у Семеныча, сколько ты ему за эти визиты платишь? — добавил я насмешливо. — Боюсь, старик после такого не скоро тебя еще пригласит.

Он сразу скис. Но это продолжалось очень недолго, всего несколько мгновений. Затем он оскорбленно запахнул халат, как римскую тогу, оперся на бильярдный стол и сложил на груди руки.

— Я одного никак не пойму, — заговорил он с вызовом. — А тебе, собственно, какое дело? Что ты вечно за их деньги переживаешь? Тебе лично от этого какая выгода?

— Других мотивов, кроме выгоды, ты не допускаешь? — поинтересовался я.

— А какие еще в данном случае могут быть мотивы? Только не надо мне рассказывать про твою нерушимую дружбу с Храповицким. Это даже не смешно. Я тебе еще в прошлый раз сказал, что дружба бывает между равными. Но поскольку ты не понимаешь, то я кое-что добавлю. Такая дружба хуже предательства!

— Что-то новое, — заметил я. — И кого же я предал?

— Меня, например! — Дергачев стукнул длинными пальцами в свою розовую безволосую грудь.

— Когда?

— В Амстердаме! Забыл уже, как ты на меня Цербером бросался? Крови моей жаждал, требовал моего увольнения. А за что? За то, что я доставил пару приятных минут малолетней шлюшке, которой надоел ее престарелый бон-виан? Или за то, что я оттопырил лишний рубль? Вернее, даже не оттопырил, а только собрался это сделать, точь-в-точь, как сегодня. А ты тогда взъелся и устроил скандал. Почему? Что же в этом плохого? Да Храповицкий бы даже не заметил, ему и так денег девать некуда. Причем он свои бабки зарабатывает грязнее, чем я. Но, когда дело касается его, ты молчишь, и вся твоя честность куда-то испаряется. Хотя я тебе гораздо ближе: и по крови, и по духу.

От такого родства меня слегка перекосило. Дергачев это заметил.

— Удивлен? — продолжал он с нарастающим возбуждением. — Или ты себя теперь к ним причисляешь? Мы ведь с тобой университеты заканчивали и диссертации защищали! В отличие от них. Может, ты и про это уже забыл? Зато я помню, как Храповицкому ученую степень поупал, здесь в Москве. И обо всех его званиях тоже я договаривался. Так что могу тебе с точностью до копейки сказать, какой из его научных трудов сколько стоит.

— Тридцать процентов сверху накручивал? — спросил я с иронией. — Или пятьдесят?

— Сто! — отрезал он не смущаясь. — А надо было все двести. От них не убудет. Ему костюм от Версаче дороже обходится, чем кандидатская диссертация. Наука и культура у нас в стране подыхают, вот и приходится умным, порядочным людям вкалывать на нуворишей. Только ведь служить можно по-разному. Либо как я — от безысходности, но с чувством юмора, либо как ты — со страстью, вперед приказа лететь! Сам реши, какой путь противнее.

Мы никогда не говорили с ним на подобные темы, и я не подозревал в нем кипения таких страстей.

— Ты рассуждаешь так, словно Храповицкий — наш классовый враг, — усмехнулся я.

— А то кто же? И он, и Вася, и Виктор, и Плохиш — вся эта сволочь. Помню, как я Виктора впервые увидел. Я тогда в Госдуме работал, в пресс-службе, и встречу ему там назначил. А в те времена бандиты в провинции спортивные костюмы носили и кроссовки. Коммерсанты им старательно подражали, мода такая была у крутых. Так вот он из Уральска притащился сюда в спортивном костюме с лампасами. Небесного цвета. И понять не мог, почему же его, такого красивого, не везде в Москве пускают.

— Дело же не в одежде, — возразил я. — Сейчас у него костюмов больше, чем у тебя, раз в сто.

— Конечно, не в одежде, — подтвердил Дергачев. — А в сущности. Она у нас одна, а у них — другая. Ведь кто мы такие? Потомственные российские интеллигенты. Нас этике учили, добро от зла отличать. Мы не ангелы, не отрицаю, в нас тоже полно всякой дряни. Не всегда оказываемся на высоте. Но мы, по крайней мере, точно знаем, что хорошо, а что плохо. У нас совесть есть, а у них — нет. Они же по сути своей — люмпена, перекасти поле, взвесь мутная. Чему они учились, что умеют? Воровать, убивать, обманывать. Они и раньше все подряд тащили, только таились, боялись всплывать. А когда в России началась вся эта кутерьма, то их сразу волной наверх вынесло, а мы, наоборот, камнем на дно пошли. Потому что наступило время грабежа, но они были готовы грабить, а мы — нет!

Он перевел дыхание и взглянул на меня, ожидая, что я стану спорить. Но я молчал, давая ему выплеснуться до конца.

— Я рад, что за них, наконец, взялись! — прибавил он с ожесточением. — Пусть бы их всех

пересажали!

— Как я понимаю, тебе их не жаль? А как же «милость к падшим»?

Он даже поперхнулся.

— Шутишь? Да нисколечко! Они мою страну ограбили, меня ограбили, все здесь испоганили, свои воровские законы установили. За это я должен их жалеть? Да я когда в газетах читаю, как они друг друга убивают, я ничего кроме здорового злорадства не испытываю. Этот Храповицкий огребал миллионы, но ему казалось мало. Он пожадничал, что-то с кем-то не поделил. Полез в драку и получил. Моего совета он не спрашивал, в долю меня не приглашал. Вообще, если хочешь знать мое мнение, нормальному человеку несвойственно жалеть тех, кто богаче. Это противоестественно. Жалуют бедных и помогают бедным, униженным и оскорбленным! В этом основа всей русской культуры. Не знаю уж, чем тебе Храповицкий так полюбился: широтой души или европейской образованностью. Но что касается меня, то я сумею стойко пережить его несчастья.

— Зачем же тогда ты с ними работаешь, если так их ненавидишь? — спросил я.

Это был неудобный вопрос, но он был к нему готов.

— За деньги! — отрубил он. — Ветеринар не обязан любить крокодилов, но все равно их лечит. Я, как и ты, зарабатываю умом и талантом. Живу тем, что продаю свои знания. Но не свои убеждения! Это огромная разница. Принципиальная. Любить их я не нанимался.

Не уверен, что в мире существовала уйма желающих приобрести его убеждения. Подобные сентенции мне много раз приходилось слышать в детстве от родителей, и они вызывали во мне ту же реакцию, что и застывшая манная каша, которой нас ежедневно пичкали в детском саду. Мои родители, как и полагалось людям их круга, были страстными диссидентами, не принимавшими советскую власть. Однако их свободомыслие, как и полагалось в их кругу, ограничивалось пространством нашей кухни. С помощью похожих трюизмов они примиряли свою больную совесть с получаемой от государства зарплатой.

Я достал из сумки сигареты и закурил.

— Был в восемнадцатом веке литератор по фамилии Тредиаковский, — неторопливо начал я, разгоняя рукой дым. — Реформатор русского стихосложения. Один из первых отечественных интеллигентов. Образованнейший по тем временам человек. За границей учился.

— Слышал, — снисходительно отозвался Дергачев. Он был уверен, что к сказанному им прибавить уже нечего. — Василий его звали. Я МГУ заканчивал.

— Так вот, он тупой императрице Анне Иоанновне и ее невежественному любовнику Бирону оды посвящал, — продолжал я, оставляя его реплику без внимания. — Длинные и возвышенные. И на четвереньках в зубах их подносил. Во время торжественных церемоний. А они его за это первым придворным поэтом числили и жалованье ему платили.

— Ты это к чему? — нахохлился Дергачев.

— К слову, — отозвался я. — Тоже, должно быть, своих убеждений не продавал.

Он сразу выпрямился.

— Ну, я-то перед Храповицким не ползал! — воскликнул он оскорбленно.

Я молча пошел из комнаты. Что толку было продолжать этот бесконечный спор? Конечно, он ползал. Они все ползали. Русская интеллигенция всегда ползала перед теми, кто ей платил.

И к кому она за это испытывала не благодарность, а ненависть и презрение.

— погоди! — крикнул он мне вслед. — Значит, ты себя интеллигентом не считаешь, что ли?

— Упаси Бог! — отозвался я.

— А кто же ты тогда?

А вот на этот вопрос у меня не было ответа. Хотя я очень хотел бы его знать.

5

Косумов лежал на шезлонге ничком, разбросав ноги и свесив вниз руки. Две девушки с двух сторон массировали его мускулистое волосатое тело, а неутомимая азиатка, сидя у его изголовья, поила его пивом и кормила с ложки икрой. Косумов поднимал голову, проглатывал очередную порцию и урчал.

— Можно тебя на минуту? — спросил я его.

Недовольная тем, что я их прерываю, азиатка посмотрела на меня, сузив глаза, и зашипела, как рассерженная кошка.

— Ну никакой личной жизни! — пожаловался Косумов девушкам. — Раз в жизни попадешь в хорошую компанию, и то отдохнуть не дадут.

Он поднялся, потянулся, накинул халат и лениво проследовал в одну из комнат с диванами. Я окликнул Артурчика, который меланхолично плавал в бассейне; он вылез и пошел с нами. Косумов сел в кресло, откупорил бутылку пива, отпил из горлышка и отер пену с жестких черных усов.

— Ну, — поторопил я. — Узнал что-нибудь?

Не отвечая, он вопросительно посмотрел на Артурчика.

— Это мой друг, — заверил я. — Он в курсе ситуации, при нем можно не таиться.

Косумов еще немного подождал, мне показалось, нарочно, чтобы подогреть меня.

— Дело я посмотрел, — наконец медленно заговорил он. — Нарушений там очень много, разломать его реально. В принципе, любое дело можно разломать, — усмехнулся он. — Было бы желание. Уральская областная прокуратура, как я понял, выступала поначалу на вашей стороне, чувствуется, прикормили вы ее. Но потом они получили другую команду и отвалили.

— А кто им дал команду не вмешиваться? — спросил я.

— Асташов. Заместитель генерального по следствию. Он такие вопросы курирует.

— А зачем ему было вмешиваться?

— Потому что ему намекнули, что так нужно, — ответил Косумов и опять отпил пива.

— Кто? — коротко спросил я, преодолевая раздражение от того, что приходилось вытягивать из него каждое слово.

Он поднял глаза вверх, к потолку, показывая, откуда исходило пожелание, хотя вдаваться в подробности не стал.

— С Асташовым я сегодня переговорил, — не спеша, со значением продолжал Косумов. — Без него тут никак нельзя, тем более что генеральный уже две недели болеет и Асташов исполняет его обязанности. Деньги ему сейчас позарез нужны, он ведь тоже попал с этой «Золотой нивой», — внезапно Косумов переменялся в лице и стукнул кулаком по подлокотнику: — Нет, я все же поймаю этого Боню! Он мне все до копейки вернет, клянусь!..

— Не отвлекайся, — поспешно попросил я. — Мы потом его вместе поймаем, клянусь.

Косумов сделал над собой усилие и кивнул, принимая мое предложение.

— Короче, мы готовы взяться, — закончил он, и я почувствовал, как гора свалилась с моих плеч. — Просим мы немного, — он поднял три пальца, что вероятно означало три миллиона долларов.

— На двоих! — подчеркнул он, чтобы я вернее проникся его бескорыстием.

Я стиснул ему руку, показывая, что благодарен за такое отношение к себе и своим проблемам. В ответ он крепко хлопнул меня по плечу как старого товарища.

— Но есть одна опасность! — нахмурившись, предостерег он и замолчал.

— Какая? — осведомился я, снова внутренне напрягаясь.

— В это дело может встрять президентская администрация!

— Она уже встряла, разве нет? — пожал плечами Артурчик, впервые внося свою лепту в разговор.

— Нет, — недовольно возразил Косумов. Замечание Артурчика он счел дилетантским. — Она пока всего лишь позволила налоговикам арестовать Храповицкого. Это разные вещи. Я имею в виду, что она еще не давила на силовые структуры. Налоговики вылезли с инициативой, им сказали, ладно, посмотрим, что получится. А вот теперь я хотел бы знать: когда мы вмешаемся в эту историю, администрация промолчит или нас одернут? Если промолчит — все в порядке.

— А если одернут? — я больше склонялся к пессимистическому прогнозу.

— Тогда плохо, — ответил Косумов и мрачно подвигал бровями.

— Что значит «плохо»? — допытывался я.

— Мы с ними только закончили воевать из-за этих заграничных счетов семьи. Скандал-то какой был! Во всех газетах писали! Генеральный хотел открывать уголовное дело против Березовского, а его за это чуть не сняли. Лично к деду вызывали, тот на нашего ногами топал. Наш, между прочим, не герой, ты не думай. Говорят, он не выдержал, написал заявление по собственному желанию, правда, без даты. Потом вмешались другие люди, его решили оставить, но он дал слово президенту и Калошину, что до окончания выборов мы сидим в кустах и не вякаем. Полная лояльность и никакого шума. Он даже слег от всего этого: с сердцем стало плохо.

— Значит, если на вас топнут, то вы отходите в сторону? — уточнил я.

Косумов взглянул мне в глаза.

— На рожон мы не полезем, — прямо подтвердил он.

— Теоретически в случае конфликта с президентской администрацией у вас есть прикрытие,

— негромко заметил Артурчик.

Мы оба посмотрели на него.

— Какое? — осведомился Косумов чуть свысока.

— Коржаков, — напомнил Артурчик. — Неформально силовики подчиняются ему. Президент ему доверяет, и у него сейчас больше авторитета, чем у Березовского и Калошина.

Пару секунд Косумов размышлял над его словами.

— Это если Коржаков захочет нас прикрывать в таком деле! — возразил он, и по его голосу было ясно, что такую возможность он считает маловероятной.

— Я говорю гипотетически, — мягко согласился Артурчик.

— Мне нужно время, чтобы собрать деньги, — прервал я их дискуссию.

— Собирай, — разрешил Косумов. — Только недолго. А то генеральный с больничного выйдет, тогда его придется просить, а он вряд ли возьмется.

6

Глубокой ночью, когда стало понятно, что Дергачев и Косумов сгнули в бездне разврата как минимум до утра, мы с Артурчиком стали собираться домой.

— Ребята, возьмите меня, — начала канючить азиатка, видя, что мы одеваемся. Несмотря на все ее старания, ей так и не нашлось места ни в одном из групповых раскладов. — Мне в город позарез надо!

Я отрицательно помотал головой. По дороге назад я собирался кое-что обсудить с Артурчиком, и мне совершенно не хотелось делать это в присутствии случайной девицы.

— Как ты можешь девушке отказывать! — начал с пафосом выговаривать мне Артурчик. — Это неблагородно. Может быть, у нее дома куча детей голодных? Ждут ее с работы, хлеба просят, плачут...

— Нет у меня никаких детей! — сердито оборвала его азиатка. — Я у бабки комнату снимаю. Сука конченная. Деньги за месяц вперед требует, а поздно домой придешь — крику не оберешься.

— Вот видишь, — продолжал Артурчик, ничуть не обижаясь на нее. — Бабка — сука, дети голодные, а ты отказываешь! Представь, ты бы сам жил с бабкой.

— Отвяжись, — попросил я. — Я уже на все согласен. Ладно, поехали.

Мы посадили азиатку на переднее сиденье, а сами сели сзади.

— Ну, какое у тебя мнение о Косумове? — негромко спросил я у Артурчика.

— Он кто по национальности? — поинтересовался он вместо ответа.

— Не знаю. Чеченец, наверное. Думаешь, обманет?

— Может, — кивнул Артурчик. — А может и не обмануть. Скорее всего, он сам еще не знает. Так или иначе, но у тебя нет выбора. Тем более что цены он тебе называет очень умеренные, с учетом всех обстоятельств.

У меня зазвонил телефон.

— Ого! — удивился Артурчик, посмотрев на часы. — Кто же это о тебе в такое время вспомнил. Наверное, девушка?

Но это была не девушка.

— Скажи, кто главнее: архиерей или архимандрит? — с трудом выговорил в трубку пьяный Виктор.

Вопрос меня огорошил.

— Архидьякон, — пробормотал я машинально. — Зачем тебе?

— Надо, — важно ответил Виктор. — Я здесь всю ночь пил, а под утро надумал в батюшки пойти. Хорошая мысль, да? Буду тебе морали читать и епитимью на тебя накладывать. Ты хоть знаешь, что такое епитимья? Чуть провинился — иди поклоны бей, пока шишка на лбу не вскочит. И никаких баб! Что, допрыгался? Ты, кстати, куда пропал? Почему у меня не отпросился? Вот давай-ка за это об пол долбанись. Разиков этак четыреста. Прямо сию секунду, вот где ты сейчас находишься, там и стучи! А то не будет тебе никакой благодати! Черти тебя зажарят и сожрут! — чувствовалось, что он воодушевлен своей выдумкой. — Нет, точно пойду в попы, как пить дать! Владыка у меня — друг, мы с ним на Пасху так назююкались, что под руки нас выводили. Он мне грамоту пожаловал за нашу благотворительность, а я ему на Храм Всех Святых бабок обещал подкинуть. Короче, владыка меня точно поддержит. Молитвы я выучу. А чего там? «Аллилуйя» да «Христос Воскресе!» Да я их и так знаю. Короче, осталось решить, кем мне заделаться: архиереем или архимандритом.

— Остановите на секунду, — попросил я водителя. Он прижался к обочине, и я выскочил на улицу, чтобы не разговаривать при посторонних.

— Мне деньги нужны, — сказал я, понижая голос и прикрывая рукой трубку. — Я нашел в Москве людей, которые могут нам помочь.

— Я так и знал, что ты в Москву свинтил, — хмыкнул Виктор. — Чужая моя душа: жди от тебя беды. И чего тебе дома не сидится? Мне, между прочим, тоже деньги нужны. Тебе сколько?

— Три миллиона.

— Ну, это чепуха. Счастливый ты человек. Мне минимум — пол-арбуза.

— Я собираюсь прилететь завтра. А послезавтра уже опять улечу в Москву. Ты успеешь найти такую сумму?

— Три лимона, что ли? Да запросто! У меня в саду, под кусточком, больше прикопано.

— То есть завтра я могу приехать к тебе за деньгами? — недоверчиво переспросил я. Его издевательский тон мне не нравился.

— Хоть сегодня приезжай! — отозвался Виктор. — Чего тянуть? Только денег я тебе не дам.

— Не дашь? — повторил я.

— Даже не мечтай, — он засмеялся. — Если я всем буду раздавать по три лимона, сроду пол-арбуза не накоплю. А мне очень надо.

— Послушай, — проговорил я. — Я не шучу.

— А коли не шутишь, то ты меня послушай! — перебил он, вдруг раздражаясь. — Ты там, в столице бабки всем подряд обещаешь и думаешь, я здесь только пью да дурака валяю? Я тут работаю, понял? Круглосуточно! Сижусь с людьми, глушу водку и разговариваю. Они мне свою правду объясняют, а я им свою. И у меня мало-помалу кое-что начинает склеиваться. Медленно так, по чуть-чуть. Шажочек за шажочком. И тут ты — бах! Трах! Я в Москве договорился! Дай денег, я все тебе обломаю!

— Да я не собираюсь ничего ломать.

— А все само собой сломается, когда москвичи сюда полезут. Мы ведь тут друг друга сто лет знаем. Насквозь видим. Понятно, чего ожидать, как подъехать, о чем попросить. А им — лишь бы бабло срубить по быстрому. Кто мы для них? Лохи тупорылые. И капусту возьмут, и дела не сделают и еще напортят так, что не разгребешься.

— Значит, не дашь?

— Ни в жизнь!

— Что ж, придется брать у Ларисы Храповицкой! — эту фразу я произнес многозначительно и очень внятно, чтобы он ее услышал. Он ее услышал и сразу насторожился.

— Не получится, — сообщил он. — Лариса сегодня в Лондон улетела.

— Я знаю, — небрежно ответил я. — Это был наш с ней план. Я предчувствовал, что ты откажешь. Поэтому заранее с ней договорился, что она вышлет мне из Лондона.

— Ты сказал ей, что отказываю тебе в деньгах?! — переспросил потрясенный Виктор чуть ли не по слогам.

— Я не говорил ей, что ты мне вообще отказываешь в деньгах, — с готовностью объяснил я.
— Я всего лишь сказал, что ты, скорее всего, не дашь денег на освобождение Володи!

Последовала длинная матерная тирада. Я терпеливо ждал.

— Чего ты добиваешься? — прорычал, наконец, Виктор.

— Я уже говорил тебе: денег. Три миллиона.

— Не дам!

— И не надо.

Он застонал сквозь зубы.

— Черт! Зачем я тебя сюда притащил?!

— А вправду, зачем? — полюбопытствовал я, но он уже бросил трубку.

7

Артурчик настоял на том, чтобы сначала доставили в «Метрополь» меня, а уж потом развезли по домам его и азиатку. Я не стал спорить, поскольку мне вдруг пришло в голову, что он в последнюю минуту, возможно, решил все-таки воспользоваться услугами девушки, но так, чтобы я не знал. Несколько раз я бросал на него испытующие взгляды, пытаюсь понять, прав ли я, но он лишь безмятежно зевал.

Когда мы подъехали к отелю, азиатка обернулась на сиденье и встала на колени.

— Возьми меня с собой, а? — заныла она. — Возьми, пожалуйста. Мне нельзя сейчас возвращаться, меня бабка выгонит! Ну, что мне, в метро ночевать, что ли? Я не буду приставать, честное слово! Даже пальцем не дотронусь. Какая тебе разница, с кем спать?

Я растерялся от неожиданности, зато Артурчик разом воспрял.

— Ты просто обязан взять девушку к себе! — ликуя, завелся он. — Неужели ты бросишь ее на улице без крова и еды? Это бесчеловечно! А если ее похитят нелегальные эмигранты и сделают сексуальной рабыней? Страшно подумать! Ты никогда себе этого не простишь.

— Вот ты ее и бери! — огрызнулся я.

— Я бы с радостью, но не могу, — вздохнул он. — У меня мама строгая. Запрещает девушек домой водить. Даже армянок. А так я бы обязательно ее пригласил. Очень красивая девушка. Я бы даже к ней поехал, с детьми бы познакомился, глядишь, женился бы, но там, видишь, бабка — сука. Не повезло мне. Хоть за тебя порадуюсь.

— Возьми, пожалуйста, ну что тебе жалко, что ли? — с новой силой затянула азиатка.

Было пять часов утра, я плохо соображал, у меня не хватало сил терпеть насмешки Артурчика и однообразный скулеж девушки. В общем я сдался.

— Ладно, — махнул я рукой. — Пойдем. Только не приставать!

Она захлопала в ладоши от радости.

— Не слушай его, — на прощанье наставлял Артурчик азиатку, шепотом, но так, чтобы я слышал. — Он притворяется. Как только в комнату войдете, сразу — ему подсечку и вали на кровать. И тут же набрасывайся! Только обязательно рычи! Ему нравится в женщинах грубая сила.

Азиатка перебегала раскосыми глазами с него на меня, видимо, колебалась: верить или нет.

В холле «Метрополя» меня ожидал сюрприз. Здесь мотался пьяненький Николаша Лисецкий. На его добродушном, еще детском лице была написана крайняя степень огорчения. Ничуть не удивившись нашей встрече, он бросился ко мне как к заступнику.

— Что за ерунда! — с ходу начал жаловаться он. — Случайно встретил на улице одноклассниц, пригласил к себе шампанского выпить, а служба безопасности не пускает! В мой собственный номер! Говорят, либо сто долларов плати за каждую, либо их регистрируй! Это же свинство чистой воды! Как я их зарегистрирую, если у них паспортов нет? А по сто долларов за вход отдавать — вообще с ума сойти! Я с ними по сотне за ночь сторговался.

Николаша был от рождения убежден, что мир создан для его, Николашиной, радости. Поэтому любая мелкая неприятность выбивала его из колеи. Три вызывающе одетых одноклассницы чавкали жевательной резинкой и курили поодаль за столом, ожидая результата Николаши-ных переговоров. Двое парней в черных костюмах из службы безопасности стояли у нас на пути, сложив за спиной руки. Николаша смотрел на них с такой обидой, словно он был ребенком, а они хулиганами, отнимавшими у него игрушку.

В «Метрополе», как и во всех остальных отелях Москвы, работать разрешалось только местным проституткам, отчислявшим львиную долю своих заработков администрации. Метропольские жрицы любви отличались на редкость отталкивающей внешностью, зато требовали по восемьсот долларов за ночь, ссылаясь на знание иностранных языков и наличие дипломов о высшем образовании. Хотя для русских клиентов, составлявших большинство гостей отеля, и то, и другое являлось, скорее, недостатком, чем достоинством.

Я останавливался в «Метрополе» каждый раз, приезжая в Москву. Мне, конечно, случалось поздно ночью приводить к себе и одноклассниц, и родственниц, и коллег по работе. Но в отличие от Николаши я не жадничал, поэтому со службой безопасности у меня были отличные отношения. Я подошел к парням в костюмах и пожал им руки, вложив каждому по пятьдесят долларов.

— Ребята, сделайте, пожалуйста, человеку оптовую скидку, — попросил я. — Все-таки он гуртом водит, не мелочится. Как только вы с таким парнем связываться не боитесь? Представляете, сколько в нем силищи?

Они оглядели кругленького, домашнего Николашу и заулыбались.

— Ладно, — решили они. — По полтиннику с носа — подойдет?

Николаша, скорбно сопя, отсчитал деньги.

— Разоришься в этой Москве, — бормотал он. — Совсем люди совесть потеряли!

— Ты здесь по делу или так, развлекаешься? — спросил я, когда мы шли к лифтам.

— По делу, — ответил Николаша, пропуская одноклассниц вперед. — Папа прислал. У них там с Либерманом какой-то вопрос возник, вот он и попросил меня документы завезти.

— Самому-то зачем? — удивился я. — Можно было с курьером отправить.

— Выходит, я у них вместо курьера, — обезоруживающе улыбнулся Николаша. — Только мне кажется, что документы — это предлог. Просто Либерман со мной познакомиться хотел.

— А зачем ему с тобой знакомиться? — спросил я.

На пухлом лице Николаши отразилась озабоченность.

— Не знаю, — признался он. — Может быть, предложить что-то собирается?

Подошли лифты, и мы, попрощавшись, разъехались.

Как я ни старался, я не мог вообразить, что именно Либерман собрался предложить Николаше, и от этого вся история со знакомством мне не нравилась еще больше. Замыслы Либермана, которые я не мог разгадать, меня пугали. Уже открывая дверь к себе, я спохватился, что добряк Николаша ни словом не обмолвился о Храповицком, даже не поинтересовался, есть ли новости.

— Нормально ты устроился, — одобрительно заметила азиатка, входя в мой номер. — А там что?

— Здесь три комнаты, — сказал я, прерывая экскурсию. — Ты можешь лечь в любой. Я дам тебе одеяло и подушку.

— А с тобой я могу лечь? — спросила она строптиво.

— Нет, — отрезал я. — Исключено.

— Это почему?

— Сколько ты берешь за ночь?

— Вообще-то двести долларов в час, — ответила она, сморгнув. Было видно, что врет. — Но если на всю ночь, то можно и за пятьсот.

Я достал из кармана десять стодолларовых купюр и положил на стол.

— Здесь тысяча, — сказал я. — Отстань. Сейчас пять часов утра. Я умираю, хочу спать. Я не желаю слушать твоё нытье. Все ясно? Спасибо, до свидания.

Я тронулся в спальню, но она преградила мне дорогу.

— Ты за кого меня принимаешь? — обиженно воскликнула она. — Я профессионалка! Я просто так денег не беру! Я попросилась переночевать — ты пустил, спасибо. Не хочешь трахаться — твоё дело. На здоровье! Но бабки мне совать, чтоб я отвязалась, не нужно. Я, между прочим, человек, а не собака!

— Стоп! — сказал я, поднимая руки. — Не будем заводиться. Делай, что хочешь, только оставь меня в покое. Я прошу прощения за грубость. Я всё понял: мне исключительно повезло. Наконец-то в этой огромной Москве, после долгих поисков и мучений я всё-таки встретил под утро одного-единственного, глубоко порядочного человека. Но и он оказался проституткой.

— Профессионалкой! — крикнула она.

— Профессионалкой! — крикнул я.

В стену нашего номера забарабанили, требуя прекратить шум.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

С Виктором мы условились встретиться в одиннадцать вечера «на десятке», как он называл свою холостяцкую квартиру, имея в виду её расположение на десятом этаже. Туда я и направился из аэропорта в сопровождении машин своей охраны и наружного наблюдения. Без этой привычной вереницы транспорта я чувствовал себя в Москве не то чтобы одиноким, но как-то недооценённым.

У Виктора были гости: Плохиш и Немтышкин. Все трое располагались в гостиной за низким круглым столом, заставленным водкой, пивом, колбасой, а также селедкой вперемежку с бананами и солёными огурцами. Выпивали они, похоже, уже давно, во всяком случае, Немтышкин еле ворочал языком и норовил прикорнуть, положив голову на плечо Плохишу. Плохиш его голову отпихивал.

Я поздоровался и опустился в кресло, напротив Виктора, подальше от стола, от которого шел чудовищный запах спирта и разнородных продуктов.

— Брезгуешь нашей компанией? — усмехнулся Плохиш.

— Слышь, Плохиш, а самолеты часто бьются? — спросил Виктор, не дав мне ответить.

— Часто, — промычал вместо Плохиша Немтышкин. — Взлетел, упал и — нету! Халатность при исполнении. Два года, максимум.

— Ты куда лететь-то собрался, на ночь глядя? — в свою очередь поинтересовался у Виктора Плохиш. — Водки ещё — море.

— Никуда, — хмуро ответил Виктор. — Я просто удивляюсь, почему самолеты, на которых Решетов летает, никогда не падают.

— Дай сто тыщ баксов — упадут! — не задумываясь, пообещал Плохиш. — А дашь двести — он до самолета не доедет.

От тонкого юмора своих товарищей я тоже успел отвыкнуть.

— Ребята, объясните мне, пожалуйста, — попросил я. — Как это у вас получается сначала разругаться насмерть, наговорить друг другу таких оскорбительных вещей, после которых не то что дружить, а жить не хочется, а потом сидеть и выпивать, как ни в чем не бывало?

— Херня, — махнул рукой Виктор. — Брань на венту не виснет. Это только ты чуть что в бутылку лезешь.

— От другого все зависит, — поддержал его Плохиш. — Выгодно — значит, работаем вместе. Невыгодно — разбежались. А кто кого любит, никакого значения не имеет. Что в рот, что по лбу, — прибавил он и опрокинул рюмку.

— Стой! — крикнул Виктор. — Ты куда погнал без меня?

— В суде тоже много чего друг другу говорят, — подал голос Немтышкин. — А как судья решит, так будет.

— Я думал, что ты за границей осядешь, — заметил я Плохишу.

— Я и сам так думал, — кивнул головой Плохиш. — Уже в Москве был. Но тут мне губер позвонил, я и вернулся. Он правильно рассуждает: на нарах Храповицкий или нет, а дела-то все равно надо делать, бабки зарабатывать. У нас аграрный проект стоит.

Виктор выпил. Немтышкин неуклюже подвигал в воздухе рюмкой из стороны в сторону и поставил ее на место. Возможно, побоялся не попасть в рот.

— Ну что, разведал что-нибудь в Москве? — осведомился Виктор, морщась и нюхая огурец.

Я кратко пересказал свою беседу с Либерманом. Вопреки моим ожиданиям особого впечатления она на них не произвела.

— Сколько он за бизнес предлагает? — уточнил Виктор.

— Пятнадцать миллионов, — терпеливо повторил я. — Во всяком случае, он назвал такую цифру.

— За пятнадцать миллионов я бы сам ваш бизнес купил, — хмыкнул Плохиш. — Продай, Витек.

— И я, — спохватился Немтышкин. — Только у меня денег нету.

— Чем за такие гроши отдавать, пусть уж лучше Храповицкий сидит! — решил Виктор.

— Пусть сидит, — грустно согласился Немтышкин. — За такие гроши. Куда ему деваться?

— Либерман хочет получить бизнес, а не посадить Храповицкого, — холодно напомнил я. — Значит, нас будут глушить, пока мы не согласимся.

— Вот хрен он угадал! — проворчал Виктор. — Мы здесь с Лихачевым все утрясем.

— А кто ведет переговоры с Лихачевым? — поинтересовался я.

— Плохиш, — ответил Виктор, как будто по-другому и быть не могло. — Кто же еще?

— Я веду, — подтвердил Плохиш, немного смущаясь. — А ты что, против? Пономарь-то свалил за бугор, после того как вы с ним Бабая на глушняк поставили. Ты, кстати, гляди, тебя по этому делу закрывать собираются, мне менты информацию слили. А если не они, то Лихачев тебя примет. Уж больно он на тебя злой, слышать о тебе спокойно не может. Лучше завтра же утром дуй в аэропорт и назад в Москву. Там хоть затеряешься.

Это был любимый прием Плохиша: пугать людей ментами или бандитами. Но на сей раз он, возможно, говорил правду.

— У тебя с Лихачевым такие доверительные отношения? — осведомился я.

— У меня с ним нет никаких отношений, — возразил Плохиш. — Я сына его знаю, который у Пономаря работает. С ним у меня нормальные отношения. Я через него папаше закинул тему: дескать, люди готовы улаживать вопрос на твоих условиях. Деньги есть. Просят встречи.

— Ну и как? Согласился?

— Еще не согласился, — ответил Плохиш. — Больно быстро. Но движняк уже пошел.

— Какой движняк?

— Завтра Немтышкина к Храповицкому пускают, — многозначительно сообщил Плохиш.

— Пускают, — подтвердил Немтышкин и размашисто закивал головой. — Прямо туда. К нему.

— А сегодня он у этого татарина был, который ваше дело ведет, — продолжал рассказывать о своих успехах Плохиш. — У майора.

— Был, — снова подтвердил Немтышкин.

Теперь уже не только Плохиш, но и Виктор смотрел на меня так, словно они добились прорыва.

— Ну и что майор? — задал я ожидаемый ими вопрос.

— Они готовы переквалифицировать статью! — объявил Немтышкин с торжеством.

— Да ну?! — удивился я.

— Ага! — Немтышкин попытался мне хитро подмигнуть, но у него не получилось, и он несколько раз крепко зажмурил оба глаза. — Со сто пятьдесят девятой часть три на двести восемьдесят пятую!

— Понял, нет? — спросил Плохиш.

— Нет, не понял.

— С мошенничества в особо крупных размерах — на злоупотребление служебным положением, — пояснил Немтышкин, растягивая слова и запинаясь.

— Все равно не понял, — упорствовал я.

— Вот тупой! — буркнул Виктор.

— Придуряется, — заметил Плохиш. — Хочет показать, что ни хрена мы тут не сделали. Один он умный.

— Сто пятьдесят девятая — это более тяжкая, — объяснял Немтышкин. — А двести восемьдесят пятая — средней тяжести. Небо и земля.

— Какую разницу это дает в годах?

— По сто пятьдесят девятой ему грозит десять лет, а по двести восемьдесят пятой — пять от силы! — радостно ответил Немтышкин. — В два раза. Мы его на зоне библиотекарем устроим. Пару лет отсидит и выйдет по условно-досрочному! Плохо ли?

— Хорошо, — согласился я. — Всем бы так.

Виктор скривился, недовольный моей реакцией.

— Тут главное смысл, а не подробности, — поспешил объяснить Плохиш. — Важно, что они вообще на что-то соглашались начали. Дальше — больше будет.

— Поздравляю, — сказал я.

— Пошел ты! — окрысился Плохиш. — Можно подумать, от тебя много проку!

Я поднялся и вопросительно посмотрел на Виктора, давая понять, что хочу пообщаться с ним с глазу на глаз. Он тоже встал и провел меня на кухню. Плотно закрыв дверь, я шепотом передал ему смысл своих договоренностей с Косумовым. Виктор слушал очень внимательно. Сейчас было видно, что он гораздо трезвее, чем представлялся.

— Заместитель генерального прокурора, конечно, серьезный человек, — задумчиво признал он. — Поглавнее Плохиша. Блин! Не так денег жалко, как страшно, что напортят!

— У нас нет выбора, — повторил я слова Артур-чика.

— Выбор всегда есть, главное — не ошибиться, — загадочно произнес Виктор, но я не понял, что он имел в виду.

Он наклонился, открыл дверь нижнего шкафа, достал оттуда неказистую спортивную сумку и протянул мне.

— Три? — спросил я одними губами.

— Один, — ответил он так же. — Хочу сначала посмотреть, как пойдет. Добавить всегда успеем. Если что — отскочим.

Сев в машину, я сразу набрал Косумова.

— Книги я нашел, — доложил я. — Но только первый том. Готов вылететь завтра. Если процесс будет развиваться в нужном русле, привезу остальные.

Косимов подумал.

— Вылетай, — коротко согласился он. — Жду.

2

Наружка совсем обнаглела: всю дорогу от Виктора до моего дома они шли за нами, не скрываясь, а когда мы затормозили у моих ворот, и вовсе встали вплотную к нашим машинам.

— Смотри, как распоясались! — недовольно проворчал я. — Дразнят, что ли?

— Они нас блокируют, — тихо сказал Гоша, и лицо у него было сосредоточенным и очень напряженным.

— Глупо, — заметил я. — Мы же не собираемся бежать. Чего нас ловить?

Ворота нам открывал долговязый белобрысый охранник, которого я однажды ночью обнаружил спящим и которого, как я запомнил, тоже звали Андреем. Выглядел он сегодня странно: не то испуганно, не то виновато. Вообще-то охранники коттеджа всегда встречали меня из командировок с таким видом, будто только что выскочили из моей постели, где вовсю развлекались с моими домработницами. Кстати, после загула с Дергачевым подобная мысль уже не казалась мне столь забавной. Вполне возможно, что именно так они и поступали.

Мы въехали во двор, оставив назойливых полицейских снаружи, за воротами. Я взял сумку с деньгами, подождал, пока белобрысый Андрей отворит мне тяжелую металлическую дверь в дом, шагнул в прихожую и остолбенел.

Вся прихожая была забита людьми. Здесь было человек десять, из которых я знал лишь одного — майора Тухватуллина. Он ими и предводительствовал.

— Здравсьте! — радостно приветствовал он меня. — А мы тут у вас следственные действия проводим! Не возражаете? Тогда вот постановление, распишитесь. Как раз со вторым этажом закончили. Остался первый этаж и подвал.

Это был обыск. Они добрались и до меня. Я все еще стоял, не двигаясь, не в силах произнести ни слова. Потом обернулся на белобрысого охранника. Он был бледен, губы его тряслись.

— Козел! — прошипел ему Гоша. — Предупредить не мог?!

— Не надо ругаться! — заступился за охранника майор. Он не скрывал своего счастья от того, что сумел подловить меня врасплох. — А то за нецензурные выражения мы можем и к ответственности привлечь.

Про себя я решил, что вышвырну белобрысого труса сразу же, как только полицейские уберутся из моего дома. Переложив сумку в левую руку, я, не глядя, подписал постановление, которое совал мне Тухватуллин.

— Пойдемте, — поторопил майор. — Поясните нам кое-что.

Следом за ним я прошел в гостиную. На журнальном столе и диване были кучами свалены папки с документами, различные бумаги, фотографии, кассеты, компьютерные дискеты. Все это они, видимо, вытащили из моего кабинета. На полу еще стоял большой картонный ящик, скорее всего, посторонний.

Я задохнулся от ярости при виде этого разгрома. Почему-то особенно меня взбесил пустяк или нет, совсем не пустяк: они вынули из рамки и притащили сюда фотографию моего сына. На ней ему было четыре года, он весело поливал себя водой из синего пластикового тазика и смотрел в объектив смеющимися синими глазами. Я почувствовал себя так, словно не смог защитить своего мальчугана от Тухватуллина.

— Где понятия? — спросил я хрипло.

— Да вот они, — кивнул майор на невзрачную парочку, застенчиво жавшуюся за спинами полицейских.

Тухватуллин не стал приглашать кого-то из моих соседей, он предпочел привезти своих понятых. Значит, он готовил какую-то гадость. Про сумку с деньгами он знать не мог, но про

мое возвращение сегодня ему было известно заранее. Он подгадал так, чтобы начать обыск без меня, а закончить уже в моем присутствии. Зачем? Успел ли он уже что-то подбросить? Так или иначе, но ловушка была расставлена где-то здесь, в доме.

— Я хотел бы убедиться, что наверху ничего не пропало из ценных вещей, — твердо сказал я.

— Ваше право, — с усмешкой пожал плечами Тухватуллин.

Значит, не наверху. Мы всей толпой поднялись по лестнице на второй этаж. Я по-прежнему не выпускал сумку из рук, лихорадочно размышляя, куда бы ее засунуть. Спальня выглядела нетронутой, будто полицейские сюда не заходили вовсе. Я на всякий случай обошел ее кругом в надежде неприметно сбросить сумку под кровать. Но майор не спускал с меня глаз. Я не решился даже отдать ее Гоше, чтобы не привлекать к ней лишнего внимания.

В гардеробной тоже не наблюдалось никаких следов обыска. Значит, они искали что-то конкретное, причем представляли, где. Я дорого бы дал, лишь бы понять, что именно их интересовало? Нужно было исхитриться и помешать им. Но как? Вызывать сейчас сюда пьяного Нем-тышкина — бесполезно. Матросова я сам же отправил к его чертовой бабушке. Иных адвокатов вот так с ходу я не мог вспомнить, а нашим юристам, работавшим в холдинге, не доверял.

Однако предпринимать что-то было необходимо, причем срочно. Нельзя было позволять им хозяйничать. Я кожей чувствовал надвигавшуюся опасность, но, боясь совершить ошибку, тянул время. Может быть, в этом и заключалась главная ошибка?

— Нет претензий? — нетерпеливо осведомился Тухватуллин. Он явно спешил.

Сбивая его с темпа, я еще больше замедлился.

— Не могу досчитаться нескольких галстуков, — сообщил я озабоченно. — И вот еще пятно на пальто появилось, а раньше его не было.

— В протоколе это отразите, — парировал он.

— Про кондиционеры его спросите, товарищ майор, — напомнила мужеподобная сотрудница с короткой стрижкой, в брюках.

— Потом, потом, — отмахнулся Тухватуллин. — Некогда.

— Когда потом-то? — не унималась она. — Потом поздно будет.

— Какие кондиционеры? — вмешался я в пику майору. — Надеюсь, вы их не сломали?

— У вас на кондиционерах должны быть номера, — недовольно принялась объяснять мне сотрудница. — Если они, конечно, настоящие, а не поддельные. На всех электроприборах номер есть. На телевизорах мы нашли, на видеоплеерах, на принтере, само собой. А на кондиционерах — нет! И паспорта к ним отсутствуют.

— Вы полагаете, что я изготовил эти кондиционеры по левой? — спросил я. — Самостоятельно?

— Да отвяжись ты с этими кондиционерами! — с досадой воскликнул Тухватуллин. Но мужеподобная сотрудница не унялась.

— Мы в опись обязаны занести номера! — твердила она. — На случай конфискации. А лучше вообще забрать паспорта, чтоб он их не продал. А то придем после, а их — нету! Будем локти

кусать.

— Номера с другой стороны, — подал голос Гоша.

— С какой «другой»? — ядовито возразила дама. — Я везде смотрела!

— С улицы, — Гоша разговаривал с ней тихо и подчеркнуто вежливо, как с идиоткой, отчего она еще больше злилась. — Номера обычно ставят на блоках, а блоки крепятся снаружи.

Она подбежала к окну и, отдернув штору, попыталась что-то рассмотреть.

— Отсюда ничего не видно! — возмутилась она. — Надо на второй этаж лезть по лестнице. У вас есть лестница?

— Да угомонись ты! — в голос заорал Тухватуллин. — Сколько раз повторять!

Она негодуяще взглянула на него и обиженно поджала губы. Он был здесь начальником, и она не имела права с ним спорить, но свою позицию считала правильной.

Мы прошли в кабинет. Моей библиотеки полицейские не касались, во всяком случае забитые книгами высокие полки выглядели как обычно, даже безделушки, подаренные мне знакомыми, не были переставлены. Зато от компьютера остался только монитор. И в моем письменном столе они порылись основательно. Некоторые ящики совсем опустели.

— Процессор мы вниз отнесли, — объявил мне Тухватуллин. — Он там, в ящике. Мы его забираем. И еще кое-какие вещи. Пойдемте, ознакомитесь.

Мы опять спустились в гостиную и подошли к дивану, заваленному различными предметами.

— Здесь документы на дом, они подлежат изъятию, — официальным тоном проговорил Тухватуллин. — А также эти дискеты. На них содержатся материалы, представляющие интерес для следствия.

Я понятия не имел, что именно содержится на дискетах. Они пылились у меня уже несколько лет. Возможно, там были газетные статьи, которые мне в свое время присылали для одобрения редакторы, прежде чем запустить их в печать. Зачем майор их конфисковывал, я не понимал, но сейчас мне было наплевать на дискеты. Все мои мысли были заняты только проклятой сумкой. В ней был миллион долларов, и объяснить происхождение денег я не мог. Она жгла мне руку.

— А это что такое? — спросил майор, показывая мне измятый клочок бумаги.

Я взглянул, и меня будто полоснули бритвой по сердцу. Это была последняя, предсмертная записка Ирины Хасановой. Я хранил ее в верхнем ящике стола.

— Это личное! — резко ответил я, пытаюсь выхватить записку. — К делу не относится.

Майор тут же отдернул руку с трофеем и спрятал за спину.

— А это уж я решаю, что к делу относится, а что нет, — с удовлетворением проговорил он. — А это кто?

Я взглянул на фотографию. На ней была моя бывшая жена, совершенно обнаженная. Я не помнил, когда я фотографировал ее в таком виде, должно быть, годы назад.

— У вас нездоровый интерес к моей личной жизни, — еле сдерживаясь, отчеканил я ему в лицо. — Вам к врачу надо.

Он вспыхнул и покраснел.

— А ты папаше своему позвони и пожалуйста! — мстительно прошипел он. Он не забыл мне тот эпизод, когда я одурачил его, выдавая себя за сына губернатора.

— Нечего нас стыдить! — выпалила из-за его плеча мужеподобная сотрудница. — Это вам должно быть стыдно! Мы у государства не ворует!

— Значит, не дают, — хмыкнул рядом Гоша.

— Молчать! — рявкнул на него майор. — А то с нами поедешь.

Он не церемонился с моим охранником, да и со мной не церемонился. Это был плохой признак. Хуже некуда.

— Пойдемте подвал осмотрим! — бросил Тухватуллин все еще раздраженно.

Теперь вся толпа направилась в подвал. Там помимо множества всяких сезонных вещей находились металлические шкафы для ружей и большой сейф. Хотя документы на оружие у меня были в полном порядке, ружья по совету Гоши я вывез еще до того, как улетел в Москву. Полицейские придирчиво осмотрели пустые ящики и постучали по стенам. Тухватуллин понимающе взглянул на меня.

— Спрятали, значит, — хмыкнул он. — А сейф тоже пустой?

Сейф был не пустым. Там хранились остатки моих сбережений, часы и ювелирные украшения. Деньги они пересчитывали три раза: сначала это делали подчиненные майора, затем он сам, сбиваясь и произнося цифры вслух, и, наконец, проверяла мужеподобная сотрудница. Несмотря на то что поступала так она по собственной инициативе, Тухватуллин на сей раз ее не обрывал.

— Пятьдесят семь тысяч долларов, — объявил он понятым, складывая деньги в целлофановый пакет. Те поспешно закивали. С таким же успехом он мог бы назвать сумму и вдвое большую.

— Часов-то сколько! — поразился один из полицейских. — Это все ваши?

Я не ответил.

— Тащи все наверх! — распорядился Тухватуллин. — Там разбираться будем и в протокол заносить.

Мы вновь промаршировали в гостиную. Добычу из подвала полицейские положили отдельно от других предметов, расчистив на журнальном столе место. Опись продолжалась бесконечно долго. Заскорузлым казенным языком майор характеризовал каждую вещь, а один из его сотрудников старательно записывал, сгорбившись в кресле и положив на колени планшетку с листами.

— Запонки квадратные, примерно полтора сантиметра на полтора, из белого металла, — медленно диктовал Тухватуллин. — Что, опять ручка не пишет? На вот, возьми мою... С прозрачными камнями типа бриллиантов в виде россыпи...

Я рассеянно слушал, еле держась на ногах от усталости. Была половина третьего утра, обыск продолжался уже несколько часов. Голова у меня раскалывалась, на лбу то и дело проступала испарина. Сказывались долгий перелет и бессонная ночь. От обилия народа в комнате было невыносимо душно. Я нашел пульт и включил кондиционер, еще не отнятый у меня государством.

— Да вы сядьте, — вкрадчиво посоветовал Тухватуллин. — А то на вас прямо лица нет.

Мне не нравилась его интонация, он мне вообще не понравился, но я послушно опустился в кресло, чтобы ненароком не упасть.

— А что это у вас за сумка? — неожиданно спросил майор.

— Какая сумка? — невольно вздрогнул я.

— Да вот, которую вы держите.

— Просто сумка, — ответил я, выдерживая его жалящий взгляд и стараясь, чтобы мой голос звучал небрежно.

— А что в ней? — не отступал майор.

— Не помню, — отрывисто сказал я. — Вещи, наверное.

— Давайте посмотрим, — предложил он.

Внутри меня все оборвалось. Он взял у меня сумку, аккуратно поставил на стол и расстегнул молнию. Края сумки разошлись и показались тугие пачки стодолларовых купюр, которыми она была набита до отказа. Одна пачка выпала наружу.

Сразу стало очень тихо. По гостиной прокатился вздох. Потрясенные полицейские сгрудились вокруг стола. Те, кто остались сзади, поднимались на цыпочки и тянули шеи.

— Да тут миллиарды! — ахнул кто-то.

Тухватуллин резко обернулся ко мне, и по торжествующему блеску его глаз я вдруг понял, что это и была западня. Что он знал про деньги, знал с самого начала, он шел за ними и вот наконец он брал меня с поличным.

— Отойдите от стола! Это все считать надо! — переполошилась мужеподобная сотрудница.

— Каждую пачку!

И вновь потянулась мучительная процедура тройного пересчета.

— Один, два, три четыре, пять, шесть, семь, восемь, — бормотал Тухватуллин. — Сто сорок четыре тысячи.

Завороженные видом и шелестом новых купюр, полицейские не обращали на меня внимания. Я сидел в кресле и тер виски, чтобы унять головную боль. Я отлично представлял, что будет дальше. Сначала меня отвезут в налоговую полицию и задержат на двадцать четыре часа. Утром мне предъявят ордер на арест, и из клетки переведут в камеру, откуда я уже не выберусь до суда. Это значит, что я не выберусь раньше, чем через несколько лет, потому что вряд ли нас оправдают. Если честно, в эту минуту мне было почти все равно. Я смертельно устал. Единственное, чего мне хотелось, — это пить.

Наконец, я не выдержал, встал, прошел на кухню, открыл холодильник и жадно выпил полбутылки минеральной воды. Мне полегчало. Я выпил еще, ополоснул под краном горевшее лицо, и только тут до меня дошло, что я — один. Никому не было до меня дела, все возились с деньгами.

Я медленно и тихо подошел к двери, которая вела из кухни на задний двор. Никто меня не окликнул. Еще не до конца сознавая, что делаю, я осторожно открыл дверь и выскользнул наружу. Здесь никого не было: полицейские караулили у главного входа. Я быстро пересек

двор и приблизился к высокому кирпичному забору с фигурными чугунными прутьями наверху. Свет из окон сюда не доставал, но забор освещался прожекторами.

Подпрыгнув, я ухватился за прутья, подтянулся и вскарабкался на забор. Стараясь не зацепиться одеждой за острые наконечники, я перелез через ограду и спустился с другой стороны. Здесь шла узкая проезжая дорога. В это время ночи на ней не было ни души.

Пригибаясь в темноте, я добежал до просеки и по ней выскочил наверх, на шоссе, соединявшее Уральск с Нижне-Уральском. В три часа утра шоссе было пустынно.

Повинуясь какому-то инстинкту, я, не раздумывая, двинулся к Нижне-Уральску. Почему-то я был уверен, что полицейские, когда спохватятся, ринутся искать меня в Уральске, в противоположном направлении. Чтобы не замерзнуть, я почти бежал, держась обочины.

Знали они про деньги или им просто повезло? Если знали, то откуда? Кто меня сдал? Виктор, Плохиш, Немтышкин? Ведь адвокат мог просто притворяться пьяным. А может, это сделал Косумов? Или Гоша, или кто-то из моей охраны? Черт, я никому не мог доверять, никому!

Показались огни фар. Я остановился и поднял руку. Автомобиль чуть сбросил газ, обогнул меня по широкой дуге, словно я был источником повышенной опасности и растворился в темноте. Еще две машины пронесли мимо. Наконец, рядом затормозил «Камаз».

— Тебе куда? — крикнул мне из кабины молодой здоровенный водитель с кудрявыми соломенными волосами.

— До Нижне-Уральска подбросишь?

— А денег дашь?

— Сколько надо? — я не помнил, есть ли у меня что-то в кармане.

— Сколько не жалко!

— Поехали! — я залез в кабину.

— От жены, что ли сбежал? — покосился он на меня, когда мы тронулись.

— Почему от жены? — удивился я.

— Да я гляжу, ночью без пальто, без шапки, в одном пинджаке! И чешешь незнамо куда.

По его деревенскому озабоченному лицу было заметно, что он меня побаивается. Я подумал, что надо бы его успокоить.

— Наоборот, — принялся объяснять я, сочиняя на ходу. — Домой мчусь. У друга засиделся, а тут сосед звонит. Говорят, от жены только что какой-то мужик вышел. Я и выскочил, как ошпаренный, пальто забыл.

Мой рассказ звучал не очень правдоподобно, но с женской неверностью я попал в точку. Эта тема для дальнбойщиков — больная.

— Вот бабы — проститутки! — взорвался он привычным мужским припевом. — И чего им только не хватает? Ноги бы им оторвать за такие дела!

Он продолжал ругаться, а я откинулся на сиденье. В кабине пахло бензином и луком. Это был запах моей свободы. Громоздкая, неповоротливая машина уносила меня из засады.

Куда я бежал? Что собирался делать дальше? Я не имел ни малейшего представления.

В свое время в секцию бокса мне приходилось добираться после школьных занятий через весь город на автобусе. Тренер требовал, чтобы в транспорте я не терял попусту время, а, закрыв глаза, воображал бои и отрабатывал свои движения. Он называл это визуальной тренировкой.

Я прикрыл веки и поставил перед собой Тухватуллина. Тухватуллин держался самонадеянно и нетерпеливо прыгал на кривых ногах. Я пару раз выбросил вперед левую, достал его джебом, уклонился вправо и провел классическую двойку: правой — в голову, левой — по печени. Скрючившись, он сел.

«А за фотографию ты получишь отдельно!» — мысленно пообещал я ему, ничуть не смягченный.

Следующим шел Либерман. С этим прямые удары не проходили, и я избрал другую тактику: приближался с нырками и уклонами, врывался в ближний бой, пробивал подряд несколько крюков и апперкотов и тут же отскакивал. С Либерманом нельзя было застаиваться: слишком легко было нарваться на встречный удар. Он бил жестко, без подготовки.

Лихачева я оставил напоследок. Он был в их команде главным палачом-нокаутером. Это он натравил на меня майора. Он велел разграбить и опоганить мой дом. Он забрал мои деньги. Он выписал ордер на мой арест и объявил меня вне закона. С ним был особый разговор. Его я собирался казнить.

«Ну что, не поймал меня, товарищ генерал? — осведомился я, танцуя вокруг него по рингу и чувствительно прикармливая по корпусу. — Как же ты так оплошал? Вот он, я, гляди, живой и невредимый! Не ждал? Покажи, что ты умеешь! Лови! Еще лови! Нравится? А теперь — левый, боковой в голову! Получи, товарищ генерал! Русские не сдаются!»

— Ты только не горячись! — вернул меня к действительности голос водилы.

Я встрепенулся и открыл глаза. Мы по-прежнему ехали по ночной трассе. Он с опаской искоса наблюдал за мной, должно быть, уже некоторое время.

— Ты лучше поаккуратнее, — посоветовал он. — Без синяков.

— Я буду аккуратно, — заверил я. — Не волнуйся. Теперь я знал, что делать.

(Окончание следует.)